

НЕВА

5
2018

ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1955 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Евгений СТЕПАНОВ

Стихи • 3

Михаил КУРАЕВ

Отец и другие плюс электрификация.
Исторические свидетельства • 8

Юлия ПИКАЛОВА

Стихи • 119

Сергей КИРИЛЛОВ

Мама. Лети, малыш! Рябушка. *Рассказы* • 122

Андрей ГУЩИН

Стихи • 136

Елена ШУВАЕВА-ПЕТРОСЯН

Умру за тебя, Енок! *Рассказ* • 139

Вера КАЛМЫКОВА

Стихи • 143

ПУБЛИЦИСТИКА

Евгений БЕРКОВИЧ

Двуликий Волшебник.
*Ранние новеллы Томаса Манна
и вопросы литературного антисемитизма* • 146

КРИТИКА И ЭССЕИСТИКА

Ирина ЧАЙКОВСКАЯ

Судьба Биби.
*Варвара Николаевна Богданович-Житова
и Иван Сергеевич Тургенев* • 156

ИЗ АРХИВА

Елена ВОСКОБОВА

Шварцы и Войно-Ясенецкие:
Из переписки. 1944–1948 • 205

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КНИГОВИК

К 200-летию И. С. Тургенева. Альберт Измайлов.
«Это сплетение и расплетение аккордов...» **Искус-**
ство чтения. Владислав Бачинин. Атомный Иов.
Книжный остров. Публикация Елены Зиновьевой • 210

ПИЛИГРИМ

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

Палестинские обители и Россия
Часть 7 • 237

*Издание журнала осуществляется
при финансовой поддержке Министерства культуры
и Федерального агентства по печати и массовой коммуникации.*

*Перепечатка материалов без разрешения редакции «Невы»
запрещена. Электронную распечатку рукописей присылать
на почтовый адрес журнала
(191186, Санкт-Петербург, а/я 9).
Рукописи не возвращаются и не рецензируются.*

Главный редактор
Наталья ГРАНЦЕВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Александр Мелихов (зам. главного редактора). **Игорь Сухих** (шеф-редактор гуманитарных проектов). **Ольга Малышкина** (шеф-редактор молодежных проектов). **Елена Зиновьева** (редактор-библиограф). **Наталья Ламонт** (редактор-координатор).

Дизайн обложки **А. Панкевича**
Макет **С. Булачевой**
Корректор **Е. Рогозина**
Компьютерный набор **Л. Жуковой**
Верстка **Д. Зенченко**

Евгений СТЕПАНОВ

ВО МНЕ

Брассанс, уплывший брассом в небо,
И Леша Хвост, и сквот, и «Верпа»,
И верба-девочка в окне...
Живут — любимые — во мне.

В окне — и верба, и футурум.
Мои хотелки — на смех курам.
Не мной проложена тропа,
Но троп выделяет па.

Но троп не треп, а Божья милость,
Судьба сложилась как сложилась.
Жизнь — синема; идет сеанс.
И в небесах поет Брассанс.

И в небесах поет Хвостенко,
И жизнь права, и жизнь — нетленка,
И воскресает брат в огне.
И это все во мне, во мне.

ОКНО

Камни — тени — вода — город — радость и горе.
Время пятится вспять, точно палиндромон.
Сладко петь одному, но привычнее — в хоре.
Чем смелее офшор, тем страшнее урон.

Время пятится вспять, и чеканная поступь
Оглашает квартал, оглушая меня.
И естественных слов неказистая россыпь
Уте(и)кает, в нездешние дали маня.

Евгений Степанов — поэт, прозаик, издатель. Родился в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ. Кандидат филологических наук. Стихи печатались в журналах «Нева», «Звезда», «Дружба народов», «Наш современник», «Урал», «Арион», «Юность», «Волга», «Интерпоэзия», «Новый берег», «Дон», «День и ночь», «Крещатик» и во многих других изданиях. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии. Живет в Москве и поселке Быково (Московская область). Главный редактор журнала «Дети Ра». Лауреат премии имени А. Дельвига и журнала «Нева».

Греф сидит, точно гриф, на сбербанковской ветке.
Граф следит, как шериф, за работой трубы.
И бегут, и бегут в никуда малолетки.
И заходят в любимые клетки рабы.

КВАДРАТНАЯ ГОЛОВА

Толпа, в компах бушует рынок
Мозгов, бурлит ашан телес.
И книжных глянцевого новинки
Лоснится виртуальный лес.

Глаза прилипли к монитору.
В башку влезает ловкий бред.
И можно приравнять к террору
Кровавый липкий Интернет.

ДВА ЧЕЛОВЕКА

— На воле — жить — не по уставу,
Не зная никаких преград!
Я не устану, не устану
Переть куда глаза глядят.

— А я устал. И мне милее
Оседлый быт, спокойный дом...
И тихо-тихо по аллее
Шагаю в парке городском...

ДАЧА

Дача избегает городских заскоков.
Тихо — слышу сосен робкие шаги.
Над землей летает бабочка-Набоков,
Вырастают флоксы-Хлебников-Айги.

Тихо — слышу эхо праведного праха.
Тихо — в спячке лихо — оживает прах.
И сидит на ветке будущего птаха
И гипнотизирует будущего крах.

ВЧЕРА

А время хлещет хищной плетью
По толстым сытым мордасам.
И равен шаг десятилетью,
Столетью, вечности. Я сам

Плетусь куда-то бестолково.
А ведь еще вчера — вчера! —
Я был парнишка из Кусково,
Была веселая пора.

А что теперь в подлунном мире?
Здесь доллар правит, как наган.
И — тяжеленные, как гири,
Года прикручены к ногам.

ОДНАЖДЫ

И двадцать лет прошло, о, боже, двадцать лет...
Юрий Визбор

Провинция, рай-центр, Наташа... Столько счастья
Я больше ни в каких парижах не встречал.
Что было — то во мне. И вспоминаю всласть я
Районный городок — начало всех начал.

Районный городок... Как бережно и тонко
Воспитывал меня и поднимал на щит!
И времечко текло густое, как сгущенка,
Хотя была сгущенка в то время дефицит.

Районный городок... Вещдок любви и крова.
И тридцать лет прошло, я плачу, тридцать лет.
Не помню ничего застойного, плохого.
Хотя, возможно, было... Но я не помню, нет.

Я помню только свет неброского пейзажа,
Я помню только свет, который не исчез.
Провинция, рай-центр, прекрасная Наташа,
И — жизнь бежит вперед, судьбе наперерез.

ЕДИНОЕ ЦЕЛОЕ

Тебе

Не желаю монеты в кувшин засыпать,
Не желаю мамоне служить, пресмыкаться.
Но желаю — обнявшись! — с тобой засыпать,
Но желаю — обнявшись! — с тобой просыпаться.

Нету лишних стремлений, и драйва, и сил,
И моторчик бэушный работает плохо.
Не желаю жить долго, как Мафусаил,
Но желаю — с тобой. До последнего вдоха.

ВРЕМЯ

Что казалось шуткой...

П. Коган

Я смотрю в поднебесье с опаскою
И фортуны не хожу свою.
Избалованный женскою ласкою,
Я поклоны смиренные бью.

Что казалось удачей — мучение,
Что казалось бедой — не беда.
Я запомнил одно изречение:
Ничего не понять никогда.

ДОМ В НОЯБРЕ

Ночь — крадучись — тихую сапой
Приходит в мой бойлерный мозг.
Кот голову прячет под лапой —
Грядет, точно Ленин, мороз.

Я видел параша, пороши,
Но пошлость прошла стороной.
В ботинках на тонкой подошве
Я в сад выбегаю ночной.

И вижу большие деревья,
И ветры смурные гудят.
И, горестно заиндевав, я
Бегу, как цыпленок, назад.

ДЕСЯТЬ СТРОК

Жизнь — это храм и кап(н)каны борделя,
Страстная кровь и Страстная неделя.

Жизнь — на плече у меня малолетка,
Жизнь — это смерть, вожденно и метко

Бьющая в цель, это снова здорово,
Жизнь — это сосны в поселке Быково.

Жизнь — это жизнь и строка Мандельштама,
Жизнь — это Настя, Наташа и мама.

Жизнь — это жизнь, схватка духа и тела,
Жизнь — это Федоров, общее дело.

ЖАЖДА

А жажда жить — неотменима.
Я сам себе шепчу: живи!

Красив, как Бирман (Серафима),
Я жажду ясности любви.

И верю: чувства непродажны.
И не служу, как раб, рублю.

Я жажду жить. И этой жажды
Я никогда не утолю.

Михаил КУРАЕВ

ОТЕЦ И ДРУГИЕ ПЛЮС ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ

Исторические свидетельства¹

...Народы прощают многое — варварство Петра и разврат Екатерины, прощают насилия и злодейства, если они только чувствуют силу и бодрость мысли. Но непонимание, но бледную шаткость, но неумение воспользоваться обстоятельствами, схватить их в свои руки, имея неограниченную власть, ни народ, ни история никогда не прощают, какое там доброе сердце ни имей.

1857 г., «Полярная звезда», № 3.
А. И. Герцен. Т. VII. С. 71

...И кто знает? может быть, некогда история сделается художественным произведением и сменит роман так, как роман сменил эпопею.

В. Г. Белинский. *О русской повести и повестях г. Гоголя*. 1835 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ. ЗАЧЕМ ВСПОМИНАТЬ?

Уж и не вспомнить, как давно, ясно сознавая тяжесть ноши, не решился к ней подойти. А теперь оглядываешься и видишь: тех, кто готов был бы взяться, поднять, донести, почти и не осталось. Да и на твоих часах маятник вот-вот начнет затухающее движение. Времени не осталось откладывать эту работу

10 сентября 2017 года, на следующий день после дня рождения Льва Николаевича Толстого, я оказался в числе писателей, участников Международных Яснополянских писательских встреч, приглашенных на дискуссию в Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого. В столетнюю годовщину двух, как принято считать, русских революций участникам дискуссии была предоставлена возможность сказать о своем понимании событий столетней давности и, естественно, дать оценку последствиям этих событий. При условии необъятности темы, ограни-

Михаил Николаевич Кураев родился в 1939 году. Окончил театроведческий факультет ЛГТИ им. А. Островского. С 1961-го по 1988 год работал в сценарном отделе киностудии «Ленфильм». Автор 20 книг прозы. Произведения переведены на 12 языков. Лауреат Государственной премии Российской Федерации 1998 года. Живет в Санкт-Петербурге.

¹ Из книги «Отец и другие».

ченности времени и большого числа участников предстоящего разговора нужно было в отведенное краткое время сказать что-то самое главное, с моей точки зрения.

Хорошая вещь — стихи, случается и в несколько строк умещается больше, чем в долгие рассуждения:

Мир яблоком зеленым на оконце
Казался нам, позолотив бока,
Где Родина — там красный свет от солнца,
А остальное — зелено пока!

Это стихи поэта Павла Когана, в них его символ веры, защищая и свои убеждения, и краснозвездную Москву. Погиб в сентябре 1942 года на сопке Сахарная Голова под Новороссийском. При жизни не публиковался.

Есть в наших днях такая точность,
Что мальчики иных веков,
Наверно, будут плакать ночью
О времени большевиков
И будут жаловаться милым,
Что не родились в те года...

Это стихи Михаила Кульчицкого, сказал я притихшему многолюдному залу, в них и его символ веры, и он тоже отдал жизнь за свои убеждения. Командир минометного взвода младший лейтенант Кульчицкий погиб под Сталинградом в январе 1943 года.

Похоже, что завтрашние педагоги слышали имена Когана и Кульчицкого едва ли не впервые. А ведь это были молодые поэты, родившиеся уже после революции, как искренние и подлинные художники, они слышали главное в своем времени и были голосом своего времени.

«Петровские» времена, «екатерининские» времена, «николаевские», «сталинские», «хрущевские», «брежневские» — пусть о них судят историки, это их хлеб. Мне же остается лишь попытаться в меру сил восстановить неоспоримую жизненную реальность произошедшего, сказать — так было — и не обременять читающего выводами.

Мы — это наша память.

Во все времена были люди и дела, достойные благодарной памяти. Жить, не помня своего родства, как минимум, свинство. Мы не вольны выбирать время, но вольно или невольно, оглядываясь на времена минувшие, мы видим там родные души, выбираем. Одному по сердцу адмирал Ушаков, другому его однофамилец и современник, глава Тайной канцелярии, упраздненной незадачливым Петром Третьим и восстановленной дальновидной вдовой Петра Третьего, Великой Екатериной...

Порицать, осуждать, прославлять, воспевать или качаться на качелях: «С одной стороны... С другой стороны...» — дело, может быть, и не скучное, если располагать избытком времени...

Я не стал, следуя рекомендации организаторов дискуссии в Педагогическом университете, говорить о своем «понимании» событий Февраля и давать «оценку» Октябрю 1917-го. Решил использовать отведенные пятнадцать-двадцать минут для того, чтобы сказать о людях, живших с 1917-го по 1991 год при советском строе, о людях, давших мне жизнь, сохранивших мне жизнь и страну и позволивших стать тем, кем даже не мечтал стать.

Сегодня, сказал я, вы, наверное, уже привыкли свысока оглядываться на дубоватых «совков», может быть, такое высокомерие повышает ваше самочувствие. И «комму-

няками» вас пугают. Вот ужо придут «коммуняки», и ни «Сникерса» не съедите, ни рэп не почете, ни «Дом-2» не посмотрите, и всех под конвоем поведут на каторгу. Не бойтесь, говорю, тех, кем вас пугают, их больше нет, некому возвращаться. Советские люди, советский народ — это уникальное историческое образование, это три, может быть, всего лишь два с половиной поколения людей, каких никогда в истории не было и, можете быть спокойны, больше никогда не будет. Те, что именуются сегодня коммунистами, совсем не похожи ни на моего отца, ни на его коллег, ни на коммунистов советской поры. Разумеется, все меняется и должно меняться, не стану судить, кто лучше, кто хуже. «Нас стараются превратить в пугало», — сказал я незаготовленные слова, прежде чем замолчать. — Не надо нас бояться. Мне кажется, если вы узнаете, какими мы были, может быть, даже будете гордиться родством. Может быть, вы нас и полюбите». Вот этого я и сам от себя не ожидал. Потом понял, вырвалось не случайно, те, о ком я рассказывал, достойны любви.

«С некоторых пор развилась у нас страсть, беспримерная и в наших собственных летописях, и в летописях целого мира, — страсть бранить, порицать и отрицать в себе все, предавать в себе все поруганию и осмеянию, все в себе терзать и уничтожать... В нашей литературе страсть эта доходила до последних пределов безобразия: и повести, и разные философские трактаты, и всякого рода критические статьи имели своею главною целью изображать гнусные свойства русского человека на всех общественных средах и русского быта во всех его видах. ...Ничего не осталось нетронутым: и старина наша отвратительна, и новизна наша возмутительна, и простой народ наш безнадежен, и наши образованные классы исполнены всякой мерзости... все подлежит беспощадному бичеванию...» Это слова Михаила Каткова, издателя газеты «Московские ведомости», сказанные им в 1863 году. У Каткова репутация консерватора, но вовсе не надо числиться непременно в прогрессистах, чтобы любить свою страну и остро чувствовать все попытки ее унижения.

«Оскорбление народного чувства во всем, что для него есть святого, есть страшное насилие и бесчеловечность». Это уже Федор Михайлович Достоевский.

Разве сегодня большинство соотечественников не думает, не чувствует так же?

Но вернемся в Тулу 2017 года, в Педагогический университет.

Все отведенное мне время я говорил о тех, кого я знал, кто вводил меня в жизнь и был рядом. Разумеется, как и во все времена, были и в наше время шкурники, спекулянты, убийцы, но их так и называли — спекулянтами и убийцами, а не риелторами и киллерами.

Рассказал, как эти люди работали, как относились к бараклу, как в условиях войны, неся страшные потери, сумели не только достичь довоенного уровня в выработке электроэнергии, но и превзойти его.

Чтобы молодые люди сегодня представили себе, что такое для нас июнь сорок первого, напомнил: три столицы союзных республик, Минск, Вильнюс и Рига, были захвачены немцами в первые 12 дней войны.

Напомнил и о том, как в первые же полтора года войны на 80 % была разрушена и захвачена немцами наша химическая промышленность, базировавшаяся у нас, главным образом, на юге. Химия — это взрывчатка, порох, без них не навоюешь. Но уже к концу 1942 года расширенные старые предприятия, эвакуированные и вновь построенные на Урале и в Средней Азии, вывели химическую продукцию СССР на довоенный уровень. И это в 1942 году, когда мы отступали, а немцы вышли к Волге!

«История не знала таких примеров, — напомнил я, — боюсь, вам сегодня об этом не рассказывают».

Я им успел сказать, как после двухнедельных непрерывных бомбежек, проведенных немцами в преддверии битвы на Курской дуге, восстанавливались из руин шинное производство в Ярославле и автомобильное и танковое производство в Горьком (Нижний Новгород). С цифрами и датами. О том, как в Горьком пускали главный конвейер под брезентовой «крышей». О том, как сталинградский завод «Красный Октябрь», на территории которого в январе 1943 года шли бои, в июле 1943 года дал первую мартеновскую плавку, а в августе первый прокат! О том, что Сталинградский тракторный, так же бывший полем боя, летом 1944-го выпустил трактор новой модели!

Успел немножко сказать и о «коммуняках», о начальнике Братскгэсстроя Наймушине Иване Ивановиче, коллеге и друге моего отца. Сказал и моем старшем друге, Галлае Марке Лазаревиче, летчике-испытателе, Герое Советского Союза, наставнике первого, «гагаринского», отряда космонавтов. Сказал и об отце, отдавшем свою жизнь отечественной энергетике... Сказал коротенько и о том, как они относились к вещам, почестям и комфорту.

После того как наша «дискуссия» в ТПГУ им. Л. Н. Толстого закончилась, ко мне подходили преподаватели: «Почему вы оборвали свое выступление? Как-то раз, и вдруг закончили...» — «Мне показалось, что я говорю слишком долго». — «Ну что вы! Вы же видели, как вас слушали...»

На следующий день приехавшие в Ясную Поляну преподаватели, организаторы дискуссии, рассказали, как долго и бурно обсуждалось студентами рассказанное мной уже после нашей встречи в университете.

«Они же ничего этого не знают!»

«Почему?» — спросил я.

Может быть, это Тульский педагогический университет такой особенный, думаю, что нет. В 2012 году я ехал на машине из города нефтяников Муравленко на Ямале в город нефтяников в Западной Сибири — Тюмень. Остановился в Тобольске. Естественно, могилы декабристов, Кремль, тень Менделеева, тень царской семьи...

В Кремле над обрывом, откуда виден Тобольск, распластавшийся вдоль берега Иртыша, рядом оказался молодой человек лет девятнадцати-двадцати с девушкой. Юноша «производил впечатление» своими познаниями не только на девушку, но и на всех, готовых слышать несколько афишированный голос. И я услышал: «В семнадцатом году двенадцать хулиганов захватили в Тобольске власть и учредили Советы...» — «Именно двенадцать?» — переспросил я, поскольку стоял рядом, а юноша говорил просветительно громко. «Да, двенадцать, это исторический факт!» — «А не нашлось тринадцати нехулиганов, чтобы им помешать?» — спросил я. «Так это же большевики!» Действительно, тут и пятнадцать бы не справились. Сегодня это тип повсеместный: читал немного, слышал неясно, но в новой вере тверд! «Учитесь, работаете?» — спросил я. «Учусь». — «И где же?» — ожидал услышать ПТУ или техникум. «В Педагогическом институте». «И на каком факультете?» — «На историческом». Хотел спросить, читал ли он «Двенадцать» Блока, да времени на разговоры не было. «Сочувствую вашим ученикам», — только и сказал и пошел своей дорогой.

Вот такая, как говорится, история с элементом географии.

Представляю, как удивится будущий преподаватель истории, если вдруг заглянет в «Философию истории» Гегеля и прочитает: «Всемирная история не есть... поле, где господствует случайность».

Бог с ним, с Гегелем, тобольскому интеллектуалу, может быть, ближе Черчилль? Но и он не поощрял невежество. «Если мы будем пытаться поспорить прошлое и настоящее, мы потеряем будущее». У. Черчилль.

И вот уже 2017 год, читаю в газете: педагог на уроке истории сообщает, что «еще три тысячи лет назад на территории нынешней России существовало развитое государство. Называлось оно „СвЕтая Русь“, потому что жители ее были христианами и несли свет христианства другим народам. Жили они нравственно и молились своим богам». Как говорится: мели, Емеля! За тысячу лет до рождения Христа на Руси было христианство. То, что христиане — монотеисты и множеству богов не молятся, до таких глубин познания нынче можно и не донырнуть. Не в одном ли вузе вместе с моим тобольским «историком» их учили?

А вот ответы, звучащие на экзаменах по истории в 2013 году:

«Помещики устраивали облавы на крестьян, потом к ним присоединились большевистские комиссары».

Мне посчастливилось знать Григория Михайловича Козинцева и работать в одно время с ним на «Ленфильме». Вдова издала книгу, составленную из рабочих тетрадей режиссера, назвала ее «Время и совесть», взяв в заглавие слова, чаще всего встречающиеся в тексте. На обложке под фотографией погруженного в раздумья автора его автограф: «Совесть — главная тема века». Так считал основоположник и корифей советского кино². Помню и его слова, оброненные как-то на худсовете его высоким, почти петушиным голосом: «У искусства только одна цель — не дать человеку оскотиниться».

Может быть, и у истории не должно быть другой цели?

А если спросить, какая главная тема нынешнего, наступившего века?

И есть ли цель у нынешнего искусства, с прицелом на человечество?

Почему сегодня так много «эстетического баловства», «эстетического бахвальства», «обывательской пустяковины», приправленной бесстыдными «откровенностями»?

Или только те и умели говорить Векам, Созвездиям и Мирозданию?

На наших глазах историческое знание подменяется «политграммотой». Сегодня из словаря выпало это словечко, именовавшее первую ступень приобщения людей, изначально безграмотных, как говорилось, «людей от сохи и от станка», к ориентации в политическом пространстве. Явившееся сегодня сонмище учебников по истории вполне убедительно свидетельствует о том, как серьезные люди стараются повернуть, а то и вывернуть мозги доверчивым людям, преследуя вполне определенные политические цели. В сущности, так оно всегда и было. В отличие от всех остальных учебников именно учебник истории целенаправленно сужает кругозор.

У меня нет намерения вступать в спор с «изготовителями истории на заказ».

Убедить или переубедить можно только того, кто ищет истину, а вовсе не того, кто преследует определенные цели и готов их достичь любой ценой.

В этой связи мне вспомнились телевизионные дебаты двух претендентов на пост мэра в далеком уже 1991 году. Профессор юридических наук Анатолий Собчак, претендовавший на пост мэра, дискутировал со вторым претендентом, начальником строительства Комплекса сооружений защиты Ленинграда от наводнений, с доктором технических наук Юрием Севенардом. Главным пунктом привлечения горожан на свою сторону в программе Собчака было «спасение города и горожан» от *дамбы*, как для удобства запугивания доверчивых людей именовался комплекс защитных сооружений.

² Это были люди удивительно цельные. Свой «творческий путь» Козинцев начал, расписывая чуть ли не малярной кистью вагоны агитпоездов Красной армии. Вот и фильм «Гамлет», признанный лучшей в мире экранизацией шекспировской трагедии, он называл: «Агитка за человечность!»

Вот и в телевизионной дискуссии юрист решил публично «положить на лопатки» инженера, за плечами которого не одна серьезная гидротехническая стройка.

Когда далекий от гидротехники политик предъявил все «страшилки» и предсказал гибель города, помню удивление на лице Севенарда, его неподдельное недоумение.

«Анатолий Александрович, — напомнил начальник строительства, — я возил вас на стройку, показывал сооружение, рассказал о принципах его работы, познакомил с экологическими обоснованиями... Вы же все понимали, соглашались, не спорили, и вдруг сейчас...»

«Я всегда считал и считаю по сей день эту стройку ненужной, дорогой и крайне опасной для города», — с безапелляционностью всезнающего человека объявил профессор гражданского права.

В личном общении, в поездке по стройке, все понимал, и вдруг... Увы, все очевидно. Если «поняв» оппонента, можно проиграть выборы, то нужно «не понимать», и баста!

Если бы было выгодно считать, что шестью шесть — тридцать семь, наверняка нашлось бы немало сторонников такой арифметики.

«Будет дамба — городу амба!» Обыватель не станет разбираться в технических тонкостях, а вот если напугать как следует, победа обеспечена. И Анатолий Собчак на тех выборах победил, правда, в последний раз. Ни на выборах на второй срок, ни на выборах в Госдуму граждане почему-то доверия самоотверженному защитнику от «дамбы» не оказали.

Наглядный пример того, как невозможно даже самому квалифицированному специалисту убедительно разъяснить взрослому неглупому человеку вполне очевидные вещи, если человек не хочет понять, если понимание ему в убыток.

Подобные диспуты сплошь и рядом случаются в политике, и потому касаться этой сферы не хочется.

Надо прожить и десять лет, и двадцать, и пятьдесят, чтобы понять простую истину: жизнь человеческого общества не сводится ни к политике, ни к борьбе за власть. История наша — это не только житие царей, полководцев, политиков, не только заботы об укреплении или изменении государственного строя. Во все времена и при любом строе люди пахали землю, любили, растили детей, строили, добывали руду и плавил металл, открывали законы природы, учили, лечили... Как соотносится эта так называемая повседневность, это движение жизни с войнами, революциями, дворцовыми переворотами, со всем тем, что занимает в учебниках истории почетное место?

Труд людей талантливых, самоотверженных, труд созидательный, созидающий самую жизнь, оказывается в историографии чем-то второстепенным, в то время как именно повседневной работой великого множества людей, людей тысячи профессий как раз и возделывают поле жизни, где резвятся политики, блистают полководцы, властвуют цари и генеральные секретари...

В конечном счете человеческая история — это история труда.

Мне посчастливилось расти в семье инженера, посвятившего свою жизнь отечественной энергетике. Ему и его коллегам выпало жить и работать в советское время. Какими они были? Попытаюсь в меру отпущенных сил рассказать. И, наверное, помнить их надо не только потому, что отечественная энергетика и через тридцать лет после крушения страны, в которой они жили, остается фундаментом, основой жизнеспособности нынешней России, но и потому, что они были во многом не похожи на тех, кто служил русской энергетике до них, и уж совсем не похожи на тех, кто прихватил их наследство.

О том, как быстро меняется жизнь, уходит, унося с собой имена и дела, достойные памяти, узнаешь вдруг, почти случайно.

Недавно в разговоре с капитаном первого ранга, спасателем с Северного флота, назвал имя Галлая. Для офицера, уже вышедшего в запас по возрасту, ровесника моего сына, это имя ничего не сказало. Напрягся, попытался вспомнить: «Что-то такое знакомое...», но так и не вспомнил. На экскурсии в гончарной мастерской, где на наших глазах рождались кувшины, горшки и вазы, я вспомнил стихи Ильи Эренбурга: «Я долго жил, я ничего не понял, и в изумлении гляжу один, как, повинувшись старческой ладони, из темноты рождается кувшин». Я спросил даму-экскурсовода лет сорока пяти: «Помните Эренбурга?» — «Оренбург?» — переспросила интеллигентная женщина с хорошей русской речью и обширными историческими сведениями о гончарном производстве. «Оренбург — город, а это писатель, поэт, публицист, борец за мир, один их корифеев советской литературы. Автор интереснейших воспоминаний — „Годы. Люди. Жизнь“. Не слышали?» — «Честно признаюсь, — сказала обаятельная и правдивая дама, — не слышала».

Неужели я как-то незаметно уже пережил свое время и оказался в чужом?

Наверное, старость для того и дана, чтобы в тебе самом соединился век нынешний и век минувший, чтобы прожитая жизнь отозвалась эхом на необозримых исторических плоскогорьях, авось кто и услышит.

...КОЛЛЕГИ

Начиная рассказ об отце, его коллегах, людях ушедших поколений, не предполагал, что найду помощь в трудах религиозного философа и богослова Сергея Булгакова. Его статью о «Народном хозяйстве...» открывает интереснейшая мысль: «Политическая экономия в настоящее время принадлежит к наукам, не помнящим своего духовного родства». Как-то не в традициях экономических учений Маркса и Энгельса рассматривать *духовную составляющую* при рассмотрении взаимоотношений политики и экономики, труда и капитала. Человек в современной политэкономии предстал в дробном виде, как некая абстракция, которая не спит, не пьет, не обуреваема эгоистическими и альтруистическими чувствами, он только стремится к наибольшей выгоде с наименьшими издержками; это условная единица в механизме и производства, и распределения. У этой условной единицы, так называемого *экономического человека*, нет ни чувства ответственности, ни творческой воли, не говоря о совести, ни тем более веры в возможность создания Царства всеобщего братства и справедливости на земле. Деление общества на классы, общность людей, стоящих в одинаковом положении по отношению к производственным отношениям и производительным силам и объединенных на этой почве общими интересами, снова теряет личность, человека.

Чем больше отдалается от нас минувшая эпоха, тем больше схематизируется ее рисунок.

Живые люди не вмещаются в эти схемы, и вот достижения социализма, а их приходится так или иначе признавать, объясняются политическим насилием и беспримерной эксплуатацией...

Но это — журналистика, не имеющая никакого отношения к попытке понять исторический процесс. Журналистика служит дню сегодняшнему и, как уж повелось, по преимуществу обслуживает победителей.

Однако духовная составляющая в экономике была предметом исследований в течение едва ли не четырех столетий, естественно, главным образом, в европейском миропонимании.

Именно смена экономических укладов, переход, в первую очередь от средневековья, от феодализма к капитализму, сделала актуальной новое осмысление труда. Труд из библейской кары за первородный грех, из проклятия: «в поте лица своего будете добывать хлеб свой» — обретает новый смысл. Замечательно, что уже в средневековом монастыре рождается формула «Laborare est orare» (трудиться — значит молиться). Именно так, а не наоборот. И вот уже пуританский проповедник Бекстер провозглашает: «Не в целях удовольствия или греха, но для Бога должны вы работать, чтобы разбогатеть». И уже никто не вспоминает о том, что богачу так же трудно будет войти в Царствие Небесное, как верблюду пройти сквозь игольное ушко. Отныне бедность приравнивается к болезни. «God blesseth the trade», и вот Бог уже благословляет торговлю! И награда праведника ждет на земле. Эти новшества необходимы для удовлетворения фарисейски спокойной совести человека, живущего ради наживы. А следующим шагом потребовалась эмансипация государства и производственно-предпринимательской деятельности от консервативной Церкви. И протестантское обмирщение христианства как раз и стало решительным шагом на пути этого освобождения. Теперь работа не только на предприятии, в отправлении должности, но и дома, у себя во дворе рассматривается... как духовное занятие! Сегодня пуританский аскетизм признан экономической и политической добродетелью, а дайте время, и аскеза «военного коммунизма» и партмаксимум будут точно так же признаны экономической и политической добродетелью, но уже атеистами. Противоположности сходятся!

Лютер провозгласил достоинство всякого профессионального труда, вернул свободу и ответственность трудящихся. Труд больше не проклятие. Это — призвание (calling), это служение...

Не это ли понимание труда стало основой европейской производственной культуры, ее духовными корнями...

Одухотворение труда — тема настолько же важная, как и сложная в своем историческом движении. Затронута она здесь лишь для того, чтобы сказать, что смысл лозунга «В СССР труд — дело славы, доблести и геройства» не исчерпывается его пропагандистским значением. И строительство социализма, призванного разрешить социальные противоречия и преодолеть социальное зло, неправды, несправедливости, строительство «государства трудящихся», серп и молот на красном флаге, это этап в движении к одухотворению труда. Разумеется, речь идет о труде свободном³.

Возможность построения «государства трудящихся» подвергалась всяческому опровержению, от насмешек до серьезнейших социально-исторических и психологических обоснований. Вот одно из них, высказанное в лекции «О социализме» основательным философом и социологом Николаем Бердяевым: «Положение рабочего класса в капиталистическом обществе бедственное и заслуживающее сочувствия и помощи. Но в душевном типе этого класса нет особенно высоких черт. Он принижен нуждой, он отравлен завистью, злобой и местью, он лишен творческой избыточности. Может ли из этих душевных стихий родиться высший человеческий тип и высший тип общественной жизни? Тип „пролетария“ есть скорее низший человеческий тип, лишенный благородных черт, черт свободных духом».

Как сказано у Пушкина: «Движенья нет, сказал мудрец бродатый, другой смолчал и стал пред ним ходить, сильнее и не мог он возразить, все славили ответ замысловатый...»

³ Быть может, не случайно в «Одном дне Ивана Денисовича» герой, жертва беззакония, заключенный, именно в работе ощущает возвращение себе человеческого достоинства. Вот и Андрей Синявский в своих записках о годах, проведенных в лагере, «Голос из хора» пишет о почти счастлимом чувстве, испытанном после строительства своими руками всего-то табуретки!

Здесь в качестве аргумента, опровергающего приговор Бердяева, можно предъ- явить стенограммы хотя бы XIV и XV съездов ВКП(б). Обычно эти съезды класси- фицированы как съезд «коллективизации» один и съезд «индустриализации» другой. Но не политическая полемика — борьба составляет содержание этих объемистых то- мов. Они убедительно свидетельствуют как раз ту самую социальную творческую из- быточность, в которой отказывает рабочему классу уважаемый философ. На съезде ре- шается множество самых насущных вопросов строительства нового государства. Это и есть творчество народа в организации на новых принципах народного хозяйства в заботе о развитии производительных сил. Но разве об этом помнится? Разумеется, и тогда, в середине 20-х годов, борьба за власть была темой чрезвычайно важной, но должна ли она в нашей истории заслонить, заставить забыть рождение, осуществле- ние совершенно новой во всемирной истории модели государства, отменившего част- ную собственность со всеми вытекающими из этого последствиями.

В заключение этого экскурса на тему одухотворения труда приведу слова филосо- фа и богослова, отвечающего на скептицизм Бердяева, на мой взгляд, в высшей степе- ни убедительно: «Народное хозяйство есть результат индивидуальной деятельности личностей, а развитие производительных сил есть *творчество народа* в хозяйственном отношении, до известной степени есть *тоже феномен его духовной жизни*» (С. Н. Бул- гаков. Два града. СПб.: изд. Олега Абышко, 2008, с. 176).

Как же и отец, и его коллеги, были не похожи на героев «производственных» ро- манов и повестей из жизни строителей, прочитанных мной в немалом количестве в по- ру работы в сценарном отделе «Ленфильма». Так и не довелось встретить в нашей ли- тературе героев, похожих на начальника строительства Наймушина, главного инженера Васильева, начальников участков: Морского канала — Матвея Тэста, Среднего канала — Анатолия Порфирьевича Савченко, Головного узла — Романа Радецкого, Станционного узла — Сафрона Владимировича... Ни на кого не похож и начальник Техотдела Александр Романович Земляков, прямой потомок самой Марфы Посадницы, инициатор зимне- го бетонирования с электроподогревом! А начальник механических мастерских Ники- тин, педаант из мужиков, сапер. На войне, надо думать, ни разу не ошибся... А токарь Вася Басков, по общественной линии опекавший нас в пионерском лагере, организо- ванном на едва разминированном Карельском перешейке под Сортавалой? Он играл на гармошке и пел от сердца: «Не был я в Чернигове, не был я в Житомире и в Москве ни разу не бывал, Жил в деревне Каменка, водил комбайны по полю, на Карельском фронте воевал...» Песню про «справа кудри токаря, слева — кузнеца» в сорок седь- мом году еще не сочинили, появится позднее... У Баскова, фамилия с ударением на «о», волосы были густые, не кудрявые, но натурально волнистые. И говорил он бар- хатистым баском, выдававшим человека сильного и доброго. Перед тем как отпра- виться с нами в пионерский лагерь в местечко Кокаселько на Карельский перешеек, еще с минами и отравленными колодцами на маленьких станциях, он шел в столяр- ку, чтобы заказать настоящие городки: «Эка штука — рюха! Порадуйте ребят», — и от- каза ему не было. А через пятнадцать лет его выберут председателем Кандалакшского горисполкома. Отличный выбор!

Отца после ввода «Нивы-1» назначили управляющим трестом «Свирьстрой». Мы покинули Заполярье, когда мне было тринадцать лет. Я не стал инженером, как наде- ялся мой отец, я не имею никакого отношения ни к гидротехнике, как мой старший брат, ни к энергетике, почему же я помню эти имена: Радецкий, Замятин, Жельский, Зенцов, Черняев, Ломоносов, Дисфантейнис, Скородумов, Покромкин, Кулаков, пом- ню «профсоюзницу» Галину Шестиперову и парторга от ЦК ВКП(б) Кузьмина и его

жену, наших соседей по лестничной площадке. Помню крановщика Попова, заживо сварившегося при аварии упавшего от ветра железнодорожного парового крана, помню его синее лицо и синюю кисть руки, торчащую из промасленного ватника... Вижу полыхающий копер 5-й шахты на Среднем канале, пожар был виден от нашего дома, тогда сгорел отец Алика Сорокина... Помню директора хлебозавода Кучука, разбившегося на мотоцикле... Эльзенгера, убитого сыном случайным выстрелом из «мелкашки» во время стрельбы по консервной банке после охоты на привале у подножья Железной горы, самой высокой в гряде, идущей вдоль Нивы по ее левому берегу почти до Имандры. ...

Мне-то зачем их всех помнить?

Ответа нет. Но найти его надо.

Отец к моим гуманитарным театрално-кинематографическим делам относился терпимо, в глубине души, конечно, сожалея, что инженерный путь оказался мне не по плечу. К работе в кино был снисходителен, а о моих литературных занятиях, оказавшихся продуктивными, узнать уже не успел. Стало быть, придумывать объяснение вроде того, дескать, отец, умирая, завещал мне... Ничего он мне не завещал, вовсе не собираясь умирать. За семь часов до его смерти, когда я уходил днем из больницы, чтобы вечером прийти на ночь, он вспомнил присловье английских моряков, с которыми был знаком по военному Мурманску: «Бодрей, капитан, худшее впереди!» Это были его последние слова, которые я слышал. «Худшее» и для него, и для меня оказалось рядом, всего в семи часах.

С «завещанием» никак не получается, хотя для «производственного» романа было бы куда как хорошо. Но я не пишу роман.

Дело, надо думать, в другом.

Конечно, отец любил паровозы как явление техническое, эстетическое и даже «одухотворенное», дышащее, о чем свидетельствовали источаемые ими жизненные пары, в отличие от упакованных в холодное непроницаемое железо тепловозов, электровозов и мотовозов. Машинисты паровозов любили поугагать девчат эрлистингом. Когда из-под кабины вырывался паровой фонтан, пущенный для очистки водогрейных труб от накипи, паровоз напоминал отдувающегося кита.

Конечно, отец отдавал должное выручавшим его «дождам $\frac{3}{4}$ », «студебеккерам», «катерпиллерам», нашим «уральцам». И «Шуховская башня» была для него запечатленным в металле «Болеро» Равеля. Но если бы каждое имя из припомненных мной, а за ними единственный и неповторимый человек, не были для отца так важны в его жизни, разве бы я, мальчишка, смог хотя бы немногих из них запомнить.

Точно так же я знаю, хотя мне это «знание» никогда в жизни не понадобится, что рабочие колеса на турбинах бывают трех видов — Френсиса, Каплана и Пелтона. После успешной борьбы с космополитизмом их стали целомудренно именовать радиально-осевыми, поворотными и ударно-ковшевыми... Для отца эти новшества казались необъяснимо нелепыми, словно известные стихи или музыка по чьей-то прихоти вдруг утратили имена авторов.

«Разве радиально-осевые и ударно-ковшевые — плод народного творчества?»

Во мне все эти серийные изделия и в единственном экземпляре созданные природой люди запечатлелись лишь отражением.

Рабочие колеса отец монтировал, мучился с установкой подпятников, испытывал масляные регуляторы, ртутные выпрямители, а с людьми дружил, работал, пил водку...

В средневековых поверьях за зеркалами предполагали способность сохранять свет. У странствующих монахов были «зеркальные ловушки». Они подносили их к особо

почитаемому объекту, мощам или исцеляющей иконе, захлопывали крышечку и несли снаряженное благодатью зеркальце в свою обитель или куда Господь поведет. Придя в нужное место, монах крышечку поднимал и облучал сбереженным таким образом благодатным светом паству или местность. Может быть, я как раз и облучен светом отцовской души, вобравшей в себя человеческое многолюдство; души, сообщавшей смысл бездушной материи?

Мое «зеркальце», увы, способно сохранить лишь тени тех, кто был рядом с отцом, кто был с ним одной веры. Кто-то из них запечатлен в справочниках и энциклопедиях, на скрижалях творцов советской энергетики, на мемориальных досках, но едва ли не большинство имен обречено кануть в небытие.

Без преувеличения могу сказать, что отца в коллективах, где он работал, по-настоящему любили. Любили за открытость, за прямоту в общении, за отсутствие «начальственности», за способность понять, войти, как говорится, в положение другого человека.

Помню, как он, уже директор проектного института, с работы приехал чуть не в десять вечера, что бывало в 70-е годы только в дни партийных и профсоюзных собраний. На огорчения жены ответил: «Писал письмо изобретателю „вечного двигателя“. Оказывается, каким-то образом, пройдя множество инстанций и организаций, к нему на стол легло «изобретение», обещавшее, ни много ни мало, увеличение мощности всех гидроэлектростанций ровно в десять раз! Отец полистал сначала кипу отписок из различных институтов, в том числе и Академии наук, и проектных организаций, все до единого отрицательные, краткие и явно неубедительные для «изобретателя», если он продолжал и писать, и настаивать на внедрении своего предложения уже в течение нескольких лет. Отец мог так же, как и его предшественники, отмахнуться, дел и серьезных хватает... Но он понимал, что надо найти ошибку в расчетах «изобретателя», а она, безусловно, где-то есть, и объяснить человеку, успокоить, чтобы не терзал свою душу обидой непонятого гения. Пришлось по окончании рабочего дня взяться за внимательное изучение многостраничного труда. Разумеется, ошибка оказалась, как помню, в совмещении двух физических понятий — вес и масса. И отец написал неизвестному человеку: «Ваше предложение, если бы вы оказались правы, позволило бы увеличить мощность гидростанций не в 10, а в 9,8 раза. Понятие массы включает в себя инерционные и гравитационные свойства материи и выражается единицей ускорения — 9,8». Извинился за тех, кому было недосуг объяснить человеку ошибку.

За любым делом он умел видеть человека, не всегда доброго, не всегда умного, не всегда честного, но живого, страдающего, рассчитывающего на человеческое участие.

Откуда это в «технаре»?

Вот это словечко «технар», появившееся рядом, а то и вместо понятия «техническая интеллигенция», предполагает носителя технических знаний минус воспитание, а культура, как говорится, «постольку-поскольку».

То поколение, что создавало советскую энергетику, было плоть от плоти своих замечательных предшественников, никогда не живших в узких рамках профессии.

Случайно в семье сохранилась тетрадь ученика десятого класса Николая Кураева. Октябрь 1927 года. Сочинение «Мой любимый писатель и мое любимое произведение».

«Я очень затрудняюсь решить, какого я писателя люблю больше из всех, произведения которых я читал. Я сам не знаю, кто мне больше нравится — Толстой или Тургенев, Некрасов или Горький».

Действительно, выбор сделать непросто, если к десятому классу прочитаны «Война и мир», «Анна Каренина». «Утро помещика», романы и «Записки охотника» Тур-

генева, Лермонтов, Некрасов, Гончаров, Салтыков-Щедрин, Чехов, Горький, из современных Пантелеймон Романов...

А надо выбрать и назвать любимое.

Мне кажется, что в окончательном выборе как раз и таится ответ в необычайной душевной притягательности отца. Он пишет о том, как по размышлении все-таки склоняется к Некрасову. Но и у Некрасова ему надо сделать выбор между двумя любимыми поэмами «Кому на Руси жить хорошо» и «Мороз, Красный нос». И окончательный выбор — «Мороз...», где человеческое горе встает перед читателем с несравненной обнаженностью. «Мороз, Красный нос» для русского человека, для русского читателя — незабываемый урок сострадания. Конечно, это великое, одно из вершинных созданий русской поэзии, где глубокое знание и высочайшего мастерства воспроизведение народной жизни сочетаются с любовью и протестом... Сострадание и протест, протест не на словах, а в деле. Недаром в паре и электричестве сам Чехов видел и человеколюбие.

В своем школьном сочинении отец признается, что «Демон», поэма романтическая, надмирная, исполненная блистательным лермонтовским пером, была у него в любимых. Не последнюю роль в этом выборе играла и музыка Антона Рубинштейна, которую отец и знал, и высоко чтит. Но сердце было отдано жизни земной, земным людям, живущим реальными страданиями и несбыточными надеждами. Крестьянка Дарья, замерзающая в зимнем лесу, а не беззаветно любящая кавказская княжна оказалась ближе юношескому сострадательному сердцу.

Они были разными!

От твердокаменных коммунистов до «белоподкладочников», выходцев из Путейского института. Был даже совершенно определенный «контрик», как величал отец в домашнем кругу начальника участка Десятниченко, как раз выпускника Петербургского путейского. Помню его подземный голос и неповторимое: «Категория заваривается максимально!»

Однажды, году этак в 1951—1952-м, в нашем первомайском домашнем застолье, по праздничному многолюдном, кто-то объявил тост за здоровье товарища Сталина. «Кто такой?» — поинтересовался Десятниченко. «Гений!» — коротко ответил «тостующий». «Я вам таких „гениев“ из любой тифлисской хинкальной дюжину за усы приведу...» Гений был еще жив. Своей смертью, пережив вождя, в свой час умрет и старик Десятниченко... В хорошем современном романе он не дожил бы и до конца праздника. Но я не пишу роман.

Раз уж помянут гений... 5 марта 1953 года страна погрузилась в траур, а мы с братом и мамой обрелись. Отец пришел домой часов в десять вечера, что в пору работы на стройке было делом почти обычным, но в совершенно необычном виде: кожаное пальто нараспашку, кашне сбито на сторону и зимняя шапка чуть не на затылке. Навеселе, да еще как навеселе, когда скорбит вся страна! С заплаканными лицами мы кинулись к нему: «Как ты мог, в такой день!.. Коммунист!.. Начальник строительства!..» Отец, раздеваясь и выпутываясь из кашне, произносил только одно слово: «Поплачьте». И на все попреки и призывы порыдать вместе мы слышали только одно: «Поплачьте... Поплачьте... Поплачьте...»

В одиночку отец никогда не пил.

Это были люди НиваГЭССтроя. И для них слова «плюс электрификация» были не цитатой в докладе, не лозунгом, не паролем лояльности, а делом жизни, тяжким, перепроходческим, но сообщавшим жизни смысл.

...ИХ ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Не многие знали тогда, а сегодня едва ли еще кто-нибудь помнит эту дату, 19 декабря 1926 года. Кто сегодня вспомнит, почему Волховская ГЭС была торжественно пущена именно в этот день. И вот какое совпадение: и на Нижне-Свирской ГЭС, носящей сегодня имя Г. О. Графтио, первый гидроагрегат был пущен тоже 19 декабря, но уже в 1933 году.

Все очень просто. Это был день рождения Антонины Адамовны, жены и соратника Генриха Осиповича Графтио. Сам же Генрих Осипович был автором проекта и начальником строительства самой большой в ту пору в Европе гидроэлектрической станции.

На следующий день после пуска Волховской ГЭС газета «Правда» писала... о любви! «Советский Союз будет еще не раз открывать новые электростанции еще более грандиозные, чем Волховская, более усовершенствованные, более мощные... И все-таки единственным, неповторимым, непревзойденным останется момент открытия Волховской станции. Волховстрой — это подлинная в технике „первая любовь“ социалистической революции...»

И самое, быть может, примечательное, что в этих словах вовсе нет праздничной газетной риторики.

Любовь сродни чуду, как бы человек ни пытался объяснить свое чувство, все равно что-то самое главное останется недоступным для понимания, неуловимым для слов и разъяснений. Любовь — это продление себя, продление своего рода, продление жизни человеческой...

В любви — наше бессмертие.

Именно в любви осуществляется, быть может, высшее предназначение человека. Именно любовь к матери, ребенку, родине, профессии открывает в людях неисчерпаемые запасы энергии. Нет, не случайно суровая «Правда» заговорила о любви, как еще объяснить то, что рационально объяснено быть не может. Впрочем, корреспондент «Правды», может быть, и не знал, почему Генрих Осипович Графтио назначил пуск станции на 19 декабря.

В этом великолепном жесте — поднесении даме сердца действующей электростанции — цельность романтической души рыцаря отечественной энергетики.

Он был эксцентричен, похлеще, чем инженеры в романах Жюль Верна и ученые в сочинениях Конан-Дойля.

Помятая инженерная фуражка зимой и летом, над козырьком вместо инженерных молоточков солдатская красная звезда⁴, не сдерживающее движений черное грубого сукна полупальто, солдатские ботинки, полугалифе, чуть ли не своей конструкции, тоже из шинельного сукна, заправленные в носки и заколотые французскими булавками, таким его видели на стройке. А в Стокгольме, куда Графтио ездил закупать гидроагрегаты, он прекрасно смотрелся в смокинге.

Кстати. Международное положение Советской России было еще не вполне определенным. Отношения с границей лишь формировались, и, естественно, не без труда. Для приобретения гидроагрегатов и оборудования для Волховской ГЭС по согласо-

⁴ На фуражке Верховного правителя России Колчака по регламенту формы еще одного, на этот раз всероссийского Временного правительства над венком из листьев тоже красовалась пятиконечная звезда. А у знаменитых песен «По долинам и по взгорьям» и «Там, вдали за рекой догорали огни...» был и белогвардейский текст, так что обе армии, и красных, и белых, и маршировали и грустили на привалах под одну музыку. Такие вот иронические рифмы сочиняет наша история.

вании с Лениным Генрих Осипович выехал в Швецию как частное лицо. Ему как частному лицу и были вручены необходимые для расчетов суммы. Когда он вернулся и отчитывался в командировочных расходах (сотни тысяч золотых рублей, уплаченных за оборудование станции), были указаны и зонтик, купленный по случаю дождя, и смокинг, приобретенный для участия в приеме с банкирами и промышленниками. Бухгалтерия Волховстроя потребовала предъявить смокинг и зонтик для принятия их на баланс строительства. «Я их оставил в гостинице в Стокгольме, — заявил Генрих Осипович. — Здесь мне смокинг не нужен. Не к Кирову же в нем идти? Не к Оржоникидзе ехать!» — «А зонтик?» — не унималась бухгалтерия. «У меня есть дома зонтик. Зачем мне второй?» — «Так где же зонтик?!» — «Я вам уже сказал: оставил в гостинице. Второй мне не нужен!». О результатах поездки в Швецию Генрих Осипович лично докладывал Оржоникидзе. Финансовый отчет Графтио был утвержден размашистой подписью наркома без зачисления на баланс стройки зонтика и смокинга.

Такими уж они были...

Волховстрой стал не просто осуществлением грандиозного для своего времени проекта, но и овеществленным, материальным свидетельством смысла социалистической революции.

Весной 1918 года, сразу после переезда в Москву, Совнарком, первое советское правительство, принимает решение: «Волхов — строить!», несмотря ни на что. Строительство ГЭС на Волхове должно было наглядно показать, для чего нужна России социалистическая революция.

Сегодня оплакивается «Россия, которую мы потеряли». Потеряли, но какую и ради чего.

В 1916 году, когда Россия достигла высшей точки своего промышленного и энергетического могущества, самый развитый в промышленном отношении Донецкий район производил и потреблял электроэнергии меньше, чем расходовал в это время Нью-Йорк только на лифты! Вот такое могущество, потерянное и оплаканное. А что касается «успехов» в воровстве и коррупции при военных поставках, при строительстве железных дорог, при спекуляции землей, то они в 1916 году достигали невиданных размеров, которые будут превзойдены лишь через сотню лет!..

Есть люди, способные слышать зов истории, Генрих Осипович Графтио — один из них.

Что значит — слышать зов истории?

Думаю, здесь возможна параллель с художественным творчеством.

Часто приходится вспоминать слова мудрого театрального режиссера Георгия Александровича Товстоногова: успех спектакля лежит в зрительном зале. Режиссер должен угадать ожидание зала, еще самим залом, быть может, и неосознанное.

Способность определить путь, угадать еще не осознанную потребность общества лежит и основе успеха политика, в основе коммерческого успеха, успеха предпринимателя. Одни «угадывают» как требование времени и общества потребность смены власти, другие в жевательной резинке, третьи в сочинении Седьмой симфонии. Генрих Осипович Графтио сознавал, что в XX веке роль энергетики становится ведущей, развитие энергетики обеспечивает жизнеспособность общества. Век пара завершает свою историю, дописывает последние страницы; новое время, новый век — это век электроэнергии.

И для того, чтобы стать с веком наравне, он сам прикладывает максимум энергии. За восемь лет им окончены физико-математический факультет Новороссийского университета и Петербургский институт путей сообщения. Если вспомнить, что ин-

ститутский курс по тем временам каждый студент изучал и сдавал самостоятельно, по мере подготовки предмета, то немудрено, что обучение растягивалось и на 10, и на 15 лет. И то, что Графтио прошел за восемь лет два серьезнейших институтских курса, говорит не только о способностях, но и целеустремленности студента. Чтобы «стать с веком наравне», он «для самосовершенствования» отправляется во Францию, Италию, Швейцарию, Северо-Американские Штаты. Он свободно владеет пятью языками, работает на заводах, у станка, на испытаниях электровозов, гидроэлектростанций, паровых турбин, на строительстве линий электропередачи... Полученные знания по возвращении в Россию становятся фундаментом его исследований и проектов.

И ни один из них не был востребован и реализован! Той России, «которую мы потеряли», Графтио был не нужен.

Чтобы доказать горожанам безопасность электрического трамвая, ему пришлось укладывать рельсы и оборудовать подвеску контактной сети на льду Невы! Бельгийская компания, владевшая в Санкт-Петербурге всеми путями конно-железнодорожной, не позволила по ее рельсам хотя бы для пробы, для демонстрации пустить трамвай. Графтио сам встал у контроллера и управлял первым выездом трамвая на лед Невы, опровергая *страшилки*, пущенные в ход небескорыстными противниками нового вида транспорта и подхваченные *всезнающими* невеждами и обывателями.

1895. 31 января. Торжественное открытие движения трамвая по льду Невы. И так — пять зим! За каждый сезон около 900 тысяч пассажиров. Не убедил!⁵

А тут вчерашние революционеры, подпольщики, ринулись строить социалистическое хозяйство. Как не вспомнить Чехова: «Сила и спасение народа в его интеллигенции, в той, которая честно мыслит, чувствует и умеет работать».

В ноябре (!) 1917 года, когда все были заняты только политикой, Ленин, по словам Глеба Максимилиановича Кржижановского, проявил себя как «великий толкач дела электрификации».

Сегодня народ развлекают «угадайкой»: «Был Ленин шпионом или не был Ленин шпионом?»

Не поэтому ли никто и не помнит, как еще в стране, воюющей с Германией, под патронатом Ленина в январе (!) 1918 года была организована и проведена I-я Всероссийская конференция работников электропромышленности. И там не переливали из пустого в порожнее. Прямым результатом этой конференции стало создание уже в мае 1918 года организации Электрострой.

Вот почему не испытывавшие симпатии к большевикам технократы увидели в них людей дела и откликнулись на призыв работать для блага трудового народа.

Многоопытные практики, профессора, будущие академики, цвет отечественной энергетики — Миткевич Владимир Федорович, Поливанов Михаил Константинович, Александров Иван Гаврилович, Винтер Александр Васильевич, Графтио Генрих Осипович, Классон Роберт Эдуардович... назвать бы всех поименно! — откликнулись на призыв большевиков. Конечно, их удивило и привлекло то обстоятельство, что во главе новой власти встал человек, очень грамотно разбирающийся в перспективах национальной электроэнергетики. Нынче о Ленине чего только мы не узнали, нам навали-

⁵ Увы, просвещенный Петербург немало сил потратил в николаевские времена на спасение столицы от первой железной дороги из Петербурга в Павловск, разумеется, «дорогой и бессмысленной». Вот и Ленинград спасали от «дорогого и бессмысленного» строительства сооружений защиты города от наводнений, поименованных «дамбой», для удобства запугивания домохозяек и падких на испуг обывателей. Про этих защитников и спасателей, «шумливых и невежественных либералов, этой язвы нашего зеленого общества, убивающей в нем всякое правильное движение к свободе», писал еще Сергей Соловьев, кн. XVIII, с. 637.

ли кучу увлекательнейших подробностей, но зачем же сегодня напоминать о том, что концепцию электрификации страны в апреле (!) 1918 года составил сам Ленин в статье «Набросок плана научно-технических работ». Детализировал эту идею в работе «Задачи электрификации промышленности» Кржижановский, под началом которого и был разработан план, получивший название ГОЭЛРО.

Глеб Максимилианович Кржижановский, первый председатель Госплана, писал стихи, ему принадлежит текст «Варшавянки», русской «Марсельезы», боевого революционного марша. В 1905 году в Санкт-Петербурге он не только стихи писал, но и делал бомбы для боевой организации большевиков. Ему в феврале 1920 года Ленин поручил возглавить работы по составлению плана ГОЭЛРО. И 23 декабря 1920 года VIII съездом Советов план, действительно фантастический в условиях неоконченной Гражданской войны, был утвержден и принят к исполнению.

План ГОЭЛРО — это не «резолуция» на постановлении, это рабочий документ, том в 600 страниц, включающий в себя шесть разделов и восемь «записок по планам электрификации районов», в том числе Туркменского, охватывающего Среднюю Азию.

Он создан за восемь с половиной месяцев! Работали над ним с февраля 1920 года по декабрь 200 ученых, инженеров, экономистов.

Ставилась задача к 1935 году: за пятнадцать лет *вдвое* увеличить (от уровня 1913 года) суммарную мощность электростанций и *в четыре раза больше* произвести электроэнергии. Не призыв, не лозунг, а грамотно разработанный план. В нем были учтены базовые параметры экономики: добыча угля и нефти, а также выплавка чугуна и стали. Такая детализация исключила экономические перекосы, когда, например, ввод шахт не успевал за сдачей в эксплуатацию привязанных к ним мощностей. Результат превзошел самые смелые ожидания: к 1935 году выработка электроэнергии в СССР достигла 26,3 млрд кВт/ч, *в десять раз превысив довоенный уровень* царской России.

В итоге за пятнадцать лет страна стала третьей энергетической державой — после США и Германии. Кстати, ведущие государства, оценив советский опыт, скопировали план ГОЭЛРО с учетом своей специфики. Так появились программы Франка Баума (США), Оскара Миллера (Германия), Вейера (Англия), Велема и Дюваля (Франция).

Памятник бы поставить тем, кто мужественно, с верой в свою страну создал и блистательно воплотил план ГОЭЛРО, подав пример другим державам.

Нет, нынче мода на колчаков и маннергеймов.

Дед Кржижановского умер в ссылке в Тобольске. В биографии Глеба Максимилиановича с отличием оконченный в Санкт-Петербурге Технологический институт, участие в создании вместе с Лениным «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», и тюрьма, и сибирская ссылка, и работа на железной дороге слесарем, помощником машиниста, машинистом... До революции заведовал кабельной сетью. «Общества электрического освещения», участвовал в проектировании и строительстве первой в России электростанции на торфе «Электропередача» ...

Петр Гермогенович Смидович. Родственник писателя В. В. Вересаева. Дворянин. Большевик. Образование — Высшая электротехническая школа в Париже. В целях конспирации был то бельгийцем Этьеном Бюссером, то французом Эдуардом Куртуа. Работал на заводах Петербурга, Москвы, Екатеринослава, Керчи.

В январе 1918 года Петр Смидович — начальник электроотдела ВСНХ.

В январе 1918 года Глеб Кржижановский — председатель Комитета государственных сооружений ВСНХ.

Вот для чего этим революционерам нужна была власть.

Год 1918-й. Жизнь неустойчивая, как на вокзале. Поезд ушел из старой России, это видели и понимали все. Все сдвинулось. Но когда, куда и как пойдет новый состав?

В Петрограде на Тучковой набережной, в огромном сером здании бывшего Министерства промышленности и торговли разместился ВСНХ. В кабинетах люди в зимней одежде, отопить здание невозможно. «Буржук» еще не изобрели. Едва светят тусклые лампочки. В ходу и коптилки. В свете коптилок служащие похожи на собственные тени. И сама жизнь кажется призрачной, зыбкой, неясной.

От ВСНХ до квартиры инженера Графтио на другой стороне Малой Невы ходьбы минут пятнадцать, не больше, только перейти деревянный Биржевой мост.

Смидович идет к Графтио.

Первые шаги советской энергетики.

Трудно представить себе состоявшийся разговор, но легче представить себе сумеречный свет короткого январского дня. Промерзший Петроград. Тусклый дрожащий свет электрических лампочек, высвечивающих груды неубранного снега. А кто *высветит* хотя бы ближайшее будущее города, страны?

Может быть, они?

...Хозяин разглядывает усталое лицо гостя, темные круги под запавшими глазами, узнает по рукопожатию сильную руку мастерового. Гость протирает запотевшие очки. Хозяин приглашает гостя в кабинет. В кабинете холодно. Невозможно не заметить стол из дубовых досок, похожий на верстак, — рабочий стол инженера и ученого, стол собственной конструкции.

Перед начальником электроотдела пятидесятилетний профессор, известный инженер. Автор проектов использования водной энергии Волховских порогов, реки Свирь, кавказских рек, водопадов Финляндии...

Все проекты и замыслы, выполненные в расчетах и чертежах, лежат на полках кабинета в пыльных папках.

— Слушаю вас, — профессор внимателен и корректен. Сосредоточенный взгляд, узкий нос, жесткая щеточка усов. Черный, тонким узлом завязанный галстук стягивает стоячий воротник безупречно белой рубашки.

— Петроград испытывает угольный голод. Запасы кардиффа ничтожны, вы знаете. Вы автор проекта Волховской гидравлической электростанции. Сколько ваша силовая установка могла бы сэкономить угля в год?

— Установку надо сначала построить, прежде чем она даст требуемую вами экономию угля.

— Именно об этом я и уполномочен с вами говорить.

— Надеюсь, вы понимаете, что значит в переживаемое нами время вести такое строительство? Мы в воюющей стране при правительстве... — В разговоре с представителем власти долг гостеприимства диктует шадящие формулировки, — при правительстве, не имеющем опыта в управлении столь обширным государством.

Профессор видит перед собой то ли невежду, то ли фантазера.

— Царское правительство отказалось вести работы даже в мирных условиях. Временное правительство пыталось начать стройку на Волхове, но тоже отказалось от этой попытки...

— Простите, Генрих Осипович, вы не могли бы в ближайшие дни разработать и представить нам хотя бы предварительную смету строительства и основные характеристики работ.

— Прошу уточнить, каким временем я располагаю?

— По поручению председателя Совнаркома Ульянова-Ленина через неделю вопрос о строительстве Волховской установки будет поставлен на заседание Совета Народных Комиссаров.

Этот визит и этот разговор, обращение советской власти, что называется, с первых шагов к созидательной работе и к людям-созидателям — существенная подробность в разговоре о роли Ленина в «разрушении». Самые авторитетные писатели-историки, признавая Ленина «гением революции», уверяют себя и других в том, что первый председатель Советского правительства был разрушителем. Царский строй рухнул до появления советской власти, Временное правительство государственной властью могло только себя заявить, но стать ею не смогло. Если власть не в состоянии вести войну или заключить мир, защищая страну, если власть не в силах управлять, не в силах обеспечить стабильность и развитие, можно ли ее считать «созидательной» силой? А если вспомнить, что и Ленин, и его наследники в течение двадцати лет — всего лишь двадцати! — создали в стране мощную промышленную и энергетическую базу, разве можно согласиться с тем, что «Ленин был разрушительным началом»? Недаром же в партийном гимне коммунистов были слова: «Мы наш, мы новый мир ПОСТРОИМ...»

А поскольку строительство шло не на пустом месте, то, как водится, что-то пришлось и разрушить, и даже снести до основания.

- Кто это был? — спросит Антонина Адамовна после ухода визитера.
 - Гражданин Ленин хочет строить волховскую установку...
 - Он в своем уме? — Антонина Адамовна была и женой, и помощником мужа и реально представляла себе масштаб предстоящей работы.
 - Не менее чем я. Помогите мне достать с полки волховские папки...
- Генрих Осипович и Антонина Адамовна обращались к друг другу на «вы».

Решением от 15 июля 1918 года Совет Народных Комиссаров утвердил смету и санкционировал начало работ на Волховстрое.

Впереди невероятное напряжение сил, тяжкая Гражданская война. Закроются сотни заводов, погаснут котлы паровозов. Разруха, сypняк, голод, но огням Волховстроя не дадут погаснуть.

Осенью 1919 года «валютным активом» стройки были несколько сотен пар заготовок солдатских сапог, пять бочонков ржавой селедки да несколько кулей соли. Этой «валютой» стройка рассчитывалась со своими рабочими и подрядчиками. Голодный Петроград шлет на Волхов продовольствие, добровольно собранное по крохам. В пору тяжелого финансового кризиса Пролетарский завод Петрограда пошлет на Волхов 312 535 рублей, четыре сертификата стоимостью двадцать рублей золотом каждый и двенадцать облигаций золотого займа. Сбор средств идет на бирже труда! Безработные отдают свои полтинники и гривенники. Казань проводит «Неделю сухаря», и собранные сухари идут на стройку. Средняя Азия шлет строителям Волхова вагон мороженой верблюжатины. «Разгружать было страшно, — вспоминал бывший прораб И. И. Кандалов. — Огромные кости верблюжьих ног, покрытые синеватым мясом, производили неприятное впечатление. Но из них получались вполне съедобные щи с зелеными капустными листьями».

Неужели Петроград и Москва, Казань и Средняя Азия полагают, что волховской сотней тысяч киловатт-часов можно накормить и осветить голодную, полуразрушенную войной страну? Почему станцию, которая еще невесть когда даст энергию, считают объектом первостепенного значения, снабжают солдатскими пайками?

Ответ, скорее всего, один: люди хотели наконец увидеть огни будущего, ради которого жили.

А может быть, время было такое? Время, когда сближенность личного и исторического была ощутима огромным числом людей.

Сухари, копейки из карманов безработных, синие верблюжьи ноги были до крайности нужны и в Казани, и в Петрограде, и в Средней Азии, но их отправляли туда, где *делалась история*, приобщаясь хотя бы так к главному событию на земном шаре.

«И коммунизм опять так близко, как в девятнадцатом году!..»

Что ни говори, душа поэта срабатывает, как точнейший исторический барометр. Скорее всего, поэт был бы немало удивлен, если бы ему сказали, что мысль о «близости коммунизма» именно в девятнадцатом году, совпадает с суждением Сёрена Кьеркегора. Но поэт Михаил Кульчицкий погиб в Сталинграде, не дожидаясь тех времен, когда мог бы, бросив взгляд окрест, с философом согласиться. Датский философ утверждал, что идея достигает своей высоты, когда она ясно сформулирована, названа. Воплощение идеи в жизнь — это уже история ее деградации. Разумеется, я излагаю мысль философа конспективно. Мысль грустная, в сущности, но подтвержденная историей великих социальных и религиозных идей.

Когда рассматриваешь историю *Волховстройки*, как называл ее Ленин, то материалы, документы, свидетельства о состоянии страны, казалось бы, ведут к единственному выводу: построить такую электростанцию в России в это время просто невозможно.

Что такое Волховская ГЭС? Это самая крупная для своего времени гидростанция в Европе. Это самые мощные *турбины*, как тогда говорили. Самые большие по протяженности линии электропередачи, фантастического по тем временам напряжения в 110 тысяч вольт. Это огромный, не виданный в масштабах России объем скальных и земляных работ, впервые решаемая у нас задача сооружения гидроузла: шлюз — плотина — силовая установка на 80 тысяч лошадиных сил...

И этот дерзкий технический проект должен быть осуществлен в России. В аграрной России, расходующей, по статистике 1916 года, 48 процентов добываемого топлива на приготовление пищи и отопление жилищ! Россия изумляет посетителей Всемирной выставки в Лондоне лишь плотницким и столярным искусством.

Гидростанция должна быть построена без иностранного капитала и иностранных специалистов. Даже без собственных инженерных кадров, имеющих опыт участия в подобном рода работах.

Кто же возьмется?

Взялись... Полуголодные, ведущие изнурительную Гражданскую войну, уставшие до предела сил и убежденные, как никогда, в том, что наконец-то наступил срок осмысленной, желанной, невиданной созидательной работы. Не гидростанцию люди строили, а делали почин строительства новой жизни.

В самую тяжкую для красных пору, во время наступления Юденича и эсеровского мятежа, денкинского натиска на Москву, в решающие дни боев на Урале с колчаковцами и в Крыму с врангелевцами люди не уходили с берегов Волхова у старинного села Архангельского, из барачных у Петропавловских порогов.

И это не «выставочный проект» для отвода глаз. Созидание как цель социализма подтверждена предвоенными годами. И поэтому упорство, с которым народ строил Волховскую ГЭС в самые трудные годы, как раз и вселило уверенность, что теперь пойдет!

И пошло.

В течение только первых двух пятилеток наш народ построил тысячи одних *только крупных предприятий*. Создавались не только предприятия, создавались новые отрасли по производству самолетов, тракторов, танков, автомобилей, станков, боеприпасов, химической продукции...

Сегодня мы отчетливо понимаем, что одинаково важно, *что* строят люди и кем они в результате становятся. Люди строят социализм. И социализм рождает нового человека⁶.

После свержения советской власти в начале 90-х в стране исчезло звание Героя Социалистического Труда, поскольку аналога не придумалось. «Герои Капиталистического Труда» звучит не то чтобы неблагозвучно, но пока еще непривычно. Капиталист еще не стал предметом гордости для миллионов граждан, населяющих нашу страну. А звание Героя Труда в России родилось как раз на Волхове. Еще при жизни Ленина это звание и грамоты ЦК профсоюзов и Петроградского губотдела были присвоены лучшим — экскаваторщику Шпелеву и его коллегам Кокрякову, Невинскому, Всору.

Те самые умельцы, что изумляли в Лондоне посетителей Всемирной выставки берендеевскими узорами деревянного павильона «Россия», теперь строили из деревянных конструкций козловые краны, для установки «щитов Стоней», деррики, сложнейшей спиральной конфигурации опалубку аппаратов, направляющих воду на *турбины*.

Под натиском требований скоростных темпов индустриализации умирали патриархальные способы ведения работ. Начатая по-дедовски, подрядно-артельным способом, стройка с 1923 года перешла на коллективные договоры, избавив рабочих от «покровительства» хозяев артелей и подрядчиков.

Построили столовую для рабочих. Возникла проблема: открывать с молебствием или без него. Народ колебался. Перевес взяли сторонники советского, то бишь светского, подхода — без молебна.

Волховстроевцы знали и видели, как важна стройка для Ленина, и писали ему в дни его тяжелой болезни: «Ты первый нажмешь рычаг станции ипустишь ее в ход на пользу трудящегося человечества...»

В 1928 году автор проекта Волховской ГЭС и главный инженер стройки профессор Г. О. Графтио с присущей ему четкостью заявил: «Своим осуществлением Волховская силовая установка обязана вдохновителю электрификации России Владимиру Ильичу Ленину». Человек прямой, подчас резкий, Генрих Осипович никогда «политеса ради» не мог отступить от своих жестких правил, установленных для себя раз и навсегда, все называл своими именами.

Деревянный двухэтажный дом на возвышенном левом берегу Волхова, прямо напротив строящейся ГЭС. Здесь был штаб строительства, здесь жил начальник, он же и главный инженер стройки, а Антонина Адамовна держала табло для инженерного состава. Дом-штаб размером с барскую дачу где-нибудь в Коломьягах или Юкках сохранился и по сей день. Работа и быт были здесь нераздельны. К примеру, представление нового сотрудника коллегам происходило, как правило, за общим обеденным столом, а не на совещаниях. Для Графтио его сподвижники были одной семьей. Это уже были не «господа инженеры», а — товарищи инженеры. Приезжая на стройку, начальник и главный инженер строительства поднимал каждый раз на флагштоке личный флаг. Стройка должна знать, что его глава и руководитель не в Москве, не в Петрограде и не в заграничной командировке.

Мне представляется Волховстрой небывалым монастырем. Собственно, почему небывалым? Тот же Соловецкий монастырь, славная цитадель православия, ставил имен-

⁶ Если существует «историческое творчество», то надо признать, что революция тоже форма исторического творчества. И надо тут же заметить, что не всякая революция — творчество. Февральская революция 1917 года — чем не революция. А где ее творческое начало? Что она создала? Переход власти из одних рук в другие еще не революция. Для парламентских заводов царь был совершенно ненужным элементом в конструкции, предусматривавшей безраздельную власть крупной буржуазии и землевладельцев, если называть, как говорится, вещи своими именами.

но труд, созидательный, плодотворный труд наравне с постом и молитвой, способом служения Высшим силам и снискания личной благодати. Поколения монахов, паломников, трудников превратили Соловецкий монастырь в обитель процветающую, во многом похожую на коммуны в предсказании утопистов.

Монастырь для экскурсантов, людей празднюлюбопытствующих, чуть ли не узилище. Для глубоко верующего монаха это территория свободы. В монастыре зевака видит лишь внешний покров жизни, отталкивающей своими ограничениями и строгостью предписаний. Жизнь монастыря внешне кажется остановившейся. Глазом едва ли увидишь, а воображения едва ли хватит, чтобы увидеть, почувствовать, понять движение внутренней жизни, в каковой только и смысл монастырского служения. Без этого повседневного внутреннего движения обитателей монастыря к идеалу их жизнь утрачивает свое предназначение.

На память пришел рассказ Немировича-Данченко о Соловецком монастыре как об удивительном примере гармонического сочетания духовного роста и преображения жизни самоотверженным трудом.

В январе 1923 года, на пороге развертывания основных работ на Волхове, на предположение «Петроградской правды»: «Волховстрой — отзовись о своем директоре, товарище Графтио» — Волховстрой отозвался:

«Несокрушимая энергия, стальная воля, ненасытная жажда деятельности, безграничная трудоспособность и страстный, ни на минуту не ослабевающий порыв на встречу новой, трудящейся России при полном забвении личных интересов, — таковы качества этого вдохновенного борца за электрификацию Волхова...»

Что же отличало этих удивительных людей?

Бескорыстие? Да, конечно.

И страсть!

«Ничто великое в мире не совершалось без страсти», — это свидетельствует далекий от мирского Гегель в своей «Философии истории».

И названы самые существенные черты лучших представителей отечественной технической интеллигенции. Здесь можно было бы назвать десятки имен и соратников Графтио и тех, кто придет на смену: Наймушин, Бочкин, Логинов, Медведев, Непорожний, Цесарский... Это уже советская техническая интеллигенция.

В словаре Ушакова толкование (в ироническом смысле) понятия «интеллигент» определяется так: «человек, социальное поведение которого характеризуется безволием, колебаниями, сомнениями».

Откуда же они взялись, исполненные несокрушимой энергии, стальной воли, ненасытной жажды деятельности и безграничной трудоспособности?

Нет, недаром все-таки 20 декабря 1926 года газета «Правда» писала о любви...

А. ВИНТЕР

В конце 30-х годов по инициативе Первухина Главэнерго ВСНХ перед лицом задач чрезвычайной важности и сложности был преобразован в Наркомат электростанций и электропромышленности.

Начальником Главгидроэнергостроя, ведавшего энергетическим гидростроительством, был назначен начальник строительства Днепрогэса, удостоенный за эту работу звания академика, Александр Васильевич Винтер. В обличье это был подчеркнута старомодный инженер, усы, «чеховская» бородка, строгий регламент дня, четко поставленные вопросы, требование конкретных, ясных и полных ответов. Похож, да не

похож. Борода и усы были двуцветными! Концы усов седые, серединка — черная. Так же и борода: по краям седая, в середине — черная.

1938 год. Отец едет в Москву, понимая, что его ожидает экзамен. Об Александре Васильевиче Винтере он, конечно, знал, и кто же не только в Гидрострое, но и в стране не знал героев Шатуры, героев Днепрогэса. Шатура — самая мощная тепловая электростанция на торфе. Да и равной Днепрогэсу гидроэлектростанции в Европе не было. На все лады обыгрывалось название места на Днестре, выбранного для строительства, — Волчье Горло, близ острова Хортица.

Советской энергетике было чем гордиться!

Борода и усы у Александра Васильевича были «чеховскими», а лоб и взгляд — как у Дзержинского.

Отец знал Винтера по впечатляющим рассказам, фотографиям в газетах и книгах. Теперь предстояла личная встреча с одним из основоположников советской гидроэнергетики, человеком-легендой.

Уже в 1918 году новая власть планировала начать строительство первых районных электростанций. Созданное для этого строительства управление «Электрострой» возглавил Винтер. В начале 1919 года адмирал Колчак Александр Васильевич принял наименование Верховного правителя России и объявил своей главной целью «победу над большевиками». Инженер Винтер, тоже Александр Васильевич, в это же самое время докладывал председателю Совнаркома Ульянову-Ленину о формировании четырех строительных управлений: Свирского, Волховского, Шатурского и Каширского...

Не только именами-отчествами были схожи Винтер и Колчак, но судьбе было угодно, чтобы оба увели чужих жен, что говорит о твердости чувств и решительности характера. Любовная история Колчака с двадцатидвухлетней женой капитана I ранга Тимирева Анной Васильевной широко разрекламирована. Судьба свела Колчака с мужем своей будущей возлюбленной еще в Морском корпусе, где они служили даже в одной роте: Колчак по заслугам фельдфебелем, а Тимирев — унтер-офицером. Вместе побывали и в японском плену в 1905 году. О том, как Александр Васильевич Винтер, сын железнодорожного машиниста из посада Старосельцы Белостокского уезда, увел жену у сына надворного советника Германа Борисовича Красина, известно значительно меньше. Имя Германа Борисовича, крупного специалиста по добыче торфа, названо в постановлении ВСНХ о создании Управления Гидроторфа от 1 ноября 1920 года за подписью Ульянова-Ленина.

Насколько важны эти работы, следует из п. 5 этого постановления: «Все ответственные работники Гидроторфа, от работы которых непосредственно зависит скорый и полный успех дела, снабжаются на себя и семью продовольственным пайком высшей квалификации и получают такое вознаграждение, чтобы они могли вполне и целиком отдалиться своему делу».

За руководящим сотрудником Гидроторфа можно было и в 1920 году жить лучше, чем жили другие. Но не молодая уже Екатерина Алексеевна ушла к Александру Васильевичу вместе с дочерью...

В те времена, когда отец, шагая через ступеньку, поднимался на второй этаж Наркомата, частная жизнь не служила еще развлечением для досужей публики. О людях старались узнать главное. И главное о начальнике Главгидроэнерго отец, конечно, знал.

Знал, что Ленин сразу же после революции ввел в практику регулярное проведение встреч с ведущими специалистами энергетической отрасли. Одним из первых,

приглашенных в Смольный, был Винтер. На встрече с Лениным он рассказал о трудностях в снабжении топливом, целесообразности использования местных энергоресурсов, и в первую очередь торфа, нехватке энергетических мощностей. Итогом встречи стало постановление СНК о строительстве Шатурской ГРЭС. По предложению главы государства руководителем строительства назначили А. В. Винтера.

Имя начальника строительства Шатурской электростанции на торфе, возводившейся по плану ГОЭЛРО, стало известно всей стране. За Шатурой — Днепрогэс. Знали коллеги и об испорченных отношениях двух корифеев гидростроительства — Винтера и Графтио. В любых обстоятельствах Винтер, распоряжаясь огромными финансовыми ресурсами, был непреклонным врагом любого расточительства. Как раз, помня о трудовой копейке, он считал один из проектов Графтио непозволительно дорогим. Авторитетов не признавал.

Он называл себя «прорабом социализма». И разговаривал и на стройплощадках, и в кабинетах прямолинейно и «по-прорабски» резко, речь его в особых случаях расцвечивалась лексикой, в ту пору не попадавшей в книги. При всем при этом он был неисчерпаемо энергичен, ярко талантлив, был бесхитроsten и добросердечен, всегда брал ответственность на себя.

На заседании Политбюро зимой 1927 года политическое руководство страны и ведущие энергетики решали перспективы строительства Днепрогэса, самой большой гидроэлектростанции в Европе. Бухарин, Ворошилов, Калинин, Куйбышев, Молотов, Орджоникидзе, Рыков, Веденеев, Винтер, Кржижановский, практики и теоретики энергетики, должны были решить вопрос об участии иностранных фирм и специалистов в сооружении гидроэлектростанции на Днепровских порогах. Отдает ли Советский Союз строительство ГЭС, призванной стать флагманом индустриализации, иностранцам или строит своими силами, используя только иностранное оборудование и консультации специалистов.

Практики сооружения такой мощности гидроэлектростанции у нас в стране не было.

Обсуждение длилось несколько часов. Вел заседание Сталин. Резонно было выслушать наконец специалистов: «Может быть, послушаем строителей? Какое у вас мнение, товарищи?» Повисла тишина. Нарушил ее Винтер: «Нужно строить своими силами». — «Хорошо, — согласился Сталин, — а вас, товарищ Винтер, мы назначим начальником строительства».

Отец знал, что во время строительства по предложению Винтера дорабатывается и изменяется проект академика Александрова и проект производства работ, предложенный американской консультационной фирмой Х. Купера. Вместо строительства в две очереди и установки турбин мощностью по 30 тысяч кВт Александр Васильевич предложил строить электростанцию в одну очередь, сократив число гидроагрегатов с тринадцати до девяти и применив турбины по 60 тысяч кВт. Соответственно, увеличивалась общая мощность ГЭС до 540 тысяч кВт. Семь Волховских ГЭС!

За сооружение Днепрогэса Винтер был награжден первым из своих трех орденов Ленина.

Отец, конечно, знал о своеобразном характере и манерах Винтера и, поднимаясь к нему в кабинет, не то чтобы робел, этих чувств он перед начальством никогда не испытывал, но был, что называется, напряжен, настороже, готовился к неожиданностям.

А первое, что он увидел, войдя в кабинет, был даже не сидевший за столом и тут же поднявшийся с кресла старомодного обличья хозяин в косоворотке с отстегнутым воротом.

Отец увидел письменный прибор на столе инженера-академика.

В кабинетах на рабочих столах таких не держали.

В середине черной мраморной плиты, между двумя тяжелого стекла чернильницами в бронзовом кресле сидел... нет, не Эдисон и не Яблочков, не Ломоносов — Вольтер с его мефистофельской улыбкой. Может быть, от волнения отцу и в пронизательном взгляде из-под черных бровей вразлет, бородке и затаенной недоговоренности начальника главка виделось что-то мефистофельское.

Но это «присутствие Вольтера» при их знакомстве своей неожиданностью сбило напряженное ожидание. Ждал в этом кабинете чего угодно, но Вольтер...

Хозяин поздоровался, выйдя из-за стола. Предложил сесть.

«Как доехали?» «Где остановились?» «Вы электромеханический заканчивали? У Шателена? Михаил Андреевич меня в Политех затащил. Я же два раза пытался в Киевский политехнический поступить. Не принимали». — «Это в какие же годы?» — «В девятьсот пятом—девятьсот шестом. Неблагонадежен!» — «А я в Ленинградский технологический поступал, три года не принимали». — «А это в какие же годы?» — «Двадцать восьмой—тридцать первый. Отец врач, советовали в „клистирный“ институт идти». Винтер провел по усам пальцем, стирая улыбку. «Да, меня вот Михаил Андреевич в питерский Политехник привел...»

Говоря ни о чем, вспоминая декана факультета профессора Шателена, Винтер разглядывал отца, как ему показалось, решая вопрос, стоит ли с этим молодым человеком говорить о том, для чего приглашен.

В какую-то минуту отцу показалось, что он прочитал в глазах шестидесятилетнего патриарха отечественной энергетики то, что не было произнесено вслух: «Сопляк ты, сопляк... Как же ты потянешь подземные тоннели и каналы, каких еще не строили? Да вот только назначать мне некого. Строек бездна, а грамотных кадров кот наплакал». После чуть затянувшегося разговора ни о чем наконец было вслух сказано: «Мы знаем вашу работу, Николай Николаевич. Видим, вы инженер грамотный... — сделал паузу, чтобы поискать еще какие-нибудь ободряющие слова. Нашел: — Вы человек ответственный, серьезный... Наркомат принял решение назначить вас главным механиком НиваГЭСстроя. Можете рассчитывать на нашу помощь, поддержку... Расскажите, что сейчас на стройке? Меня в первую очередь интересуют скальные работы, проходка тоннелей».

Странный экзамен. Сначала выставили оценку, а потом стали спрашивать, задавать вопросы.

На все про все минут пятнадцать-двадцать. Инженер, проработавший после вуза на стройке всего два с половиной года, в свои двадцать восемь лет получал должность и хозяйство стройки, еще не имевшей у нас в стране аналогов.

Видели? Знали? Доверяли?

Столько слышал о манерах и крутом стиле руководства, был готов и выслушать, и ответить, а тут — разговор с добрым дедушкой.

Стало быть, не лишен был и педагогического чутья академик, знал, с кем и как нужно разговаривать.

А ведь нрав-то у Александра Васильевича Винтера действительно был крутой, как и должно быть у человека железной дисциплины. Спать ложился даже на Днепро-стройке в десять вечера при любых обстоятельствах. Вставал в четыре утра. До семи занимался наукой. Считал научную работу неотъемлемой составляющей инженерной деятельности. Все остальное время — стройке! Себя не жалел, но и других не щадил. Гонял! Никакие катаклизмы, случавшиеся на строительстве Днепрогэса, не могли поломать установленный Винтером регламент. Все знали, что после десяти вечера Винтера на стройке нет. Того же режима придерживался Александр Васильевич и в наркомате перед войной. Сталинская бессонница заставила и служилый, и партийный народ в верхних эшелонах подстраиваться, тянуть «ночные смены». Могут и позвонить, спросить, а то и вызвать.

Вскоре после утверждения отца в новой должности случилось то, что и должно было случиться с человеком, не умеющим приспосабливать себя к обстоятельствам, с человеком, привыкшим диктовать обстоятельствам свою волю.

Ночью, часов около двенадцати, в квартире Винтера в Москве раздается настойчивый телефонный звонок.

Пришлось встать.

«С вами говорят из приемной Лазаря Моисеевича Кагановича. Александр Васильевич, вам необходимо в два часа (ночи!) прибыть к Лазарю Моисеевичу...»

«А что Лазарь Моисеевич делает ночью?»

«Лазарь Моисеевич работает!»

«А я думал, по ночам только воры работают», — бабахнул спросонья крутой начальник Главгидроэнерго.

На том конце положили трубку.

Академик, чертыхаясь за прерванный сон, пошел досыпать.

На следующий день утром Винтер проводит у себя в кабинете совещание, собрал начальников отстающих строек, устроил головомойку, во весь голос, не стесняясь в терминологии. Обличье старого интеллигента не мешало ему, обходя стройку, или по ходу совещания в кабинетах и «бушевать», и «разносить», требуя качественного и в срок исполнения служебных заданий.

В разгар «разноса» зазвонил телефон с государственным гербом, «кремлевская вертушка». Винтер резко снял трубку, трижды произнес «да», «да», «да». Положил трубку, достал папку, в две минуты, при молчаливом любопытстве присутствующих, сложил в нее какие-то бумаги, встал и объявил: «Я больше не начальник главка. Всего доброго» — и вышел.

Лазарь Моисеевич, в отличие от молодых наркомов, институтов не кончал, просто был самородок. Очень хорошо знал паровозы. Когда ему говорили про электровозы и тепловозы, на которые перешла Америка и начала переходить Европа, Лазарь Моисеевич произнес исторические слова, эхом отозвавшиеся в стране: «Мы на паровозе еще в коммунизм въедем!» Логарифмическую линейку впервые увидел в руках племянника-студента. Заинтересовался. Попробовал освоить. Так что брал твердостью характера.

Тень всемогущего и жесткого наркома путей сообщения коснется и отца, и, к счастью, так же без последствий.

В 1942 году отец будет заведовать отделом промышленности и транспорта в Кандалакшском горкоме. Кандалакшский 310-й завод изготовил партию минометов. Их ждали войска, прикрывавшие Мурманск. Директор завода Павлов звонит Елисееву, секретарю горкома ВКП(б) и председателю Городского комитета обороны: «Надо срочно отправить минометы в Мурманск, а как, не знаю, выручай. Нужны две платформы». Елисеев тут же звонит отцу. Тот немедленно связывается с железнодорожниками. Вопрос решен. Две платформы пошли на заводскую ветку. Ночью в квартире Елисеева раздается телефонный звонок. Позвонивший представился: «С тобой говорит Каганович Лазарь Моисеевич. Еще раз полезешь в дела железной дороги — расстреляю». Объяснений Лазарь Моисеевич слушать не стал, повесил трубку.

А выдворенный из Главгидроэнерго Александр Васильевич Винтер не пропал и умудрился даже на самых высоких постах, к примеру замнаркома тяжелой промышленности, оставаться вне партии.

В профессиональной деятельности можно так или иначе оценить вклад специалиста и среднего, и большого, и самого высокого уровня. Но есть не поддающееся измерению, взвешиванию чрезвычайно значимое для коллег участие в профессии, при-

существование в профессии тех, для кого органично служение делу, несмотря ни на что. И это касается людей самых разных профессий.

Художественный совет в Большом театре Союза ССР принимает новую постановку «Евгения Онегина». Идет обсуждение. Композитор Мурадели строго произносит: «Я следил по партитуре...» И тут же раздаётся негромкий голос Шостаковича: «„Онегина“ надо наизусть знать». Забудут обсуждение, премьера станет рядовым репертуарным спектаклем, изменится и состав худсовета, но вот эта реплика «„Онегина“ надо наизусть знать» останется мерой профессиональной требовательности музыкантов прежде всего к себе, и услышана она будет далеко за стенами Большого, может быть, эхом гуляет еще и сегодня в стенах консерватории.

Понятие *этнос* шире, чем все разъясняющие его слова: *привычки, обычай, манеры, стиль общения* и т. д. Древние говорили, что *этнос* человека — это его демон! Демон — сила побуждающая, движущая, земным измерениям не подверженная.

И те, кто несет эту «демоническую» миссию, скорее всего, могут быть признаны в своей профессии жрецами, в подлинном смысле аристократами, не теми, что так именуются по случайности рождения.

Если «аристократия» — власть лучших, то надо с грустью признать, что в государственном управлении это сословие никак не подтвердило своего имени. Где и когда у нас правили лучшие?

А вот в профессиональной среде другое дело. Не случайно бытовало, но не дожило до нынешних времен понятие «рабочая аристократия». А такие люди действительно были, с кем-то и я был близко знаком. В них подкупала естественность и органическое чувство свободы. Фрезеровщик Кировского завода Владимир Якумович Карасев, прототип моего героя в фильме «Хозяин», и у станка, и на пленуме в ЦК, и на худсовете киностудии «Ленфильм» был естественным, уверенным, немногословным, в нем не было даже намека на сознание своей, как-никак, исключительности. Знал я и Евгения Морякова, токаря ленинградского завода «Полиграфмаш». Рядом с ним, как рассказывали его коллеги, нельзя было плохо работать. Нельзя было не знать своего «Онегина» наизусть.

Их не назначали в «аристократы», они не боролись «за власть», но действительно аристократами были и властью располагали реальной, той, что дается мастеру от Бога.

Можно представить, как рассмеялся бы Александр Васильевич Винтер, если бы его «произвели» в аристократы, сына машиниста с его-то далеко не изысканными манерами выходца из посада Старосельцы.

Посмеялись бы над присвоением им такого звания и те, кого я знал, те, за кем в своем деле признавалась высшая власть: писатель Астафьев, летчик-испытатель Галлай, начальник Братскгэстроя Наймушин, вице-адмирал Кругляков, генерал армии Грибков, профессор Ленинградской консерватории Гликман, кинорежиссер Козинцев...

Получив от Александра Васильевича Винтера благословение на служение общему делу, отец сумел выработать в себе и человеческие и профессиональные черты русского инженера: разносторонность технических знаний, общая культура и — может быть, самое главное отличие интеллигента — отсутствие чувства превосходства в отношениях с другими.

Наградями за реальный вклад в советскую энергетику отец не обойден. Но он помнил и высоко ценил свою первую награду. До войны, сразу после рождения его первенца, в конце горестного 1937 года он получил письмо от своего старшего коллеги, где тот благодарил отца за спасительную поддержку. Инженер Думлеров, почитаемый отцом за помощь в освоении практической работы на стройке, хотя они и жили рядом, счел необходимым именно письмом поздравить молодого коллегу с рождением

сына, пожелать новорожденному быть достойным своего отца. Заключало письмо памятная фраза: «Всегда буду рад встретиться с Вами в деле».

НАКОНЕЦ-ТО ПАПА ЕДЕТ НА ВОЙНУ

В 1942—1945 годах отец, как уже я рассказывал раньше, работал в Кандалакшском горкоме. Летом 1945-го он был вызван в ЦК ВКП(б) в Москву. К немалому его удивлению, на Новой площади он получил погоны подполковника и мобилизационное предписание отправиться на обещанную союзникам войну с Японией. И подполковником отец вышел из ЦК не «политических», а инженерных войск специального назначения в армию генерала Сабурова.

Все произошло удивительно быстро. Ни мама, ни мы с братом, естественно, ничего не знали.

Мы были на Украине, мы отъедались.

Да, после войны, после блокады казалось, что самое главное в жизни «матери и ребенка» — еда! Разумеется, к 1945 году о голоде речи не было, кажется у отца были карточки литера «Б». Про классификацию едоков по литерам бытовала шутка: есть «литерАторы» и есть «литерБЭторы», а остальные — «коекаеры». Столовая утварь в доме наполовину состояла из аккуратно оббитых отцом по краям консервных банок, разных по форме и прежнему содержанию. Чайника в доме не было, его заменяла большая консервная банка, освобожденная в счастливый час от двух килограммов американской тушенки. Банки были непохожими, и тушенка в них была в каждой наособицу. И по сей день помнится ее разный вкус, и запах вспомню, если увижу ту самую банку.

В килограммовых круглых банках защитного цвета с американским орлом, под слоем чуть рыхлого, как мартовский снег, жира, пахнущего лавровым листом, перцем и еще чем-то необычайно притягательным, волокнистое мясо с жирком самых тонких свойств обещало райское наслаждение. Но в раю, по всей видимости, подают все-таки тушенку в высоких прямоугольных банках. Там под крышкой в палец толщиной застывший бульон, которому нет названия, потому что слово «холодец» или «студень» опустят эту пищу богов на землю. А дальше там, под полупрозрачным слоем мясного суфле, представьте себе, была колбаса! Ее прямоугольный брус можно было аккуратно вытряхивать из коробки, нарезать не толстыми пластинами, растягивая удовольствие, и, погружаясь в вечное блаженство, вкушать и выпитывать в пределах вечности этот эликсир жизни, положив пластик колбасы с дрожжами вкраплениями почти прозрачного желе на хлебушко... Но если в раю вам удастся прикрепить к спецбуфету, вот там небожителям и поступающим к ним бессмертным в праздничные дни, скорее всего, будут выдавать небольшие такие жестяные баночки, розового цвета и размером с четыре пачки «Беломорканала», положенных друг на друга. Металлический ключик сбоку уже прихватил баночное ушко, не больше уха летучей мыши. Вращая ключик, наматывая на него металлическую ленту, жители рая сначала почувствуют, а потом уже увидят... Нет, не стану говорить, и не потому, что нет слов, просто потому, что не хочется предвосхищать счастье тех, кому в раю удастся прикрепить к спецбуфету и отведать содержимое этой баночки... Счастье от неожиданности по закону Бойля и Мариотта удваивается...

В Кандалакше была мастерица по части изготовления бюстгальтеров. Забыть ее фамилию невозможно — Петухова. Вот эта мамина добрая знакомая предложила

в первое же послевоенное лето поехать на отдых и еду (!) на Украину вместе с ней к ее родне под Пирятин, точнее, в деревню под Гребенками. Я неплохо помню это путешествие транзитом через Москву и Киев. Один из дней нашего пребывания в Москве устанавливается с астрономической точностью. Это был понедельник, 9 июля 1945 года. Днем в половине третьего мы были на Красной площади, чтобы наблюдать солнечное затмение с самой близкой к Солнцу точки на планете. Прямо на Красной площади бойко торговали закопченными стеклышками. Керосинки в Москве еще не перевелись. Изготовление «спецоптики» по доступной цене было налажено отменно. Непрозрачное стекло размером со спичечную коробку гарантировало наблюдение редкого астрономического явления. Мама приобрела даже три стеклышка, чтобы, чего доброго, мы с братом не подрались во время солнечного затмения, да еще и на Красной площади.

Затмение было полным!

Пусть и недолгая, но полная темнота посреди дня была тревожной. Сквозь стеклышки все смотрели на небо. В самые темные мгновения, может быть, целую минуту на площади стояла тишина. Было немного страшно. Но рядом же были кремлевские звезды. Зажгут, в крайнем случае если погаснет солнце!

Еще помню «Трофейную выставку» в парке Горького. Подбитые немецкие самолеты с погнутыми лопастями на моторах. Помню чешскую мортиру «шкода», такую огромную, что, как мне казалось, могла бы стрелять обитаемыми снарядами по Луне. «Мама, это по нам в Ленинграде из такой стреляли?» — «Не думаю», — утешительно предположила мама. А вот и великолепное зрелище, прямо на земле, гряда, пирамида метра два высотой немецких орденов. Нам с братом хотелось думать, что они сняты с убитых орденосцев.

А потом была пересадка в Киеве.

Запомнился мост через Днепр, с низкого левого берега на высокий правый. Судя по его виду, мост был наведен еще саперами. Опорой для пути служили шпалы, сложенные в высоченные «колодцы». Наш состав тихонечко, чтобы не расшатать зыбкие опоры, не шел, а переползал с левого берега Днепра на правый. Когда поезд приполз на высокий берег, из окна вагона мост открылся во всей красе. Рельсы были уложены на хлипкие подпорки, уж не помню, высотой, может быть, метров пятнадцать-двадцать, они казались издали конструкцией из спичек. Как они могли выдержать железнодорожный состав, до сих пор не постигаю! И когда поезд тащился по мосту, страшно было смотреть в окно, казалось, что поезд плывет над рекой по воздуху. Рельсов же не видно. А под окном — пропасть. Тем не менее в Киев мы приехали, с моста не свалились, теперь предстояло закомпостировать билеты для пересадки на Пирятин, а оттуда уже двигаться далее в Гребенки. От Гребенок до деревни, куда мы добирались, было километра четыре-пять, не больше. Багажа у нас была уйма, поскольку в доме по совету Петуховой были собраны все вещи, годившиеся в обмен на продукты. Мама вспоминала голодный Петроград 1919—1921 годов, когда «валютой» тоже были вещи. Помнила хорошо, ведь она была старше, чем мы с братом, ей тогда было одиннадцать-тринадцать лет. А нам с братом в 1945 году было только шесть и восемь.

Билеты в Киеве транзитникам выдавали только по предъявлении справки о прохождении санобработки. Помню, как ехали на трамвае на санобработку. Киев — город гористый, так что раза два *грамотяне*-пассажиры выходили, и в помощь готовым вспыхнуть от натуги электромоторам толкали трамвай вверх вручную.

Столько раз произносилось в дороге слово «Пирятин», что место это казалось необыкновенно привлекательным. Пришел поезд к разбитому вокзалу с изувеченной снарядами кирпичной водонапорной башней. Станцию бомбили не хуже нашей Ма-

сельской. На дальних путях еще стояли остовы сгоревших вагонов. Изрешеченные черные цистерны.

До Гребенок осталось километров двадцать.

Добрались и до Гребенок, а до деревни Корнеевка, что на речке Гнилой Оржице, где обитали пожилые родственники мадам Петуховой — строгая бабка и приветливый, покладистый дед, нужно было все пять километров тащиться пешком. По совету мамы мы с братом шли босиком, мягкая пыль на шляхе казалась после наших заполярных камней пухом, поднимавшимся и зависавшим в воздухе, если слегка поддать ногой. Не-е, по такой дороге идти можно!

А тут, на счастье, догнала подвода из Гребенок, сгрузили вещи, посадили нас с братом и ровесницу нашу, Петухову-дочку, а счастливая мама с приятельницей до деревни так и шли рядом пешком.

Возница сидел боком, спустив левую ногу, а правую, деревянную, закинул в подводу, словно вез ее как поклажу. По краям дороги стоял лес из подсолнечника. Это же семечки! Еда! Не удержался. Спросил возницу: можно одну только головку сломать?

— Навища вони тобі потрібні? — сказал возница. И, к своему удивлению, я его почти понял. — Они ще достигли.

Здесь я ничего не понял, понял главное: сломать головку не получится.

На сонячко я схожий,
И сонце я люблю,
До сонця повертаю
Головиньку свою... —

пропел возница и, обернувшись ко мне, спросил: — Зидкулі такий взявся?

Здесь было все понятно.

— Из Ленинграда.

— То як вам було у Ленінграді? Важко чи не дуже?

И спросил так легко, словно речь шла о воскресном походе в лес, ждал, чтоб поделились впечатлением.

Я не знал, что сказать. Он обернулся к маме, увидел, как у нее сжались губы. И «важно чи не дуже?» осталось без ответа.

За тот месяц, что мы прожили в деревне, пару раз мама брала меня с собой на базар в Гребенки. Базар до сих пор стоит у меня перед глазами, подавляя обилием еды. Прямо на земле пирамиды из пунцовых помидоров, яблоки на любой вкус, огурцы навалом, картошка, сало, початки вареной кукурузы, присыпанные солью... Было с чем сравнивать, я же помнил рынок в 1943—1944 годах в Череповце, где мы спасались во время эвакуации. Почти пустые прилавки, и узбек в халате и зимой и летом со своей песней: «Урю-юк — руб штук! Урю-юк — руб штук!»

С базара в Гребенках мама возвращалась, держа за лапы двух-трех забитых кур, в полной перьевой оснастке.

В Кандалакше мама уже в 1944-м принесла с рынка зеленое яблоко и с надлежащей торжественностью мне его вручила. А меня разобрал смех. Конечно, я этого не помнил, но мама вспоминала с грустью. «Что смешного? Почему ты смеешься?» — удивилась мать. «Огурец... огурец... — давился я от смеха, — круглый... круглый...» Тут мама догадалась, что я первый раз в жизни держу в руках живое яблоко, в пять лет... Заплакала.

Зато в благословенной украинской деревне вечером *голова*, председатель колхоза, выходил на крыльцо правления, а мы, человек двадцать ребятни, его уже ждали.

В гимнастерке без погон, с короткими «ворошиловскими» усами под носом, он с бесстрастным лицом, словно выплескивал помой, выкидывал нам под ноги в дорожную пыль несколько ведер вполне съедобных яблок. Делалось это для того, чтобы мы не «шакалили» по садам, не трясли еще незрелые фрукты. Бесстрастие, с которым исполнял вечерний ритуал *голова*, надо думать, говорило о том, что он мало верил в ответственность его щедрости. Мы бросались в дорожную пыль и подбирали дары доброго сердца только что не в драку.

Иная картина была чуть позже вечером на этом же самом месте.

Пленных немцев водили на восстановление скотного двора далеко за гречишное поле. Утром я их не видел. Видел вечером, видел одну и ту же ежедневно повторяющуюся картину. Минут за двадцать до прохождения колонны, пожалуй, человек в сто в сопровождении трех конвоиров с винтовочками со штыком опять же прямо в дорожную пыль женщины выкладывали домашний хлеб, яйца, помидоры, картошку... Едва ли кто поймет, как смотрел на этот триумф русского духа мальчишка из ленинградской блокады. Во мне не было ничего, кроме ненависти к этим сволочам, истерзавшим наши города, нашу землю, убивавшим нас в Ленинграде... Конечно, я не знал тогда стихов Константина Симонова «Убей его!», но чувства его, продиктовавшие поэту, уверен, были и моими чувствами.

Удивляли женщины, пережившие долгую и тягостную оккупацию, в семье у каждой были или убитые, или изувеченные, или пропавшие без вести...

Удивляли и немцы.

В отличие от нас, кидавшихся на брошенные на дорогу яблоки, эти неторопливо подбирали все, что было выставлено на дорогу, не совали подобранное по своим карманам, а передавали, видимо, назначенным специально доверенным лицам, складывавшим дары в противогазные матерчатые сумки советского образца. Немецкие противогазы были в металлических круглых рифленых коробках, надо думать, не столь удобные для сбора милостыни.

Обратную дорогу домой забыть невозможно. Летом 1945-го победители валили в Россию. Именно так — валили. Через станцию Гребенки шли эшелоны, облепленные людьми в военной форме. Крыши, тормозные площадки, кто как сумел, лепились как-то даже на самом паровозе, солдаты впились в поезда, надо думать, еще не веря своему счастью. В Россию возвращалась жизнь! Пассажирских поездов не помню.

А дальше — чудо.

Мы с вещами, два чемодана и тюк, перетянутый багажными ремнями с «постельным», рассчитывать на постель в вагоне не приходилось, стояли в полном недоумении, даже не на перроне, а прямо на земле, рядом с остановившимся эшелоном. О том, чтобы сесть в этот поезд, — куда? на крышу? на тормозную площадку? — с пацанами шести и семи с половиной лет и речи быть не могло. Да и на каждой тормозной площадке было уже тесно.

Мадам Петухова с дочкой еще оставались в деревне.

Эшелон стоял. Солдаты кинулись за кипятком и снедью на пристанционный базарчик. И вдруг раздалось: «Мамаша, к нам! К нам давайте!» Из теплушки прыгнул на землю усатый солдат, только и помню, что усы, подхватил нас с братом, закинул в распахнутую дверь теплушки и нас с братом, и нашу поклажу и помог взобраться в вагон маме. В набитом битком вагоне, среди пахнущих потом и махоркой солдат нашлось место еще для трех пассажиров.

Как нас обихаживали!

У Сергея и у меня почти сразу образовались персональные покровители. Зачем они ехали домой с оружием, понять было трудно, но нам казалось, что военные всегда должны быть с оружием. У «моего» был автомат. ППС. Судаевский. С откид-

ным прикладом. У «дядьки» брата карабин. Я чувствовал свое законное превосходство. Внимание, которым была окружена мама, естественно, переливалось и на нас. Только много позднее уже в разговорах с мамой я понял, что же тогда случилось. Истосковались, соскучились мужики по ребятишкам, женщина, молодая мать интеллигентного вида, куда же ей одной справиться с дорогой. Я спрашивал маму про «ухаживания»... «Ну что ты! Они меня спросили сразу же, как звать. Сама не знаю почему, представилась: Анна Петровна. Так за всю дорогу до Киева, кроме Анны Петровны, ничего и не слышала».

Был у нас и еще один «литер». С земли его не предъявишь, а в вагоне первое дело — откуда?

«Ленинград».

«И в блокаду там?»

«И блокады хватили».

Про то, как воевал и выживал Ленинград во время войны, знали плохо. В эвакуации в вологодских деревнях, куда мама ходила менять последнее на продукты, мы были «выковыренными». Странное дело, но о блокаде в стране узнали побольше, даже в некоторых подробностях, благодаря нашим, ленинградским, праздникам, Дню прорыва блокады и Дню снятия блокады, как мы тогда говорили. Город-фронт, солдатам-фронтовикам, солдатам-окопникам это было понятно без славословий.

«И ребятки с вами в Ленинграде были?»

«Были трое, уцелели двое. Мать погибла. Свекровь погибла. Брат мужа погиб. Племянница погибла».

Говорит просто. Уже выплакано. После войны о *таком* говорили просто.

«Обстрел? Бомбежка?»

«Голод».

«У вас, может быть, и награды есть?»

Вагон позванивает медалями на новеньких и затертых ленточках. Поблескивает солдатской Славой и Красной Звездой.

«Вот они, две мои медали», — кивает на нас с братом.

«Какие ж это медали? Считайте, Анна Петровна, это у вас два ордена».

А потом была ночь. Украинская ночь. Теплая. Звездная. Так хорошо было стоять у бруса, перегораживающего открытую дверь теплушки. Солдатская рука придерживает, мало ли, тряхнет, и вообще...

Так не могло быть, но когда я вспоминаю эту ночь, мне кажется, что вдоль всего пути, по которому мы ползли, я слышал одну песню: «Галю, Галю, Галю молодая... підминулы Галю, забрали з собою...» И пели ее не в вагоне, она была снаружи, словно пела сама земля...

Днем были в Киеве. Не помню уже, как это получилось, но из Киева мы ехали уже пассажирским поездом транзитом через Москву к себе в Кандакашу.

В Москве наш поезд прибыл на Курский вокзал и стоял около часа. Мама даже решила нам сбегать на привокзальную площадь, чтобы еще раз взглянуть на горящую малиновым цветом букву «М» у входа в метро. Я помню даже *вкус* этой малиновой буквы, чуть сладковатый, как сироп у продавщиц газированной воды в прозрачных стеклянных узких колбах, высотой в две гильзы от противотанковой «сорокапятки». Помню и терпкий малиновый *вкус* пурпурных ленинградских трамваев. У каждого цвета свой вкус.

Когда мы с братом, вполне счастливые, успевшие выпить газировки без сиропа, прибежали на перрон, мама радостно разговаривала с каким-то представительным широколицым человеком.

«Не узнаете? — спросила мама. — Это же Быков Владимир Иосифович. Мы же на Ниве до войны в одном доме жили».

«Да где же им помнить», — важно прогудел монументальный Владимир Иосифович. Был он на стройке то ли начальником участка, то ли начальником техотдела. Немалым начальником, это точно.

Мама продолжила свой рассказ о нашем путешествии, но спохватилась:

«Господи, вы Николая Николаевича давно видели, как он?»

«Только что», — прогудел Быков.

«Что значит — только что?» — растерянно спросила мама.

«Так я же провожать его пришел. Только что простились».

«Как простились? Где он?»

«А вот в этом поезде», — и Быков великодушно показал на пассажирский состав, стоявший с другой стороны перрона.

«Где он? Какой вагон?»

«Вагон у него четвертый, это ближе к голове состава», — с важностью всезнающего человека пропел Быков.

Наверное, так бывает только в кино, в хорошо «закрученном» сценарии.

Мама тут же сорвалась с места, помчалась по перрону, огибая провожающих, отъезжающих, чемоданы и тюки... Но пробежала только два вагона.

От противоположного края платформы поезд тронулся.

С отцом мы увидимся почти через год.

Мама с растерянным лицом, тяжело дыша, вернулась к нашему вагону.

Быков, похоже, никуда не спешил и стоял с нами.

«Владимир Иосифович, как же так, почему вы не сказали?» — У мамы растрепалась прическа.

«Так вы же, Анна Петровна, уважаемая, не спросили. А спросили, я сказал. Я думал, вы знаете...»

«Знаю, что Николай Николаевич в этом поезде? — недоумевала мама, сдерживая досаду и гнев. — Как я могла это знать?»

«Вот это уж, простите, Анна Петровна, совсем не по моей части».

«Куда он поехал?»

«Совсем ничего не знаете? Как же так? — пробасил Быков с укоризной. — В Китай».

«Зачем?»

«Зачем ездят военные, мне знать не полагается, но догадаться можно».

«Какие военные?» — Нас провожал вполне штатский отец, главный механик Нивастроя.

«Подполковник».

«Он что, в форме?»

«А как же. И доложу вам, чудесная Анна Петровна, что военная форма очень идет Николаю Николаевичу».

«Куда он поехал?»

«Я же докладывал вам — в Китай, но это по секрету».

«Почему Китай? Какой Китай?» — Мама не могла прийти в себя и старалась не смотреть на Быкова.

«Сейчас военные эшелоны на Дальний Восток идут один за другим. Все видят, что что-то такое там готовится», — Быков докладывал так, словно если не по его замыслу, то уж с его милостивого разрешения военные эшелоны пошли на восток.

«Какие эшелоны?.. Мы же под Пирятином почти месяц жили. Вернее, под Гребенками, в деревне... Я же вам рассказывала».

«У вас, как в песне, получается: „На Север поехал один из друзей, на Дальний Восток другой...“»

Быков рокочущим смехом оценил свое остроумие и находчивость.

Я смотрел на этого высокой комплекции дядю, так торжественно разговаривающего, и не понимал, почему он не сказал маме, что папа в соседнем поезде. Может быть, и спросил бы, но грянул колокол, предваряя отправление нашего поезда. Проводница стала просить зайти в вагон.

Быков попрощался с самыми сердечными пожеланиями благополучной дороги.

За то время, что нас не было, изменилось наше место жительства в Кандалакше. Папа переехал, оставив избушку у «Свинячье-пороссячьего» озерца в Кандалакше. Почему отец так назвал этот водоем, питавшийся, скорее всего, стоками из городской бани, не знаю. И озерцо, и избушка уместились между забором 310-го завода и лесной биржей на берегу залива, куда мама гоняла нас с братом собирать летом щепки для плиты.

Отец перевез наши пожитки в двухкомнатную квартиру в итээровском доме в поселок строителей гидростанции Нивы-III. Квартира! две комнаты с печкой, кухня с плитой... Отхожее местом! холодное, но свое и непродувное! Квартира была меблирована кушеткой с тремя ковровыми подушками и двумя валиками, двумя подростковыми кроватями, обеденным столом, платяным шкафом и пятью стульями, все с овальными, в два ногтя величиной, металлическими бирками «коммунального отдела НиваГЭС-III».

Два одноэтажных четырехквартирных дома, в два крыльца каждый, стояли под прямым углом друг к другу, но не вплотную, как раз между ними были ворота, а обширный двор с сараями и огородами был обнесен дощатым забором. С легкой папиной руки это подворье так и будут звать в поселке — «Кремль»! Благо и место высокое, рядом с недостроенной школой, лишь выведенной к 1941 году в кирпиче наполовину первого этажа.

К 1950 году достроят все четыре этажа, и мы еще три года в ней поучимся!

От отца приходили из Маньчжурии письма, и мы осваивали китайскую географию. Маньчжурия. Ровно сорок лет назад наш дед, полковой врач 3-го Вернеудинского казачьего полка, Николай Никандрович Кураев как раз и воевал в этих краях и слал отсюда письма своей невесте Кароле Васильевне. Теперь из Мукдена, Чаньчуня и города Куаньчендзы, именовавшегося Гирином, получали письма мы.

Мама копила для отца регулярно получаемые по карточкам папиросы «Для охотника», более всего напоминавшие «Беломорканал». Чтобы зелье не соблазнило ее мальчишек, она «прятала» папиросы на крыше древтрестовского платяного двухстворчатого шкафа, стоявшего в нашей с братом комнате.

Однажды, пока мама была в каком-то продуктивно-хозяйственном походе по поселку, мы с приятелями, Славиком-большим и Славиком-маленьким, устроили «перекур». Накурились до одури. Мама застала нас едва держащихся на ногах, тем не менее каким-то тряпьем пытавшихся выгнать в форточку тучи табачного дыма.

Мама закрыла дверь на ключ изнутри, чтобы «гости» не сбежали, и выдрала кожаной собачьей своркой всех подряд. Помню, как Славик-маленький, сын начальника милиции, нашего соседа по крыльцу, выл и орал, дескать, скажет отцу, тот придет и вас застрелит. Страшная угроза не остановила карающую руку. Отец Славика-маленького отнесся к произведенной над его сыном экзекуции с добрососедским пониманием.

Папиросы со шкафа исчезли и дожидались отца в каком-то надежном, так и не открытом нами с братом месте.

...ПАПИРОСОЧКА

В Индустриальном институте, как в ту пору именовался ленинградский Политех, при распределении двадцатишестилетнему выпускнику предложили на выбор — Медеплавильный комбинат на Балхаше или строительство гидростанции в Заполярье.

Диплом выпускника электромеханического факультета давал гарантию работы на заводах и на серьезных стройках. Чем придется заниматься на стройке в Заполярье или на Балхашском медеплавильном, рисовалось весьма неотчетливо, поэтому выбирать приходилось между холодом и зноем.

Выбирал не сам, выбирала жена, в свою очередь избранная отцом в конце пятого курса и на всю жизнь. Будущая наша мать, родившаяся в Санкт-Петербурге, не представляла своей жизни вне Ленинграда, и потому выбор пал на Кольское Заполярье, расположенное всего в тридцати шести часах езды на поезде.

Вот и всех троих сыновей мама родила в Ленинграде... Так уж случилось.

22 июня 1941 года застало отца и мать в Кандалакше.

Мама была в положении. По всем срокам разрешиться должна была где-то в ноябре. Война войной, но дети являются на свет, к счастью, не ведая, что творится на белом свете и что их ждет... Хотелось, чтобы предстоящее разрешение от бремени все-таки случилось в безопасном месте. В Кандалакше еще помнили полыхнувшую над этими краями Финскую войну, затемнения, залитые по команде по радио топившиеся печи...

Более безопасного на земле места, чем Ленинград, мама не представляла. Туда и отправилась с благословения отца в первых числах июля, подхватив нас с братом.

В первые же дни войны приказом наркома электростанций Леткова отец был назначен ответственным за эвакуацию коллектива и оборудования НиваГЭССтроя в Казахстан, на Чирчик. где предстояло спешно достроить для нужд обретающего новое значение промышленного района гидроэлектростанцию, строившуюся чуть ли не с 1935 года.

С поставленной задачей отец справился, эшелоны ушли на восток, его же оставили для ликвидации уже возведенных сооружений и тоннелей в случае угрозы сдачи города.

Разумеется, ему не нужно было сидеть день и ночь у подрывной «машинки».

Уже в конце августа отец был призван в Оборонстрой.

Упорное сопротивление 42-го стрелкового корпуса генерала Панина не позволило немцам прорваться к Кандалакше. 122-я дивизия держала оборону в районе Куоляярви, 104-я выдвинулась и закрепилась у озер Кайралы и Апяярви. Наши дивизии по численности уступали немецким в полтора-два раза. А в авиации у немцев было четырехкратное превосходство численное и вдобавок, увы, еще и качественное. Нашим «ишакам» (И-16) с двумя пулеметами драться с «мессершмиттами» с их четырьмя пулеметами и превосходством в скорости было тяжело.

Враг рвался к Алакуртти, откуда в сотне километров и по железной дороге, и по шоссе была Кандалакша.

В первые месяцы войны как-то было, как говорится, не до наград, тем удивительнее, сколько защитников Кандалакши были удостоены звания Героев Советского Со-

юза в первые два месяца боев. Танкисты, командиры танков Борисов и Грязнов. Пулеметчик Данилов. Начальник штаба 273-го полка майор Кузнецов... Всех ли вспомню. Здесь стояли насмерть.

Сорок дней наши две дивизии держали оборону в районе Кайралы.

А чтобы защитить город, не дать врагу перерезать Кировскую железную дорогу, соединявшую Мурманск со страной, день и ночь шли работы по возведению рубежей обороны на Западном направлении.

Отец участвовал в строительстве наших позиций на рубеже «Верман».

9 сентября гитлеровцы форсировали реку Тумчу и овладели господствующими над окружающей местностью горами Лысая и Войта.

Ценой серьезных потерь противник за три месяца боев продвинулся на 70–75 километров. На юге они уже замкнули блокаду Ленинграда, рвались к Москве, а здесь за каждый километр, за каждые сто метров платили кровью.

Истощенные в боях 122-я и 104-я дивизии 9 сентября отошли на рубеж обороны «Верман».

20 сентября 1941 года именно здесь враг был остановлен, именно этот 87-й километр Алакурттинской дороги станет для захватчиков неодолимым.

Через три года Красная армия отсюда пойдет в наступление.

На подступах к Кандалакше, пока армия сдерживала атакующих немцев, было создано семь рубежей обороны.

В штабе 14-й армии, защищавшей на Алакурттинском направлении город, была составлена карта организации огневых точек и взаимодействия подразделений на случай уличных боев в городе.

«Строптивая» Кандалакша была готова и к боям внутри города. На ближних подступах к городу были оборудованы доты и дзоты, артиллерийские позиции, огневые точки были рассредоточены и в самом городе... Слава богу, а заодно и строителям рубежей обороны, до уличных боев дело не дошло.

По завершении работ на Оборонстрое отец был назначен заместителем главного инженера на 310-м заводе, откуда через полгода был, как тогда говорили, взят на пост заведующего промышленно-транспортным отделом Кандалакшского горкома ВКП(б).

На три года Кандалакша стала прифронтовой.

От ближайшего немецкого аэродрома в Алакуртти было сто километров. Город, железнодорожную станцию, три завода и порт бомбили нещадно.

Мне довелось читать служебную записку отца с предложением не отключать электросети при объявлении воздушной тревоги. Он подсчитал, сколько было ложных тревог, когда «юнкеры» шли над Кандалакшей бомбить другие цели, — это раз. За полгода подсчитал попадания в электросети во время бомбежек, их было не так уж и много. Третье, урон от отключения предприятий и порта значителен. И, наконец, были отлажены работы по восстановлению нарушенных сетей.

Зимой 1942-го во время ночного налета стокилограммовая бомба угодила точно в магистраль, снабжавшую водой депо и весь железнодорожный узел. Бомба трубу пробила, но не разорвалась. Через пятнадцать минут она уже вмерзла в ударившую фонтаном воду. Магистраль, разумеется, перекрыли. Теперь нужно было вытаскивать изо льда это неподъемное средство борьбы с «пархатыми большевистскими казаками», как выражался один из персонажей Генриха Бёлля.

Над аварийным местом поставили треногу, завели на нее тали в расчете на полутонный груз, развели костер, грели воду и плавил лед. Остывшую воду отсасывали помпой, чтобы она не успела застыть. Отец руководил работой на месте. Промыш-

ленность и транспорт — зона его ответственности. Кипятком отогрели бомбу до половины. Завели тали на стабилизатор. «Голубушку», как она именовалась в рассказе отца, зацепили. Считали, что полдела сделано. Корпус-то тоже теплом окружили, согрели... Трогали рукой — тепленький! Решили тащить. И она пошла! Но когда вырвали «голубушку» изо льда и подняли на полметра, стабилизатор оторвался и она рухнула в свое ледяное гнездо. Вот хвалят немецкую технику, а ведь стабилизатор-то закрепили кое-как, да и взрыватель оказался на поверку ни к черту...

Для работы со взрывателем, для разоружения бомбы был вызван Василий Андреевич Коротких. Надо думать, одно его присутствие действовало на взрывоопасные предметы обезоруживающе. Почти четыре тысячи мин, неразорвавшихся снарядов и бомб он обезвредил со своими товарищами. Уже после войны они подсчитали — пятьдесят тонн взрывчатки. Сколько же бед отвели руки этих умельцев.

Отец остался защищать Заполярье, а мы благополучно приехали в Ленинград. Мама успела сфотографироваться с нами, двумя сыновьями, третий же прибывал еще в самом надежном на земле укрытии, в материнском лоне.

Фотография почтой ушла к отцу... Снова он нас увидит через два года.

А еще через десять лет он подойдет к дому на Восьмой линии...

Где-то в 1951 году, в одну из командировок из своей тундры-мундры в Ленинград, он шел по Восьмой линии, подошел к дому, где мы бедовали в блокадные дни, где и он жил до войны, откуда еще электромонтером ездил на работу на «Электросилу» и в институт, откуда инженером отбыл в Заполярье.

Теперь этот трехэтажный дом, построенный когда-то для старшего причта Благовещенской церкви, занимает милиция. Прямое попадание снаряда в здание у Среднего проспекта, где помещалась милиция до войны и в первый год войны, сделало милиционеров на время бездомными.

Пришлось искать новое место обитания... Облюбовали наш дом, а нам дали комнату в четырехэтажном доме младшего церковного причта по другую сторону церковного садика, на углу Седьмой линии и Малого проспекта.

Отец поднялся на третий этаж.

Тот же сквозной коридор. Те же двери.

На двери нашей комнаты табличка: «Начальник отделения милиции».

Сначала отец попал в тамбур, выгороженный для секретарши.

«Приема нет, — стуча на машинке и не поднимая глаз на отца, проговорила, как простучала, секретарша. — Я вам ясно сказала, приема нет!» — простучала уже строго, увидев, что отец берется за ручку двери в кабинет начальника.

«А я не на прием».

«Так куда же вы лезете-то?!»

«Во-о-от в эту комнату», — сказал отец и вошел в кабинет.

Следом за ним влетела перепуганная правоохранительница.

«Я же ему говорю, а он нахально...»

Отец окинул взглядом потолок. Лепная розетка над люстрой была та же, а вот лепной бордюр был срезан секретарской пристройкой...

«Товарищ, что у вас? — спросил подполковник в темно-синем кителе со стоячим воротником и узкой планкой невысоких наград над левым нагрудным карманом.

В городе только что произошли большие события, и повсюду обновилось начальство.

«Это наглость такая, я ему говорю, а он...»

«Помолчи. Гражданин, что вы хотели?» — спросил новый хозяин нашей старой комнаты.

«Я хочу выкурить здесь папироску...»

Начальник откинулся в кресле. Помолчали.

«У меня в этой комнате умерли сын и мать».

«Даша, дай товарищу пепельницу», — сказал начальник и погрузился в бумаги, разложенные у него на столе. Сам он, видимо, не курил.

Отец был не совсем точен, но не тот был случай, чтобы входить в подробности. Здесь умерла Ольга Алексеевна, мать его жены, его мать умерла двумя месяцами раньше, 1 декабря 1941 года, но по другому адресу.

Даша взяла пепельницу со стола для совещаний и, поджав губы, подала.

Отец сел на стул у стены, достал свой привычный «Беломор», закурил.

Было лето. Сквозь опущенную фрамугу из церковного садика доносились детские голоса. Детей в Ленинграде после войны было много, школы были переполнены, и сад между Седьмой и Восьмой линиями до позднего времени был полон визгов, беготни и криков.

Наверное, отец прикинул, сколько сейчас могло быть его Борьке. Сереже — четырнадцать... двенадцать Мишке... Боре было бы десять... Похоронить не было сил. Он лежал за окном между рамами... В каком окне? В левом? В правом? Вот в это, правое окно, где стояла их кровать, 5 сентября 1935 года Юрка кидал камешки. Добросить до третьего этажа и не разбить стекло надо уметь. Парадную на ночь дворники закрывали, и проникнуть в дом милый друг, друг еще с биржи труда, для сообщения о рождении дочери никак не мог. Отец проснулся от легких ударов в стекло, выглянул в окно... Всю ночь друзья кочевали по чайным и закусочным, работавшим в ту пору до утра в интересах извозчиков, шоферов такси, трамвайных ремонтников и разной беспутной публики... Юрка в блокаду командовал батареей 152-миллиметровых орудий, позиция была прямо на территории колпинского завода... Занимался контрбатарейной борьбой...

В окно был отчетливо виден разбитый центральный купол пятиглавого Рождественского собора, обращенного перед войной в механические мастерские.

Вспомнил рассказ жены...

Это было в середине декабря 1941-го, она кормила полупустой грудью Борю, когда начался обстрел. Нехватку еды мать, обманывая себя, пыталась компенсировать строгим исполнением режима кормления. Заслышав сообщение по невыключавшемуся радио о начале обстрела, старшие заныли и стали собираться в бомбоубежище. Но мать была непреклонна. Уже и дети успокоились, когда шарахнуло так, что дом вздрогнул и поехал... На стене висели часы с маятником в деревянном футляре. Мама не отрывала от них глаз, боясь перекармливать ребенка. Но маятник после оглушительного взрыва за окном припал к стенке футляра, часы медленно поползли по стене, как ползет стрелка кренометра где-нибудь на ходовом мостике при размашистой качке. Дом пошел, готовый вот-вот рухнуть. Скособоженные часы замерли. А стена поползла обратно. Дом выстоял. Ольге Алексеевне и Боре было дано прожить еще два месяца...

Почему-то младший брат отца, Аркадий, называл этот садик — *тошиловкой*, может быть, знал, что раньше здесь было кладбище?

Сюда Аркадий пришел последний раз в середине августа, принес племяннику синюю пилотку с матерчатой красной звездой, ту, что полагалась летному составу. «Кадик, когда следующий раз тебя ждать?» — спросила мать, Кароля Васильевна. «Ты видела плакат: „Грудью защитим Ленинград!“, похоже, защищать больше нечем, ты же видишь, что творится?» С тем и ушел.

Ни похоронки, ни извещения «пропал без вести», ничего, словно не было эскадрильи, полка, воздушной армии...

Кадик летал на «СБ».

Отец видел, как их «мессершмитты» жгли над тундрой...

Вспомнил воздушный бой, самый первый, что видел над Верманом, где возводили укрепления.

Понять, где кто там наверну, где наши, где не наши, было невозможно. Выли моторы, из поднебесья доносилось «тук-тук-тук». С десяток самолетов, едва различимых с земли, крутились возле друг друга, как осенние мошки, будто им было мало неба... Наконец-то один задымился и, кувыркаясь, стал падать к земле. Ждали, что немец выпрыгнет с парашютом, но машина загорелась, и никто из нее не выпрыгивал... Казалось, что горящий самолет упадет на голову, но он упал метрах в трехстах. Все, кто видел эту воздушную круговерть, тут же бросились к месту падения и взрыва. Отец чуть не споткнулся об оторванное взрывом колесо. Нагнулся, прочитал: «Ярославский шинный завод». Помнил свое недоумение: разве может быть сбит наш?

Догорая, папироса не жжет пальцев, как сигарета, просто гаснет.

Докурил. Поставил пепельницу на место.

«Спасибо».

«Пожалуйста, пожалуйста», — не поднимая головы от бумаг, проговорил подполковник, словно к нему чуть ли не каждый день вот так заходят выкурить папиросочку.

ЧЛЕН ПАРТИИ

Как-то мне попала на глаза коричневая картонная книжечка, на обложке значилось: «Кандидат в члены ВКП(б)». Это была «кандидатская» книжка отца, с записью уплаты членских взносов. Последняя запись: «Переведен в члены ВКП(б)». Меня, естественно, удивил срок пребывания отца в кандидатах — почти десять лет! Спросил, не ошибка ли какая и почему так долго проверяли пригодность отца для членства в партии. Может быть, что-то вызывало в отце подозрение у настоящих партийцев? Нет. 30-е годы ознаменовались бурными событиями внутри партии, борьба с «рабочей оппозицией» после XV съезда, убийство Кирова, процессы над недавними вождями партии, над видными военачальниками, словом, прием новых членов был не самым актуальным вопросом внутривнутрипартийной жизни. Отсюда и такой кандидатский стаж! И не только у отца. Из кандидатов в члены партии отец перешел в 1939 году, в год моего рождения.

У отца была возможность сделать партийную карьеру, но он решительно отказался. Я об этом узнал, лишь просматривая документы, относящиеся к отцу и строительству Нивского каскада в архиве ГБ в Мурманске, и гражданском архиве в Кировске уже в нынешние времена.

Членство в партии...

Разумеется, у меня были с отцом разговоры об этом предмете.

Отец видел, я пять лет, десять лет, пятнадцать лет работаю на «Ленфильме» в должности редактора, члена сценарно-редакционной коллегии, и — ни с места! Чтобы двинуться «с места», нужно вступить в партию. Препятствий к тому было два. Первое. Меня устраивало «место», занимаемое мной в творческом процессе, составляющем суть работы над фильмом. Не занимая «ответственного» поста, я отвечал только за самого себя и мог позволить себе не участвовать в конъюнктурных изделиях, непременно

но внедряемых сверху в производственно-творческие планы студии. В результате ни в одном из полусотни фильмов, вышедших с моим именем в тиражах, мне сегодня нет нужды менять ни единого слова. Второе. Я не мог представить себя говорящим или делающим что-то несогласное с моими представлениями о должном в порядке «партийной дисциплины».

Отцу казалось, он даже, пожалуй, был убежден в том, что я беспартийностью обрекаю себя на жизнь на обочине.

Конечно, разговоры о роли коммунистической партии, о ее всевластии были тлеющей темой, иногда вспыхивающей обжигающим спором.

Впрочем, отец был убежденным коммунистом, помню его размышления о власти.

«Я же вижу, во что перерождается наш партийный аппарат. Но все не так просто. Как ты думаешь, почему японцы так дорожат своим императором, а англичане королевой? Что, они без этих кукол не прожили бы?

Почему богов почитают? То же самое.

Людам нужно верить, что есть кто-то добрый, мудрый, справедливый, милосердный, бескорыстный, воплощение всех достоинств, кто и поймет, и утешит, и поможет. И еще. Император, королева — воплощение смысла существования державы, не сиюминутный, а, почитай, вечный. Инстинкт самосохранения нации правильно подсказывает необходимость иметь институт, соединяющий и примиряющий все многообразие непредсказуемой жизни.

Единство нации не пустой звук.

У японцев во время войны было две с половиной тысячи камикадзе. А желающих вступить в их ряды вдвое больше. Самолетов не хватало. Умереть за императора, умереть за Страну восходящего солнца почиталось счастьем! Потому этот народ после губительной и проигранной войны вышел в мировые лидеры. Вон они какие символы-то бывают!

Несмотря на все предупреждения, от Льва Толстого до собственных министров, Николай не понял предназначенной ему роли. Решил, что будет править, как его батюшка. А времена-то переменились. Народилась буржуазия, капиталисты. Кукла им бы еще и пригодилась, а вот самодержец, чье слово выше закона, повелитель и указчик ни на дух им был не нужен. Еще и сволочь вокруг трона тоже о себе думала, как выслужиться, как угодить, как отхватить, что поближе лежит. И об этом ему Толстой писал: какой бы он ни был хороший государь, он никак не может управлять сам 130-миллионным народом, а управляют народом приближенные царя, заботящиеся больше всего о своем положении, а не о благе народа.

А еще пугали царя и „спасали“. Прибыльное дело.

Не с топорами и вилами шли на дворец, а с хоругвями. Не комиссар в кожанке с маузером впереди шел, а поп с крестом.

Не давал Николай приказа стрелять в народ, шедший к нему с петицией. Его и в Петербурге тогда не было.

Распорядились царевы угодники, а „Кровавым“ -то Николая нарекли.

И ни булыгинская дума, ни виттевский манифест, ни столыпинские виселицы и пулеметы, ни зубатовские успокоительные капли для рабочих — ничто уже помочь не могло.

Самодержавие совершило самоубийство.

Не поверил царь мудрому и совестливому графу, тот был старик прямой. Тот ему без околичностей писал: самодержавие есть форма правления отжившая, могущая соответствовать требованиям народа где-нибудь в Центральной Африке, отделенной от всего мира, но не требованиям русского народа, который все более и более просвещается общим всему миру просвещением.

Горох отлетел от стены и стал пулей в ипатьевском подвале.

Но прежде буржуи и либералы царя прогнали, сами будем править. Свобода! И все такое.

А что началось? Анархия. Полный развал. Бедлам.

В Китае когда Маньчжурская династия была свергнута? В 1911 году. И сколько шла в Китае гражданская война? До конца 1949 года, пока не взяли власть коммунисты. Не ждала ли нас такая же тридцатилетняя война? По сути, сейчас в Китае тот самый нэп, который Ленин считал и для нас долгосрочной перспективой. Конечно, китайцам было в чем-то проще. Советский Союз был для них гарантом от внешнего вмешательства. Могли спокойно искать свой путь. Единовластие для обширнейших, многообразных во всех отношениях территорий с огромным населением — это условие и существования, и развития. Вот почему я коммунист».

И еще отец объяснял свое членство в партии не только искренней убежденностью в превосходство строя без власти денег, без власти частной собственности, без деления людей на высший сорт и низший.

— Оставаться беспартийным сегодня — значит оставаться недеятельным. На такую безучастную роль я не могу пойти.

Мне, защищая свою беспартийность, оставалось только отыскивать примеры плодотворной жизни, даже успешной карьеры, вне партии.

«Командующий Ленинградским фронтом Говоров вступил в партию только в сорок втором году... Шостакович Дмитрий Дмитриевич вступил в партию на пятьдесят пятом году жизни... Вот и маршал Москаленко стал маршалом, не имея партбилета... Может быть, и я к пятидесяти пяти созрею...»

Я еще не знал в ту пору, что Славский Ефим Павлович, трижды Герой Социалистического Труда, возглавлявший советскую атомную промышленность, вступил в партию в возрасте шестидесяти трех лет, в 1961 году. Но это мало что меняло.

Наверное, отцу моя позиция казалась юродством.

Однако к пятидесяти годам я все-таки «созрел» и в убеждении, что в XXI век мы войдем под красным знаменем, при Горбачеве я уже не видел препятствий для вступления в партию и на очередное предложение ответил согласием. Отца, не дожившего до этого дня, едва ли это событие могло порадовать, поскольку только Поприщин у Гоголя считает, что в сорок три года самое время начать делать карьеру.

Впрочем, отец от карьеры партийного функционера отказался, хотя от предложения достаточно высоких партийных постов *на уровне* обкома отказываться не приняло. Все знали, что предложение партийной должности, равное по сути назначению, прежде чем будет сообщено счастливцу, согласовывается, обсуждается, взвешивается, утрясается на каком-то не видимом никому кадровом решете... Конечно, отец все это знал и тем не менее сумел от высокой чести отказаться.

Как?

Он никогда об этом не рассказывал. Рассказали документы «личного дела» отца, которые я нашел в архиве. В мурманском архиве, где я смотрел материалы, относящиеся к отцу и строительству Нивского каскада, «Личного дела» отца не было. Оказывается, областной партийный архив разделили. Скорее всего, чтобы сохранить кадры, оставшиеся после 1991 года без работы.

В Мурманске мне сказали, что «личное дело» отца в Кировске.

Судьбе было угодно распорядиться так, что четыре фильма по моим сценариям снимались в мурманских краях, на моей действительно второй родине. Съемки фильма «Петя по дороге в Царствие Небесное» велись в Кировске. Режиссеры, как правило, очень ревниво относятся к присутствию сценариста на съемочной площадке. И режиссер Николай Досталь, успешный профессионал, не был исключением. Я объяс-

нил, что меня в Кировске не съёмочная площадка интересует, интересует, конечно, но не в первую очередь, в первую очередь — архив! Препятствий к моему появлению в зимней киноэкспедиции не было.

Листаю «дело» отца и без труда нахожу ответ на вопрос, который не сумел задать отцу при жизни.

Когда предлагается партийная должность, кандидату необходимо собственноручно заполнить анкету и написать автобиографию. Ритуал вполне рутинный. И я увидел, что именно в своей автобиографии отец и написал отказ от высокой чести. Сначала шло стандартное перечисление мест учебы, работы, а в конце сказано то, что не могло понравиться «приглашающей» стороне. Отец написал о том, что в 1945—1946 годах возглавлял в Маньчжурии советскую дирекцию одной из крупнейших гидростанций Китая, Фынманской ГЭС на реке Сунгари...

Сейчас непросто представить себе строгие правила функционирования партаппарата. Там была своя логика. Есть пролетариат, передовой класс, есть коммунистическая партия, передовой отряд этого класса, но есть еще и в передовом отряде лидирующая, ведущая и направляющая когорта. И сильна она не столько глубиной убеждений, но в первую очередь дисциплиной, и на деле даже дисциплина важнее, чем всякие там убеждения. Попавшие в обойму партаппарата на любом уровне это ясно понимали. Понимал и отец, призванный во время войны в Кандалакшский горком заведовать отделом промышленности и транспорта. Еще летом сорок третьего года его друг писал сестре отца в Ленинград о том, что отец «параллельно с текущими делами не бросает мысли вновь работать по специальности, правда, это сопряжено с большими трудностями, и необходимо преодолеть целый ряд больших и малых препятствий, но все же дело не безнадежное».

«Приобретенный опыт и накопленные знания предполагаю использовать в работе на строительстве Нивского каскада гидростанций в Заполярье».

Это был последний абзац, четко выделенный в написанной без единой пометки четким отцовским почерком автобиографии. Прочитан высокой инстанцией он был правильно. «Хочу строить...» Ну что ж, не понимает человек, какая честь ему оказана, не понимает, какие перспективы перед ним открываются, ну что ж, два раза *туда* не зовут.

Уже по должности отец входил и в партком стройки и руководимого им проектного института, а как начальник строительства Нивского каскада был членом, уже не помню точно, то ли бюро Мурманского обкома, то ли членом пленума, во всяком случае, в Мурманск ездил регулярно, благо дорога не дальняя.

Помню несколько его рассказов про эти бюро.

По партийному ритуалу секретаря парткома стройки утверждало бюро обкома, а назначал ЦК, поскольку должность из номенклатуры ЦК. При некоторой абсурдности «утверждения» решения, принятого высшей инстанцией, тем не менее «порядок» должен быть соблюден строго.

Отец и вновь назначенный секретарь парткома Нивастроя Кузьмин Георгий Гаврилович едут в Мурманск на утверждение на бюро обкома... присланного по распоряжению ЦК парторга Кузьмина Георгия Гавриловича.

Утверждение на бюро идет по установленному ритуалу, неукоснительному, как церковная служба.

«Кандидат» обязательно должен рассказать автобиографию и ответить на вопросы, после этого бюро голосует.

Кузьмин биографию рассказал. Теперь вопросы. Без вопросов нельзя, ведется протокол.

Вопрос: «Как у вас с политучебой?»

Четкий ответ: «Работаю над первоисточниками».

Вопрос: «Что последнее вами изучено?»

Ответ: «Прошел „Мойдодыр“, приступаю к „Дяде Степе“».

Ответ озадачил. Повисло молчание. Кто улыбался, кто хмурился.

Отец разъяснил: «У Георгия Гавриловича сынишка родился...»

Посмеялись. Поздравили. Утвердили единогласно. Все же свои.

Помнится эпизод также с утверждением в должности ни много ни мало командующего армией, дислоцированной в Мурманской области, генерала Колпакчи. Не ранг обкома такие должности, но ритуал опять же должен быть исполнен.

Отцу очень понравился ясный, четкий доклад генерала, без лишних слов, без акцента на боевых заслугах, об участии в войне сухо, по-деловому, без упоминания наград, обозначенных четырьмя рядами колодок на генеральском мундире. Еще до начала бюро многих интересовало, какой национальности этот смуглого обличья Колпакчи. Чистейшее любопытство, поскольку не утвердить генерала, уже назначенного на должность Москвой, просто невозможно.

А как спросить? Не спросишь же: «А не еврей ли вы, товарищ генерал?»

Нашелся человек, сумевший удовлетворить вполне лояльным вопросом общее любопытство.

«Ваше вероисповедание?»

Четкий ответ: «Бывшее православное».

Ну и слава богу! Утвердили генерала на посту командующего армией единогласно, генерал боевой, да и Север в ту пору был местом горячим⁷.

Истории вроде бы и безобидные, даже забавные, может быть, а в сущности, как теперь понимаешь, — свидетельство бюрократизации, «обрядоверия», на пути к омертвлению призванного двигать жизнь организма. Да, вполне характерная подробность, как бюрократическая патология превращает организм в механизм.

В чем разница?

Совсем небольшая, организм обладает способностью развития, он живет, он связан с окружающей средой, он способен реагировать на ее изменения. Иное дело — механизм, это приспособление, устройство, предназначенное к исполнению одной или нескольких функций. Он — вещь в себе. И партия, постоянно совершенствуя свой «аппарат», стала даже не «вещью в себе», а «вещью для себя».

Именно события августа 1991 года показали, что партия из организма превратилась в бюрократическую нежизнеспособную структуру. Ни для кого.

ОТЕЦ В РОЛИ ЖИМЕРИНА

В 1991 году я жил в писательском поселке в Пахре под Москвой. Оказалось, что у Дмитрия Георгиевича Жимерина дача как раз в Пахре. Разузнал его дачный телефон. Позвонил. Назвался. Спросил, помнит ли он моего отца.

⁷ Только здесь, на Севере, в ту пору была сухопутная граница с НАТО, километров пятьдесят границы с Норвегией, больше нигде НАТО по суше с Советским Союзом не соприкасался. Именно поэтому как раз на Севере много чаще, чем на Балтике, американские самолеты-разведчики после встречи с нашими истребителями безвозвратно «удалялись в сторону моря».

Сразу почувствовал, что мой звонок явно был ему в досаду. Я попросил о встрече. «У меня нет свободного времени», — сказал бывший нарком, бывший министр, в чью пору советская энергетика обеспечила стране безопасность и развитие⁸.

Это он стал наркомом в январе 1942 года, когда энергетика страны только по мощности электростанций была отброшена на уровень 1935 года. При том, что из-под наступающих немцев было отправлено в тыл 11 тысяч вагонов с электрооборудованием, наши потери составили около пяти миллионов кВт установленных мощностей. Не все демонтированное и погруженное удалось довести, удары авиации по эшелонам и коммуникациям делали свое дело.

Мы потеряли 61 электростанцию, 10 тысяч километров линий электропередач высокого напряжения. А сколько немцы вывезли? Освобождали от большевизма? Пропаганда для дурачков. Завоевывали и грабили. Демонтировали и отправили в Германию 1400 паровых и гидравлических турбин, столько же паровых котлов, 11 300 различных генераторов, а электромоторы, трансформаторы, силовые и телефонные кабели, приборы измерения и защиты, все тащили!

Но только Уралэнерго в 1942 году увеличил свои мощности на 40 % процентов, а к 1944 году — удвоил!

А в 1946 году наша энергетика не только достигла, но и превзошла довоенный уровень на один миллион кВт мощности.

Нарком Жимерин Дмитрий Георгиевич оставался на своем посту всю войну и еще восемь лет после.

«...Нет свободного времени». Только теперь я его понимаю, чем старше становишься, тем меньше остается «свободного времени».

И все-таки я думаю, что не в нехватке свободного времени было дело.

В 1991 году он видел, что смысл его жизни и тех миллионов, кто были его единомышленниками и соратниками, публике, рванувшей во власть и к поживе, не то чтоб недоступен или неинтересен, да просто перпендикулярен, враждебен.

Созидатели и расхитители разве могут понять друг друга?

О чем им говорить?

Люди из разных эпох. Из разных политических систем.

Но во все времена в любой политической системе, при любых правителях, и могучих, и жалких, деспотах и либералах, при любых войнах, справедливых и разбойничьих, при любвеобильных дамах и мальчишках на троне жизнь продолжалась и двигалась теми, кто пахал, сеял, строил, рожал и растил детей, учил и сам учился...

Никуда эти люди не делись и после того, как там, наверху, в конце 1917 года появились новые имена и лица.

Уже 3 мая 1918 года Совнарком рассмотрел первую смету сооружения трех свирских гидростанций. И осенью начались работы. Шли медленно, наконец практически прекратились. Но работу продолжили проектировщики. И гидрологи вели свои наблюдения в районах предполагаемого строительства. И то, что новая власть сразу же заявила о своих серьезных намерениях, надо думать, обеспечило ей поддержку в инженерной среде.

14 апреля 1919 года, накануне, можно сказать, деникинского наступления на Москву, Ленин подписывает постановление Совета обороны: приравнять работы по

⁸ Несостоявшаяся встреча не отбила охоту что-то узнать о человеке, к которому отец относился с уважением. Приходится пользоваться стенографическими записями разговоров с ним проф. Г. А. Куманева, воспоминаниями людей, знавших Д. Г. Жимерина.

строительству Шатурской ГРЭС к работам «по обороне страны и чрезвычайного значения по охране тыла».

В 1920 году «новые лица», еще не окончив войну за удержание власти, обратились к «старым лицам» с предложением начертать и осуществить Государственный план электрификации России, построить 29 тепловых и гидравлических станций, дать России полтора миллиона энергомощностей. Кто-то смеялся, другие вертели пальцем у виска. А «старые люди» не то чтобы полюбили новую власть, да, видно, не разлюбили дело, которому посвятили жизнь. И потому надели черные немаркие тужурки на стеганой подкладке, форменные фуражки со скрещенными молоточками над козырьками, натянули сапоги с высокими голенищами и пошли по еще воюющей стране!

Пошли для начала посмотреть и посчитать, что еще уцелело, что можно пустить в дело.

Они пересчитали все трансформаторы, все распреустройства, все пригодное оборудование для подстанций, все пригодные для строительства тепловых и гидравлических станций динамо-машины и генераторы...

Этот великий труд, инвентаризационная книга, написанная Робинзонами, выкинутыми бурей наконец-то на твердую землю, читается как поэма!

И как не вспомнить «инвентаризацию» народного хозяйства, проведенную с безоглядной алчностью, пальбой и душегубством в «святые 90-е»!⁹

Когда читаешь про количество фарфоровых изоляторов, видишь, как первопроходцы в инженерных фуражках их нашли, пересчитали до единого и сохранили, чтобы пустить в дело. Не то что сотни метров кабеля, мотки проволоки были взяты на учет!¹⁰

Вот хотя бы несколько имен этих Робинзонов, «старых русских», будущих академиков АН СССР.

Графтио Генрих Осипович, 1869 года рождения.

Кржижановский Глеб Максимилианович, 1872 года рождения.

Александров Иван Гаврилович, 1875 года рождения.

Винтер Александр Васильевич, 1878 года рождения.

Веденеев Борис Евгеньевич, 1884 года рождения.

Они и сотни их почти забытых соратников не только составили фантастический план, не только, что называется, руками собрали скудное хозяйство, но этот план и осуществили.

В стране, которую «мы потеряли», и без того скудно электрооснащенной да еще и разоренной Гражданской войной, рассчитанный на 10–15 лет план ГОЭЛРО, казавшийся скептикам и остроумным врагам «элекрофикцией», был к 1940 году, всего за 20 лет, превзойден в семь раз!

Если бы перед войной мы не стали действительно могучей державой, нас бы никто не спас и не защитил. Нас бы с вами просто не было.

⁹ Именно «святыми» предложила считать эти годы вдова Бориса Николаевича Ельцина Наина Иосифовна.

¹⁰ Примечательно, что передвигаться приходилось между воюющими, по территориям, занятым в одном случае «красными», в другом «белыми». Стало быть, и те и другие понимали: люди дело делают, на Россию работают, так хоть не мешать. Кстати, такой же своеобразной «экстерриториальностью», как мне рассказывал участник Гражданской войны, народный артист СССР Александр Гаврилович Иванов, пользовалась в то же время почта. Это совершенно невозможно при войнах между разными странами.

Конечно, Жимерин читал, слышал по радио, видел по телевизору гневные обвинения советского руководства, которому всецело принадлежал. И зловещий Сталин в первую очередь, и его ближайшее окружение были объявлены людьми бездарными, малообразованными, серыми, тупыми, глупыми и помешанными на жестокости!

«Перед кем вы хотите выслужиться, кому хотите понравиться? — Бывший нарком, уроженец деревни Дубки Вятской губернии, в 1990 году мог спрашивать только себя. — Что вам мешает сделать больше и лучше, чем нам, бездарным, тупым, серым, малообразованным?»

Бывшему наркому, вытацившему энергетику во время войны на довоенный уровень и сделавшему все, чтобы приумножить ее в послевоенные годы, флаг «альтернативного мнения» и «поиска истины» должен был казаться всего лишь пиратским флагом тех, кто взял в конце концов страну на абордаж!

О чем ему было со мной говорить? Он был из времени созидателей, а я, как он, скорее всего, полагал, уже, надо думать, не раз «обжегшись на молоке», был для него из времени расхитителей.

По размышлении я понял, что на самые главные вопросы услышал бы, скорее всего, то, что я слышал от отца, когда вполне «в духе времени» обвинял, предъявлял вопиющие факты, судил безжалостно и, как теперь с горечью понимаю, терял не только чувство меры, но и необходимый в любом разговоре такт.

Отец под грузом обрушившихся в последние два года жизни тяжких болезней говорил не без досады, но спокойно, как человек, уставший после работы. Работа, вполне продуктивная, была смыслом его жизни, а теперь вот изволь объясняться с назойливой мухой, почему ты не был таким же умным, порядочным и дальновидным, как она, расположенная высоко на рогах поверженного «быка», откуда видно дальше и больше, чем быку, отдавшему все силы ниве.

Разве Жимерин сказал бы что-то другое, не то, что я слышал от отца? Слова, разумеется, были бы какими-то иными, примеры, а главная мысль сродни, как это бывает у единомышленников, делающих общее дело.

«Спасибо, наконец-то нам открыли глаза, и мы увидели, что зловещей фигурой был не только Сталин, но и его ближайшее окружение так же было малообразованным, тупым, серым, бездарным... Но скажи на милость, как же при безграмотных, серых и тупых злодеях-руководителях, в том числе высшего звена, народ за считанные годы превратил страну в могущественную державу?»

«Сам говоришь — народ!»

«Ага, у тебя как получается: собрался где-то народ и решил, а не построить ли нам Волховскую ГЭС, а не построить ли нам Магнитку? Эй, мужики, подходи, у кого лопата есть, будем „гэсу“ строить! Тебе самому, вижу, смешно».

«Так по принуждению...»

«Я начальник строительства, я директор проектного института, кого я принуждал? Кто меня принуждал? Кого по принуждению в вузы загоняли? А воюют, по-твоему, только добровольцы? Любое государство — механизм принуждения. А те, мой дорогой, что работают только по принуждению, за первые две пятилетки никогда бы не построили порядка шести тысяч только крупных предприятий. Давай прикинем, посчитаем. — Отец любил считать. Цифра — аргумент убедительный. — Две пятилетки. 3650 дней. Делим 3650 на шесть тысяч. В два дня вводилось три предприятия! Конечно, страна большая, но когда в этой стране было что-то подобное? И это не фабрики детских игрушек и производства леденцов. Авиационные заводы, машиностроительные, станкостроительные, тракторные, шарикоподшипниковые, танковые, по

производству боеприпасов, химическое производство... Не будь у нас всего этого, разве мы смогли бы устоять?

Да и силу немецкой армии люди сегодня, наверное, плохо себе представляют».

Отец видел и знал войну из прифронтового тыла, о том, что он рассказывал, я в ту пору нигде не читал.

«Сорок третий год, канун Курской битвы. Наверное, первая за всю войну операция, к которой обе стороны готовились так тщательно, сознавая ее стратегический смысл. Написано и про танки, и про ряды окопов, „опережающую“ артподготовку, Прохоровку, только не вспоминают о двух „бомбежках“.

Начиная с 4 июня 1943 года на протяжении двух недель немцы нещадно бомбили в Ярославле всю группу заводов резиновой и каучуковой промышленности и предприятия Горького, в первую очередь их флагман, Горьковский автозавод, выпускавший не только автомашины, но и танки. Вот такая у них была „артподготовка“. Били под дых.

Ярославль давал сорок процентов резиновой продукции в стране, а шинный завод практически один „обуwał“ пушки, самолеты, автотранспорт, давал резиновые обложки танковым каткам...

Около трехсот бомбардировщиков непрерывно шли волна за волной на Ярославль. У кого сегодня хватит воображения представить себе три сотни вражеских самолетов над головой. Жилья сожгли пропасть. Накрыли сажевый завод, синтетического каучука, шинный и ЯАЗ, завод большегрузных автомобилей... Вместо обычных двухкилограммовых зажигалок, какими, к примеру, Ленинград засыпали, применили 50-киллограммовые зажигалки новой конструкции. Они прошивали перекрытие цехов и разливали какую-то тягучую дрянь, от пламени которой металл плавился. Такую щипцами не схватишь, в ящик с песком не сунешь. Такую никаким чертом не потушишь!

В костер заводы превратили. С грехом пополам потушили.

Повсюду обгоревшие остовы несущих колонн, рухнувшие перекрытия с обожженной и исковерканной арматурой, электромоторы, оборудование. И все завалено обрушившимися конструкциями... В технологическом оборудовании и электромоторах, как правило, были расплавлены все бронзовые подшипники, сгорели электрические обмотки в моторах, вышли из строя все наземные коммуникации инженерных и кабельных сетей.

То же самое в Горьком, так ударили по ГАЗу, что завод встал, а большинство цехов легло. 27 тысяч человек поднимали завод. И это не толпа. Для такой работы нужны бетонщики, монтажники, электрики, наладчики, ремонтники высшего разряда... Там же инженерные коммуникации восстанавливать, кабельные сети, приводить цеха в божеский вид, поднимать конвейер, менять и монтировать новое оборудование... Составить план восстановительных работ, обсчитать, сколько и каких строительных материалов необходимо, какое оборудование можно восстановить, какое подлежит замене...

Война идет. К Курской дуге подтягивают все что можно.

Напряжение на железных дорогах предельное.

А тут еще катастрофа в Ярославле и Горьком.

ГКО немедленно приняло постановление, предписывающее доставку в двухнедельный срок всех основных строительных материалов. Составы с грузами прибывали

днем и ночью, их еле успевали разгружать. Сорок третий год, война в разгаре, сколько можно, казалось бы, найти объяснений и оправданий задержкам, неполноте поставок, но не в двухнедельный срок, а в течение десяти дней все материалы в полном объеме были переброшены на заводские площадки. А каждый эшелон нужно было не только укомплектовать, но и вписать в график железных дорог, работающих с предельной нагрузкой. Ни страхом, ни многолюдством, ни молитвой такие задачи не решить. Только отлаженной, четко работающей организации это под силу.

И такая организация была — партийно-государственная, делавшая одно дело. Именно партийно-государственная, нравится это нам или нет.

В первые же дни в Горький прибыл нарком автопрома Акопов с замом по строительству. Сразу же были мобилизованы три тысячи человек из „Стальконструкции“, „Стройгаза“, „Центроэлектромонтажа“. А потом к каждому квалифицированному рабочему прикрепляли несколько человек на обучение.

Представим себе хоть на минуту этот колоссальный объем работы!

Какого напряжения человеческих сил все это стоило.

Каждый день. Каждый час. Что это? Не знаю.

Наверное — ВОЛЯ К ЖИЗНИ.

В какие-то отчаянные дни и годы в народе пробуждается эта небудничная, потаенная энергия, способная совершить невозможное. Но энергия эта должна быть организована и направлена.

Без прямой и оперативной помощи располагавшего всей полнотой власти ГКО разве с такой работой можно было бы справиться?

Тупые и бездарные разве могли бы такую работу реально осознать, понять ее масштаб и необходимые для исполнения средства? Значит, государственный механизм был способен решить и непосильные задачи: организовать, но сначала найти все необходимое, укомплектовать их в считанные дни (!) и доставить эшелоны со стройматериалами и оборудованием в Горький и Ярославль. При страшных потерях в жилом фонде обеспечить мобилизованных на восстановление едой, крышей над головой, спецодеждой, инструментами. И люди, если хочешь — народ, работали не за страх, а за совесть.

Сто дней и ночей в Горьком 27 тысяч человек расчищали завалы, покрывали цеха временными навесами, восстанавливали кабельные сети и монтировали оборудование.

Ярославцы на восстановление просили восемь месяцев, ГКО дал только пять, а сделали за три с половиной месяца. За три с половиной!

Курская битва, когда еще отгремела, уже Харьков освободили, а только в конце октября доложили в ГКО, что восстановление Горьковского автомобильного завода закончено. Как закончено? Продукция пошла, а главный конвейер, колесный цех, другие производства под открытым небом, работали под брезентовыми навесами.

Сталинградская битва в книжках, в кино, в песнях. А что было после Сталинградской битвы, кто помнит? Сто раз показывали Сталинград после побоища, снятый с самолета в феврале сорок третьего года. Сплошные руины, живого места нет, здания целого нет. 30 января Гитлер присвоил Паулюсу звание фельдмаршала. 31 января 1943 года фельдмаршал Паулюс сдался в плен. А теперь представь: 31 июля 1943 года восстановленная мартеновская печь завода „Красный Октябрь“, на территории которого шли бои, выдала первую плавку металла. Через месяц! была получена первая тонна проката на восстановленном прокатном стане.

2 ноября 1943 года Сталинградский тракторный завод выпустил первый мощный дизель, а 17 июня 1944 года с большого конвейера сошел первый опытный трактор СТЗ-3. Это в воюющей стране!

Не было такого в истории, чтобы шла такого масштаба война и одновременно шло восстановление металлургии, тяжелой промышленности, машиностроения и энергетики в таких вот масштабах¹¹.

Помнишь, что твой любимый Чехов сказал про народ? Слово в слово не помню, но как-то так: народ — это то лучшее, что каждый из нас делает. Точней не скажешь...»

«Но к войне-то были не готовы! Кто за это ответит?»

«Что значит — к войне не готовы? Страшно ошиблись с началом войны? Безусловно — трагическая ошибка. Помнишь, Бисмарк говорил: „Это не преступление, это хуже, это — ошибка“. Так и с началом войны. Но если бы наша промышленность, индустрия, энергетика, даже понесла страшные потери, не выстояла, разве можно было бы одолеть немцев. А ведь на них работала промышленность Франции, Бельгии, Чехословакии, вся первоклассная европейская индустрия. Чехия — лучшая в Европе кузница оружия. У них даже движения Сопротивления не было до сорок пятого года! Работали на фашистов не покладая рук. Но если победили все-таки мы, значит, хозяйственный, промышленный и политический организм Советского Союза был готов к войне.

Другого объяснения у меня нет.

Разумеется, к войне готовились по множеству направлений. Могу судить только по нашей отрасли, по энергетике. Вот тебе — Мосэнерго.

Кто сегодня помнит, что в 1940 году на всех электростанциях, в районах электрических сетей начали строить убежища и укрытия для сменного персонала. На предприятиях из состава ремонтных бригад создали команды МПВО, оснастили их инструментом, средствами индивидуальной защиты. На занятиях, проводившихся по специальным программам, отрабатывались приемы и последовательность действий каждого работника Мосэнерго.

Сегодня рассекречен документ, отпечатанный в единственном экземпляре с грифом „Совершенно секретно“. Руководство Наркомата энергетики предписывало управляющему Мосэнерго И. М. Ключкову: „Во исполнение Постановления СНК СССР от 05.06.1941 по строительству подземного диспетчерского пункта для Мосэнерго и ввода его в эксплуатацию в январе 1942 года“. Скажешь, за две недели до начала войны как-то поздновато. Но — до начала.

Смотри, немцы в 22 километрах от Москвы, готовится наше первое большое контрнаступление. Из района Дальнего Востока под Москву приходят 317 тысяч вагонов с войсками и военной техникой. Поезда шли со скоростью 1000 километров в сутки. Сегодня, через полвека, средняя скорость пассажирских — пассажирских! — поездов на наших железных дорогах знаешь какая? От силы 700—800 километров в сутки, а грузовых и вовсе 400. И это при том, что паровозов уже нет.

Откуда они взялись, эти войска и техника, если бы не готовились к войне?

А эвакуация предприятий на восток в сорок первом и первой половине сорок второго? Полтора миллиона вагонов, тридцать две тысячи поездов, да еще и под бомбежками. Косыгин, Первухин, Жимерин все занимались эвакуацией».

«Косыгин-Жимерин... народным хребтом войну выиграли».

«Сталин войну выиграл, Гитлер войну проиграл... Народ войну выиграл... Извини, это для разговора в пивной или на завалинке. Война — не игра, не футбол и не фехтование. Война — это уголь, нефть, лес, сталь, прокат, рудники, домы, мартены, железная дорога, продовольствие, медицина, наука... Это и есть военный потенциал страны. Но потенциал надо еще и уметь реализовать. Война — это в первую очередь огромная работа, и во время войны, и, разумеется, до войны. К войне готовились. Фильм „Если завтра война“ забыть не дают, а о том, как всерьез к войне готовились,

¹¹ «Невозможное возможно только человеку». Гёте.

почему-то не вспоминают. Забыли. А может, не хотят помнить? А то, глядишь, и портрет тупых и бездарных не сложится.

Не готовились, говоришь? 1937 год. Ничего, кроме репрессий, не помнят. А именно в тридцать седьмом принято решение по созданию военно-морского флота «пяти морей и океанов». Начато строительство новых судостроительных заводов и расширение старых — Балтийского в Ленинграде, Николаевского на юге, новый в Архангельске.

У нас был только один завод по производству брони. Именно в 1937 году принято решение строить такой завод на Урале. Проектируется большой завод по производству стали в Челябинске.

Ты знаешь, к примеру, о постановлении, принятом в 1940 году Совнаркомом о создании в Сибири и на Урале заводов-дублеров, авиационных, машиностроительных, металлургических? Знаешь о мобилизационном плане, имевшемся на всех предприятиях? Этот план предусматривал готовность перейти на выпуск военной продукции. Куйбышевскую ГЭС начали строить до войны. А в 1940-м стройку остановили, и кто остановил, известно. Весь стотысячный коллектив направили на строительство авиационных заводов в Куйбышеве. А еще был создан Госрезерв — металл, продовольствие, боеприпасы, горючие...

Эвакуированные из-под наступающих немцев предприятия только в журналистских реляциях выгружались „в чистое поле“ и начинали работать. Танковое производство с ленинградского Кировского было отправлено в Челябинск не с бухты-баракты. И танки стали выпускать не „в чистом поле“, а превратив тракторный в танковый. Это то, что я знаю, а насколько понимаю, знаю-то мало.

Первухин Михаил Георгиевич в 1957 году за причастность к „антипартийной группе“ был отправлен к нам, стал фактически министром энергетики. Вспомнил Хрущев, что Первухин тридцати пяти лет от роду стал в 1939 году наркомом электростанций и электропромышленности. Года через полтора, уже в 1940-м, стал заместителем председателя Совнаркома.

Первухин с началом войны занимался в ранге зампреда топливом и эвакуацией промышленности из-под немцев.

Помню его рассказ о том, как работали и спасали страну.

На рабочих местах сидели и ночью. Конец февраля 1942 года, звонит Поскребышев: „Позвоните товарищу Сталину“. Первухин звонит и слышит: „Политбюро назначило вас, товарищ Первухин, по совместительству наркомом химической промышленности“. Для того, как гром с ясного неба: „Я же инженер-электрик, товарищ Сталин, я слабо химию знаю и, откровенно говоря, не очень-то ее люблю“. Сталин ему на это: „Вы знаете, какое тяжелое положение сложилось в химической промышленности в связи с разрушением и эвакуацией большинства южных химических заводов. Необходимо поставить вас во главе этой отрасли, чтобы поскорее выправить создавшееся положение. Что же касается нелюбви к химии, то настоящий большевик скоро изучит и полюбит порученное ему партией дело“.

В таких случаях остается только поблагодарить за доверие и пообещать его оправдать.

А положение в химической промышленности к этому времени, то есть к концу февраля 1942 года, было кошмарное.

В первый год Отечественной войны мы потеряли до 80 % мощностей по производству серной кислоты, около половины — по производству аммиака, более 83 % — кальцинированной соды, свыше 60 % — красителей. У нас осталось только 30, максимум 40 % мощностей химических заводов, которые вырабатывали необходимое сырье для производства порохов и боеприпасов. То есть производство порохов и боеприпасов было поставлено под удар. И если бы на востоке страны не были за счет

перебазированных предприятий быстро расширены действующие заводы, нашей армии было бы просто нечем воевать. А теперь представь, к концу 1942 года, когда еще гремела Сталинградская битва, наша химическая промышленность не только достигла довоенного уровня производства южных химических заводов, но и превзошла его.

Почему об этом никто не помнит сегодня?

Это что, в другой стране было, другие люди спасали, строили, воевали?

А если к этому добавить, что в 1942 году снова пришлось и летом, и осенью заниматься эвакуацией предприятий из-под немцев, валивших к Волге и на Кавказ, можно представить себе объем работы.

А для полноты картины давай припомним, что как раз Первухин и Наркомат химпрома в конце 1942 года (!) включились в реализацию *атомного проекта!* Кстати, нелишне вспомнить, что созданный на «Электросиле» по просьбе директора Ленинградского физико-технического института АН СССР академика Иоффе Абрама Федоровича циклотрон был смонтирован за несколько дней до начала войны.

Для осуществления в атомном реакторе цепной реакции нужны 100 тонн природного урана в виде чистого металла или солей урана.

Не было у нас ста тонн, был десяток-другой на каком-то заводе по производству светящихся красок в Средней Азии. И в апреле 1944 года правительство принимает постановление о разведке урановых месторождений и организации добычи урана в больших масштабах. Ну, а сразу после Хиросимы, 20 августа 1945 года принимается постановление правительства о создании Спецуправления по строительству атомных предприятий и научно-исследовательских организаций. В августе 1945-го постановление, а 25 декабря 1946-го у нас был успешно пущен первый атомный реактор. 20 августа 1945-го постановление, а 29 августа 1949-го, через четыре года, в пять часов утра первое успешное испытание ядерного заряда.

С этих самых времен много лет работы по атомному оружию возглавляли в образованном впоследствии Министерстве среднего машиностроения Славский Ефим Павлович, трижды Герой Социалистического Труда, и генерал Комаровский Александр Николаевич, первый в стране генерал армии военно-технической службы. До него военным инженерам таких званий не присваивали.

Так что в разгар войны в стране шло параллельно восстановление химической промышленности и создание атомной. И работы эти вела воюющая и обескровленная войной страна.

Америка на войне богатела и двигала атомный проект, собрав лучших физиков мира. Нас война разоряла, да еще как! И кроме решения всех острейших вопросов сегодняшнего выживания в войне, хватило ума и мужества думать и о будущей войне. Надо ли напоминать, что только обладание ядерным оружием обеспечило нам семьдесят лет мирной жизни. Семьдесят лет без большой войны, такого в нашей истории не было. Надо об этом помнить, или так и будем плевать в наше прошлое?

Но вернемся к войне.

Помнишь стишок? „Не было гвоздя, подкова пропала. Не было подковы, лошадь захромала. Лошадь захромала, командир убит. Армия разбита, конница бежит. Враг вступает в город, пленных не щадя, потому что в кузнеце не было гвоздя“. Так что у нас все „гвозди“ хотя и с величайшим напряжением сил, с величайшими усилиями, но были или заготовлены или уже по ходу войны были выкованы и поставлены туда, где им положено быть. Лошадь еще как хромала, но, стало быть, сумели ее „подковать“ на ходу, в бою.

Реальность войны забывается, а это ежедневное решение самых неожиданных проблем.

Вот, к примеру, такой «гвоздь».

Сорок первый год. Демонтировано и отправлено на Урал оборудование Днепродзержинской ТЭЦ. Только вывезти оборудование чего стоило. Привезли. А котлы-то рассчитаны под донецкий уголь. Нет Донбасса, нет донецкого угля. И вариантов нет, у немцев не купишь. Котлы надо переоборудовать под уголь Кузбасса. Это не пиджак по фигуре подогнать. И рассчитать надо, и сделать проект, дать людям рабочие чертежи, найти материал...

И так на каждом шагу. Но с котлами, разумеется, без Кремля вопрос решался. А то, что уже в июне сорок первого, еще до того, как ГКО сформировали, пришла команда на демонтаж и отправку на Урал, в Челябинск, катавших танковую броню прокатных станов с Мариупольского на юге и с ленинградского Кировского заводов? Это уже из Кремля. Похоже, что обстановку и перспективы в Кремле оценивали довольно трезво.

А у тебя получается, в Кремле сидят серые, тупые злодеи-руководители во главе с „бездарным злодеем № 1“ да еще и, конечно, „параноиком“, а народ где-то собрался и сам по себе ковал победу? Народ на профсоюзном собрании решил вывозить из Ленинграда и с „Запорожстали“ прокатные станы?

Так не бывает.

Бездарные и тупые не могут держать в окружении людей талантливых, умных, смелых да еще и намного моложе себя. И не одного-двух, а целую когорту.

Ты посмотри на наших наркомов военного времени, на наш Совнарком. Это же молодые люди! Кого ни возьми, наш Жимерин — нарком электростанций в 38, а до этого уже два года в первых заместителях. И ранг. И ответственность. Непосредственно на местах руководил эвакуацией электростанций из-под немцев, наступающих на восток. Я эту работу, как ты понимаешь, немножко знаю. Знаю, что такое в перерывах между бомбежками вести демонтаж и комплектовать эшелоны.

Ну, давай оглянемся на других.

Устинов Дмитрий Федорович, нарком вооружения — 33 года, назначен за две недели до начала войны. Может быть, молодой начальник при старом, мудром заместителе? Так и первый его зам Новиков только на год старше. И оба до этого директора огромных оружейных заводов.

Тевосян Иван Федорович, нарком черной металлургии, и Малышев Вячеслав Алексеевич, нарком тяжелого машиностроения, оба 1902 года рождения.

Ломако — цветмет, Первухин — нарком химпрома, заместитель председателя Совнаркома, Косыгин — нарком текстильной промышленности, в тридцать шесть заместитель председателя Совнаркома — все 1904 года рождения... Никому нет сорока лет к началу войны! Школу при советской власти заканчивали.

Дымшиц Вениамин Эммануилович — вовсе 1910 года. В 27 лет директор завода металлоконструкций. С 1939-го по 1946 год управляющий трестом „Магнитстрой“. За войну на Урале под его руководством построено 42 промышленных объекта!

Байбаков — 1911 года рождения. В 27 лет руководил освоением нового нефтедобывающего района между Волгой и Уралом, „Второй Баку“, „Востокнефтедобыча“. Надо ли говорить, какую исключительно важную роль сыграли открытые и освоенные перед войной месторождения во время войны. В 1941 году Байбаков, тридцати лет от роду, был назначен уполномоченным Государственного Комитета Обороны по обеспечению фронта горючим.

Это те, что на виду... Да вот — на виду ли?

Сегодня молодых людей спрашивают: „Кто такой Ленин?“ Отвечают по-разному: „Был такой первый президент в России до революции“. „Полководец, только

когда он жил, не помню“, и все в таком духе. Если уж так „Ленина проходят“ в школе и вузе, то кто же вспомнит Устинова, Тевосяна, Ломако, Дымшица, Байбакова? А ведь они-то и были — советская власть, и войну вытянули, и атомную бомбу хоть и не от хорошей жизни, а создали.

„Спросим человека, с кем он знаком, и мы узнаем человека; спросим народ об его истории, и мы узнаем народ“, — писал наш великий историк Сергей Михайлович Соловьев. И что же это за народ, считающий Ленина то ли дореволюционным „президентом“, то ли „полководцем“ неведомых времен? Вырывая из истории народа страницы великого труда и подвига, вырывая страницы, вписанные теми, кем может и должен народ гордиться, нам предлагают другую историю, полную только жестокости, несправедливости, забвения заповедей человеческого общежития и все в таком духе.

На кого рассчитано такое образование, вернее, целенаправленное забвение труда многих поколений, не так уж трудно догадаться. Ты же умный! Это, может быть, нужно только тем, кто плоды труда всего народа хочет получить в личное, безраздельное и вечное пользование.

Берии—Маленковы, как ты понимаешь, мне не сватья и не братья. Конечно, мне хотелось бы, чтобы и этот злосчастный Сталин, и ближний его круг в Политбюро все были розовыми и пушистыми.

Да не было так никогда, да и, скорее всего, никогда и не будет.

Здесь ведь как посмотреть. Тот же Меншиков — вор. Миних, фельдмаршал хренов, сорил людьми в походах безоглядно, десятками тысяч. 1737 год — самые большие потери. 1738 год — сплошные неудачи. Опять же вор, но аккуратный, воровал так, что ему не завидовали. Потому и осыпан званиями и наградами государыней Анной Иоанновной. Гагарин, иркутский губернатор, казнен за лихоимство. Макаров, секретарь самого Петра Великого, пойман на взятках и воровстве. Ягужинский, обер-прокурор, «государево око», и тот не чист на руку. Птенцы гнезда Петрова! Коршуны да ястребы. А Бирон? Или Барятинский, Петра Третьего задушивший? Тот же граф Пален и те, что вместе с ним Павла своими высокоблагородными ручками уколошили, страшненькая, в сущности, публика. Рабовладельцы. Интриганы. Жополизы, но злобные, лижут, лижут, а потом — хват, и укусят, аж до смерти. Но они далеко. А издали безобразия не так видны. А наши близко. С теми делить нечего. А эти вон какое наследство оставили, и как же его не прибрать к рукам?

У Толстого где-то в „Дневнике“ есть подходящая к разговору запись: „Читаю историю Соловьева. Все, по истории этой, было безобразно в допетровской России: жестокость, грабеж, правед, грубость, глупость, неумение ничего сделать. Правительство стало исправлять. И правительство это такое же безобразное до нашего времени. Читаешь эту историю и невольно приходишь к заключению, что рядом безобразий совершилась история России. Но как же так ряд безобразий произвели великое единое государство? Уж это одно доказывает, что не правительство производило историю“.

А кто же?

Может быть, те, о ком я пытаюсь тебе рассказать.

Кто-то „делает политику“, а кто-то строит жизнь. Кто-то смотрит на доставшуюся им землю, мужиков, страну как на безраздельную личную собственность, для других своя страна — поле труда, плоды которого вкусят и ныне живущие, и те, что придут им на смену.

Можно кипятиться, гадать, строить планы, давать „научный прогноз“, а получится все равно по Энгельсу. Вот что он писал Вере Засулич 23 апреля 1885 года:

„Люди, хвалившиеся тем, что сделали революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, — что сделанная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать“.

Великий князь Александр Павлович, еще в звании наследника престола, под влиянием своего друга и воспитателя вольнолюбивого швейцарца Лагарпа разделял идеи Французской революции, но был решительно не согласен с террористическими методами, а на престол взшел в результате террористического акта. И совершен этот теракт был против помазанника Божьего, против его отца, с молчаливого согласия самого Александра Павловича. Вот такой противник террора.

Не такие ли сюжеты имел в виду Георг Вильгельм Фридрих Гегель, говоря об иронии истории?

Впрочем, какая уж тут ирония, если забили помазанника Божьего насмерть, разумеется, самым благородным образом.

Вот и теория социального развития никогда не совпадала с практикой.

Разве Ленин мог предположить, допустить мысль о том, что на четвертом году после победы пролетарской революции придется вводить нэп?..

Погоду предсказать не просто, а уж как жизнь пойдет, и вовсе дело неблагодарное.

Говорят теперь, что Россия при батюшке-царе была процветающей. Для кого-то так и было. Только деревни под соломенными крышами. Хлебом Европу кормили, потому что мужики впроголодь жили. Социальный эгоизм всегда приводил и впредь будет приводить к непредсказуемым взрывам в обществе...

Я только одно знаю, при „злодеях“ мы не по номиналу установленных мощностей и не по выработке, так хотя бы по темпам ввода новых мощностей США опережали. Это открывало перспективу. А сейчас? Потерять темп роста в энергетике, это же обречь себя. Получается, что тогда хотя бы „злодеи“ это понимали, а кто сейчас об этом думает?

Кто ж виноват в том, что нам досталась такая история, а не другая. „Блажен тот, который и в уродливом явлении способен увидеть его историческую и серьезную сторону!“ Не помню, чьи слова, чуть ли не Достоевский.

А уж того, кто не хочет видеть, как заставишь?»

НАРКОМ ЖИМЕРИН

Когда речь заходила о министре энергетики Жимерине Дмитрие Георгиевиче, отец напоминал с уважением: «Он из наркомов».

Как тут не вспомнить один армейский анекдот. Чем отличается комиссар от замполита? Ответ: комиссар говорит: «Делай, как я!» А замполит кричит: «Делай, как я сказал!»

Может быть, и наркомы от нынешних министров чем-то отличаются. Предшественник Жимерина нарком Летков, как было сказано в некрологе в январе 1942 года, «погиб при исполнении служебных обязанностей».

Впрочем, Дмитрий Георгиевич Жимерин был и наркомом, а когда поменяли вывески, не вставая с того же самого кресла, стал министром.

В 1940, предвоенном году он был назначен первым заместителем наркома электростанций. Было ему тогда, как уже говорил, неполных тридцать четыре года.

В январе 1942-го, в пору эвакуации «энергопроизводящих мощностей» из-под наступавших немцев и спешного запуска вывезенного оборудования на новых местах нарком Летков Андрей Иванович погиб при аварии на электростанции.

Жимерин был всего на три года моложе Леткова.

Оба из деревенских, из зажиточных.

Летков Андрей Иванович из села Озерки Саратовской губернии, сын сельского писаря.

Жимерин из деревни Дубки Вятской губернии, из семьи сельского столяра и плотника, имевшего восемь дочерей и трех сыновей. Дмитрий Георгиевич из сыновей старший. Может быть, и не случайно в ту пору нашу страну называли «государством рабочих и крестьян». «Это же фантастика, — размышлял на склоне лет Дмитрий Георгиевич, — деревенского паренька из глухомани, где не было ничего, кроме сохи, бороны, косы и телеги, через десять лет после окончания института назначили наркомом крупнейшей отрасли промышленности».

Одиннадцать лет, с января 1942 года Дмитрий Георгиевич возглавлял энергетику, ведущую отрасль народного хозяйства...

В 1940 году Советский Союз располагал 11 193 тысячами киловатт установленных мощностей.

К 1942 году мы потеряли почти половину, пять с половиной миллионов.

Потери отечественной энергетики только во время первого года войны отбросили ее на многие годы назад, по мощности электростанций примерно к уровню 1934 года.

В таком состоянии получил нарком Жимерин энергохозяйство воюющей страны.

Одновременно нужно было спасать, увозить на восток из-под наступающего врага то, что еще можно было спасти, и наращивать энергетические мощности в тылу.

Всего с одних крупных районных электростанций энергетики и работники транспорта отправили в тыл около 11 тыс. вагонов в двухосном исчислении. Но тяжелейшая обстановка на фронте не позволило доставить к месту назначения все демонтированное и погруженное оборудование, вражеская авиация наносила ощутимые удары по эшелонам и коммуникациям.

Под артиллерийскими обстрелами советские энергетики демонтировали Брянскую ГРЭС, а Днепродзержинскую ГРЭС разбирали во время боев за город.

За первые два года войны на Урал и в Сибирь было эвакуировано 92 паровые турбины, 14 гидротурбин, 108 паровых котлов, 383 силовых трансформатора.

Для обеспечения усиленного развития электротехнической промышленности в 1941 году было принято решение ГКО, направленное на сохранение укомплектованности рабочими объектов энергетики. Согласно документу, инженерно-технический персонал не подлежал мобилизации. Так же для него была исключена возможность идти на фронт добровольцами.

После принятых указов с сентября 1941 года из действующей армии отозвали более двух тысяч инженеров-энергетиков.

Большая часть эвакуированных энергообъектов была переброшена на электростанции Урала.

Едва ли мы сможем сегодня понять и оценить, что значит во время войны, в тяжелых условиях 1942–1943 годов вводить в эксплуатацию новые (!) электростанции: Челябинская ТЭЦ, Березниковские ТЭЦ-1 и ТЭЦ-2, Богословская ТЭЦ, Юрюзанская ГРЭС, Пермская ТЭЦ.

По мере освобождения наших территорий от немецко-фашистских захватчиков, как чаще всего именовались в ту пору оккупанты, увеличивался и фронт работ.

Для восстановления разрушенных энергообъектов на первоначальном этапе значительную роль сыграли энергопоезда, выполнявшие функции мобильных электростанций.

Паровоз энергопоезда выступал в роли парогенератора, а на отдельных платформах к турбинам монтировались конденсаторы, турбоагрегаты, распределительные устройства со щитами управления. Общая мощность энергопоездов, созданных в 1943—1944 годах, составляла 21 тыс. кВт, а выработка энергии за время эксплуатации достигала 15,5 млн кВт/ч. Энергии, которую производили поезда, хватало для освещения восстанавливаемых объектов, откачки воды из затопленных шахт, проведения работ и обеспечения бытовых условий для рабочих. После завершения работ энергопоезд перемещался в другой район.

В 1946 году, всего через год, через ГОД! после окончания войны довоенный показатель по установленным мощностям был превышен на один миллион сто сорок пять тысяч кВт!

Такое под силу только великой стране и небывалым людям, тем самым, кого жители «общества потребления» будут именовать «совками» и «коммуняками».

В 1953 году у Жимерина первый инфаркт. В 1958-м второй. Тянуть министерскую лямку уже не мог. Оставив пост в министерстве электростанций, Жимерин ушел в науку. Защитил в шестьдесят лет докторскую. Работал в Комитете по науке и технике, был такой при Совете Министров СССР.

«Народное хозяйство!» — звучит как музыка...

Увы, гордая и печальная музыка, под такую уходили «наши» в последнем акте «Трех сестер»...

Кто знает, может быть, к счастью, бывший нарком не стал свидетелем того, как за девять для кого-то счастливых «обвальнo-перестроечных» лет в кресле министра энергетики побывало восемь человек, один другого лучше, настоящие «наследники» и безоглядные хозяева советской энергетики!

Как-никак, Жимерин дожил до 1995 года, так что успел увидеть, как начали перестраивать и преобразовать Россию «новые русские» и особенно гибкие из «старых», как взяли в свои трясущиеся, у кого от страха, у кого от пьянки, у кого от жадности, руки власть и экономику.

Прожил Дмитрий Георгиевич восемьдесят восемь лет.

Целые книги пишутся о том, как люди жили в страхе. Надо думать, все-таки не все. Жимерин по нынешним меркам мог бы не один раз умереть от страха, но не умер. Вот ему бы написать книгу «Страх», тем более что «боялся» он не только за свою жизнь и уж никак за свое благополучие, а за вверенное ему огромное энергетическое хозяйство великой страны, построившей фундамент этой независимости и воевавшей за свою независимость.

Трудно, невозможно поставить себя на место наркома, но, может быть, попробовать в меру воображения каждого.

Вечером 18 декабря 1948 года в Москве произошла крупнейшая энергетическая авария. На улицах было уже темно, в окнах горели огни, и вдруг город погрузился во тьму. Полностью отключилось электропитание. Обесточились стратегические объекты, остановился транспорт, замерло метро! Потух свет в Кремле. Был морозный вечер, и столицу освещали только звезды с неба.

Жимерин рассказывал на склоне лет своим близким об этой аварии.

«Около восьми часов вечера я по резкому изменению накала электролампочки у себя в кабинете предположил, что где-то в сети произошла крупная авария. Как только погас свет, я, не одеваясь, стремглав сбежал вниз к дежурной машине и помчался на диспетчерский пункт Московской энергосистемы. Освещения на улицах не было. Ок-

на в домах были тоже темными. Проезжая мимо Кремля, с тревогой заметил, что и он потонул во мраке. Даже звезды на башнях не горели.

Через пять минут был на диспетчерском пункте, это на Раушской набережной, практически напротив министерства, на той стороне Москвы-реки.

Когда я вбежал в диспетчерскую, там было полно народа.

Среди толпившихся находилось несколько человек с Лубянки, невероятным образом оказавшихся в здании Мосэнерго раньше меня. В крикливо-грубой манере они сразу же стали кричать о диверсии.

Поблудневшие от страха диспетчеры с трудом и путаясь выполняли необходимые первоочередные действия.

Вдруг резко распахнулась дверь, и в диспетчерскую ворвался в сопровождении нескольких офицеров Берия.

Ситуация еще более обострилась.

Криком и нецензурной бранью он полностью парализовал работу персонала.

Тогда я вмешался в ситуацию и потребовал, чтобы все представители органов немедленно покинули диспетчерский пункт. От такой дерзости Берия лишился дара речи. В следующий миг ситуация еще более накалилась. Берия стал всех собак вешать на меня и угрожать, что „это так тебе не пройдет“.

„А почему Кремль до сих пор в темноте? По правилам должна быть немедленно задействована система резервного автономного электропитания! Она находится в вашем ведении! Для чего мы ее создали?! Кто там у вас сидит?“ — парировал я сыпавшиеся в мой адрес угрозы.

Своим вопросом я попал в „десятку“. Крикливый пыл Берии угас, стрельнув в меня злобным взглядом, он вместе со своей свитой ушел из диспетчерской, крикнув с порога: „Разговор продолжим завтра“.

Диспетчер наконец доложил, что по непонятной причине отключилась линия электропередачи высокого напряжения, по которой в Москву передавалась энергия Рыбинской ГЭС. Повторные включения линии не давали результата, поскольку автоматическая защита вновь и вновь отключала ее. Сталиногорская ГЭС была тогда восстановлена только частично, так что Рыбинская покрывала почти треть необходимой нагрузки. Внезапная потеря такой мощности привела к недопустимой перегрузке других электростанций. Турбогенераторы автоматически стали отключаться.

Московская энергосистема тогда не имела резерва мощностей, и в результате произошел ее „развал“. На нас обрушились тысячи звонков с требованиями „немедленно, экстренно, вне всякой очереди“ и т. п. подать электроэнергию. Непрерывно звонили из Кремля. Позднее, при обсуждении случившегося, некоторые горячие головы все-таки считали это происшествие диверсией. Но после спокойного разбора дела выяснилось, что причина аварии лежала в другом: произошел разрыв одного из трех проводов линии. Разрыв же явился следствием того, что провод выскользнул из соединительной муфты, которая смыкает провода. Возможно, в условиях суровой зимы (декабрь 1941 года), когда спешно сооружалась линия электропередачи „Рыбинская ГЭС—Москва“, монтажники слабо запрессовали провод. После того как причина аварии была установлена, линию удалось исправить, и Москва снова стала получать ток из Рыбинска».

На следующий день для выяснения обстоятельств аварии Жимерин и управляющий Мосэнерго Уфаев были вызваны к Берии.

В приступе гнева Берия выхватил пистолет и направил его на Уфаева.

Жимерин мгновенно заслонил его собой и бросил в лицо Берии: «Стреляйте, он не виноват!»

В этот момент, как бывает, оказывается, не только в умело сочиненных романах, по телефону правительственной связи раздался звонок. Звонил помощник И. В. Сталина Поскребышев: Дмитрия Георгиевича вызывал Сталин.

Жимерин и Уфаев тотчас покинули главный кабинет на Лубянке. Через пять минут нарком был в Кремле. Он подробно проинформировал Сталина об обстоятельствах аварии и принятых мерах, не сказав при этом ни слова о произошедшем у Берии.

О едва не случившейся трагедии стало известно от Уфаева.

Преодоление острого кризиса в электроснабжении Москвы осенью 1941 года Д. Г. Жимерин связывал со скорейшим вводом в строй Рыбинской ГЭС. Строительство станции происходило в тяжелейших условиях и было сопряжено с большими опасностями.

Наибольшие трудности представляла переброска через Волгу ЛЭП 220 кВ. В момент установки правобережной опоры, когда конструкция с помощью лебедок и тросов уже была поднята в воздух, налетевшие фашистские «юнкерсы» начали прицельное бомбометание. Многотонная опора, раскачиваемая сильным ветром, вращалась в воздухе, готовая в любую минуту рухнуть на землю. Вой самолетов, взрывы бомб, залпы зениток смешались в один сплошной грохот, но работа продолжалась. К вечеру опора была установлена. С не меньшими сложностями протекал монтаж трехпроводного перехода через Волгу.

Строительно-монтажные работы на Рыбинской ГЭС велись в условиях не только бомбежек. Пронизывающий холодный волжский ветер, грязевое месиво, в котором утопали тяжелые телеги с оборудованием, нехватка рабочей силы, работа по 16 часов в сутки, бытовая необустроенность, плохое питание. В течение всего периода строительства сохранялась готовность к подрыву ГЭС в случае прорыва врага. Для этого в основании плотины были сделаны специальные ниши для закладки приготовленного тола.

Лаврентий Павлович вполне реально мог бы для пользы дела застрелить управляющего Мосэнерго Уфаева. Кстати, как и Жимерин, Уфаев был тоже из крестьян, но не из зажиточных, а из бедных.

Биография?

Самая обыкновенная. Пекарь. Молотобоец на Морском заводе в Кронштадте. Участник февральских и октябрьских событий в Петрограде. Гражданская война. Рабфак при Свердловском университете. Потом МЭИ им. Молотова, и с 1932 года в энергетике. С марта сорок третьего директор Мосэнерго. На десять лет старше Жимерина... Управляющим Мосэнерго Андрей Иванович проработал до октября шестидесятого года и в ноябре того же года умер.

А к брани Дмитрий Георгиевич не то чтобы привык, но, как сам признавался, закалился. И, как он считал, закалил его Николай Алексеевич Вознесенский, яркая, высоко взошедшая молодая звезда в окружении Сталина.

Весной 1942 года сложилась критическая ситуация на Урале, нарушено бесперебойное снабжение предприятий черной и цветной металлургии. 4 мая 1942 года Сталин подписывает постановление ГКО, где говорится о невыполнении Наркоматом электростанций (т. Жимерин) постановления ГКО от 8 марта о первоочередном снабжении системой Уралэнерго предприятий металлургической промышленности. Жимерин срочно вылетел на Урал. Ему звонят, как он вспоминал, фактически все наркомы, позвонил и Вознесенский, председатель Госплана СССР и заместитель главы

правительства. В то время председатель Госплана — это царь и бог, министр над министрами.

И о чем же кричал из Москвы на Урал Председатель Госплана наркому электростанций? Делового разговора не было, спросить, чем могу помочь, не догадался. Орал. Обзывал самыми последними словами, самыми мягкими из них были: «безграмотный», «зеленый», «недоносок». Сам Вознесенский был лишь на три года старше «зеленого».

Тем не менее Жимерин отдавал должное Вознесенскому, человеку, как он считал, способному, сложному, умному, систематизированному.

И на заседаниях правительства, и в Политбюро ЦК, и в ГКО Жимерин видел, как Вознесенский, однако, позволял себе терять выдержку и самообладание. Молодому экономисту, в 32 года защитившему докторскую по экономике, Сталин доверял всецело. Доверил Госплан СССР, сделал его своим первым заместителем по вопросам экономики, отодвинув Молотова и Микояна. В Куйбышеве, куда осенью 1941-го было эвакуировано правительство из Москвы, Вознесенский руководил работой Совнаркома, фактически исполнял обязанности главы правительства. За его взлетом ревниво следили Маленков и Берия, претендовавшие на особую близость к Сталину. Им нужно было его не просто убрать со своего пути, «задвинуть», как водится у интриганов, но уничтожить. А Вознесенский был убежден, что позиции его неколебимы, и при Сталине он недосыгаем. Возможно, в этом была его роковая ошибка.

Зачем вспоминать забытого сталинского фаворита? Только для того, чтобы напомнить, в каких условиях интриг и борьбы за власть на самом веру приходилось вести практическую работу тем, кто руководил самыми значимыми отраслями народного хозяйства. И доверие, которым, безусловно, Дмитрий Георгиевич Жимерин пользовался у Сталина, решительно ничего не гарантировало.

Жимерин не был похож ни на бойца, ни на военачальника, хотя и до пятидесятих годов ходил в полувоенном кителе с отложным воротником и наградными колодками в два ряда над левым карманом. Его суховатая манера, немногословие, ровный тон в разговоре больше отвечали типу управленца, но когда случалось отбиваться от политических обвинений, шел, как отец говорил, «с поднятым забралом».

Вскоре после войны, когда строились планы восстановления и развития энергетики, Жимерин подал Сталину записку относительно того, что сооружение гидроэлектростанций нужно планировать не по пятилеткам, а на 10—15-летний срок. Доказывал, что гидроэлектростанции — сложные сооружения и их строительство никак не укладывается в пятилетний срок. А раз не укладывалось, раз срока пуска не было, то капиталовложения для этой цели в данной пятилетке отпускались в минимальном, урезанном объеме. А когда наступала следующая пятилетка, то этот малый объем не давал возможности пускать станцию в действие.

Обсуждение предложения Жимерина Сталин вынес на Совмин.

Выступает Вознесенский, председатель Госплана СССР, не только с разгромной, но, по ощущению Жимерина, даже с подлой речью. Ничего не говорит по существу, несколько общих фраз и вдруг заявляет: «Жимерин ставит своей целью разломить, разрушить стройную систему сталинских пятилеток. Предлагая сооружать электростанции в течение 15-летнего срока, он, подрывает сталинские пятилетки... Сознательно подрывает сталинские пятилетки, под благовидным предлогом, подкладывая бомбу...» и все в таком же духе.

Жимерин ожидал, каких угодно возражений, сомнений, вопросов, но удара с этой стороны никак не ждал.

Смолчать? Оправдываться? Обороняться?

Ответить, и ответить резко и громко.

«Товарищ Вознесенский не понимает особенности строительства гидроэлектростанций. Он, видимо, некомпетентный в этом деле человек. И вместо того чтобы разобратся, как ему положено в качестве председателя Госплана, Николай Алексеевич встал на путь чисто формального обвинения. Речь идет не о строительстве мелко-го объекта. Ставится вопрос о сооружении мощных гидроэлектростанций. И почему член высшего партийного руководства, председатель Госплана СССР, заместитель главы правительства должен и здесь быть самым знающим, должен обязательно выступить и по морде дать нижестоящему? Непонятно. Во всяком случае, для меня. Мое предложение касается только строительства гидростанций и обосновано экономически. Но председателя Госплана СССР экономика почему-то не интересует. Я слышу оскорбительные обвинения и не слышу аргументов экономических...»

Сталин молча, не перебивая, слушал уже не спор, а перепалку между Жимериным и Вознесенским. Когда оба утихли, заговорил:

«Вот товарищ Жимерин внес предложение 15 лет отвести на сооружение гидроэлектростанций. Я думаю, он увлекается: 15 лет — это очень длительный срок строительства. Но, с другой стороны, товарищ Жимерин прав: за пять лет крупную гидроэлектростанцию соорудить невозможно. Вот 10 лет, это, наверное, наиболее подходящий срок. Откуда родилась пятилетка? Она родилась как среднее. Для тяжелой промышленности, например для металлургии, энергетики, она мала. Там за пять лет строить очень трудно. А для легкой промышленности пятилетка велика. Любое предприятие легкой промышленности мы можем и строим за три года. Поэтому и был выбран такой средний вариант — пять лет. Так что, наверное, все-таки нам нужно принять решение, чтобы строительство гидроэлектростанций планировать на 10 лет».

Такое решение было принято.

Гёте говорил, что «призрак не видят вдвоем».

Сталин, спустя сорок лет после его смерти, стал в значительной мере призраком. К одним он является после рассказов его современников, чтения книг, журналов, газетных статей.

Жимерину он являлся в воспоминаниях таким, каким он его видел, каким запомнил с первой встречи.

До возведения в ранг наркома Жимерин был приглашен к Сталину, то есть вызван, конечно.

О том, что чувствовал Дмитрий Георгиевич Жимерин в кабинете Сталина, он рассказал сам, к сожалению, не мне.

Разговор длился минут тридцать пять-сорок, в регламенте Верховного Главнокомандующего и председателя ГКО срок немалый. На дворе январь 1942 года. Только-только отодвинули немцев от Москвы.

Для начала будущий нарком удивился, что у вождя рука мягкая и небольшая. Ему казалось, что у властного человека рука должна быть твердой. Ну что ж, «руководство» — не более чем условный термин.

В первую очередь Сталин хотел знать, что происходит с энергетикой на Урале, взявшем на себя роль стенового хребта нашей оборонной промышленности.

«Скажите, товарищ Жимерин, почему столь опасно упала частота электротока на Урале, как ее поднять, в чем причина?»

Разумеется, в наркомате знали о кризисной ситуации, и ответ был готов, но предлагаемые меры лежали за пределами компетенции наркомата.

«Положение можно исправить, лишь снизив нагрузку в утренние и вечерние часы на 10–15 % без ущерба для производства».

И такое решение было принято.

Частоту электротока удалось восстановить.

По вопросам энергетики Сталин высказывался осторожно, но, по мнению Жимерина, вполне грамотно. Больше слушал.

Жимерин видел и понимал, что к новому человеку глава государства относится с настороженностью, разговаривая и слушая, в собеседника всматривается, не скрывая своего желания убедиться в искренности и надежности. Последовал вопрос: «Есть ли у нас крупные люди, способные в условиях войны обеспечить нас электричеством?» Вопрос понравился, понимает человек, что в конечном счете все решают люди. Ответил утвердительно. К счастью, репрессии сферы энергетики коснулись, может быть, меньше других.

Помнил и последнее напутствие: «Если у тебя все так складывается, что ты видишь: выполнить никак не сможешь, — вовремя доложи об этом. А не тогда, когда уже срок выполнения подошел или подходит».

На следующее утро в квартире раздался телефонный звонок, Дмитрий Георгиевич, только что проснувшийся, узнал о своем назначении. И хотя это был всего лишь шаг, из заместителей наркома в наркомы, разволновался. Почему-то вспомнил деревню Дубки, столярничающего отца, шумных сестер, себя в деревне... Был конец января 1942 года.

Наркомат энергетики «опекали», то есть курировали, члены ГКО, сначала Маленков, потом Берия.

При первой после переподчинения беседе и Маленков, и Берия говорили наркому, в общем-то, одно и то же. Но по-разному.

Маленков: «Ты отвечаешь за энергетику, отвечаешь головой. Ни на кого не ссылайся, приучись за все отвечать сам. Тебе нужна помощь, обращайся».

И Берия: «Ты (мать твою и т. д.) думаешь, что ты теперь нарком? Ты сегодня нарком, а завтра тебя ногами вперед на кладбище! Я ничего не понимаю в энергетике, ты несешь полную ответственность, ты принимаешь решения и будешь отвечать за них соответственно. Ты это учти!»

Зато можно было, развязывая самые сложные узлы, сказать: «Выполняю поручение Берии», очень помогало.

В один из январских дней 1949 года на прием к министру пришла группа работников центрального аппарата ведомства, евреев, обеспокоенных нагнетавшейся в обществе атмосферой «охоты на ведьм».

Кампания борьбы с космополитизмом, низкопоклонством перед Западом и его «тлетворным влиянием на умы советских людей» заняла свое достойное место в списке хорошо продуманных провокаций.

Коллеги попросили авторитетного энергетика, приехавшего из Одессы, управляющего Одесским электрокомбинатом Бориса Марковича Лерера высказать Дмитрию Георгиевичу озабоченность возможным возникновением у него как министра трудностей в связи с «национально-кадровой засоренностью» ведомства. Желая знать позицию министра в сложившейся обстановке, пришедшие заявили о готовности уволиться «по собственному желанию». Для Жимерина этот визит и разговор были так неожиданны, что, жесткий, лаконичный по природе, он встал из-за стола и пригласил пришедших разместиться в мягких креслах в углу кабинета.

Тяжко порядочному человеку быть вовлеченным в «кампанию» борьбы «за чистоту рядов»...

Поговорили. Разговор шел о том, как много еще предстоит сделать и как он дорожит каждым опытным сотрудником.

По окончании разговора, как вспоминал Лерер: «Дмитрий Георгиевич проводил нас до двери кабинета, каждому пожал крепко руку и напутствовал: „Возвращайтесь на свои места, ни о чем не беспокойтесь и продолжайте работать. За все отвечаю я“».

Ни один работник ведомства не пострадал от памятной борьбы с «безродными космополитами».

Тридцать лет жила страна без войн и потрясений. Строились заводы, осваивались месторождения газа и нефти, вводились новые электростанции, тепловые, гидро, атомные... Потом это время назовут «застоем».

Оставив министерство, Жимерин не ушел от активной жизни, приходилось участвовать и в заседаниях Совета Министров, видеть плоды деятельности высшего руководства. Конечно, он не мог не сравнивать стиль руководства своего времени и нынешнего. Видел, как указы Президента СССР выполняются ни шатко ни валко, тормозятся, по сути, безнаказанно саботируются.

Сохранился рассказ Дмитрия Георгиевича об одном из таких заседаний.

На Совете Министров обсуждается вопрос о вагонах. Плохо с вагонами, не хватает вагонов.

Поступает предложение: давайте в Индии и в Польше закажем эти вагоны и поставим туда для данных целей средства и металл. Итак, завезем туда металл, и там сделают нам вагоны.

Жимерин никогда не позволял себе выступать не по своим вопросам. Но слушать эту чушь молча тоже невозможно!

Берет слово: «Хотя это и не мой вопрос, позволю себе высказать свое мнение. В середине 30-х годов ощущалась острая нехватка вагонов. Перед Наркоматом тяжелой промышленности, перед Серго Орджоникидзе, поставили об этом вопрос. Мы, мол, даем 29 тыс. вагонов в двухосном исчислении. Это был 1934 год, а в 1935 году надо было выпустить 80 тыс. Все понимали, что увеличить производство за год почти в три раза было не так-то просто. Это ведь рост не на какие-то проценты. Проблема металла, проблема кадров и еще десятки таких же сложных проблем... Но тут же создается Главвагонстрой, осуществляется кооперирование сормовского завода с рядом других заводов и т. д.

И оказывается, уже в ноябре 1935 года мы дали 86 тыс. вагонов! Кто нам помог? Может быть, добрые дяди из-за рубежа? Ничего подобного! Это сделали советские люди!

Мы когда-то создали на Урале „Вагонстрой“, и в 1935 году, то есть за год, он и дал стране прибавку в 50 тысяч вагонов. А сколько он сегодня дает? Что мешает его возродить? Чего же мы лезем в зарубежные страны? Мы будем металл свой направлять в Индию и Польшу, бросаясь с головой в импорт и не задумываясь, сколько это стоит денег. Потом ведь эти страны будут нам давать вагоны, как якобы товарную продукцию. Понимаете, ведь нашему государству все это обойдется втридорога».

Все стихли, опустили головы.

Наконец заговорили: «А вы знаете, у нас не хватает литья».

«А вы думаете в 1935 году у нас хватало? Ведь наши мощности сейчас в десятки раз больше, чем было в середине 30-х годов».

Молчание.

И невдомек старому наркому, что прошли и не вернутся времена, когда за год можно было увеличить выпуск вагонов в три раза. Прошли времена, когда без экспертиз и смет, совещаний и согласований, переписки между Наркоматом путей сообщения, Наркомстроем, Наркомавтопромом и «субподрядными организациями» можно было в десять дней собрать и отправить на восстановление разгромленного недельной

массированной бомбежкой Горьковского автозавода сотню эшелонов стройматериалов и оборудования.

Где это было? В какой стране?

Неужели не понимал старый министр, что той страны уже нет и, в утешение переждавшим советскую непогоду, больше никогда не будет. Еще над Кремлем развивался красный флаг, еще клялись в верности партии, заступая на высокие посты, но в деловых разговорах «Индия» и «Польша» были существительное, а «вагоны» — прилагательное.

Индия — это командировки, поездки туда, где «ни счесть алмазов в каменных пещерах»! Это возможность заработать «другие деньги» — сертификаты! Через Индию лежал путь в магазин «Березка»! На худой конец и Польша сгодится. За Польшу дают сертификаты с синей полосой, «демократические», не то что «капиталистические» индийские, польские победней, но тоже можно прибарахлиться. А то, что двухкасетник «Тошиба» и дубленка жене обойдутся бюджету в миллионы рублей, потраченных за услуги иностранцев, эти люди в этой стране знали, но не говорили вслух. Потому и речь Жимерина Дмитрия Георгиевича, мыслящего по советским меркам, обращенная, как он думал, к коммунистам, утонула в молчании, пока еще стыдливом.

Пройдет совсем немного времени, и наконец-то государство сбросит с себя бремя по имени «вагонный парк».

Это раньше били по рукам, протянутым к двум платформам, нынче погляди в окно: все вагоны и платформы в надежных частных руках.

Миллион двести тысяч вагонного парка честно разделили между двумя тысячами компаний. Большой компании вагонов побольше, поменьше компания и вагонов поменьше. Все справедливо.

Но вот беда. Вагонов полно, а грузить не во что!

С каждым днем все меньше и меньше остается вагонов, пригодных для движения по магистралям. С каждым днем все больше и больше становится вагонов даже опасных для эксплуатации. Проведенная экспертиза, уж как ей не замыливали глаза вагоновладельцы, вынуждена была признать: каждый четвертый вагон разрушает путь.

Пути пока еще государственные.

В чем же дело? Все просто. Кому это интересно деньги тратить на содержание вагонов в должном техническом состоянии? Расходы по этой статье снижаются с каждым годом. А доход вагоновладельцев растет! А то, что вагоны используют на износ, пусть заботит тех, кто не умеет жить по предвыборному слогану, то ли дитя, то ли отца российского разлива демократии, Анатолия Александровича Собчака: «Счастье — это сейчас!» Действительно, не урвешь свое счастье сейчас, урвут другие. Так что прав Собчак: «Счастье — это сейчас!», урвать, завтра вдруг не выберут в мэры или Госдуму, прихлопнут фирмочку, и уже не обломится.

Вот и первый президент свободной наконец-то России возглашает: «Обогащайтесь!»

Увы, «новые русские» не придумали ничего нового.

Помните, царский поезд полетел под откос? Дорога была частная. А кому охота деньги тратить на замену сгнивших шпал и сооружать насыпи из песка и щебня? Сыпь шлак! Как докладывал в Гатчине обер-прокурор Сената Анатолий Федорович Кони уцелевшему и последним выползшему из-под крыши разбитого вагона его величеству государю императору Александру Третьему, шпалы можно было выгребать лопатой, а костыли, крепившие рельсы к шпалам, вынимать пальцами! Опять все просто. Задайте только вопрос: кому это выгодно?

Азовского-Харьковское-Курскую дорогу государство собиралось выкупить с выплатой директорату в течение шестидесяти лет их «зарплату» по среднему. Вот и вы-

гоняли господ хорошие свой «средний заработок» за счет экономии на всем. На ремонтной базе, на содержании путей, на предельной эксплуатации техники и людей. Умеют настоящие хозяева делать деньги!

Так что кто-то прежнюю Россию потерял, а кто-то не то чтобы нашел, но почерпнул и унаследовал ее разнообразный и богатый опыт в приобретении богатства, извините за тавтологию.

В смене исторических времен, оказывается в модели, не так уж много оригинального. И суждения Бердяева, высказанные после двух революций, перетряхнувших Россию, звучат вполне уместным комментарием к тому, что мы видим сегодня.

«Старый органический быт разрушался в демократических революциях, и жажда возврата к нему была лишь романтической мечтой. Народы нельзя внешне принудить к старому монархически-аристократическому строю. Народы проходят через раздвоение и расщепление, через смерть старой органичности. Но они не создают новой правды и новой красоты, они впадают в неправду и в уродство. Много испытать должны они, много изжить, много перестрадать, прежде чем придут к новой органичности, прежде чем соберут себя во имя высшей идеи. И остается мучительный вопрос, могут ли народы прийти на этой земле к праведному и прекрасному обществу?» Н. Бердяев. «Философия неравенства».

Ну что ж, было несколько поколений людей, для кого «органическим бытом» был советский социализм и жизнь «во имя высшей цели».

«Для меня, как и для миллионов советских людей, — писал на склоне лет Д. Г. Жимерин, — целью жизни была и остается светлая идея создания коммунизма — нового, справедливого мира, основанного на научно-техническом прогрессе и социальной справедливости».

ДЕТСКИЙ ПРАЗДНИК

Как-то Дмитрия Георгиевича спросили, какой процент составлял в прежние годы так называемый спецконтингент, заключенные, на строительстве электростанций.

«Никакого процента. Мы строили все своими силами, без использования их труда».

«Но как-то, может быть, использовались заключенные?»

«Абсолютно нет».

Собеседник был удивлен, а как же «великие стройки коммунизма» — Куйбышевская ГЭС, Сталинградская ГЭС, и не только.

Но Жимерин, похоже, по-своему был прав.

Там, где использовался труд «спецконтингента», как деликатно выразился собеседник министра, стройки велись не Минэнерго, а Министерством внутренних дел. Готовился проект. Идея, к примеру, гидроэлектростанции на Самарской излучине обсуждалась еще в 1914 году, но было не до того, нужно было лезть в войну, глядишь, и Босфор наконец-то станет нашим. Если англичане, конечно, позволяют¹².

Так что многое из того, что стало «стройками коммунизма», могло бы стать в свое время «великими стройками самодержавия». Если бы...

Итак, Совету Министров предъявлялся проект, он проходил все необходимые экспертизы, Сталин его подписывал. К примеру, 21 августа 1950 года было подписано

¹² В ходе русско-турецкой войны 1877—1878 годов наши войска готовы были выйти к Босфору и взять Константинополь. Англия предупредила, что в этом случае высадит десант и откроет боевые действия против русских войск. При том, что сами англичане нас в эту войну, по сути дела, втравили. Да вот урок не впрок.

Постановление ЦК и Совета Министров СССР о строительстве на Волге Куйбышевской ГЭС. Через пять лет и четыре месяца, 29 декабря 1955 года, был запущен 1-й гидроагрегат, и Куйбышевская ГЭС, тогда еще им. В. И. Ленина, дала первый ток. Каждый гидроагрегат мощностью в 105 тысяч кВт монтировался за месяц вместо двух. В октябре 1956 года ГЭС выработала первый миллиард кВт часов электроэнергии. В 1957 году станция работала на полную мощность! Эксплуатация всех двадцати гидроагрегатов показала, что, в отличие от проектной мощности в 105 тысяч кВт каждый, они дают 115 тысяч! Установленная мощность ГЭС возросла с 2,1 млн кВт до 2,3 млн кВт. А что такое «приварок» в 200 тысяч, сопоставимый с суммарной мощностью двух гидростанций — Нижне-Свирской и Волховской ГЭС! Всего за семь лет было возведено уникальное сооружение, не имеющее аналогов в практике мирового гидростроительства, вторая по мощности гидростанция в мире, после американской Грэнд Кули.

Работы вела созданная в системе МВД организация «Куйбышевгидрострой». Всего строителей было больше ста тысяч. На стройке использовался труд заключенных Канеевской ИТЛ, 46 тысяч человек. Много это или мало?

У счастливо женившегося Петра Борисовича Шереметева, сына знаменитого сподвижника Петра I, Бориса Петровича Шереметева, было 75 тысяч душ только мужского пола. Прилагавшиеся к ним души женского пола и детишки не в счет, это в придачу. Вот эти 75 тысяч душ мужского пола и воздвигли знаменитую подмосковную усадьбу Кусково с небольшими, но очень привлекательными дворцами, кунсткамерой, зверинцем, прудами, садами, прекрасными скульптурами, охотничьими домиками и прочими архитектурно-парковыми радостями и «увеселительными затеями». Разом граф принимал по 30 тысяч гостей. С одной стороны, граф мог позволить себе очень много и позволял, но в то же время был изрядным экономистом. Архитекторы, к примеру, были из крепостных. И портрет его, не хуже Глазунова выполненный, с некоторым косоглазием в левом глазу для достоверности, тоже был кисти крепостного умельца.

С 1918 года усадьба объявлена государственным музеем, народ ходит, любитесь отличным собранием картин, изящной архитектурой, натуральными пригорками и насаженными рощами, а вид из главной залы на пруды даже напоминает Версаль, но маленький, Версаль в миниатюре, и все благодаря зеркалам в простенках между окнами, выходящими на каскад прудов. Во время войны, правда, музей закрыли, поскольку во дворце была открыта Центральная школа инструкторов снайперской подготовки.

Сегодня снова шедевр усадебной архитектуры открыт для радости посетителей, почти не омраченной упоминанием тех 75 тысяч рабов мужского пола, что своими руками создали всю эту ненаглядную красоту...

О, есть опасность ступить на тонкий лед, очень еще тонкий, того гляди, и провалишься в преисподнюю, где в кипящих котлах варятся те, кто оправдывает рабство, произвол, террор, насилие.

Но надо признать, что по ходу времени как-то незаметно, но уже затвердел лед, по которому безбоязненно раскатывают историки, оправдывая... да кого угодно. И Наполеона, и Петра Великого, и Ивана Грозного, и Святого Владимира, памятного не только крещением Руси, но и умопомрачительными преступлениями.

Бывший заключенный Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН), академик Дмитрий Сергеевич Лихачев убежден: «Обвинять в чем-либо Петра нельзя. Его следует понимать, как следует понимать его эпоху и нужды, перед которыми очутилась Россия на грани столетий».

Этот решительный и резкий поворот, по свидетельству С. Соловьева, «должен был необходимо вести к страшному перевороту, болезненному перелому в народной жизни, в существе народа...» «Страшный переворот», «болезненный перелом», «перелом» в существе народа...

Стоит вдуматься в эти слова, за ними события, сопутствующие едва ли не каждой революции и «сверху», и «снизу».

Это убедительное определение, а по сути-то, разве не оправдание характера «петровских преобразований», как принято деликатно называть этот «перелом», ломку сложившегося до Петра уклада жизни, склонного к неспешной, эволюционной модернизации.

Были и другие попытки решить насущные задачи развития страны, увы, безуспешные. Неужели жестокая решительность — единственное средство в руках преобразователей? Попытка еще Бориса Годунова, правителя сильного и дальновидного, вывести отношения с Западом на новый уровень и преобразовать внутреннюю жизнь в государстве была похоронена боярами вместе с самим правителем, загадочно вдруг скончавшимся в одночасье непонятно от чего. Потерянные сто лет пришлось наверстывать уже не эволюционным путем, как было еще возможно при Годунове, а болезненными и во многом бесчеловечными революционными приемами «царя-реформатора», остроумно названного «большевиком на троне». Жесткое подавление приверженцев национальных традиций, упразднение патриаршества, превращение русской православной церкви в государственный департамент, полное небрежение к основной массе населения, крестьянству, все эти «издержки» правления Петра Первого лишь заложат почву для следующей революционной ломки. И снова историки будут свидетельствовать: «страшный переворот», «болезненный перелом», рассуждая о преобразованиях, привнесенных в жизнь России Октябрьской революцией. И снова встанет неотвратимый вопрос: старое и новое, как им ужиться?

Ответ Сергея Соловьева не оставляет места для чтения вкривь и вкось: «Здесь возможна только злая борьба между двумя началами, старым и новым, борьба, необходимо раздражающая, ведущая к увлечению, к крайностям».

«Крайности» нам не нравятся, мы против «крайностей», но кто-то подвел к краю... Известно кто. К «краю» подводят политические слепцы, к «краю» подводит социальный эгоизм, родовая болезнь «хозяев жизни».

В известных рассуждениях о Петре Первом Пушкин находит не только слова восхищения царем-реформатором, но слова категорического осуждения: «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости; вторые нередко жестоки, своенравны и кажутся написанными кнутом». Поэт сказал лишь об указах. Да, памятны указы о поимке дезертиров, бежавших тысячами от царя-реформатора, кто в казаки, кто в Польшу. Памятны указы о вырезании ноздрей до кости. А как забыть тех, чьими телами мостили дороги петровских реформ? Опять — замысел и воплощение. Читаем письмо Энгельса к Засулич.

Идущие путями исторических штудий нет-нет и останавливаются на распутье: Триумф или трагедия?!

А почему «или»?

Кто знает, может быть, история все-таки редко ходит путями благонравия, и добродетельные правители встречаются не чаще, чем благородные разбойники в лесу на большой дороге.

Оправдывать жестокость и бесчеловечность, как говорится, себе дороже. Да, к сожалению, не все злодеи получают по заслугам при жизни. А часто и за гробом вызывают трепетное благоговение.

Трудно, а может быть, и невозможно избавиться от практики «двойных стандартов» в оценке времен отдаленных и приближенных к нам вплотную. Там как бы естественно «понимать эпоху и ее нужды», там и царубийство, если оно исполнено достаточно благородно, можно понять как насущную историческую необходимость. Там и рабовладельцы «люди как люди». Пишет в «Дневнике» Петр Валуев: «Государь в Ново-Лисино опять на охоте застрелил человека». Ну, и Бог ему судья! Кто же бросит камень в Александра-Освободителя! И кто же вспомнит, что убийство «по неосторожности» все равно преступление, а если это еще и рецидив, так еще и с «отягчающими обстоятельствами». Но убийство раба разве считалось когда-нибудь преступлением?

Сколько раз, вспоминая судьбоносные страницы нашей истории или вглядываясь в портреты людей, делавших историю, возникает вопрос: «или-или», какой знак ставить — «плюс» или «минус»?

Вот и в рассказе о людях Страны Советов, этот вопрос никак не обойти.

Мы видим, что исторические оценки бывают и пристрастными, и «идеологически правильными», и «единственно верными», и даже «привычными». Вот Бориса Годунова привыкли считать причастным к убийству царственного младенца, даже не имея к тому прочных доказательств. А то, что при Борисе-то Годунове основаны опорные города по Волге, в Центральной России, в Сибири, кто помнит? Кто помнит, что ни Архангельска, ни Саратова, ни Воронежа, ни Орска до Бориса Годунова на карте России не было? И речь ни в коем случае не о том, что зло искупается добром. Да, да, как наставлял своих читателей еще Карамзин, рассказывая об убийстве Бориса и Глеба: есть злодеяния, которые не могут быть оправданы даже дикостью своего времени.

Наше сознание так уж устроено, что принцип определенности нам ближе, чем антиномии. И в основополагающем законе диалектики, законе о единстве и борьбе противоположностей, нам понятнее, разумеется, «борьба», нежели «единство». И, тем не менее «единство противоположностей» столь же очевидный факт бытия, что отрицать его все равно что отрицать законы физики.

Но вглядываясь в нашу историю, увы, свидетельствующую подчас «единство вопиющих противоположностей», не хочется брать в руки инструментарий точных наук, чтобы мерить непредсказуемо «неточное» пространство истории.

Здесь, как мне кажется, есть смысл обратиться к другому опыту постижения сложных вещей.

Одна из непростых для понимания и трактовки коллизий в православии возникает в связи со Святой Троицей. Не погружаясь в весьма специфическую проблематику, вспомню лишь одно утверждение, принятое богословами в пояснение двойственной, двухсоставной, то есть человеческой и божественной, природы Спасителя. Оба эти начала существуют в данном случае нераздельно и неслиянно, как и сама Троица. И это объяснение считается достаточным. Разумеется, не мне судить.

В первый день творения, как известно, Бог отделил свет от тьмы, стало быть, до этого свет и тьма были ОДНО! А потом твердь отделил от хляби, стало быть, они тоже были едины! Мы, конечно, различаем свет и тьму, но дано ли нам их отделить и отделить твердь от хляби в метафизическом, разумеется, смысле?

Мне кажется, что вот эта подсказка о *неделимом* и *неслиянном* позволяет уйти от необходимости историю, исторический процесс рвать на удобные для тех или иных доказательств куски. С другой стороны этот подход или принцип, не позволяет смешивать добро и зло, по природе своей *не слиянные*, белое именовать черным или,

наоборот, черное выдавать за белое даже с самыми благими намерениями установления всеобщего примирения и согласия.

И, как правило, политическая, идеологическая, классовая заинтересованность не позволяют принять эту двойственность истории как данность¹³.

Христианину его вера предписывает одновременно два состояния: радости надежды на безграничное милосердие Небес, и в то же время Евангелие призывает к покаянию и плачу о грехах. Интересно, что нарушение некоторого равновесия этих состояний приводит к глубокому разладу в духовной жизни. Преувеличение покаянной скорби ведет к печали и унынию. А печаль и уныние — тяжкий грех. И насколько опасна для духовной жизни безмерная печаль, настолько же чревата опасными последствиями и ничем не ограниченная, невоздержанная радость.

Так что, я полагаю, как призывы к запоздалому покаянию и нагнетание скорбей становятся определенным политическим инструментом, так же и безмерный оптимизм, как правило, тоже преследует свои политические цели.

Может быть, вспомнить Пушкина: «И с отвращением читая жизнь мою, я трепещу и проклинаю, и горько жалуюсь, и горько слезы лью, но строк печальных не смываю».

Отец в начале лета 1953 года сменил в Подпорожье на посту управляющего трестом Свирьстрой Петра Степановича Непорожного, уходившего на строительство Каховской ГЭС. В ту же пору печально знаменитым Свирьлагом командовал генерал Валентин Алексеевич Поддубко. Генерал любил повторять: «Лаврентий Павлович Берия — мой лучший друг».

Счастливая звезда генерала взошла еще при Николае Ивановиче Ежове, предшествовавшем Лаврентию Павловичу на посту наркома внутренних дел. Считал ли тов. Поддубко Николая Ивановича Ежова своим лучшим другом, неизвестно. Едва окончившего строительный институт Валентина Алексеевича приглашают в Наркомат внутренних дел, где он становится преемником самого Раппопорта. А Раппопорт, набивший руку на строительстве Беломорско-Балтийского канала, был заместителем Ежова. Командовать Свирскими лагерями генерал начал еще до войны. А после войны вернулся. Не знаю, работал ли «спецконтингент» на основных сооружениях, но то, что они строили шлюзовые камеры на Верхне-Свирской, видно на фотографии, да и качество бетонной кладки на стенах шлюзов царапает глаз.

Ко времени прихода отца на Свирь Свирьлаг доживал последние времена, а Свирский каскад целиком перешел в Минэнерго.

В Подпорожье был детский дом, ребята из него учились в нашей школе им. Горького. Я дружил с девочкой из детдома Ниной М., школьницей классом старше. Встречались и после окончания школы в Ленинграде, когда она училась в Педиатрическом институте. Свой детский дом вспоминала с благодарностью.

На праздник, на 7 ноября, в детдом приглашали почетных гостей, надо думать, не только для украшения праздника.

Помню рассказ отца об этом празднике.

Генерал Поддубко пришел со всеми регалиями, ордена и медали звенели и переливались рубиновыми, золотыми и лазурными красками.

Стоило дорогим гостям в ожидании начала торжества присесть в гостиной на диване, как на генерала накинута детдомовская мелюзга.

Они бросились ему на колени, стали со всех сторон теревить награды, аккуратно развешанные на кителе, отчаянно споря, какую, за что генерал получил.

¹³ Художники остро чувствуют диалогическое «единство противоположностей». Что такое Дон Кихот и Санчо Панса, Фауст и Мефистофель, король Лир и шут, Рогожин и Мышкин... ряд может быть продолжен. Это не только диалог идей, это двухголосие самой жизни.

«Он в разведку ходил! Вот — Красная Звезда, это за разведку!» «Не ври! Это за самолет!» «Вот за самолет — Красное Знамя! Вот у него за два самолета!» «А вот это за танк!» Проще было с медалями, хватали и читали в голос: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Генерал улыбался, но так и не объяснил бестолковой ребятне, что танков он не подбивал, самолетов не жег, а о своем «доблестном труде» в годы войны под страхом сурового наказания дал подписку не рассказывать.

Можно только посочувствовать тем, кто не может сказать, за что его наградили, или не может сказать, «откуда у него деньги».

Приказ НКВД СССР № 00309

Об устранении извращений в содержании детей репрессированных родителей в детских домах

20.05.1938

г. Москва

Сов. секретно

В детских домах системы Наркомпроса, где размещены дети репрессированных врагов народа, имеют место грубейшие политические извращения в деле содержания и перевоспитания детей репрессированных родителей. Извращения эти являются результатом того, что Наркомпросы не занимаются этими детдомами, а НКВД союзных республик совершенно недопустимым образом выпустил из своего поля зрения эти важнейшие объекты...

Среди детей репрессированных родителей имеют место антисоветские, террористические проявления. Воспитанники Горбатовского детдома Горьковской области Вайнскопф, Келерман и Збиневиц арестованы за проявления террористических и диверсионных намерений, как актов мести за репрессированных родителей...

Воспитанники Нижне-Исетского детдома Свердловской области Тухачевская, Гамарник, Уборевич и Штейнбриж высказывают к.-р. пораженческие и террористические настроения. Для прикрытия своей к.-р. деятельности вступили в комсомол. Указанная группа детей проявляет террористические намерения против вождей партии и правительства в виде акта мести за своих родителей.

Воспитанники Черемховского детдома Иркутской области Степанов, Грундэ, Казак и Осипенко за антисоветские выступления арестованы органами НКВД.

В Федоровском детдоме Кустанайской области Казахской ССР имеют место массовые побегі детей репрессированных родителей. Дети не занимаются, так как их избивают школьники-хулиганы. Наблюдаются массовые дебоши. Дети репрессированных Кучина и Степанова были изнасилованы взрослыми воспитанниками. В столовой детдома на 212 детей имеется всего 12 ложек и 20 тарелок. В спальне — один матрац на три человека. Дети спят в одежде и обуви...

Во многих детдомах детей репрессированных называют троцкистами, преследуют, рассматривая их как врагов.

ПРИКАЗЫВАЮ: *Первое* — немедленно обеспечить оперативное агентурное обслуживание детских домов, в которых содержатся дети репрессированных родителей.

Второе — своевременно вскрывать и пресекать... в соответствии с приказом НКВД № 00486.

Третье — одновременно обеспечить правильный режим воспитания детей репрессированных...

Устранить привилегированное положение, созданное в некоторых домах для детей репрессированных родителей в сравнении с остальными детьми.

Четвертое — проверить руководящий состав и кадры воспитателей детдомов, очистив их от непригодных работников.

Предупреждаю о Вашей личной ответственности за состояние обслуживания детей репрессированных родителей.

О всех принятых Вами мерах донесите лично.

*Заместитель Народного комиссара
внутренних дел СССР
комкор М. ФРИНОВСКИЙ
20 мая 1938.*

А уже 8 сентября 1938 года Фриновский назначен наркомом Военно-Морского флота СССР.

6 апреля 1939 года снят со всех постов, лишен званий, арестован по обвинению в «организации троцкистско-фашистского заговора в НКВД», что подтвердил, как раньше подтверждали его подследственные и подозреваемые, чистосердечно и собственноручно:

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ СОЦ. РЕСПУБЛИК — КОМИССАРУ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 1 РАНГА:
БЕРИЯ Л. П.
От арестованного ФРИНОВСКОГО М. П.

ЗАЯВЛЕНИЕ

.....

Настоящее заявление далеко не исчерпывает всей суммы фактов моей преступной работы.

В последующих моих показаниях я с исчерпывающей полнотой расскажу следствию все, что мне известно, и не скрою ни одного известного мне врага коммунистической партии и советской власти, и назову всех лиц, причастных к антисоветской заговорщической работе независимо от того, арестованы они на сегодня или нет.

*М. ФРИНОВСКИЙ
11 апреля 1939 г.*

4 февраля 1940 года Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к смертной казни и в тот же день расстрелян.

Не реабилитирован.

НОМЕНКЛАТУРНЫЙ ДВОРНИК

Отцу, заслуженному строителю РСФСР, лауреату Государственной премии, возглавлявшему стройки, а последние 27 лет руководившему Ленинградским отделением Всесоюзного проектного института Оргэнергострой, была назначена пенсия «республиканского значения» 135 рублей в месяц. Как «республиканскому пенсионеру» ему еще полагалась «тринадцатая» пенсия раз в год «на лечение» и какие-то грошовые транспортные и коммунальные скидки.

Я хорошо знал вышедшего на пенсию первого заместителя Председателя Совета Министров и председателя Госплана Казахской ССР. Он был удостоен пенсии «союзного значения» — 200 рублей плюс тринадцатая «на лечение» и транспортно-коммунальные скидки. «Заместитель» и «председатель» — это предпоследняя запись в его трудовой книжке, а последняя — «дворник».

Казус, но весьма примечательный.

Пенсионер «союзного значения», живя в Ленинграде, в Старой Деревне, увидел, как мужик-неумеха машет косой над газоном, топча и приминая траву больше ногами, чем секирой. Дурная работа всегда вызвала у ответственного работника возмущение. «Кто же так косит?» — «Если ты, дед, умеешь, возьми косу и коси!» — «Давай косу, — сказал бывший председатель Госплана из касимовских мужиков. — Да какая же это коса? Она ж у тебя не отбита». — «Зачем?» — поинтересовался работник ЖКХ. «Чтобы косила!» — «Ну, и отбей, если знаешь». — «И отобью!» Номенклатурный работник высокого разбора, представитель «правлящего класса» собственноручно косу отбил. После того как коса была отбита, бывший номенклатурный работник показал простому трудящемуся (за чей счет он наслаждался жизнью!), как надо косить. Наблюдавший этот мастер-класс начальник ЖЭКа тут же предложил: «Дед, ловко у тебя получается, может, поработаешь? Заплатим». У деда был еще месяц до отъезда в деревню с женой и поступающим в институт внуком. Дед согласился. Сейчас бы заплатили «из кармана в карман», тогда пришлось оформлять через трудовую книжку.

Опять же привычка с любого заработка платить партвзносы.

В ЖЭКе ахнули, когда увидели последние должности, внесенные в трудовую книжку. Стали извиняться. Но дед сказал: «Оформляйте!» Видеть невыкошенные, бурьяном зарастающие газоны рядом со своим домом ответственному работнику, обеспечивавшему по линии Совмина даже ядерные испытания в Казахстане, было неприятно. Мог и министр Средмаша Славский в гости зайти, благо его атомный институт неподалеку. Надо, чтобы газоны у дома выглядели пристойно.

«Мы же вам трудовую книжку испортим», — сказал начальник ЖЭКа.

«Пишите — „косарь“. Есть и такая должность на земле».

«Нет, вы не понимаете, — начальник ЖЭКа аж вспотел. — По штатному расписанию нет у нас такой должности „косарь“, мы можем оформить только „дворник“».

«Ну и пишите — „дворник“», — сказал всего лишь полгода назад покинувший пост первого заместителя Председателя Совета Министров Казахской ССР шестидесяти-четырёхлетний пенсионер.

Вот и вписали — после «директор Усть-Каменогорского свинцово-цинкового комбината», после «Председатель Восточно-Казахстанского совнархоза», после «заместитель», «первый заместитель Председателя Совмина КазССР», «председатель Госплана КазССР» — «дворник».

Так выглядит вблизи трудовая книжка (здесь эти слова надо написать с большой буквы) вышедшего на пенсию работника, занимавшего номенклатурные должности тридцать лет. Разумеется, в соответствии с установленным порядком, отправляя высокие должности, он пользовался и «закрытым» магазином при Хозяйственном управлении Совмина, и дачей в районе Медео над Алма-Атой, и льготными путевками для себя и жены в отличные санатории. Выйдя на пенсию, практически своими руками начал строить домик-дачу в родной деревне под Касимовом, две комнаты, веранда и небольшая мансардочка. Денег на домишко побольше и получше не накопили. Пришлось продать часть библиотеки, охотничьи ружья и так, по мелочам. Старшая дочь, специалист по редкоземельным металлам, работавшая в ленинградском институте «Механобр», оставалась после работы мыть химическую посуду для приработка... Всякая «лишняя» копейка шла на строительство домишки в деревне.

Во время войны Казахстан давал стране 90 % свинца, Усть-Каменогорский свинцово-цинковый комбинат давал около 80 % свинца в Казахстане. Такой вот вклад в победу. Директору комбината в пору назначения было тридцать восемь лет. Биография самая обыкновенная для выходца из крестьянской семьи: рабфак, институт, практика на рудниках, помощник мастера, мастер, начальник участка, начальник цеха, директор. Основной продукцией комбината были, естественно, свинец и цинк, но полиметаллические руды содержат в небольших количествах золото и серебро и совсем в малых дозах целый букет, с дюжину редкоземельных металлов: литий, индий, иридий, галлий и т. д.

Мне довелось слышать рассказ директора комбината о работе с золотом.

По уверению рассказчика, зрелище плавки золота ни на что в мире не похоже. Живое, льющееся золото завораживает, и цвет его не идет ни в какое сравнение с золотом остывшим, твердым. Как правило, золото плавил ночью, и литейка озарялась сказочным заревом. Если была к тому возможность, директор, металлург не только по образованию и должности, но еще и в душе, ходил просто полюбоваться волшебным зрелищем.

Золото разливали по формам размером с хорошую буханку хлеба, остужали и хранили в открытую на деревянных стеллажах, на полках с невысокими бортиками. Форма усеченной пирамиды и чуть ли не двухпудовый вес каждой «буханки» не позволял руками взять и снять «изделие» с полки, а сдвинуть не позволял бортик. Потом слитки взвешивали, клеймили, заворачивали в промасленную бумагу, рогожу и... грузили на сани, запряженные, надо думать, сознавшей всю меру ответственности савраской. В санях, естественно, возница и облаченный в тулуп охранник с трехлинейной винтовкой. Сани поспешали на городской вокзал. Без всяких промежуточных инстанций воин сдавал свой груз непосредственно в почтовый вагон скорого поезда, шедшего в Москву. И вся недолга.

Это сколько же захватывающих сюжетов породила охота за золотом. Едва ли не главная, действительно неистощимая золотая жила американского кино!

Кинорежиссер Желаквичус рассказывал, как его пригласили с фильмом «Никто не хотел умирать» в американское посольство в Москве, в Спас-хаус. Отличная картина о братоубийственной войне в Литве произвела сильное впечатление на посла и его гостей. К режиссеру подошла взволнованная жена посла, поздравила, поблагодарила, и, чуть смутившись, призналась: «Я только не поняла, где золото?» Разве можно еще из-за чего-то враждовать, умирать, убивать?

Из истории, рассказанной директором Усть-Каменогорского свинцово-цинкового комбината, «кина» не соорудить.

Ранним утром рабочий комбината шел на работу. Увидел на дороге в снегу какой-то сверток. С трудом поднял что-то завернутое в рогожу. Принес на комбинат. Рабочему выписали премию, и директор объявил благодарность в приказе. А нерадивому охранному воину в том же приказе — выговор, чтобы впредь по дороге на станцию не спал, укутавшись в тулуп, а следил за доверенными ему пудами золота.

Скучно жили эти «совки»! Банальная добропорядочность для них была заменой религии.

«Да и не все ли великие чувства банальны для тех, кто их не испытывает?» — спрашивал Дмитрий Мережковский, подсказывая ответ.

Побывавший в высшем эшелоне руководства Союза коммунистов Югославии и низвергнутый на тюремную койку Милован Джилас, надо думать, в тюремном досуге счастливо прозрел и увидел классовую структуру в обществе, объявленном бесклассо-

вым. Более того, как глубокий теоретик он объявил открытые им классы в бесклассовом обществе — антагонистическими!

Джилас открыл «новый правящий класс» — номенклатуру!

Да, система отбора «руководящих кадров» была ему известна не из книг.

Назначение на руководящие должности в народном хозяйстве и в армии — это и есть реальная власть партийного аппарата. Список номенклатурных должностей и список лиц, пригодных для занятия этих должностей, и составили принцип новой власти.

Тома исписаны обличителями номенклатуры, явления действительно патогенного. Уткнулись в крохоборческое высчитывание «спецпайков», денег в «конвертах», бесплатных путевок в санатории и бесплатных дач, в которые сокрушители «командно-административной» системы согласились бы поселить разве что свою дворню.

На наших глазах «создавался» с подсказки гарвардских мудрецов посредством ваучерной аферы «класс собственников». А куда же подевался открытый Джиласом класс номенклатуры? А как же классовая борьба? Где борьба угнетенных трудящихся с эксплуататорами-номенклатурщиками? Даже бывший коммунист все равно должен верить во единый двигатель истории — классовую борьбу.

А был ли мальчик?

Номенклатура была, да класса такого не было.

Мы же помним «классовые бои» с помещиками и капиталистами, помним, как долго и нехотя сходило с исторической сцены дворянство, проедавшее наследственную собственность и неспособное встроиться в новые капиталистические отношения.

За многоголосьем шумных обличителей невозможно было задать вопрос: покажите миллионные и миллиардные счета в банках этих «номенклатурщиков»? Покажите уголья и виллы в Швейцарии, на Кипре и в Испании, построенные «номенклатурщиками»? Где стометровые яхты-лайнры, личные самолеты и элитные футбольные клубы, приобретенные «номенклатурщиками» за рубежом? Предъявите счет, в какую сумму обошлись стране, бюджету, налогоплательщику привилегии «номенклатурщиков»? И скажите, наконец, чем они были заняты «номенклатурщики»? Делили между собой нефть, газ, лес, цветной металл и черный?.. «Пилили» бюджетные деньги?

Сегодня, когда с административно-командной системой покончено, а номенклатура осталась лишь историческим призраком, на сцену вышел «настоящий хозяин». Те, что стали собственниками не своими руками созданного, тут же заклеили социализм как «административно-командную» систему, созданную для защиты привилегий номенклатуры.

Те немногие, кому посчастливилось или помогли стать частными собственниками бывшей общественной собственности, призваны вернуть Россию в стан «цивилизованных стран», даровать, говоря словами рыбаков, «во-о-о-т такую свободу», создать правое государство.

Чем «настоящий хозяин» отличается от номенклатурного работника?

«Настоящие хозяева» — еще не класс? А вот «номенклатура», как нас уверяют, класс.

Но взглянем на нашу номенклатуру. Чем они владели? А ничем. Как назначали на должность, так могли и погнать. У дворян, к примеру, были неотъемлемые права: покупать, владеть, продавать живой товар, рабов. А какие неотъемлемые права у номенклатурного работника? Все права отъемлемые вместе с должностью.

Должность не делала номенклатурного работника «хозяином» вверенного ему предприятия.

Иная картина после сокрушения ненавистной командно-административной системы, сковывавшей инициативу деловых людей, ловких, умеющих жить!

Мог ли командующий военно-морским флотом, назначенный на эту номенклатурную должность ЦК КПСС, продать военный корабль? Не мог. Впрочем, мог, но только как государственный служащий, от лица государства и с передачей выручки от продажи исключительно в казну.

А сегодня тяжелый ракетный авианесущий крейсер «Киев», 40 тысяч тонн водоизмещения, длиной 279 метров, проект 1143, в январе 1993 года продан НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ за 1 миллион 500 тысяч долларов! Спешили отчаянно, надо думать, боялись, что НЕУСТАНОВЛЕННОЕ ЛИЦО вдруг передумает, поэтому продали корабль, еще числящийся в военно-морских силах России. Хватит, наконец, глупыми формальностями связывать ручки инициативных, по-современному мыслящих и творящих «новую Россию» людей, действующих и в масках, и без масок! Кто-то в горячке свободного предпринимательства, из пришедших в армию и на флот, все-таки вспомнил, что «Киев» еще числится в составе несущего небоевые потери Военно-морского флота свободной России. Задним числом, аж через полгода, 30 июня 1993 года, уже проданный НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ тяжелый ракетный авианесущий крейсер «Киев» заодно вместе с «Минском» и «Новороссийском», того же 1143-го проекта, был выведен из состава военно-морского флота. А всего через пару месяцев НЕУСТАНОВЛЕННОЕ ЛИЦО продает этот военный корабль КНР за 8 миллионов 500 тысяч долларов.

Кому-то продали за 1 миллион 500 тысяч долларов США, а тот уже перепродали за 8 миллионов долларов США. От восьми отнять полтора — шесть с половиной миллионов долларов США по карманам «неустановленных лиц» — и никакого мошенничества! Я был на «Киеве», и на «Минске», и на «Новороссийске».

«Киев» пробыл в строю с декабря 1975-го по 30 июня 1993 года. «Минск» — с сентября 1978-го по 30 июня 1993 года. «Новороссийск» и одиннадцать лет не отслужил, с 1982-го по 30 июня 1993 года. Для кораблей этого класса 15 лет не срок службы. Мой «Александр Невский», проекта 68-«буки», больше тридцати лет был в строю. И, может быть, не случайно именно с ходового мостика «Александра Невского» пришли на авианосец «Адмирал флота СССР Николай Кузнецов» его первые командиры Ярыгин и Санько. При командире капитане второго ранга Викторе Степановиче Ярыгине я пришел на «Александра Невского», а старший помощник капитан третьего ранга Иван Федорович Санько, приняв командование кораблем после Виктора Степановича, меня провожал.

Ярыгин и Санько были из тех, кто в пору развала страны и армии флот спасали.

Именно Виктор Степанович, первый командир «Адмирала Кузнецова», спас его для нашей страны. Подаривший Крым Украине первый президент свободной России, охмелевший от бесконтрольной власти, готов был и Черноморский флот «делить» с присущей ему щедростью. Трезво оценивая руководство страны, Ярыгин взял инициативу на себя и держал авианосец «под парами». Формально корабль, построенный в Николаеве, был приписан к Северному флоту. Вот и скомандовал капитан первого ранга Ярыгин: «Корабль к бою и походу!.. Бак, ют — связью вооружить!.. По местам стоять!.. Отдать швартовы!..» Авианосец хоть и большой корабль, а в умелых руках на закладку руля реагирует отлично. И ушли, что называется, из-под носа...

А если бы не ушли? Того же проекта «Варяг», на две трети достроенный, *незалежная* власть достраивать не стала. Продали за 20 миллионов долларов китайцам по цене металлолома. А китайцы достроили и ввели в состав флота народной республики.

Уже на севере командование «Адмиралом Кузнецовым» перейдет от Ярыгина к его бывшему старпому Санько. А после авианосца, уже в звании контр-адмирала, Иван

Федорович Санько будет стоять уже не на ходовом мостике корабля, а у истоков зарождения и развития современной военно-морской базы в Новороссийске, поскольку с Крымом и Украиной было все не ясно и ничего хорошего ждать не приходилось. Там, в Новороссийске в 2005 году пятидесяти четырех лет от роду, отдав, вот уж воистину всего себя флоту, десятиборец, мастер спорта по шахматам, сын глухонемых родителей, контр-адмирал Санько скончался.

Это блестящий офицер.

Помню, как он мне разъяснил свое понимание его места на корабле. «Любой военный корабль, тот же наш крейсер, — это оружие. Воюет командир. А я должен дать ему в руки это оружие, чтобы был ход, был отработан личный состав, чтобы все вертелось, крутилось и стреляло».

Людям умным и глубоким не чужды сомнения. Однажды в минуту откровенности Иван Федорович признался: «Стою на мостике и думаю, что ты здесь, Ваня, делаешь? Ты бы у себя на Кубани к тридцати-то пяти годам сколько бы земли перевернул, сколько хлеба бы вырастил...»

Адмиралы Ярыгин и Санько, разумеется, номенклатура, и те неустановленные адмиралы, что распродавали флот и «пилили» выручку, тоже номенклатура. По Джиласу, и те, и другие представители «правлящего класса». О чем это говорит? Разве только о том, что слова эти про «правлящий класс» — пустой звук.

На спардеке каждого из торопливо проданных и задним числом списанных наших первых авианосцев была сияющая золотом бронзовая доска: «Построен советским народом в *таком-то* году для защиты интересов Советского Союза в мировом океане». Советского Союза не стало, и корабли пошли служить НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ. Не нужно быть ни судьей, ни прокурором, чтобы знать лукавую формулировку про «неустановленное лицо», как правило прикрывающую легко устанавливаемый СПИСОК должностных лиц высокого ранга¹⁴.

Да, тут речь уже не о спецбуфетах и путевках в санаторий, не о дефицитной колбасе и пыжиковых шапках, вызывавших классовую ненависть к номенклатурщикам.

Но порадуемся: наконец-то законность и право торжествуют!

Все, что не запрещено законом, разрешено!

А в законе не сказано, что военные корабли водоизмещением в 40 тысяч тонн нельзя продавать НЕУСТАНОВЛЕННЫМ ЛИЦАМ.

Как не порадоваться за деловых людей, купивших корабль за полтора миллиона и продавших его тут же за восемь с половиной! На этикие денежки, тяжким трудом заработанные, можно не то что домишко в две комнаты с верандой, а целый коттеджный поселок построить!

Может быть, пенсионер «союзного значения» с двухсотрублевой пенсией или пенсионер «республиканского значения» с пенсией в сто тридцать пять рублей — не типичные номенклатурные работники?

Я знал журналиста, работавшего в аппарате первого секретаря Ленинградского обкома партии и члена Политбюро ЦК КПСС тов. Романова Григория Васильевича. Я не стану давать оценку его деятельности, скажу только, что журналист, навещая

¹⁴ Как утверждают специалисты, Россия потеряла около 1200 тысяч тонн водоизмещения современных кораблей, 85 % из которых пришлось на эпоху правления Ельцина. Одновременно было в 5—8 раз сокращено строительство. В результате флот потерял существенную долю боеспособности и перестал обновляться. Принудительному уничтожению подверглись 254 корабля и подводные лодки в возрасте моложе 25 лет, имевшие еще значительный потенциал. Большинство на флоте считают потерю наиболее ценных единиц фактически преступлением против обороноспособности страны. Меньшинство так не считает, считает выручку.

в Москве уже бывшего члена Политбюро, всегда брал с собой бутылку водки, зная, как живется его бывшему шефу на пенсию «союзного значения».

Нет сомнения, что только аферы с перепродажей кораблей военно-морского флота России, только с благословения верховной власти разворовывание имущество уходящей из Европы Западной группы войск лишили бюджет многих миллионов, а может быть, и миллиардов долларов, с лихвой покрывающих все многолетние расходы на номенклатурные привилегии.

Россия вновь погружена в глубокий кризис. Как от веку заведено, причины его ищут в «предшествующем царстве». Раньше очень убедительно звучала присказка о «пережитках прошлого». Все несовершенства советского человека именно так и объяснялись. Украл — пережиток прошлого. Убил, ну конечно, пережиток. Пьет? Так это же тяжкое наследие! И т. д. Но каким наследием можно объяснить нынешнюю разворовку заводов и пароходов? Разве в советское время хоть что-нибудь подобное было возможно? Даже лютые антисоветчики будут вынуждены сказать — нет, такого быть не могло. Стало быть, опять можно ваучерную аферу, продажу авианосцев по бросовым ценам и много другое можно понять, если признать, что в России началась и идет без согласия граждан, без оглядки на последствия реставрация капитализма.

Нам вновь предлагают подняться на высшую ступень человеческой цивилизации, начертанной едва не забытые нами заповеди: «Человек человеку — волк», «Сильный пожирает слабого», «Не пойманный — не вор!», добавив от наших времен: «У вас спрашивают, откуда деньги? Ударьте его по лицу!»

Была власть «номенклатуры», какой она была, мы видели.

Пришла власть денег.

Телевизионное «ток-шоу». Ведет опытный мастер своего дела Александр Гордон. Его собеседник — молодой человек лет этак тридцати с небольшим.

Ведущий спрашивает гостя, приглашенного для публичной, стало быть, имеющей предположительно общественный интерес беседы, есть ли у него мечта. Ответ звучит мгновенно. Ясно, что человек живет мечтой! «Есть мечта». — «Можете нам о ней сказать?» — «Конечно. Хочу попасть в список журнала „Forbs“». Аудитория раздражается аплодисментами. Приветствуют молодого человека и его мечту встать в первый ряд среди самых богатых людей на Земле. Следующий вопрос ведущего повергает гостя в недоумение. Гордон спрашивает: «Зачем вам это нужно?» — «Я же сказал, чтобы попасть в список...» — «А для чего? Зачем это вам?» — ведущий надеется услышать что-то в традициях той культуры, где богатство не «смысл», а «средство». Но перед ним человек, проживший всю сознательную жизнь в свободной России. На все попытки услышать что-нибудь вразумительное ведущий слышит только одно: «Я сказал, чтобы попасть в список журнала „Forbs“». Услышав эти слова в четвертый раз, Гордон с не присущей ему растерянностью произносит: «Понятно...» — хотя видно, что ему как раз не понятно, как и о чем с этим человеком разговаривать. А ведь он родился как личность в ту самую пору, когда Россия уничтожила номенклатуру «как класс» и пробует уже почти тридцать лет вернуться на путь «цивилизованных» стран.

«Надо, чтобы не для меня одного шла моя жизнь», — скажет Лев Толстой устами князя Болконского. Эту же мысль, но своими словами скажет Николай Островский, и слова эти будут учить в школе. А потом эту же мысль подхватит одна из самых популярных молодежных песен своего времени: «Жила бы страна родная...»

Этой переключкой соединялись времена и поколения бедной «нецивилизованной» России...

НАСЛЕДНИК

Головной институт по организации энергетического строительства (Оргэнергострой) располагался в Куйбышеве. Редкая организация, где многие предпочитали бы работать в филиалах: в Москве, Ленинграде или Одессе. Отец с 1954 года был назначен директором как раз Ленинградского отделения института. Коллектив сравнительно небольшой, где-то от восьмисот человек до тысячи. По признанию отца, управлять этим небольшим коллективом временами было даже трудней, чем пятитысячным на стройке. Разместился институт в знаменитом россиевском здании, заключающем в свои объятия Дворцовую площадь. В левом крыле, выходящем на Невский, располагался Главный штаб, а в правом, с выходом на Мойку, в свое время Министерство иностранных дел Российской империи. С предвоенных лет это крыло занимала Ленинградская милиция. Году в 1960-м милицию переселили в Большой дом на Литейном, а освободившиеся помещения на Дворцовой и Мойке заняли проектные институты. В кабинете отца я еще помню решетки на окнах, вскоре, разумеется, убранные. Вполне символично в 60-е годы страна освобождалась от решеток, мода на решетки и замки в подъездах, подсказанная новой реальностью, придет в 90-е годы и сохранится поныне. Отец этого уже не увидит.

Выработанные за годы управления строительными коллективами правила были для отца неукоснительны и в роли директора проектного института. Я знаю лишь несколько. Например, он не подписал ни одной бумаги, не прочитав ее от начала до конца. При этом, будучи человеком безупречной грамотности, правил и орфографию, и пунктуацию, пока не приучил сотрудников подавать документы в соответствии с правилами русской грамматики.

Было еще одно правило. Все сотрудники, приходившие работать в институт, не только инженеры и техники, но и копировщицы, дворники, сотрудники бухгалтерии, шоферы, рабочие небольших мастерских, все проходили через кабинет директора. А еще у него была удивительная память на имена и отчества, его рассказы из 20—30-х годов непременно изобиловали полным поименованием людей, с которыми общался, о ком рассказывал.

Однажды по заведенному правилу перед отцом предстал молодой человек в военной форме со спортивными погонами.

«Давно демобилизовались?»

«Месяц».

«Отдохнули?»

«Какой отдых, работу искал».

«Почему к нам?»

«Стоял на Желябова перед доской объявлений Ленгорсправки: „Требуются на работу“, закрыл глаза и ткнул. Посмотрел, где оказался палец, какой-то Оргэнергострой, „требуется техник“, оказалось, что и идти недалеко. От Желябова до вас — пять минут».

«Образование?»

«Техникум».

«Ну, вот и отлично. Прописка ленинградская?»

«Так точно», — видно, еще по привычке буркнул «новобранец».

«Вот и прекрасно. Давайте делать вашу биографию».

Человек пришел, наконец «куда-нибудь» устроится, и вдруг — такой разговор.

«Раз уж судьба так распорядилась, не будем сопротивляться. — Отцу не мог не понравиться парень, не ставший его уверять, что с детства мечтал работать в Оргэнер-

гострое. — Сейчас я вам хороший отдел подберу. Оглядитесь, поймете нашу работу. Мы институт многопрофильный, у нас и тепловые станции, и атомные, и гидростанции, конечно, агрегатное оснащение станций, сетевое строительство, стройиндустрия... Посмотрим, к чему у вас душа повернется. Выберем направление, тут уже нужен будет институт. С институтом поможем. А потом — стройка. Наше дело живое, не бумажное, у нас еще волховстройевцы работают...¹⁵ А потом, как говорят в Одессе, „будем посмотреть“. Что у вас с жильем?»

«Живу с мамой в коммуналке. Комната семнадцать метров».

«Ясно. Если иметь в перспективе стройку, найдем что-нибудь на Севере, чтобы на кооператив заработать. Пока в общих чертах так».

Строй жизни не давал оснований для сомнений в возможности осуществить вот так, экспромтом, возникший план жизни на пару десятков лет. Директору было пятьдесят, «крестнику» двадцать три.

До конца советской власти еще была уйма времени, целых тридцать лет.

За ужином отец рассказывал маме о самых примечательных событиях минувшего дня. Она была в курсе его многообразных проблем, могла дать, как правило, точную характеристику сотрудникам, чьи имена чаще всего мелькали в рассказах отца. Она умела не только накапливать такую, казалось бы, все-таки отрывочную информацию, но и осмысливать ее. Ведь речь всегда шла о человеческих поступках, позициях, силе и слабости. Реплики мамы, сопутствовавшие рассказам отца, бывали, как правило, точны и лаконичны. «А что я тебе говорила? Арап и есть арап». «На Авенирова всегда можешь положиться. Он моя симпатия». «Твой этот Шука обходительный, да вот ума-то небольшого». «Позвони Нейману, Евгений Александрович тебя любит... С кем еще говорить?» И все в таком духе.

«Странный парень сегодня к нам пришел...»

Вот так первый раз прозвучала в нашем доме фамилия Павлов.

И мама ее не забыла.

Нет-нет, и вдруг вспомнит, как там «твой Павлов».

Вот Павлов поступил в Политехник на вечерний.

А вот Павлов и вышел на дипломный проект.

«Давно о твоём Павлове ничего не слышала».

«Отправил его на Серебрянские ГЭС».

Приехал Павлов на стройку в Заполярье молодым инженером, а уехал уже в ранге начальника строительства Серебрянского каскада, чем-то повторив путь своего наставника. За успешное завершение строительства Серебрянских ГЭС был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Вернулся на Мойку, в Оргэнергострой набравшимся опыта, уверенным в себе гидроэнергетиком. Но институт многопрофильный, для освоения его многосторонней программы Павлов назначен заместителем главного инженера. Отцу уже шестьдесят пять, он готовит себе преемника. Павлов — кандидат номер один.

Легко представить себе, какому веселому разному был бы подвергнут роман с подобным сюжетом.

Да это же советская рождественская сказка на производственную тему!

Но я не пишу роман.

¹⁵ Начальником отдела наладки строймеханизмов Елиазар Евсеевич Шлом, 1890 года рождения, работал с Графтио и на Волхове, и на Свири. Свое 80-летие он встретил, как говорится, на рабочем месте. А тут Смольный развернул кампанию за омоложение кадров. Отца за старца в начальниках отдела полоскали из доклада в доклад. Как он ни пытался объяснить, что Елиазар Евсеевич не только крупнейший специалист в своей области, но и человек, за последние десять лет ни дня не пробывший на бюллетене, райком потребовал увольнения.

В январе 1980 года по дороге с работы домой отца настиг инфаркт. Он не понимал, что с ним происходит. Не мог дышать, казалось, что поперхнулся. Закружилась голова, подумал, что споткнулся. Пришел домой возбужденный... Тут же вызвали «скорую». Отец всю жизнь был уверен, что грозные хвори не про него. Курил. Пил умеренно, но регулярно. Уверял, что его желудок «не переваривает только гнутые барочные гвозди, если они плохо прожарены».

Сто дней мы все не отходили от его постели в больнице «старых большевиков» на набережной Малой Невки. Передавали, что называется, с рук на руки. Помню, как понял, что пришла весна. Я развернул кровать так, чтобы отец мог видеть, как на тополе за окном ворона отрывала кору, укладывала длинные куски поперек клюва и, набрав куска три-четыре, чтобы лишний раз не летать, отправлялась то ли строить, то ли поправлять свое гнездо. Я знал, что отец всегда радовался, а то и восхищался щедростью природы, заложившей во всякую живую тварь множество самых неожиданных способностей.

Он понимал, что с институтом придется расстаться, и, может быть, поэтому с особой горечью говорил о положении в энергетике, которой уже не мог ничем помочь.

За институт он был спокоен, сорокатрехлетний Павлов потянет, но что творится с энергетикой в стране... Мы потеряли темп ввода новых мощностей. Кого, когда и как мы сможем в таком случае догнать?

1980 год. Потом это время назовут «стагнацией». Но при этом страна все еще строила и тепловые, и гидро, и атомные станции. Его институт участвовал в проекте новинки гидроэнергетики, аккумулирующих ГЭС, необходимых для снятия *ника нагрузки* в энергосистеме.

Его огорчала практика использования коллективов гидростроителей для решения не свойственных им задач. Он знал, как трудно складывается такой организм, как важно беречь его костяк.

«Мудрый Наймушин ташил за собой *нивцев* и на Каму, и в Братск, и на Усть-Илим. Бочкин красноярцев за собой на Саяно-Шушенскую. Коллектив — это же великое дело, основа основ, его вырастить, сплотить не одна пятилетка нужна. А потом взять и бросить такой коллектив на строительство Оренбургского нефтеперерабатывающего или какого-то комбината в Средней Азии...»

«Я вижу, Минэнерго для Совмина — пожарная команда. Ага, где-то надо начинать что-то с нуля, а вот к концу идет строительство большой ГЭС, давайте-ка кинем их... Вот и прокидались. Кем строить Зею? Кем строить Баксай? Как это не по-хозяйски...»

Большой отец продолжал держать руку на затухающем и теряющем ритм пульсе нашей энергетики.

Летом отцу исполнилось семьдесят. От чествования он отказался, не было ни сил, ни настроения. Надо было осваивать свое новое положение. Жить без нагрузки. Странное, бессмысленное существование. Дачей он не обзавелся, привык снимать. Охоты-рыбалки были ему совершенно не по нраву. Была «победа», тоже изрядно изношенная, но еще способная вносить какое-то разнообразие в обмельевшую жизнь.

19 июля директор Ленинградского отделения института Оргэнергострой Павлов прислал за отцом машину.

Чествование состоялось в том самом кабинете, где двадцать лет назад демобилизованный сержант признался отцу, что ткнул наугад в доску объявлений Ленгорсправки. В кабинете было тесно, руководители всех крупнейших проектных организаций, связанных с энергетикой, Котлотурбинный институт, Институт гидротехники, Гид-

ропроект, Спецгидромонтаж, всех не вспомнить, пришли засвидетельствовать уже члену совета старейших энергетиков свою любовь и поддержку.

Дома долго хранилось письмо главного механика Нивагэстроя Думлерова, под чьим крылом отец начинал свою жизнь на стройке в далеком тридцать шестом. В письме было поздравление в связи с рождением первенца и пожеланием сыну быть достойным своего отца-большевика. Помню последние слова в этом письме: «Всегда буду рад встретиться с Вами в деле». Да, у них, у русской инженерии, это было выражение признания самых высоких профессиональных и человеческих достоинств.

Поздравить и ободрить отца пришли те, кто с благодарностью вспоминал встречи с отцом «в деле».

С горькой усмешкой отец смотрел вперед: «Ну, что там осталось, десять лет, из них пять фальшивых».

Увы, осталось и того меньше, два года с небольшим хвостиком.

Да и из этих двух лет полтора года оказались фальшивыми.

Скончался отец 10 октября 1982 года.

У всякого ритуала, в том числе и печального, есть свой регламент.

Институт прощался со своим директором, отдавшим ему двадцать семь лет жизни. Рассчитанное на час прощание затянулось на два с половиной. К гробу шли и шли люди. Прощался уже не институт, а город энергетиков.

К людям, как говорится, «вышедшим в тираж», к пенсионерам, отношение вежливо-почтительное, им отдают долг, вздыхают и предаются заботам быстротекущих дней...

Я видел лица пришедших проститься, я хотел бы запомнить каждое, у каждого было свое горе, это было их личным горем...

Слез не стеснялись ни те, что помоложе, ни старики.

На огромной фотографии в траурной рамке отец улыбался.

Сказки со счастливым концом не получилось.

Через три месяца, в январе 1983 года, в приемной секретаря Дзержинского райкома КПСС от разрыва сердца умер Павлов.

Хоронили на Южном кладбище, вознесенном над городом на глинистом Пулковском плато, где никто не селился, леса не росло, воды не было, а были только спайки чахлых кустов, вместе державшихся против гуляющих здесь ветров.

Гулял ветер со снегом и в день похорон, и мороз стоял градусов пятнадцать.

Когда приехали на место, оказалось, что могила еще не готова.

«Беларусь» с навесным ковшом еще ковыряла мерзлую глину, здесь же переминались и уворачивались от ветра могильщики.

Неподалеку, метрах в тридцати, происходило... Не знаю, как назвать то, что происходило. Мы пришли на место и услышали разорванные ветром клочья траурной музыки. Как трубы не примерзли к губам музыкантов. Еще могильщики подправляли могильный холм и укрепляли венки с раздуваемыми ветром черными лентами, как откуда-то появились два раскладных стола. Предав земле покойника, люди без спешки готовились к тризне. Два сдвинутых вместе стола были покрыты одной скатертью. Двое держали эту скатерть, может быть, простыню за углы, чтобы ветер не снес ее вместе с сервировкой. Стол заполнился неразличимой издали едой и вполне различимыми бутылками. На морозе, под колющим ветром люди никуда не спешили. Кто-то говорил, его слушали и прекращали на это время есть и пить...

Пока переминался в ожидании погребения, ветер и мороз подсказали слова, вроде бы подходящие к случаю. Дескать, Заполярье стало школой для отца, провел он через эту школу и своего преемника, и вот теперь полярные ветры прилетели про-

щаться... Может быть, что-то в этом духе и произнес, если бы не похоронная медь от соседней могилы да эти двое, что уворачивались от бьющего в лицо снега и держали за углы готовую улететь скатерть.

Внизу едва проглядывался, а скорее, угадывался за снежной заметью призрачный город.

ГЛАЗАМИ ОТЦА

Отца не стало тридцать пять лет назад. Целая жизнь целого поколения.

Тем, кто в 1982 году вошел в сознательную жизнь, скажем, пятнадцатилетними, сегодня — пятьдесят.

Если смотреть от 1917 года, когда поколение отца начало строить свою жизнь — семнадцать да тридцать пять, получается 1952 год.

Итак, 1952 год.

К этому времени преуспевшие, обогатившиеся во время войны, преумножившие свое население Соединенные Штаты¹⁶, по словам Черчилля, произнесенным в Вестминстерском колледже штата Миссури, «взошли на вершину могущества». Там же «частное лицо», как представился премьер-министр Великобритании в отставке, 5 марта 1946 года, он разъяснил, как надлежит с этой вершины управлять миром, как наводить в нем англосаксонский порядок и обеспечить «для человечества счастье на многие века вперед». Только располагая атомной бомбой и уверенностью в своем монопольном праве на владение этим оружием, можно было провозгласить: «Мы должны отказаться от изжившей себя доктрины равновесия сил, или, как ее еще называют, доктрины политического равновесия между государствами».

Это было объявление курса на силовое противостояние с СССР, расширившим после войны зону своего влияния. Это было объявление войны, пока — «холодной».

Через год президент США Трумэн, представлявший аудитории Черчилля, сформулирует доктрину подготовки ядерной войны против СССР. Пока не накоплено необходимое количество зарядов, страна все-таки большая, были созданы военные базы и военно-политические блоки, направленные против нас.

Вот так: доктрина равновесия сил себя изжила, а курс на новую войну объявлен!

Человечеству указан путь к всемирному англосаксонскому счастью.

В это время еще «по инерции» выходила на русском языке газета военного времени «Британский союзник». Помню ее первую полосу, где рядом с заголовком стояли в обнимку советский солдат и британский в каске, напоминавшей мисочку на голове Дон Кихота, стояли рядом, осененные знаменами своих стран. Газету можно было и купить, и даже на нее подписаться. Мамин брат, дотащивший свою катушку связи до Берлина, был ее подписчиком.

Вот и Нюрнбергский процесс закончится еще только 1 октября 1946 года

Речь Черчилля в Фултоне у нас не печаталась, разве что в специзданиях, но руководством страны она была прочитана и понята правильно.

И вот всего через семь лет после окончания войны разоренный войной, понесший страшные людские и материальные потери Советский Союз был признан новой сверхдержавой. Запомним — за семь лет! Этот нелегкий и обязывающий титул страна несла вплоть до 1990 года...

¹⁶ Потери США во Второй мировой войне — 450 тысяч человек.

В марте 1946 года первая послевоенная сессия Верховного Совета СССР приняла четвертый пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства.

За пять лет было пущено 6200 восстановленных и вновь построенных предприятий. Уже в 1947 году промышленность была восстановлена и вышла на уровень 1940 года. К концу четвертой пятилетки уровень промышленного производства превысил довоенный на 74 % вместо плановых 48 %.

Советский Союз, наш народ, переживший неисчислимые беды, сумел невероятным напряжением сил не только восстановить народное хозяйство, но и превзойти довоенные показатели по основным параметрам.

По сельскому хозяйству и легкой промышленности пятилетний план выполнен не был.

Ресурсы обескровленной войной страны были крайне ограничены. Необходимость ликвидировать угрожающую монополию США на атомное оружие потребовала огромных материальных средств в ущерб и сельскому хозяйству, производству товаров, как тогда говорили, «народного потребления», и социокультурной сфере.

По существу, крестьянство снова было принесено в жертву ради спасения страны.

В 1949 году, 29 августа, около пяти часов утра, на Семипалатинском полигоне была испытана первая советская атомная бомба.

Испытания, естественно, проводились в строжайшей тайне.

По пробам воздуха на Дальнем Востоке американцы заподозрили возможность ядерного взрыва в СССР, о чем объявили во всеулышание. ТАСС, ни слова не говоря о проведенных испытаниях, туманно сообщило о каких-то взрывах промышленно-строительного характера. Далее следовало: «Что же касается производства атомной энергии, то ТАСС считает необходимым напомнить о том, что еще 6 ноября 1947 года министр иностранных дел СССР В. М. Молотов сделал заявление относительно секрета атомной бомбы, сказав, что «этого секрета давно уже не существует».

И только 8 марта 1950 года Климент Ворошилов как заместитель Председателя Совета Министров официально заявил о наличии в СССР атомной бомбы.

Заявление Молотова в 1947 году, уклончивое заявление ТАСС после первого испытания атомной бомбы — все делалось для того, чтобы, с одной стороны, предупредить: «секретом владеем», с другой — выиграть время, накопить силы. Политический и информационный маневры, похоже, сделали свое дело.

1 ноября 1952 года США взорвали термоядерное устройство величиной с дом. Бомбой это устройство назвать было нельзя по причине своей неподъемности.

12 августа 1953 года в Советском Союзе была испытана водородная бомба, именно бомба.

Эффект был впечатляющим, после этого наступило устойчивое мирное время. Даже сошла на нет длившаяся три года война в Корее.

Напряженный, критический момент противостояния СССР и США возник после размещения Соединенными Штатами в 1961 году своего ядерного оружия в Турции. Вспомним провокационные слова Черчилля, провозглашенные в марте сорок шестого: «Доктрина равновесия сил себя изжила». Но в ответ Советский Союз принял решение об установке своих ракет с ядерными боезарядами на Кубе (1962). Надо думать, что в мирном разрешении Карибского кризиса наличие у Советского Союза ядерных сил сыграло едва ли не решающую роль. А дальше — больше, заговорили даже о ядерном паритете. А «паритет» на латыни означает — «равенство».

На глазах Черчилля, хоронившего «доктрину равновесия сил», противу всех правил движения «к счастью» по-английски она взяла и ожила, и пережила своего могильщика, и худо-бедно живет уже полвека.

С 1945 года страна в большой войне не участвовала семьдесят с лишним лет.

В истории России такого срока мирной жизни еще не было.

Была оправдана или нет жесткая послевоенная экономическая политика, не мне судить.

В пору первого инфаркта в 1980 году в больнице «старых большевиков» на набережной Малой Невки отец, прикованный почти на три месяца к постели, горько сетовал о потере нашей энергетикой темпов роста.

И еще.

Отец частенько с горечью вспоминал ленинские слова: «В конечном счете победит та система, которая сможет обеспечить наивысшую производительность труда». Он видел и знал, какими манипуляциями достигается «рост» производительности труда, и видел в этом путь в тупик.

Но допустить мысль о поражении не мог ни на минуту.

Он сам работал, сколько требовало дело, видел, как умеют работать его коллеги, видел войну, видел послевоенное возрождение...

Отец не строил иллюзий относительно возможности самому увидеть, как же будет преодолен явный кризис, недопустимая для основополагающей отрасли ситуация.

«Я все понимаю... Ни в какое загробье я не верю... Думаю только об одном, дали бы мне всего-то на десять-пятнадцать минуточек, больше не надо, взглянуть хоть одним глазком, хоть в щелочку, как же мы пойдем наконец, что без поступательного развития энергетикой у нас нет будущего. Должны же мы вырваться, убежден, что вырвемся... Пусть через десять лет, хоть через двадцать... Вот и хотелось бы взглянуть, и — до свиданья! больше вопросов нет...»

Скончался отец в октябре 1982 года.

Исполнилось его желание, и через десять лет отец бы увидел наш 1992-й ельцинско-чубайсовский год.

«Эпоха гласности и демократии» при талонах на мыло, постное масло и водку едва ли пришлось бы ему по душе.

Это через сорок лет после отмены карточек!

Тупик. Полная беспомощность руководства страны

КПСС долго и, в общем-то, тихо, без эксцессов умирает «в своей постели», то есть без помощи извне.

Умные люди «издалека» предлагают забыть о социализме, забыть об административно-командной системе управления народным хозяйством и «вернуться» на путь цивилизованных стран в лоно рыночной экономики. «Рынок все расставит по своим местам!»

Отдадим «народное хозяйство» в частные руки, создадим класс собственников, дадим свободу предпринимательской инициативе и... заживем счастливо и богато, как шведы, как немцы, как датчане! Или хотя бы как чилийцы...

«Создали» класс собственников. Отдали в частные руки самые успешные предприятия народного хозяйства. И «собственники» действительно зажили счастливо, на зависть капиталистам из-за рубежа, десятилетиями надрывным трудом сколачивавшим свой капитал.

На смену призыва к строительству общества гражданского равенства и социальной справедливости грянул призыв: «Обогащайтесь любой ценой!»

Советский Союз превратился в «ничейный» Клондайк, куда ринулись с деньгами и оружием «инициативные» и «предприимчивые» люди.

Что бы мог увидеть отец в те недолгие минуты, что просил у судьбы для посмертного утешения?

Доля промышленности в валовом продукте страны, начиная с 1990-го и по 2015 год, за 25 (!) лет уменьшилась практически в три раза.

А если убрать из ВВП России газ и нефть, то можно будет только удивиться, как можно было потерять за 25 лет достигнутые результаты и темпы развития того же народа, тех же людей, что до этого жили и работали, преумножая индустриальную, энергетическую, научную и военную мощь страны.

Еще бы он увидел, вернее, не увидел ни одного крупного промышленного предприятия, построенного с 1990-го по 2000 год¹⁷.

Он привык отсчитывать «планов громадьё», как писал поэт, и размах шагов «саженями Пятилеток». По итогам пятилетки он представлял своих сотрудников к правительственным наградам.

А тут узнал бы, что две пятилетки ушли на то, чтобы возродить класс капиталистов, совершенно не озабоченных преумножением национального богатства, укрепления промышленности, сельского хозяйства, энергетики, науки и образования... Впрочем, об образовании своих детей за границей они озаботились.

Щедрая нива огромной страны вдруг оказалась добычей сорняков...

Сорняк — это такой организм, этакое создание природы, живущее исключительно для самого себя.

Жизнь несет в себе художественный способ обнаружения важных смыслов.

Может быть, совсем не случайно именно в 90-е и 2000-е годы земля по всей стране пошла зарастать борщевиком.

Вполне символическое сопровождение торжества победителей.

Как он у нас появился? В 40-е еще годы был завезен, кстати, из США в качестве кормового растения. Неприхотлив, быстро растет, изрядная зеленая масса.

Пока землей владели ответственные хозяйства, этого потенциального зверя держали в узде, даже с пользой.

Но грянула наконец-то перестройка. Свобода для всех и ото всего, прежде всего от всяческой ответственности.

Вот тут-то борщевик и вырвался на свободу. Здесь-то мы с ним и познакомились вплотную.

Его способность к размножению фантастична. Размножается самосевом. В свою компанию не допускает чужаков. Деревьев в его зарослях не встретишь.

Залетные семена других растений быстро погибают от его яда. Из скромного культурного растения превратился в опасного агрессора, способного захватывать обширнейшие территории. Его пыльца и сок вызывают тяжелейшую аллергию. Сок, попавший в глаза, может вызвать слепоту...

¹⁷ В годы Великой Отечественной войны (с 1 июля 1941 года до 1 января 1946 года) были построены Челябинский металлургический и Челябинский трубопрокатный заводы, металлургический завод «Амурсталь», Актобинский завод ферросплавов, Богословский алюминиевый завод, Норильский горнометаллургический комбинат, Куйбышевский нефтеперерабатывающий завод, Сызранский завод тяжелого машиностроения, Южно-Уральский машиностроительный завод, Орский завод строительных машин, Уральский и Ульяновский автомобильные заводы, Алтайский и Владимирский тракторные заводы, Красноярский и Кузнецкий цементные заводы, не прекращалось строительство метрополитена в Москве, третья очередь которого была сдана в эксплуатацию в 1943 году, восстановлены и введены в действие угольная шахта Подмосковского бассейна, электростанции и предприятия тяжелой промышленности в освобожденных районах. Всего за 1943–1945 годы в освобожденных от оккупации районах были введены в действие мощности на электростанциях на 1,3 млн кВт, угольные шахты мощностью около 60 млн т угля в год, 18 доменных печей общей мощностью 3,6 млн т чугуна в год, 92 сталеплавильных агрегата мощностью 3,7 млн т стали в год, 40 прокатных станов мощностью 23 млн т готового проката в год (Симчера В. М., Федоренко Н. П. Строительство в России в XX веке).

Почему вдруг так подробно о злосчастном борщевике, с которым уже не знают, как бороться?

Символ тем и хорош, что избавляет от необходимости подробно рассказывать о том, как боролся и побеждал новый класс как раз одновременно с вырвавшимся на свободу борщевиком.

У отца как руководителя больших строек были по советским правилам подшефные деревни и села. Он не один раз ездил в Колчаново, где трест «Свирьстрой» строил МТС. Выезжал в колхоз Шеменичи на покосы и сам косил, это в пору работы на Свири. В подшефном колхозе Лувеньга на Севере строил на реке Колвица колхозную ГЭС. И даже в Ленинграде вместе с сотрудниками своего института выезжал на прополку и уборку в подшефный совхоз, кажется в «Шушары». Что такое борщевик и чем чревата его агрессия, ему можно было не объяснять, стоило бы ему только увидеть эти необъятные заросли.

Еще бы он увидел, вернее, тоже не увидел райкомов, парткомов, крайкомов...

Я вспоминаю, как после очередного визита в Смольный отец вдруг сказал: «Вот если бы сегодня ночью какой-нибудь волшебник подцепил райкомы и обком и унес куда подальше. Ведь наутро никто бы не спохватился. Жизнь бы шла своим чередом. Кто работает, знает, что он должен делать...»

Но это — под горячую руку.

Когда отец объяснял мне необходимость вступления в партию, здесь уже разговор был другой.

«Ты можешь себе представить все многообразие и многосложность жизни в стране, все наше огромное хозяйство?! А национальные республики?»

Что-то должно быть скрепляющим армию, детские сады, науку, все разнообразие производства...

Худо-бедно, но сложился уникальный механизм управления на такой большой территории. Партийное самодержавие, говоришь. Не спорю. Но что вместо него? Американцы — практичные люди, они как говорят: пока работает — не надо чинить. А нас зовут ломать старое, не имея представления о том, как строить новое. Это же безграмотность, безответственность или авантюризм. Ах, как на Западе? Попробовали мы в феврале семнадцатого, как на Западе. Ну и что? Учредилка? Да это второй вариант той же думской говорильни. Вспомни, как Столыпин с Первой думой, действительно всенародно избранной, обошелся. Привел к Таврическому войскам немножко и повесил на дверь замок: „Пошли вон!“ И Вторую думу разогнал. Значит, не в матросе Железняке дело. Чего-то наш организм не принимает. Отторгает. Почему? Свободу нельзя подарить, нельзя подарить демократию. Кричали на Сенатской площади в 1825 году: «Да здравствует Конституция!», народ думал, что речь идет о жене великого князя Константина. Твой любимый Чехов и тот „по капле выдавливал из себя раба“. А тех, кто даже не понимает, что это такое, „выдавливает из себя раба“, несметное большинство, может быть, и по сей день. Почувствовавшие себя свободными пугачевцы едва ли могли устроить Россию, по справедливости. Пугачевщина — это месть. А месть не созидательна. Без организации, владеющей реальной властью, все пойдут, кто в лес, кто по дрова. Я вижу, партия перерождается. На „Электросиле“ в двадцать девятом я после партсобрании домой не мог идти, надо было идти в цех, менять, улучшать, выправлять. А сейчас после партсобрании главное — протокол вовремя в райком доставить... „Слушали и обсудили...“ Но другой-то силы пока нет, может быть, я не вижу...»

А когда отец слышал или читал о безобразиях в планировании и на производстве, когда читал нет-нет и прорывавшиеся в печать материалы о разного рода хозяйствен-

ных (бесхозьяйственных!) безобразиях, о зарвавшихся начальниках, и вовсе вспоминал Петра: «Нам нужен капрал с палкой!»

Так что какого-то стабильного взгляда на партию у отца не было. Менялась партия, менялся на нее и взгляд отца.

Едва ли его порадовало бы исчезновение райкомов-горкомов без ответа на вопрос, а что будет скреплять не только райпищеторг, гортоп и райздрав, но и Союз нерушимый, и социалистический лагерь, отодвинувший от наших границ потенциальную опасность, как никогда, далеко.

Легко представить себе впечатление, какое мог вызвать у отца миссионерский лепет с амвона последнего Генерального секретаря ЦК КПСС, он же первый и последний Президент Советского Союза: «Начинайте перестройку с себя...»

Я помню и буду помнить до последнего часа последнюю мечту отца — взглянуть хоть одним глазком...

Теперь смотрю я, стараясь не думать, как бы все, пришедшее через десять, двадцать, тридцать лет, увидел бы он.

Он увидел бы, что меня печатают в солидных журналах, издают книги, перевели на полтора десятка иностранных языков. Узнал бы, что меня приглашают пятнадцать стран в связи с выходом моих книг, а еще с лекциями в университеты Дании, Италии, Испании, Великобритании, США... Не думаю, чтобы это его порадовало больше, чем завершение его старшим сыном, главным инженером проекта, тридцатилетнее строительство Комплекса защиты Ленинграда (Санкт-Петербурга) от наводнений. Порадовала бы и стойкость сына, отстоявшего свое детище, не давшего ошельмовать стройку и расташить по карманам карьеры, оборудование, транспорт.

Порадовали бы и разнообразные авто на улице, а главное, отсутствие очереди! на их приобретение...

Но с 1990-го по 2000 год в стране не построено ни одного крупного предприятия. Он помнил и знал, какой ценой только за первую пятилетку их построили тысячи...

«Чем же вы, товарищи, были заняты?»

«Мы теперь не товарищи. Мы — господа!»

«А рабочие и крестьяне у вас тоже „господа“?»

«Не совсем пока что...»

«Вроде бы что-то проясняется. Вернулись господа? Откуда?»

«Да наши же, местные, но при поддержке, конечно, мирового сообщества».

«Развитие энергетики тоже мировое сообщество поддерживает? Что у вас с энергетикой?»

«Свободная Россия располагает 243 Гвт установленных мощностей!»

«А как у американцев, немцев, китайцев?»

«В Китае — 1359 Гвт, в США — 1108 Гвт. У японцев 293 Гвт».

«Но у японцев территория 372 тысячи квадратных километров, да и населения несравненно меньше, а у нас-то 22 миллиона квадратных километров, в шестьдесят раз больше, и населения под 200 миллионов».

«Видите ли, Николай Николаевич... Сейчас у нас только 17 миллионов квадратных километров, да и населения поубавилось... В 90-е даже вымирали... Убыль шла на миллион в год...»

«Нигде в мире после Второй мировой войны такого не было... Опять война? Чума?»

«Видите ли, Николай Николаевич, в каком-то смысле, конечно, чума... Момент зачумленности нельзя отрицать... Но когда начинается передел собственности, это больше похоже на войну... И потери были, да и сейчас нет-нет да постреливают...»

«Но мы и во время войны и строили, и восстанавливали, наращивали мощности. Это при страшных людских потерях...»

«Как бы вам объяснить. Это революция, но только наоборот. Была поставлена задача создать класс собственников».

«Прекрасно! Что построил — то твое. Так можно даже конкуренцию создать. Всегда говорил, что государственный монополизм на все на свете, зло. И в сельском хозяйстве надо дать людям землю и свободу, хочешь, в артели работай, хочешь, держи свое хозяйство».

«Вы не поняли, новый класс собственников ничего не строил... Ну, ларьки, магазины, рынки, гостиницы, супермаркеты, такие о-очень большие магазины...»

«Торгаши, что ли? Народ, конечно, своеобразный, но куда же без купцов?»

«Не совсем купцы... Скорее, приобретатели».

«По-моему, Чичиков величал себя приобретателем. Понятно, кто же скажет сам — я мошенник?».

«Видите ли, Николай Николаевич, это ведь как посмотреть... Больше государство не указывает, кому чем заниматься. Кто чем хочет, тем и занимается».

«А если я захочу разбоем заняться?»

«Пожалуйста. Но — в разумных пределах. Здесь конкуренция большая. Поймите, с 1991 года мы живем в новой стране. Празднуем День независимости».

«От кого?»

«От Украины, Грузии, Армении, Казахстана, Киргизии, Туркменистана...»

«Они нам войну объявили? Ничего не понимаю».

«Свобода. Вы даже представить себе не можете, как это хорошо».

«Скажите, что за эти 25 лет создано, и я пойму, как вы распорядились свободой!»

«Вы цифры любите. Вот вам цифры. В рублях мы уже давно ничего не меряем. Так что я скажу цифры в долларах США».

«Из расчета 60 копеек за доллар?»

«Тут кое-какие изменения произошли, так что пока 60 рублей за доллар. В общем, я что хочу сказать, Россия за 25 лет (в сравнении с РСФСР) смогла увеличить внутренний валовой продукт с 1102 млрд долларов в 1990 году до 1200 млрд долларов в 2015 году».

«За 25 лет?! Всего на 10 %? Ну, а если сравнить экономику нынешней России с экономикой СССР? Чтобы мне понятней было».

«Вы же помните, СССР занимал по ВВП второе место в мире после США. СССР по многим отраслям и технологиям обгонял США. Сейчас ВВП России в реальном количественном исчислении пока что отстает даже от ВВП РСФСР».

«А у других, у наших соседей, как дела?»

«Ну, для сравнения Китай. Вы же там были, с экономикой знакомы. В провинции Гуандун бывали?»

«Бывал. Бедность неимоверная».

«Так вот, китайская провинция Гуандун, начав практически из ничего, по объему ВВП сравнялась с ВВП всей России за 25 лет ее развития. По ВВП на душу населения Россия за 25 лет развития занимает по итогам 2015 года почетное 66-е место в мире, уступив более почетное 64-е Казахстану».

«Вы все время говорите „развитие“, „развитие“. „25 лет развития“, слова-то сохранили свой смысл или... Хаос и развал, оцепенение экономики теперь называется „развитие“?»

«Ну почему же оцепенение. Есть движение не только назад, но и вперед. Вот смотрите. В 1978 году в Советском Союзе был рекордный урожай зерна — 124 миллиона тонн, так мы его в 2017-м превзойдем на 3 миллиона тонн!»

«За сорок лет? Увеличение меньше чем на 3 %?»

«Вы не учитываете, что отпала Украина, отпали Казахстан, Молдавия... У нас спад был до 60 миллионов...»

«Вот чему радуемся?»

«И не только. Развивается частное предпринимательство. Очень развивается банковский сектор. Развивается экспорт газа, нефти, леса... Правда, надо помнить, конечно, что доля промышленности в валовом продукте страны за 25 лет уменьшилась в 2015 году по сравнению с 1990 годом практически в три раза. Мы отдаем себе отчет, понимаем, сознаем, видим... Но смотрите сами, в каком положении промышленность. В Китае налоговая нагрузка на экономику страны 20 % от ВВП. А у нас 35 %».

«Почему?»

«Сказано — создаем класс собственников. Стране нужны богатые люди!»

«Но как может при таких условиях развиваться экономика страны в целом? Чем вы заняты, в конце-то концов?»

«Реформами. Коммунальная реформа. Пенсионная реформа. Реформа армии. Реформа образования. Здравоохранения... У нас много реформ».

«Кажется, Герцен называл эти занятия — „хронический прогресс“. Похоже на паралич, но прогрессивный. Ну, а как у вас складывается стоимость производимого ВВП?»

«Складывается так. На первом месте стоят сырьевые ресурсы...»

«Это наше богатство!»

«Видите ли, Николай Николаевич, не совсем „наше“, если вы имеете в виду население. Доля сырьевого ресурса в ВВП составляет 75 %, а налоговых поступлений дают только 13 %...»

«А чем же бюджет полнится?»

«Налогом на труд. Труд создает 5 % национального богатства, но дает почти две трети налоговых поступлений в казну».

«Но разве это не эксплуататорская политика по отношению к трудящимся?»

«Господа так не считают, так считают коммуняки».

«Вот вы успешный Китай поминали не раз. Там-то кто нынче у власти?»

«Да все они же, эти, ну, как их... Китайские коммунисты».

«Студенты китайские едут к нам? Они были самые многочисленные иностранцы в вузах».

«Едут, но... В цифрах это выглядит так: к нам 5 тысяч, в США 50 тысяч».

«Бог с ними, с китайцами. Про энергетику... Я не понял, мы от США отстали в пять раз, а от Китая в шесть? Сколько „миллионников“ за 25 лет построено?»

«Гидростанции имеете в виду?»

«Не совхозы-миллионеры, с ними, как я понял, у вас покончено».

«Ну, Зею в 1985 году ввели, она миллион триста мегаватт...»

«Ее что ж, двадцать один год строили? За это время три Куйбышевских ГЭС могли в Советском Союзе построить!»

«И в том же 1985-м Саяно-Шушенскую на шесть миллионов четыреста тысяч мегаватт ввели...»

«Семнадцать лет мучили?»

«Муки, Николай Николаевич, были впереди... В 2009-м страшная авария...»

«Плотина?! Там же напор 200 метров!..»

«Плотина устояла. Проморгали вибрацию крышки второго агрегата. Крышку сорвало. Вода под этим двухсотметровым напором хлынула в машинный зал. Девять из десяти агрегатов были в работе...»

«Но есть же автоматика...»

«Видите ли, сразу отключилось электропитание. Автоматика не сработала. Затворы на гребне плотины пришлось закрывать вручную... Целый час в машинном зале бушевала вода. Обрушились конструкции. Большая часть крыши...»

«М-м-да... Понятно, смена власти чаще всего открывает дорогу своеволию и беспорядку, пренебрежение дисциплиной и честным трудом... Это же не с сохой страна, а с атомной бомбой... У вас есть сознание того, какое огромное, сложное хозяйство вам досталось?.. Что с людьми?»

«Семьдесят пять человек погибло... Раненых больше двухсот... Ни один агрегат не работал. А это убытки. Саяно-Шушенская давала 100 миллионов киловатт в сутки...»

«Жемчужина энергетики! Она же покрывала все пиковые нагрузки и в Сибири, и в центральных районах».

«Пришлось и сокращать производство, и останавливать заводы. Четыре алюминиевых завода, потери полмиллиона тонн алюминия. Кузнецкий ферросплавов, да много чего. Даже трудно сказать, сколько миллиардов рублей сожрало восстановленные станции. Но — могу вас порадовать, к 2014 году все десять гидроагрегатов заменены на новые».

«Семнадцать лет строили, пять лет восстанавливали? Но как такое могло случиться?»

«Рвануло-то не сразу. В мае 2000-го электроподстанция „Чагино“ сгорела, очень тяжелая авария. В 2007-м взорвался энергоблок на Среднеуральской ГРЭС. В Москве трансформаторы на подстанциях горели. К требованиям промышленной безопасности почему-то стали относиться, спустя рукава. Неисполнение нормативных документов, извините за каламбур, норма. Техник безопасности деньги не зашибешь, а всех на обогащение, на деньги нацеливают. Должно было такое случиться, вот и случилось. Общие экономические потери страны пока подсчитать трудно, но очевидно, что они будут огромны — по предварительным оценкам экспертов, экономический ущерб от аварии, может быть, сопоставим с тремя чернобыльскими авариями».

«А что в Чернобыле? Боюсь спрашивать...»

«Это уже после вас... через четыре года...»

«Взрыв?»

«Ну что вы! Бог миловал, Пожар. Проводили какие-то рутинные испытания энергоблока и почему-то отключили автоматическую защиту... Реакция пошла неуправляемая, вразнос... Тяжелая история, с жертвами, с многолетними последствиями. Это же не вода. Смело людей и смело. А здесь история долгая. Радиация. Эвакуация. Переселение. Облучение».

«Станцию восстановили?»

«Нет. Над аварийным реактором построили саркофаг. Что там в этом саркофаге происходит, сказать трудно. Три энергоблока еще поработали, но в конце концов станцию полностью остановили».

«При этом ущерб на Саяно-Шушенской в три раза больше?»

«Конечно, больше, не только все оснащение станции пришлось менять на новое, только „РусГидро“ несло убытки порядка 1,5 миллиарда рублей в месяц».

«Какое еще „РусГидро“?»

«Я же говорил — энергетический рынок. Вот это один из субъектов этого рынка. Теперь электростанции разбирали разные компании... У всех электростанций появился наконец настоящий хозяин».

«И у Братской ГЭС тоже есть хозяин?»

Братская ГЭС была отцу особенно близка, там работало множество «нивцев», а главное, его Оргэнергострой принимал самое деятельное участие в строительстве, отец даже орден получил.

«А как же! У Братской, Усть-Илимской, Красноярской, Иркутской хозяин Дерипаска...»

«Дерипаска? Это прозвище? Кличка?»

«Нет, Олег Владимирович, предприниматель, миллиардер. У него, кроме этого, еще „Русал“, „En+Group“, „Русские машины“, „Ингосстрах“, „Агробизнес“, „Аэропортовый бизнес“, „Строительный бизнес“. В начале 2000-х был в России самый богатый, сейчас, кажется, на 23-м месте».

«Электростанции он строит?»

«Вроде нет».

«А кто строит? Что ввели за 25 лет? Мы на Саяно-Шушенской застряли. Представляю этот ужас. Но и Саяно-Шушенская, и Зея, и Буря, и Богучанская — это все еще при мне начиналось. Что новое построили? Дерипаски, „РусГидро“, „Рус-Хитро“?»

«Видите ли, Николай Николаевич, положи руку на сердце, честно скажу, ничего не построили».

«А что же вам, в конце-то концов, не дает строить?»

«По мнению Чубайса Анатолия, он главный и по реформам, по энергетике, по экономике, по политике, по нанотехнологиям, так вот он считает, что развиваться не дают низкие тарифы, низкая стоимость энергии. Смотрите, в России цена газа по сравнению с Европой ниже в 2,5 раза, цена электроэнергии для промышленных потребителей — ниже в 2 раза с небольшим, цена электроэнергии для населения — ниже в 4 раза».

«А почему у нас цена газа должна быть такой же, как в Голландии или Португалии? Бананы в Сингапуре дешевле, чем в Мурманске. Этот ваш Чубайс не предлагал и эти цены подравнять? Чем его цена в 4 копейки за киловатт не устраивает?»

«Он подсчитал экономически, что цена 3 рубля 88 копеек за киловатт очень мала, надо не меньше 5 рублей для промышленности и рублей 15 для населения, чтобы как в Европе».

«Бедный ваш Чубайс!»

«Ну, не совсем. Он сейчас как раз судится, у него на миллиард украли имущества...»

«Электростанцию украли?»

«Нет, просто личное имущество под Москвой, в Одинцовском районе, поселок Перedelки... Дом там, постройки разные, гаражи и все такое...»

«За миллиард мы строили не гаражи, а электростанции, а кто он, этот ваш миллиардер?»

«Анатолий Борисович? Очень крупный деятель, он и зампредом был в правительстве, и отрасли возглавлял, ту же энергетику...»

«Когда строить начнете?»

«Первоочередные задачи у нас другие. С 2003 года начат процесс реформирования „Единой энергетической системы России“».

«Чего ради? Зачем?»

«Главное — это завершение формирования новых субъектов рынка. Надо наконец создать правила, по которым должны жить оптовые и розничные рынки электроэнергии. Погодите, погодите... Самое главное, принято решение об ускорении темпов либерализации и размещения на фондовом рынке акций генерирующих компаний... Вот хорошая новость. Крупными игроками российской электроэнергетики с конца 2007 года стали германская компания E.ON, теперь контролирующая один из крупнейших энергоактивов — ОГК-4, итальянская ENEL теперь ключевой акционер ОГК-5. С 2008 года финский концерн Fortum контролирует бывшую ТГК-10...»

«Эти ваши игроки мощности наращивать будут, наконец?»

«Нет, на то они и „крупные игроки“, чтобы контролировать...»

«Не доиграетесь? Игры — дело не верное, а тут на кону, как я понимаю, страна. Строить-то собираетесь?»

«Вот на этот вопрос, Николай Николаевич, я, положив руку на сердце, ответить не могу. Думаю, что и министр энергетики не ответит. Вы у Непорожного Петра Степановича „Свирьстрой“ приняли? Он на Каховскую пошел, потом стал министром энергетики на Украине, а после двадцать лет был министром энергетики СССР. Вот Петр Степанович мог сказать, что и когда будет построено. А если с 1990-го по 2000 год сменилось чуть не семь министров энергетики, что вы хотите? Он вам и ответить не успеет, как на его место уже другой сядет. И тоже молодой, успешный... Если б вы только видели, какие молодые руководители подросли!»

«С энергетикой мне все более-менее ясно. А почему у вас все окна в решетках?»

«У нас и парадные на замках, или цифровые, или через домофон открываются... У богатых людей теперь в парадных консьержки... Охрана».

«Молодежь, помню, Окуджаву пела: «Когда метель кричит, как зверь — / Протяжно и сердито, / Не запирайте вашу дверь, / Пусть будет дверь открыта...» И в конце, кажется, так: «Дверям закрытым — грош цена, / Замку цена — копейка!» А теперь снова, как у Блока: «Запирайте этажи, нынче будут грабежи!»

«Решетки в свободной стране! Остроумно. Это вы хорошо подметили. Но согласитесь, что и во время революции, и во время контрреволюции бывает очень много свободы, вот элемент и вырывается наружу. Общество переживает криминальное облучение, если хотите...»

«И сколько вы за решетками живете?»

«А как раз с перестройки, лет тридцать. И ничего. Привыкли. Двери железные ставим. Сигнализация».

«Это что ж, жизнь спасаете, или деньги? Чем же вы душу-то греете?»

«В церковь ходим. Церковь у нас переживает большой расцвет. Сам президент, сам председатель Совета Министров даже с женами в платочках, не говоря о верующих поменьше, на Светлую Пасху и на Святое Рождество со свечками в телевизоре... И лбы осеняют, и к иконам прикладываются... Хоть и бывшие коммунисты, а и на них благодать Небесная сошла...»

«Если они у вас такие сильно верующие, попросили бы Господа ниспослать им одну-две ГЭС по паре-тройке мегаватт... Неужели не понимают, рынок они устроят, а страну потеряют...»

Если бы была возможность отдать отцу хоть несколько лет из отведенных мне... Да за счастье бы почел! Принял бы такой обмен за выгоднейший.

Тогда бы отец узнал, что всего через месяц, 10 ноября, покинул свой пост и этот мир Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев под анекдот о пятой звезде Героя (посмертно). То, что здоровье Леонида Ильича иссякает, скрыть было трудно, и потому предположения относительно преемника были в полном ходу. Для отца было очевидно и непреложно — кроме Андропова, кандидата на первый пост нет.

Краткое пребывание Андропова на первом посту в государстве на многих произвело впечатление признание Генерального секретаря в том, что мы не знаем государства, которое построили и в котором живем. Думается, что актуальность этого признания не утрачена и поныне.

Есть у Данте в 10-й песне «Ада» замечательное свидетельство. Грешники в аду обладают даром предвидения. Им ведомо, естественно, прошедшее и грядущее. «Но всякий раз / То разглядеть, что нынче наступило, / Прозрение не в силах нам помочь». Эти провидцы не знают, что происходит на земле в настоящее время. А ведь в таком же положении, минус способность предвидения, пребываем и мы. А мы знаем, «что ныне наступило»? Трудней всего назвать, понять смысл и с уверенностью сказать

о направлении движения жизни, происходящей на наших глазах. «Мы не знаем общества, в котором живем», — удивительное признание Генерального секретаря ЦК КПСС, пятнадцать лет возглавлявшего всеведущую службу государственной безопасности. Оказывается, мы не знаем, что мы построили, что охраняли и защищали.

Это что же, и про нас?

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.
Каков он был, о, как произнесу,
Тот дикий лес, дремучий и грозный,
Чей давний ужас в памяти несусь!
Так горек он, что смерть едва ль не слаще.
Но, благо в нем обретши навсегда,
Скажу про все, что видел в этой чаще.

Данте. «Божественная комедия».

Перевод М. Лозинского

Дальше отец увидел бы «в этой чаще» восшествие Константина Устиновича Черненко на первый пост. После Андропова, фигуры, по крайней мере, значительной, он мог вызвать лишь удручающее впечатление. Ограниченный функционер, партийный аппаратчик, достигший высшего образования в Пензенском пединституте на вечернем отделении. Учился без отрыва от производства, занимая пост секретаря Пензенского обкома партии...

Проживи отец еще и два, и три года, и даже десять лет, он не получил бы ответа на вопрос, кто и как будет вытягивать нашу энергетику. А видеть, как малокультурные, косноязычные, не обладающие прочной мировоззренческой базой партаппаратчики и манипулирующие ими проходимцы разваливают страну, было бы тяжело...

А уж каково ему было бы смотреть, хотя бы и по телевизору, на «парад в честь парада» на Красной площади в Москве в сотую годовщину Октябрьской революции?

Все, как в том присловье: нельзя сознаться, но нельзя и признаться...

Вовсе не заметить 100-летие Октября было бы странно. Но власть, похоронившая «завоевания революции», устраивать праздник, ясное дело, не могла.

Пришлось как-то выеживаться.

К счастью, не упомянутый в этот день Сталин приказал 7 ноября 1941 года провести военный парад на Красной площади в Москве. Это был мужественный акт, вселивший в советских людей уверенность в том, что враг будет разбит, победа будет за нами. Верховный Главнокомандующий так с трибуны Мавзолея и сказал: «Еще полгода, годик, и германский фашизм рухнет под тяжестью преступлений, им совершенных». Не пророк. «Годик» растянулся на три.

И вот через 76 лет на том же месте устраивается ретропарад в память о том параде.

Мавзолей не стали укрывать праздничными декорациями, как вошло в правило на праздниках последних лет, но и слово «Ленин» целиком в кадр ни разу не попало. Опытные телережиссеры так ловко монтировали изображение, идущее на экраны телевизоров, что никто бы не посмел упрекнуть их в коммунистической рекламе.

А в честь чего был «тот парад», что шли защищать бойцы и командиры, какую страну, какую власть? Молчок, застенчивое «ни гу-гу». Так, «городской праздник» в честь защитников столицы. Первым лицом на празднике был градоначальник. Первым, вторым и третьим лицам из руководства государством прибыть на праздник по-

мешала, надо думать, их новая вера, благодать, на них сошедшая. Действительно — не Пасха и не Рождество, а главное, не День же народного единства. Так, парад в честь парада.

Чем дальше 7 ноября 2017 года в Москве на Красной площади во время ретродейства не поминалась Октябрьская революция, тем больше стыда за криводушные власти чувствовал, наверное, не один я.

Единственным утешением была мысль о том, что *они*, те, что шли по Красной площади в сорок первом под красными знаменами с серпом и молотом, и те, кто готов был встать с ними рядом, ничего этого уже не слышат и не видят...

РАЗВЕДКА БОЕМ

Нынче летом меня пригласили в Суйду в сельскую библиотеку на встречу с читателями. От таких встреч грех отказываться. Приехал и был вознагражден. На встречу пришла немолодая женщина, работавшая в проектно-строительном институте Оргэнергострой. Отец был во главе института двадцать пять лет. Сотрудница помнила его, говорила с теплом.

Конечно, поинтересовался, жив ли Оргэнергострой?

Вопрос актуальный в городе, где мертвыми глазами глядят цеха промышленных гигантов.

Сказала, что жив.

Теперь не надо звонить в справочное, набрал в Интернете вопрос и получай ответ.

Набрал. Получил ответ.

Все по тому же адресу, что и при отце, набережная реки Мойки, дом 47, пребывает Оргэнергострой. Правда, название чуть изменилось, теперь пишется «Ленорэнергострой». Понятно. Всесоюзный институт, надо думать, приказал долго жить, пока еще город не переименовали. А Ленинградский филиал оказался способен к самостоятельному существованию. Хорошая весть. И даже имя директора названо: Давыдов Алексей Андреевич. Счел такое сообщение подарком. А дальше...

Позвонил по единственному указанному в Интернете телефону и попал... в Музей истории религии и атеизма. Переспросил, правильно ли набрал номер. Да, сказали, все верно. «Давно ли у вас этот номер телефона?» Говорят, давно.

Бывает. Надо просто поехать на Мойку, 47 и повидаться с Давыдовым Алексеем Андреевичем.

Поехал.

Эмблемное для города здание Карла Росси держит в своих объятиях главную сценическую площадку Октябрьской революции — Дворцовую площадь. Одним крылом полукруг ансамбля выходит на Невский проспект, а другим на Мойку, где значится как раз под 47-м номером.

От фундамента до крыши стены золотятся свежим ремонтом.

Но странное дело, ни на одной из дверей, выходящих на набережную, ни единой вывески.

Мертвые стены.

Смотрят, как покойник, только что вышедший из-под рук мастеровитого гримера. Отличная работа!

Но жизни нет.

У дверей нетронутый легкий снежок.

Вот бывший вход в Оргэнергострой. Вывески нет. Слева от входа ворота во двор, где стояла «победа» отца.

И ворота свежевыкрашены. И тоже без признаков жизни.

Полдень, а здесь, на набережной Мойки, никого.

На противоположной стороне за Певческим мостом капелла, и чуть дальше, вверх по реке, последняя квартира Пушкина...

Разве туда пойти, спросить...

Нет, не шутки ради.

Там знают, что сотруднику как раз Оргэнергостроя Черейскому Лазарю Абрамовичу принадлежит уникальный вклад в пушкиниану. Его книга «Пушкин и его окружение» содержит документальные данные о 2500 современников Пушкина, с которыми он общался в жизни. Первый тираж — 10 000, второе издание — 50 000 экземпляров. Книга была подарена в 1975 году отцу с трогательной надписью.

Да, такая в советские времена была инженерия!

Куда идти? Кого спрашивать? Опоздал я со своими вопросами.

И что же это за ироническая гримаса — передать телефон обращенной в призрак организации Музею именно истории, именно религии?

Организация, скорее всего, отошла в историю. Там люди тоже служили своему богу, несли верой и правдой свое послушание.

Делали все, что умели и могли, чтобы одолеть тьму...

Из всех наших великих историков отец отдавал предпочтение Василию Осиповичу Ключевскому. С одной стороны, ему импонировала лекционная систематизация материала. И не только потому, что обстоятельность Сергея Соловьева и несколько беллетризованное изложение истории Костомаровым требовали большого досуга. Но главное, сам русский язык Ключевского и его иронические интонации доставляли отцу неизъяснимое удовольствие. Он мог по памяти цитировать вступление к лекции о Павле Первом или вдруг вспомнить о «печально-счастливом» ударе железным батоном в висок, каковым Иван Грозный «уложил сына на месте». Факт прискорбный, но как сказано! В последние годы он не раз припоминал слова историка о «гольштино-бруншвейгском таборе, собравшимся на берегах Невы дотрепывать великое наследие Петра». Конечно, он, сознавая свою причастность к созданию великого наследия отечественной энергетики, болел душой за ее судьбу.

В 1982 году, когда отца не стало, надежда еще была жива ...

«Дотрепывать», вместо того чтобы преумножать и строить, начнут через десять лет.

Известно, что политика есть концентрированное выражение экономики. Мы видели, как развал экономики привел коммунистическую власть в конечном счете к поражению.

Так чем же были эти семьдесят лет в нашей истории?

Что бы ни говорили, но большинство людей, живших в нашей стране, в силу множества обстоятельств были убеждены в том, что строят новое, еще никогда нигде не опробованное общество без частной собственности, без власти денег, без сословных амбиций и национального эгоизма.

Все?

Эксперимент окончен?

Результат отрицательный?

Отец знал множество стихов. И не случайно. Еще до встречи с мамой у него была, как тогда говорили, симпатия, приятельница. Отец ей пожаловался на то, что чувствует, как отстает в чтении литературы. Днем работа. Вечером институт, какое уж чтение. Да и дома — дрова, печки... Вот она и подсказала: «для поддержки тонуса» читай

стихи. «Едешь в трамвае, и читай». Читал без разбору и потому знал и Апухтина, и Сашу Черного, и Блока, и Бальмонта, и Северянина, бывших тогда на слуху...

А вот мне памятью на стихи никак не похвастаться. Тем удивительней, почему какие-то строки, даже стихотворения целиком застревают в памяти. Именно застревают, поскольку «учить» наизусть не самого значительного и яркого поэта Илью Григорьевича Эренбурга, как-то не приходило в голову. Но почему его «Разведка боем», услышанная в его же исполнении на пластинке, именно засела в памяти? И было это так давно, в те времена, когда усомниться в преходящей ценности завоеваний Октября не было никаких оснований. Для меня, по крайней мере, да и для моего окружения.

А сейчас, когда я ищу ответ, чем же была жизнь нескольких поколений именно советских людей, живших, строивших, воевавших, двигавших науку, рожавших детей в уверенности на лучшее будущее...

Будущего не стало. Их будущего.

Так что ж это было?

Судя по объявленной «исчерпанности лимита на революции», власть денег уже навсегда?

Но вот на этот счет мнение Ульянова-Ленина:

«Революция и контрреволюция — одно целое общественное движение, развивающиеся по своей внутренней логике... Революция без контрреволюции не бывает и не может быть».

«...Представить себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно». (ПСС, т. 30, с. 6).

Конечно, можно было бы порассуждать, помудрствовать, но почему-то не идут из памяти эти строки, написанные почти забытым Эренбургом то ли в 1938-м, то ли в 1939 году, и даже вовсе в Испании, как бы и не про нас.

«Разведка боем» — два коротких слова.
Роптали орудийные басы,
И командир поглядывал сурово
На крохотные дамские часы.

Сквозь заградительный огонь прорвались,
Кричали и кололи на лету.
А в полдень подчеркнул штабного палец
Захваченную утром высоту.

Штыком вскрывали пресные консервы.
Убитых хоронили как во сне. Молчали.
Командир очнулся первый:
В холодной предрассветной тишине,

Когда дышали мертвые покоем,
Очистить высоту пришел приказ.
И, повторив слова: «Разведка боем»,
Угрюмый командир не поднял глаз.

А час спусть заря позолотила
Чужой горы чернильные края.
Дай оглянуться — там мои могилы,
Разведка боем, молодость моя!

Вот и я оглянулся, там и мои могилы, там и моя молодость.

2017–2018

ПОДВОДЯ ИТОГИ. ДВАДЦАТЬ СЕМЬ МГНОВЕНИЙ ВЕСНЫ 2013 года¹⁸

1. 5 февраля 2013 г. Суд отказался отпустить экс-главу ВАК под залог в 3 миллиона

Феликс Шамхалов, теперь уже бывший глава Высшей аттестационной комиссии министерства образования, арестован. Такое решение вынес Тверской суд Москвы, удовлетворив ходатайство следствия. Шамхалова задержали 5 февраля 2013 года. Его подозревают в хищении банковского кредита на сумму 350 миллионов рублей.

Феликса Шамхалова подозревают в мошенничестве, сумма — 350 миллионов рублей. Именно этот человек — глава Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки — подписывал все приказы о присвоении кандидатских и докторских степеней. Но, как выяснилось, у чиновника был еще и строительный бизнес.

Когда Феликса Шамхалова ведут по коридорам Тверского районного суда в сопровождении судебных приставов, журналисты выкрикивают: согласен ли он с обвинениями? Никакого ответа.

Уже известно, что бывший глава Высшей аттестационной комиссии вины не признает. Защита просит отпустить его под залог в 3 миллиона рублей. Шамхалов добавляет: шестеро детей, бежать некуда. А возбуждение уголовного дела — это, по мнению бывшего чиновника, желание Внешэкономбанка его опозорить.

Однако следствие настаивает, что Шамхалов может скрыться — у него открытая Шенгенская виза, может давить на свидетелей. И такие факты якобы уже есть. Итог — бывший топ-чиновник арестован.

2. 6 февраля 2013 г. В московском офисе «Русала» идут обыски

МОСКВА, РИА Новости. Следователи проводят обыски в московском офисе компании «Русал» по делу об уклонении от уплаты налогов на 200 миллионов рублей, сообщил официальный представитель ГСУ СК РФ по Москве Сергей Стукалов РИА Новости во вторник.

Ранее сообщалось, что следователи возбудили дело об уклонении от уплаты налогов в отношении руководителя ООО «Русал Фольга» Игоря Касьянова. По версии следствия, «Русал Фольга» не исчислило и не уплатило в полном объеме налог на прибыль и налог на добавленную стоимость в сумме более 200 миллионов рублей.

¹⁸ Журнальный вариант.

«Обыски проводятся по ранее возбужденному делу об уклонении уплаты налогов на 200 миллионов рублей», — сказал Стукалов.

Он уточнил, что обыски проводятся именно в помещении «Русал Фольги», расположенном на Николаевской улице. Согласно данным сайта «Русала», там же расположен и головной офис алюминиевого гиганта.

3. 8 февраля 2013 г. Выемки документов по «трубному делу» прошли в правительстве Петербурга. Свидетели «сдают» экс-главу Комитета по энергетике.

МОСКВА, РИА Новости. Обыски и выемки документов прошли в Петербурге, в том числе в правительстве города, в рамках расследования так называемого «трубного дела» — о хищении денег из городского бюджета, сообщает пресс-центр МВД РФ.

«Проведено 8 обысков в жилищах действующих и бывших чиновников ГКУ „Управление заказчика по строительству и капитальному ремонту объектов инженерно-энергетического комплекса“ в рамках расследования уголовного дела о хищении денежных средств из бюджета Санкт-Петербурга. Изъяты предметы и документы, имеющие значение для уголовного дела. Кроме того, полицейские произвели в правительстве Санкт-Петербурга выемки документов, касающихся реализации инвестиционной программы по отрасли „Коммунальное хозяйство“, — сообщает ведомство.

Сотрудники предприятия, подведомственного комитету по энергетике и инженерному обеспечению Петербурга, дали показания против своего бывшего руководства. Накануне в ГКУ «Управление заказчика по строительству и капитальному ремонту объектов инженерно-энергетического комплекса» проходили обыски и допросы в рамках расследования уголовного дела о хищении денежных средств из бюджета Санкт-Петербурга. Об этом сообщает пресс-служба МВД РФ.

По данным ведомства, работники управления рассказали о фактах, подтверждающих незаконную деятельность руководства комитета, и о случаях лоббирования интересов аффилированных фирм при проведении конкурсов и аукционов на право получения государственного заказа. Кроме того, была подтверждена причастность бывшего председателя комитета Александра Боброва к хищению бюджетных средств. Напомним, что экс-чиновник уже был объявлен в федеральный розыск.

Оперативники провели восемь обысков в домах действующих и бывших чиновников госпредприятия, в ходе которых «изъяты предметы и документы, имеющие значение для уголовного дела».

Внимание следователей также привлекла инвестпрограмма, связанная с коммунальным хозяйством Петербурга. В правительстве города была произведена выемка документов по ее реализации.

Громкое дело о масштабных хищениях бюджетных средств, выделенных на строительство и капремонт системы теплоснабжения города, инициировал еще осенью прошлого года сам губернатор Петербурга Георгий Полтавченко.

По версии следствия, должностные лица комитета по энергетике и инженерному обеспечению правительства Петербурга, ГКУ «Управление заказчика по строительству и капремонту объектов инженерно-энергетического комплекса», а также руководители и учредители нескольких коммерческих фирм причастны к крупным хищениям из регионального бюджета. Чиновники устанавливали вместо новых труб тепломагистралей бракованные или уже бывшие в употреблении, в результате чего в городе

проложили около 600 км некондиционных труб. Ущерб, по предварительным оценкам, составил около 3 млрд руб.

На текущий момент по делу, кроме А. Боброва, проходит Олег Тришкин, занявший пост председателя комитета по энергетике и инженерному обеспечению правительства Петербурга после Боброва.

В деле также фигурируют гендиректор ООО «Петроком» Алексей Муравьев, его заместитель Сергей Жуковский, учредитель компании Андрей Кадкин и директор ГКУ «Управление заказчика по строительству и капитальному ремонту объектов инженерно-энергетического комплекса» Константин Мосин. Еще один фигурант — руководитель департамента обеспечения государственного заказа Санкт-Петербургского ГКУ «Управление заказчика по строительству и капитальному ремонту объектов инженерно-энергетического комплекса» Леонид Шишов.

4. 8 февраля 2013 г. На предприятии Минобороны вскрыли хищение на 129 млн рублей.

Оборонное предприятие «163 бронетанковый ремонтный завод» оказалось в поле зрения следствия: военные прокуроры выявили хищение бюджетных средств на сумму 129 млн рублей. Возбуждено уголовное дело, по которому проходят руководители завода.

Нецелевое использование бюджетных средств обнаружено военной прокуратурой на оборонном предприятии «163 бронетанковый ремонтный завод» (ОАО «163 БТРЗ») Минобороны России. В мошенничестве в особо крупном размере участвовали, по мнению следствия, руководители завода, а также представители одной из коммерческих организаций.

Как выяснилось в ходе следствия, руководство предприятия заключало фиктивные сделки с поставщиками контрафактных комплектующих к военной технике: «Установлено, что в 2010—2011 годах генеральный директор завода Сергей Кусов, его заместители Виктор Самулевич и Василий Луговец, а также генеральный директор ООО „Химкомплектдеталь“ Евгений Королев заключали с созданными ими же „фирмами-однодневками“ договоры на поставки запасных частей к танкам и боевым машинам пехоты. На счета компаний они перечисляли по завышенным ценам денежные средства, выделяемые в рамках государственного оборонного заказа, которые затем присваивали».

В итоге при ремонте использовались детали неизвестного происхождения, без сертификатов. Ущерб государству оценивается в 129 млн руб. Как утверждают в Генпрокуратуре, 103 млн руб. ОАО «163 БТРЗ» уже возместило.

5. 13 февраля 2013 г. Путин поручил МВД разобраться с хищением денег «Русгидро». Президент недоволен тем фактом, что компания сама ничего не предпринимает для возвращения украденных средств.

Президент России Владимир Путин поручил министру внутренних дел Владимиру Колокольцеву разобраться в ситуации с «Русгидро», которая ничего не предпринимает для возвращения похищенных у нее денег, сообщает пресс-служба Кремля.

«Уже неоднократно поднимался вопрос о платежной дисциплине в отрасли, но... хотелось сказать: воз и поныне там», — отметил глава государства на заседании комиссии по вопросам развития топливно-энергетического комплекса и экологической безопасности. В качестве одного из примеров такой ситуации Путин привел строитель-

ство Загорской ГАЭС-2, на которое были направлены более 12 млрд рублей, в том числе полученных в рамках доэмиссии. 6 млрд рублей из этих средств пришлось на «Гидрострой» как генерального подрядчика, который заключил субподрядный договор с организацией штатной численностью не более двух человек, а также не располагающей транспортным оборудованием.

Президент полагает, что 12 млрд рублей были направлены на цели, явно не соответствующие заявленным. «Нужно вообще посмотреть, как тратятся деньги в этих компаниях, как менеджмент себя ведет», — заявил Путин. Негодование главы государства вызвал тот факт, что МВД неоднократно предлагало «Русгидро» выступить по этому делу в качестве потерпевшей стороны, однако никакой реакции на это так и не последовало. «Один миллиард у вас утащили, миллиард, таким образом, ушел на подставные конторы, миллиард растворился. Вы разбираетесь до сих пор и не считаете нужным защищать интересы компании», — отчитал Путин главу «Русгидро» Евгения Дода. Президент пообещал передать бумаги по делу в правоохранительные органы, «пусть посмотрят повнимательнее».

Глава государства констатировал, что по итогам 2012 года сумма задолженности потребителей электроэнергии выросла более чем на 60 %. «Есть и просто вопиющие примеры. Известная компания „Энергострим“, там уже, по-моему, семь уголовных дел возбуждено, менеджмент где-то бегаёт, никак его поймать не могут», — поделился Путин. По словам президента, много проблем есть и в других компаниях — в частности, ОГК-2 включала в состав тарифов завышенные физические объемы работ и их стоимости. Кроме того, продолжил перечислять президент, продолжают проблемы в МРСК Северного Кавказа, есть и нарушения при строительстве генерирующих мощностей. Вопросы у главы государства также возникли к так называемым неотключаемым потребителям, которые злоупотребляют своим особым положением и накапливают долги за электроэнергию.

6. 15 февраля 2013 г. Бывший советник мурманского губернатора украл миллиарды.

Экс-советник губернатора Мурманской области Геннадий Шубин задержан по подозрению в причастности к многомиллиардным хищениям, связанным с мошенничеством в сфере энергетики и ЖКХ в регионе. Об этом сообщили в МВД России.

По имеющейся информации, Шубин выстроил вертикально интегрированную структуру, состоящую из более чем 100 организаций, часть из которых зарегистрирована в зарубежных оффшорных зонах. Структура контролировала практически 70 % рынка сбыта электроэнергии и не менее 60 % рынка ЖКХ в Мурманской области, отмечает ИТАР-ТАСС.

«С целью проверки данной информации в течение года сотрудники ГУЭБиПК МВД России совершили более 13 выездов в регион. По факту преступной деятельности возбуждено 10 уголовных дел, которые в настоящее время находятся в производстве органов следствия МВД и СК России. Суммы ущерба превышают несколько миллиардов рублей», — сообщили ведомстве.

Как добавили в МВД, правоохранительные органы располагают сведениями, что Шубин имеет намерения покинуть пределы РФ, поскольку имеет гражданство Швеции, поэтому следствие вышло с ходатайством об избрании ему меры пресечения в виде заключения под стражу.

7. 16 февраля 2013 г. СК советует Крайнему на допросе чистосердечно рассказать обо всем

МОСКВА, 16 фев — РИА Новости. СК советует главе Росрыболовства Андрею Крайнему, в отношении которого возбуждено уголовное дело о служебном подлоге, на ближайшем допросе чистосердечно рассказать о событиях, интересующих следствие, сообщил РИА Новости в субботу официальный представитель СКР Владимир Маркин.

По данным следствия, Крайний, зная, что руководитель северо-западного территориального управления Росрыболовства Сергей Муравьев был задержан при покушении на получение взятки в 5 миллионов рублей, дал указание своим подчиненным подготовить приказ об увольнении Муравьева задним числом.

«Преступление было выявлено в ходе длительной оперативной разработки и сегодняшнее возбуждение уголовного дела в отношении Крайнего также является логическим завершением проведенной оперативной работы и собранных материалов. Поэтому хотелось бы посоветовать г-ну Крайнему не вступать в публичную дискуссию, а на ближайшем допросе чистосердечно рассказать о событиях тех дней. Уверен, что следователи оценят такой шаг подозреваемого», — сказал Маркин.

8. 15 февраля 2013 г. Хищения на 1 млрд руб. выявлены в «РусГидро»

МОСКВА, РИА Новости. Полиция выявила хищения в «РусГидро» на 1 миллиард рублей при строительстве Загорской ГАЭС-2, сообщает в воскресенье МВД РФ отмечает ведомство, в результате оперативно-розыскных мероприятий выявлена схема хищения денежных средств, выделенных на финансирование строительства Загорской ГАЭС-2, с использованием реквизитов организаций, имеющих признаки фирм — «однодневок»¹⁹.

«В частности <...> установлено, что при строительстве объектов гидроаккумулирующей электростанции генеральным подрядчиком ОАО „Гидрострой“ для выполнения строительных работ заключались фиктивные субподрядные договора с подконтрольными организациями, после чего денежные средства, поступавшие на их расчетные счета, обналичивались и похищались. Предварительная сумма ущерба около 1 миллиарда рублей», — говорится в сообщении.

9. 15 февраля 2013 г. В Россельхозбанке нашли хищения

Бывший директор регионального филиала Россельхозбанка подозревается в махинациях на сумму 350 млн рублей. Эти деньги, по версии следствия, глава филиала выдал в качестве кредита подконтрольным фирмам-однодневкам.

В крупном хищении подозревается бывший директор Ярославского регионального филиала, депутат Ярославской областной думы. По версии следствия, в 2010—2011 годах «экс-директор выдал несколько заведомо невозвратных кредитов подконтрольным „фирмам-однодневкам“ на общую сумму свыше 350 млн рублей». При этом по указанию подозреваемого проверки залогового имущества заемщиков, а также ана-

¹⁹ <http://news.mail.ru/incident/12020820>.

лиз их финансового состояния не проводились. Выданные в качестве кредита деньги, по данным следствия, потом легализовывались через аффилированные организации.

ОАО «Российский Сельскохозяйственный банк» — один из крупнейших банков в России. Создан в 2000 году. 100 % акций банка находится в собственности государства. Занимает четвертое место в банковской системе России по объему активов. Кредитный портфель банка на 1 июля 2012 года превышает 1 трлн рублей.

Кредитные хищения в Россельхозбанке

Это уже не первый случай хищения кредитов в Россельхозбанке. В сентябре 2012 года было возбуждено уголовное дело по факту выданных ОАО «Россельхозбанк» кредитов крупному краснодарскому агропредприятию «Маяк». В легализации 1,49 млрд руб. подозреваются бывшие гендиректор компании Ирина Окопная и председатель совета директоров Андрей Богданов. В 2011 году они, а также экс-директор краснодарского филиала РСХБ Николай Дьяченко получили сроки по другим эпизодам хищения кредитных средств. Общая сумма задолженности агрохолдинга банку составляет 26 млрд руб.

10. 28 февраля 2013 г. Руководство «Сколково» проверяет на нецелевое расходование 3,5 млрд руб

МОСКВА, РИА Новости. СК проверяет данные ФСБ о размещении выделенных фонду «Сколково» 3,5 миллиарда рублей на депозитах «Меткомбанка», аффилированного президенту фонда Виктору Вексельбергу, сообщил в четверг официальный представитель СК РФ Владимир Маркин.

«В частности, следствие проверяет полученную из ФСБ России оперативную информацию о допущенных фондом „Сколково“ фактах нецелевого расходования 3 миллиардов 500 миллионов рублей, выделенных на развитие наукограда, которые были размещены на депозитах „Меткомбанка“, аффилированного президенту фонда „Сколково“ Виктору Вексельбергу», — сказал он.

11. 4 марта 2013 г. Многомиллионное хищение выявлено на предприятии «Ростеха»

МОСКВА, РИА Новости. Гендиректор одного из оборонно-промышленных предприятий госкорпорации «Ростех» — ОАО «НПП „Темп“ им. Ф. Короткова» — подозревается в хищении более 21 миллиона рублей, сообщает в понедельник МВД РФ²⁰.

В офисных помещениях предприятия, в том числе в кабинете фигуранта, проведены обыски, изъяты документация, бухгалтерия, электронные носители информации и другие предметы, имеющие значение для уголовного дела», — говорится в сообщении.

Возбуждено уголовное дело по статье «мошенничество», которая предполагает до 10 лет лишения свободы.

Как уточняется на сайте предприятия, НПП «„Темп“ имени Короткова» — ведущий разработчик и производитель систем автоматического управления авиационными газотурбинными двигателями. Большинство типов отечественной боевой и значительная

²⁰ <http://news.mail.ru/incident/122035854>.

часть гражданской авиации оснащены двигателями с системами управления, разработанными на этом предприятии

По информации полиции, в 2012 году руководитель предприятия заключил с двумя фирмами договоры на проведение ремонтно-строительных работ и, несмотря на то, что подрядчики не исполнили своих обязательств, глава компании подписал акты приемки выполненных работ и дал указание о переводе им денег.

12. 8 марта 2013 г. В отношении ректора ГУУ возбуждено дело о взяточничестве

МОСКВА. РИА Новости. Уголовное дело о взяточничестве возбуждено в отношении ректора ГУУ, доктора юридических наук Виктора Козбаненко, сообщается на сайте Следственного комитета РФ.

«Следственными органами Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве возбуждено уголовное дело в отношении трех лиц, среди которых ректор Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования „Государственный университет управления“, подозреваемых в получении взятки, посредничестве во взяточничестве», — говорится на сайте.

По версии следствия, руководитель учебного заведения требовал денежное вознаграждение от представителя коммерческой организации за заключение государственного контракта.

13. 13 марта 2013 г. Генерал-майор похитил у «Ростеха» 350 миллионов

Вести. Ру. Отставной генерал-майор полиции Александр Калинин арестован по обвинению в хищении 350 миллионов рублей у государственной корпорации «Ростех». Такое постановление вынес Люберецкий горсуд.

В отношении подозреваемого возбуждено уголовное дело по статьям «Преднамеренное банкротство» и «Злоупотребление полномочиями». Ранее Александр Калинин руководил ФГУП «Государственный научно-исследовательский институт горно-химического сырья», отмечает ИТАР-ТАСС.

По версии следствия, в 2008-2010 годах, действуя вопреки экономическим интересам «Ростеха» генерал-майор в отставке заключил несколько сделок на оказание консультационных услуг и выполнение ремонтных работ на сумму более 19 миллионов рублей с фирмами-однодневками. С учетом пеней задолженность перед подрядчиками составила 24 миллиона рублей, после чего гендиректор предприятия инициировал процедуру банкротства.

«Он использовал коррупционные связи в органах исполнительной власти и содействовал назначению одного из своих сообщников конкурсным управляющим предприятия, — рассказали в МВД РФ. — При проведении оперативно-розыскных мероприятий получены сведения о том, что эта схема направлена на незаконное завладение имуществом ФГУП «ГИГХС» — 18 объектами недвижимости общей стоимостью более 350 миллионов рублей».

14. 17 марта 2013 г. Московский прокурор попался на взятке в четыре миллиона рублей

Вести.Ru. Замначальника Управления по контролю за исполнением законов на транспорте Московской межрегиональной транспортной прокуратуры Денис Евдокимов подозревается в получении взятки в размере четырех миллионов 250 тысяч рублей.

По данному факту возбуждено уголовное дело по ч. 6 ст. 290 УК РФ «Получение должностным лицом взятки в особо крупном размере».

Согласно информации агентства «Интерфакс», он был задержан на своем рабочем месте сотрудниками ФСБ РФ. Операция прошла в пятницу, 15 марта, в этот же день Денис Евдокимов был уволен.

По версии следствия, деньги чиновник взял за прекращение проверок в отношении двух юрлиц и предоставление им возможности беспрепятственно заниматься коммерцией.

15. 21 марта 2013 г. Задержаны похитители 150 квартир для военных в столичном регионе. Стоимость жилья оценивается в миллиард рублей

События BFM.ru. МВД и ФСБ России ликвидировали организованную преступную группу, участники которой подозреваются в хищении более 150 муниципальных квартир в Московском регионе. Операцию провели сотрудники Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции (ГУЭБиПК) МВД России и работники Департамента военной контрразведки ФСБ России. Об этом говорится в сообщении пресс-службы ГУЭБиПК МВД РФ²¹.

ОПГ действовала на протяжении трех лет, выяснили силовики. По их данным, в группу входили работники юридических и риэлтерских контор. «Организацию и руководство осуществлял бывший военнослужащий Министерства обороны Российской Федерации», — подчеркивают в полиции, не называя имен и должностей.

Организатором ОПГ считается адъютант бывшего главкома сухопутных войск Александра Постникова-Стрельцова — старший прапорщик Валерий Даниелян, пишет сегодня газета «Коммерсантъ». Издание оценило общую стоимость 150 похищенных квартир в миллиард рублей. Подставные лица, на которых оформлялись квартиры, проживают Брянской, Кировской, Орловской и других областях РФ.

16. 23 марта 2013 г. На главном предприятии страны по производству авиабомб похищено 82 миллиона рублей

«Вести. Ru». Мошенники похитили 82 миллиона рублей на оборонном предприятии «ГНПП «Базальт»». Как сообщили в Главном управлении МВД РФ по Москве, по факту выявленных махинаций возбуждено уголовное дело.

К настоящему моменту полиция установила, что 82 миллиона рублей были перечислены на счет коммерческой компании якобы в качестве оплаты за юридические и бухгалтерские услуги, которые по факту оказаны не были. Затем деньги были похищены, рассказали в ведомстве.

²¹ <http://news.mail.ru/inregions/moscow/90/incident/12422716>.

ФГУП «Базальт» входит в состав госкорпорации «Ростехнологии» и производит все виды управляемых авиабомб, минометных выстрелов с минами различного назначения всех типов и калибров, противотанковых и противодиверсионных гранатометных комплексов, ручных наступательных и оборонительных гранат, боеприпасов нелетального действия.

Главнейшими задачами предприятия, согласно официальному сайту, являются «существенное улучшение финансово-экономических показателей при безусловном выполнении обязательств по государственному оборонному заказу и экспортным контрактам».

17. 4 апреля 2013 г. Миллиард взят с поличным

МОСКВА, РИА Новости. Сотрудники Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции (ГУЭБиПК) МВД России раскрыли действующую в Москве и Дагестане группировку, которая за несколько лет обналачила около 100 млрд руб. На завершающем этапе операции в аэропорту Внуково задержали два десятка сотрудников частного охранного объединения «Карат-1», у которых только с боем удалось изъять 645 млн руб. Еще 600 млн в рублях и валюте нашли в частном коттедже под Химками, который использовался как расчетно-кассовый центр²².

28 марта пассажиры аэропорта Внуково стали очевидцами полицейской операции, которая больше походила на съемки боевика. Четыре десятка бойцов полицейского спецназа «Рысь» блокировали возле грузового терминала три инкассаторских броневика. А когда одна из бронемашин попыталась вырваться из окружения, едва не сбив спецназовцев, те открыли огонь из пистолетов по ее колесам. Впрочем, двери броневиков их пассажиры открыли только после того, как спецназовцы начали рубить топорами пуленепробиваемые стекла.

Задержанных, а ими оказались два десятка вооруженных сотрудников «Карат-1», уложили в ряд прямо на асфальте. Из броневиков изъяли несколько тюков, обмотанных скотчем. Обозначенная в них по документам полиграфическая продукция оказалась упаковками, содержащими 600 млн руб. Еще 45 млн руб. изъяли из сумок охранников. Крупную партию денег в столицу сопровождал владелец и гендиректор «Карат-1» Магомед Каратов, человек весьма влиятельный не только в родном для него Дагестане, но и в столице. Поэтому, чтобы исключить вмешательство его не менее влиятельных друзей и партнеров, на реализацию вызвали сотрудников ФСБ и даже ФСО.

Операция, как сообщили «Ъ» в МВД, проводилась в рамках спецпрограммы по декриминализации кредитно-финансовой сферы страны. Полицейским удалось выйти на межрегиональную преступную группировку, которая на протяжении семи лет занималась незаконной банковской деятельностью. Члены группировки предлагали в Москве и Подмоскowie обналачить любые суммы денег в рублях и валюте, а наличность для этого доставляли из Дагестана.

Как правило, ею являлась выручка с рынков Махачкалы и Хасавюрта, а также теневого рынка на границы Дагестана и Чечни, где основными объектами купли-продажи являются угнанные в Центральной России машины. Наличные деньги, как полагают в МВД, использовались и для коррупционных выплат, в том числе в качестве «откатов» за различные проекты, реализуемые в Дагестане.

Сотрудники ГУЭБиПК в течение нескольких месяцев документировали деятельность участников группировки. Они были вынуждены пропустить по уже контролируруемому каналу из Махачкалы в Москву несколько партий денег. Решение о захва-

²² <http://news.mail.ru/incident/12540680>.

те участников «обнала» и перевозчиков денег было принято после того как участники операции получили данные о переправке 400 млн руб., но партия денег оказалась куда весомее.

Это стало понятно уже в аэропорту Махачкалы, когда сотрудники «Карата», минуя досмотр, привезли свой груз прямо к трапу самолета «Газпромавиа». Сопровождать ценный груз они отправились с табельным оружием, которое, впрочем, все-таки сдали на время перелета экипажу воздушного судна.

После того как спецназ задержал сопровождающих деньги охранников в Москве, дагестанские полицейские провели обыск в махачкалинском офисе «Карат-1». Там, по сообщению МВД России, были изъяты с десятка незарегистрированных пистолетов и даже автоматическое оружие. А уже это дало МВД повод оперативно отозвать у частного охранного объединения соответствующую лицензию.

Обыски прошли не только в столице Дагестана, но и в подмосковных Химках, где в частном коттедже действовал настоящий расчетно-кассовый центр (РКЦ) группировки «обнальщиков». В оборудованных всем необходимым залах сотрудники ГУЭБиПК помимо документации, печатей и штампов изъяли 230 млн. руб., \$10,4 млн, а также €1,5 млн. Отметим, что средства в подпольный РКЦ поступали и со счетов Махачкалинского городского банка. Всего, по самым скромным подсчетам участников расследования, за время своей работы через «обнальные» площадки были выведены в теневой оборот не менее 100 млрд руб.

18. 9 апреля 2013 г. Сотрудники таможни подозреваются в хищении 20 миллионов рублей.

МОСКВА, РИА Новости. Сотрудники Центральной базовой таможни ФТС России подозреваются в хищении более 20 миллионов рублей, выделенных ФТС России на закупку специального технического оборудования, сообщает пресс-центр МВД РФ.

К тендеру допустили три организации, подконтрольные участникам преступной группы, с одной из которых был заключен госконтракт стоимостью более 52 миллионов рублей. При этом максимальная рыночная цена оборудования с учетом поставки, монтажа, настройки и ввода в эксплуатацию по состоянию на дату заключения контракта не превышала 26 миллионов рублей.

19. 10 апреля 2013 г. Васильевой грозит еще одно дело за аферу с землей на 1 млрд руб.

МОСКВА, РИА Новости. Экс-глава департамента имущественных отношений Минобороны Евгений Васильев, возможно, причастна к незаконной передаче в аренду земли в Ленобласти с ущербом государству на 1 миллиард рублей, сообщила Главная военная прокуратура РФ в четверг.

По заказу Минобороны России были завершены землеустроительные работы по Левашовскому военному полигону, расположенному в городе Сертолово в Ленобласти.

«Площадь этого земельного участка составляла свыше 3,7 тысячи гектаров. Однако в апреле 2010 года эти документы по решению назначенной на должность руководителя Департамента имущественных отношений Минобороны России Евгении Васильевой были отозваны, после чего в сентябре 2010 года составлен и ею утвержден новый межевой план земельного участка полигона, размеры которого намеренно уменьшены на 613 гектаров», — говорится в сообщении.

Подчиненная Васильевой «и по совместительству ее близкая подруга», глава Северо-Западного территориального управления имущественных отношений Лариса Егорина по фиктивным документам зарегистрировала этот участок на условиях Васильевой. Противоправными действиями Васильевой и Егориной государству причинен ущерб на сумму более 1 миллиарда рублей. Решается вопрос о возбуждении дела.

20. 14 апреля 2013 г. ФСИН закупила недействующих электронных браслетов на 1,3 млрд рублей.

По данным Следственного комитета ущерб, причиненный ФСИН от приобретения недействующих электронных браслетов, может превышать 1,3 млрд рублей. Цены на них, заявляют в СК, утверждал экс-глава ФСИН Александр Реймер и его бывший заместитель Николай Криволапов.

«Цены на приобретаемые для системы электронного мониторинга изделия утверждались протоколами за подписями бывшего директора ФСИН Реймера, его заместителя Криволапова и директора федерального государственного унитарного предприятия ЦИТОС Виктора Определенова», — рассказал представитель Следственного комитета (СК) РФ Владимир Маркин журналистам.

Цены, по которым ФСИНу предоставлялась готовая продукция, были завышены более чем два раза. Таким образом, «ущерб может превышать 1,3 млрд рублей», отметил господин Маркин.

21. 18 апреля 2013 г. 30 депутатов развелись с женами перед сдачей деклараций о доходах

Около 30 депутатов Госдумы развелись с женами перед сдачей деклараций о доходах. Об этом сообщает «ИТАР-ТАСС», ссылаясь на источник в нижней палате парламента²³.

«За два месяца до подачи деклараций развелись порядка 30 депутатов», — сказал источник. Однако пока информация о разводах официально не подтверждена.

«Мы не располагаем данными об изменениях в гражданском состоянии депутатов по сравнению с прошлым годом. Каждая ситуация индивидуальна, мы не можем разбираться в каждом случае», — заявляет зампред думской комиссии по вопросам этики Андрей Андреев.

Таким образом, Андреев не исключает случаев фиктивных разводов с целью сокрытия информации о своих доходах.

22. 20 апреля 2013 г. Заместитель прокурора Кировской области задержан за взятку в 100 тысяч рублей

МОСКВА. ИТАР-ТАСС. Заместитель прокурора Кировской области задержан за взятку в 100 тыс рублей, сообщили в пресс-службе Следственного комитета РФ.

В отношении заместителя прокурора Кировской области 56-летнего Владимира Быкова возбуждено уголовное дело. Он подозревается в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ (получение взятки)», — сообщили в СК.

«По версии следствия, 19 апреля Быков за прекращение уголовного преследования в отношении гражданина, подозреваемого в совершении преступлений против жизни

²³ <http://news.mail.ru/politics/12798618>.

и здоровья, получил от своего знакомого в качестве взятки денежные средства в размере 100 тыс рублей. Задержание Быкова проводилось сотрудниками УФСБ России по Кировской области», — добавили в СК.

В настоящее время проводятся следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, направленные на установление всех обстоятельств совершенного преступления.

23. 22 апреля 2013 г. Полиция раскрыла крупную сеть «серых» платежных терминалов

В Центральном федеральном округе обнаружена сеть незаконных платежных терминалов, ежемесячный оборот которой составлял 10–15 млрд руб. 2,5 тыс. машин были установлены на территории нескольких областей.

За время работы преступники установили «серые» аппараты в Москве, Подмосковье, Смоленской, Владимирской, Тверской и Калужской областях. Электронные переводы с них попадали на счет плательщика, однако деньги использовались для обналичивания нелегально добытых средств. При этом преступники получали прибыль несколько раз: с получения комиссии за перевод и с передачи наличных своим клиентам за процент от перечисленных на счета фирм-однодневок.

По данным МВД, в состав преступной группы, контролировавшей терминалы, входили 150 человек. У каждого из них были определенные обязанности в четырех структурных подразделениях сети. Полицейские задержали организатора и четырех лидеров группировки, которые уже дали признательные показания. По оценке МВД, их деятельность подрывала экономическую безопасность государства.

24. 25 апреля 2013 г. За устранение конкурентов на аукционе чиновник просил 4,4 миллиона

В субботу, 20 апреля, калининградский суд арестовал замглавы областного Конкурсного агентства по подозрению в покушении на получение взятки в особо крупном размере.

По версии следствия, преступник пообещал руководству строительной организации помочь заполучить муниципальный контракт на строительство детского сада в Балтийске. За отклонение остальных заявок он попросил 4,4 миллиона рублей, передает агентство «Интерфакс».

После получения права на заключение контракта на 223 миллиона рублей представители организации под видом оплаты фиктивных договоров перевели деньги на счет гражданского супруга матери подозреваемого. Он был задержан в момент получения денег от сожителя матери. В рамках расследования были проведены обыски.

25. 30 апреля 2013 г. Хищено более 31 млн рублей, выделенных на трасу Москва-Астрахань.

МОСКВА, РИА Новости. Полицейские выявили хищение более 31 миллиона рублей, выделенных из федерального бюджета на ремонт и содержание автомагистралей М-6 «Каспий», сообщает МВД РФ.

Пресечена противоправная деятельность организованной группы, участники которой подозреваются в хищении бюджетных средств, выделенных на ремонт и содержа-

ние автотрассы федерального значения Москва-Астрахань. По имеющейся информации, в состав группы входили должностные лица федерального казенного учреждения «Управление автомобильной магистрали Москва-Волгоград („Каспий“) Федерального дорожного агентства», дорожно-строительной компании ООО «Дорожно-строительная компания „Волга“», а также руководители коммерческих организаций, задействованных в противоправной схеме, — говорится в сообщении.

По местам жительства и работы подозреваемых, в том числе в рабочих кабинетах должностных лиц федерального казенного учреждения, а также в офисах подрядных и субподрядных организаций в Москве, Тамбове и Волгограде, проведено более 20 обысков. «Изъяты предметы и документы, имеющие значение для данного уголовного дела. Кроме того, у начальника производственно-технического отдела ФКУ Упрдор „Каспий“ обнаружены два поддельных служебных удостоверения сотрудника СК России по ЦФО и работника Южной транспортной прокуратуры», — отмечается в пресс-релизе.

В настоящее время четверо фигурантов задержаны, решается вопрос об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

26. 15 мая 2013 г. Деньги председателя Росбанка Голубкова обнаружены на счете брата.

Деньги главы Росбанка Владимира Голубкова, обвиняемого в коммерческом подкупе, обнаружены на счетах его брата Сергея, часть средств уже снята со счета. Об этом «Интерфаксу» сообщил источник в правоохранительных органах.

«Средства обнаружены на счетах брата Голубкова Сергея, однако порядка \$3 млн в субботу были сняты помощником банкира, по оперативной информации для организации защиты обвиняемого», — сказал источник.

15 мая были задержаны председатель правления Росбанка Голубков и старший вице-президент учреждения Тамара Поляницына.

По версии следствия, к Голубкову обратился представитель коммерческой структуры, кредитовавшейся банком, с просьбой увеличить срок погашения займа и уменьшить проценты по многомиллионному валютному кредиту. За это Голубков потребовал от предпринимателя деньги.

В отношении Голубкова и его подчиненной была проведена доследственная проверка, по результатам которой 16 мая возбуждено уголовное дело. Голубков был задержан при передаче ему 5 млн рублей — части крупного вознаграждения.

Пресненский суд Москвы заключил Голубкова и Поляницыну под домашний арест.

27. 20 мая 2013 г. Украл миллиард — получил три года колонии

«Маслопродукт» разливают в суде. Вынесен приговор первому фигуранту дела бывшего замглавы Минсельхоза.

Как стало известно «Ъ», суд вынес первый приговор в рамках разбирательства с многомиллиардными хищениями в созданной экс-заместителем главы Минсельхоза РФ Алексеем Бажановым группе «Маслопродукт». Его бывший подчиненный Сергей Цветков получил три года колонии за пособничество в хищении оборудования, закупленного на 1,125 млрд руб., выделенных «Росагролизингом» для маслозавода в Воронежской области.

Дело Сергея Цветкова рассматривалось в Новоусманском суде Воронежской области в особом порядке. Господин Цветков признан пособником в особо крупном мошенничестве (ст. 33; ч. 4 ст. 159 УК РФ). Гособвинение требовало для Сергея Цветкова три года колонии общего режима. Сам обвиняемый и его адвокаты просили судью Алексея Жукавина не назначать наказание, связанное с лишением свободы, обещая «продолжать сотрудничество со следствием». «В обвинительном заключении подчеркивается, что Сергей был номинальным руководителем. У него не было реальных полномочий. По сути, его предлагается посадить на три года за то, что он не подписывал», — объяснял судье адвокат Алексей Хорольский. Представители «Росагролизинга», признанного потерпевшим, сообщили суду, что тоже не видят причин для назначения обвиняемому реального срока.

МИНЭНЕРГО 2015—2017 гг.

Госорганы в РФ за 2,5 года закупили услуги по выполнению их же полномочий на 14 млрд рублей.

Госорганы различных уровней в 2015—2016 гг. и первой половине 2017 года вместо выполнения своих полномочий закупили работы, услуги, выполнение которых относится к полномочиям органов власти. Объем этих закупок составил около 14 млрд рублей, говорится в сообщении Счетной палаты 29.01.2018

По данным Счетной палаты, за 2,5 года госорганы федерального уровня закупили товары, услуги по выполнению их же полномочий на 8 млрд рублей. Региональные и муниципальные органы власти потратили на эти цели около 600 млн рублей.

Помимо этого, органы власти передали подведомственным или сторонним организациям выполнение госзаданий, по которым объем субсидий составил 5,7 млрд рублей.

По оценке СП РФ, наибольшее число случаев как передачи полномочий, так и госзаданий встретилось в *практике Минэнерго* (около 2 млрд рублей) и Минпромторга (2,9 млрд рублей). На эти же ведомства приходится наибольший объем «полномочных» закупок.

При этом Счетная палата подчеркивает, что в ряде случаев ведомства поручали сторонним организациям, в том числе иностранным, подготовку отдельных проектов приказов и актов правительства, в частности, затрагивающих деятельность топливно-энергетического комплекса, промышленных кластеров, технопарков и т. п.

Участие иностранных организаций в нормативно-правовом регулировании и разработке стратегических документов в ТЭК не может рассматриваться как соответствующее национальным интересам Российской Федерации.

ПО ИТОГАМ ПЯТИЛЕТКИ 2013—2018 гг.

МОСКВА, ТАСС 6 марта 2018 г.

Владимир Лисин стал богатейшим россиянином по версии Forbes

Глава «Новатэка» Леонид Михельсон, дважды занимавший первую строчку списка, в этом году оказался на третьем месте.

6 марта (ТАСС). Основной владелец НЛМК Владимир Лисин оказался на 57-м месте в списке богатейших людей планеты по версии журнала Forbes, при этом заняв первое место в списке самых состоятельных людей России. Рейтинг опубликован на сайте издания.

По данным Forbes, за прошлый год состояние Лисина увеличилось на \$3 млрд и превысило \$19 млрд.

Второе место среди российских участников рейтинга занял председатель совета директоров «Северстали» Алексей Мордашов (\$18,7 млрд). Замыкает тройку лидеров глава «Новатэка» Леонид Михельсон, который до этого дважды подряд становился богатейшим бизнесменом России (\$18 млрд).

В этом году в глобальный рейтинг Forbes попали 102 российских бизнесмена с состоянием более \$1 млрд. Совокупное состояние российских миллиардеров оценивается в \$410,8 млрд.

Список пополнили 11 новых имен из России, в том числе основной собственник фармацевтической компании «Р-фарм» Алексей Репик (\$2,1 млрд), основатель мессенджера Telegram и сети «ВКонтакте» Павел Дуров (\$1,7 млрд) и президент группы компаний «Южуралзолото» Константин Струков (\$1,7 млрд).

Выбыли из рейтинга восемь российских бизнесменов, среди них — экс-совладелец Бинбанка Микаил Шишханов, бывший собственник страховой компании «Росгосстрах» Данил Хачатуров и бизнесмен Саит-Салам Гуцериев, брат главы «Русснефти» Михаила Гуцериева.

Всего Forbes насчитал 2208 долларовых миллиардеров, суммарное состояние которых составляет \$9,1 трлн. Самым богатейшим человеком планеты стал основатель Amazon Джефф Безос с состоянием в \$112 млрд.

ТОП-10 БОГАТЕЙШИХ РОССИЯН В МИРОВОМ СПИСКЕ FORBES — 2018

1. Владимир Лисин. Основной владелец НЛМК. Состояние \$19,1 млрд.
2. Алексей Мордашов. Председатель совета директоров «Северстали». Состояние \$18,7 млрд.
3. Леонид Михельсон. Глава «Новатэка». Состояние \$18 млрд.
4. Вагит Алекперов. Глава «Лукойла». Состояние \$16,4 млрд.
5. Геннадий Тимченко. Основатель и основной акционер группы компаний «Волга групп». Состояние \$16 млрд.
6. Владимир Потанин. Президент «Интеррос». Состояние \$15,9 млрд.
7. Андрей Мельниченко. Председатель совета директоров ОАО «СУЭК». Состояние \$15,5 млрд.
8. Михаил Фридман. Совладелец «Альфа-групп». Состояние \$15,1 млрд.
9. Виктор Вексельберг. Председатель совета директоров группы компаний «Ренова». Состояние \$14,4 млрд.
10. Алишер Усманов. Основатель USM Holdings. Состояние \$12,5 млрд.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

После трагедии в Беслане

Со всех концов света ринулась помощь, но списки с именами жертвователей и суммами пожертвований утрачены. Погибли в затопленном подвале районной администрации, где хранились. *По отчетам, каждый пострадавший получил 53 тысячи долларов.* По отчетам, но пострадавшие этого не подтверждают. А чиновники говорят, что эти люди с жиру бесятся, накупили квартиры и «мерседесы», а еще и на лечение денег

требуют. Но пережившие ужас и смерть близких заложники живут в старых халупах, или несколько поколений в одной квартире.

Не будем говорить о соразмерности выплат и расходов на баснословно дорогие операции. Речь о другом.

Местный банкир и парламентарий: «Если бывшим заложникам отдать все деньги, которые для них собраны, у них голова закружится».

Но голова закружилась у воров. Начальник отдела по борьбе с оргпреступностью Правобережного района, требовавший проверки распределения материальной помощи — уволен.

Чиновники взяли на себя ответственную и почетную роль распределять деньги, не им, а пострадавшим адресованные. Сами же не озаботились, чтобы предоставить пострадавшим социальные гарантии и льготы.

Замминистра республиканского министерства труда г-жа Туганова обессмертила себя заявлением: «Мы вам деньги дали, что вы еще хотите?»

Чьи деньги они дали? Свои? Чиновничьи?

Едут отдыхать в санатории, в том числе и за границу под видом детей Беслана кто угодно, только не бывшие заложники.

Полно самозванцев, которым помогают манипулирующие путевками чиновники.

Набирается группа в Иорданию. 90 человек. На Беслан выделено 20 мест, это для «терактников», так на канцелярском жаргоне именуют пострадавших.

Чиновное жулье, мародеры, придумали целую теорию: «терактников» надо разбавлять «нормальными» детьми. Пропорция 1:5.

Елабужский автозавод прислал несколько десятков машин «Ока» для инвалидов. Инвалидам машины не дали, сказали, что это для семей пострадавших Семьям пострадавших сказали, что это для инвалидов.

Подаренная школьникам Беслана колонна автобусов до Беслана просто не доехала.

Гражданам России, угнанным во время войны на работу в Германию, германский фонд «Память ответственность и будущее» выплачивает *денежные компенсации*. А *распределяет их наш «Фонд взаимопонимания и примирения».*

Сравните, сколько получили бывшие рабы и сколько из немецких денег потратили на себя те, кто эти деньги распределял. Узнать можно у Людмилы Нарусовой, взявшей на себя этот нелегкий труд.

Открытое письмо простолюдники жене Ельцина Наине Иосифовне

Наина Иосифовна, решила написать Вам именно сейчас, потому что Вы стали выходить из тени Вашего мужа и делать заявления.

При жизни Бориса Николаевича Вы мне нравились. Мне представлялась верная жена, скромная, умеющая с достоинством и скромностью себя держать. Вы именно такой и были, поэтому о Вас народ анекдотов не сочинял и не рассказывал. Вы были противоположностью жены Горбачева, это в ее адрес было постоянно направлено острое словцо.

Вы были правильной женой, поддерживавшей мужа. Сейчас Вы пытаетесь подержать Ельцин-центр. А это не одно и то же, это уже политика, значит Вы готовы принимать на себя критику по поводу этого центра.

Ну так слушайте, моя хорошая.

Ваш муж был пьяница. Ладно бы он пил дома под Вашим контролем, он позорил страну и в этом виде подписывал государственные документы. Вредные для отечества. Ваш муж умудрился собрать в руководство русскоговорящих деятелей, не-

навидящих русскую страну. Они так присосались, что до сих пор не отодрать. При Вашем муже разрушены армия и производство. Уничтожено огромное количество деревень. Ваш муж совершил государственный антиконституционный переворот. Людей тогда погибло много, просто мы не все знаем.

Ваш муж развязал внутри страны войну, в которой погибло минимум двадцать тысяч русских мужчин. Это двадцать тысяч разломанных или несостоявшихся семей. Без учета погибших с другой стороны. Сейчас мы расплачиваемся за мир и деньгами в том числе. Опять недополучают наши дети.

При Вашем муже смертность превысила рождаемость, люди голодали и теряли работу. Бастовали. Он — организатор и соучастник развала СССР. Он об этом сразу доложил американскому президенту по телефону. Если Вы не знаете, то знайте, русский народ считает его преступником, которого следовало бы судить.

Если он не ведал, что творил, то он сумасшедший. Если знал, что делает — он Иуда. В любом случае Ваш муж на сегодня — самый плохой президент России. И Ельцин-центр — это ППППР — памятник плохому первому президенту России.

Центр построили дорогой и красивый. Вот и пусть он будет местом, где молодежь будет узнавать, каким нельзя быть главе государства. И каким быть надо. Два слова про Вас, Наина Иосифовна. Если Вы — патриотка страны, а не просто хорошая жена, Вам стоит отказаться от всех получаемых из бюджета средств от растерзанного вашим мужем государства. Можно, конечно, ради справедливости оставить пенсию, например, как у меня — двенадцать тысяч рублей.

Е. И. Войтехова. 24 января 2017 г.

Юлия ПИКАЛОВА

ИСКАТЕЛЬ

Все ходит по цепи кругом.

А. Пушкин

Фатализм в истории неизбежен
для объяснения неразумных явлений
(то есть тех, разумность которых
мы не понимаем).

Л. Толстой

Искатель неугомонный!

Сколько ты ни беги —

Исконное лукоморье,
Уже, уже круги.

Казалось, что найден выход,

Что розданы все долги...

Но застит лихое лихо,
Сколько ты ни беги.

Мистерия?.. Истерия?..

Бойся стоять спиной!

Свой голод не усмирила

История — пес цепной!

Свой голос сиплый, бульдожий,

Свой полный слюны оскал...

Боже! Одно и то же,

Сколько б ты ни искал!

ДЕВОЧКА С КОСОЙ

Памяти погибших в Санкт-Петербурге

3 апреля 2017

Обол за перевозку под землей.

Привычно дожидается светило

Там, наверху.

Но девочка с косою

В оплату перевозки не входила.

Юлия Геннадьевна Пикалова окончила филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета и программу «Мастер делового администрирования» Государственного университета Калифорнии. Живет в Москве.

Она тебе в вагоне роковом
Поулыбалась призрачно, как счастье,
И лишь слегка задела рукавом:
Ведь ты еще ни с кем не попрощался.

И прогремели правила игры:
Нет разницы плохим или хорошим.
С тобою рядом рушились миры,
А твой был не обрушен, а отброшен,
И перевозчик до конца довел
Вагонов сцепку в грохоте и дыме.
Другие заплатившие обол
Отправятся вагонами иными,

А ты поднялся.
Наверху все те ж
С экранов откровенничают криво.
Напрасно просишь: тишина, утешь! —
Нет громче тишины, чем после взрыва!
А девочка, мелькнувшая едва,
Как будто померещилась, но все же
Ее прикосновенье рукава
Ты будешь вечно чувствовать на коже.

МЫ ИДЕМ!

Мы идем! Мы идем! Мы идем!
Наши руки — единое «за»!
И разносится радостный гром,
И летит молодая гроза!

И по правилам нашей игры
Скоро все будут в нашей игре!
Наши взоры чисты и остры,
Наши руки по локоть в добре.

СТАВАТ МАТЕР

При развитом социализме
Мы возрастали. До сих пор
Я помню: по зиме неслись мы
В районной музыкалки хор.

И щеки наши жгло с мороза,
И голоса лились, чисты,
И dolorosa, lacrimosa
Нам были — райские цветы...

СПАСИТЕЛЬ

Пианисту Алексею Володину

Сердце радостное ранено,
Разум меркнет от любви:
Родина моя — Рахманинов —
Разливается в крови.

Сколько лет ни перелистывай —
Нас выносит, подоспев,
И размах его неистовый,
И родной его распев:

Ждав грядущее заранее,
Страждав, чтобы отвело,
Родину мою бескрайнюю
ОН поставил на крыло —

И летит, летит раздольнее,
Всю ее в себя вместив,
Разливающийся, вольный,
Верный, верящий мотив,

И страна моя, страдалица,
В ковыле, смоле, золе,
Из вины высвобождается
На его большом крыле.

Сергей КИРИЛЛОВ

РАССКАЗЫ

МАМА

Ванька Митькин — разбитной бесшабашный парень восемнадцати годов — устроился в леспромхоз сразу после окончания курсов трактористов. Дали ему старенький, доживающий свой век «белорусик», такой же выдавший виды прицеп-телегу к нему и определили на нижний склад. Чего делать? А чего придется. «Подвези-отвези», «поддерни-отдерни», «подкинь-подбрось», — в общем, мотайся туда-сюда и заодно учись ездить. Ванька и мотался. «Подшаманил» свой тракторишко, картинками разными обклеил, заклепками какими-то цветными — и целый день по поселку «газу до отказа, все скорости сразу!».

Шарахались от его «белорусика» без оглядки в разные стороны все, кто б его ни увидел; начиная от кур и собак с кошками, кончая столбиками, булыжниками и скамейками, которые вечно «норовили метнуться не туда» и чуть не всякий раз отказывались под колесами.

«Ванька, болись тебя надает! — нет-нет да и неслось вслед его „белорусику“. — Опять забор у моего дома завалил! Неужто бы нельзя потише?!»

«Никак нельзя! — оправдывался Ванька, помогая очередному хозяину устранять последствия своей лихой езды. — Он, — кивал головой на своего четырехколесного коня, — только и живет, пока я на нем. Его мне потому и отдали, что на списание налажен. Я на осень в армию, а он — под слом. Только и побегать-то осталось нам обом. Как же не порезвиться-то напоследок!»

И опять только пыль столбом! «Берегись с дороги, тараканы ноги!» — Ванька Митькин едет!

...В тот день вызвал его к себе начальник транспортного цеха и без лишних слов объявил:

«Дело есть. Специально для тебя».

«А что за дело?» — заинтересовался Ванька.

«Да ты понимаешь, бригаду мы на Чертов Нос забросили на вахту, а теперь не знаем, как к ней и попасть! — сокрушенно воскликнул начальник. — Льет-то видишь как уж всю неделю, Ерменьга-то наша и выиграла; из берегов вышла, и мост снесло — как попадешь-то?»

«А по прямой-то? — недоуменно спросил Ванька. — На Чертов-то Нос по прямой короче верст на двадцать, да и мост крепкий!»

«Так ведь не проедешь там!»

«Как не проедешь?! Всю зиму лес возили прямиком-то!»

Сергей Яковлевич Кириллов родился в 1949 году в деревне Филипповская Архангельской области. Публиковался в региональной периодике, в журнале «Двина», в многочисленных сборниках. Дипломант фестивалей «За далью даль», «Славянская лира», «Русский Гофман». Живет в городе Советске Калининградской области.

«То зимой, — пояснил начальник. — По тамошним болотам зимой — как по полу! А сунься-ко сейчас-то? Да после стольких-то дождей... Там же колеи-то какие, и небось все залило».

Ванька озадаченно наморщил нос в ответ на доводы начальника и молча потоптался на месте.

«Но а в общем-то, ты прав, — продолжил начальник, — у нас другого выхода нет. Только ни один из мужиков туда не едет. Хоть, говорят, с трактора снимай, а не поедем! Это же вернак машину ухайдакаешь, да и сам еще неизвестно как выберешься — там же сплошь болота стороной-то! Понял-нет?»

«И это, значит, вы теперь мне предлагаете туда поехать?» — уточнил догадку Ванька.

«Один ты остался, — развел руками начальник, — больше некому».

«Так это ж я мигом! — озорно рассмеялся Ванька. — Одно колесо здесь, другое — там!»

И чуть уж было не рванул на выход.

«Ты погоди, не кипятись, — остановил его начальник. — Поезжай сейчас на склад и возьми самое необходимое из продуктов для вахты — там уж все на исходе. Телегу не бери, загрузи, сколько сможешь, в кабину и завтра с утра с утрачка.., понял-нет?»

«Конечно, Иван Дмитриевич!»

«Смотри, аккуратно чтоб. К вечеру постарайся назад и прямо ко мне, чтоб я обстановку знал. Припозднишься — прямо на дом ко мне иди, понял-нет?»

«Понял, понял, Иван Дмитриевич!»

«И еще, тезка, — положив руку на плечо парня, добавил начальник, — машину не жалея, если что. Она у нас, сам знаешь, на списание уж подана. Себя побереги, понял-нет? Если что — выскакивай и назад пехом. Доберешься?»

«Конечно, доберусь! Что я, маленький, что ли?»

«Ну, тогда давай, Иван Дмитриевич! — впервые назвав своего полного тезку по имени-отчеству, попрощался с ним начальник. — Удачи тебе!»

А Ваньку уж как ветром сдуло! Вскочил в свой «белорусик» — и только грязь из-под колес!

...Чертов Нос — дальняя окраина леспромхозовских владений. Дебри там непролазные, но лесу-у-у-у... Крупный, спелый и много! Осваивать этот лакомый кусочек начали совсем недавно. Дорогу проторили напрямиком, но ездить по ней оказалось возможным только в стужу. Летом же в обход и за полсотни километров. Но лес того стоил! И решили добывать его вахтовым методом. Бригаду на недельку-две туда — и рубите. И вот заминка: дожди сплошняком, дороги развезло и — главное — мост на окружной снесло шальной водой разлившейся лесной речушки. И в лесу отрезанными ото всех оказались пятнадцать человек. Все это Ванька в голове своей разудалой быстренько прокрутил, когда утром в «белорусик» свой уселся, и ручку газа сразу же до самого упора и втопил!

Вскочил за поселок — ну и дорога! Сплошное озеро вокруг вместо болот после бурной весны и проливных дождей, а дорога хоть и горбом идет по этому морю разливанному, но колеи такие, что едва-едва осями не цепляет гребень между ними «белорусик». А ведь где-то и цепляет, особенно «передком». Рулем хоть вовсе не крути — бесполезно! Все равно машина колеей идет, как паровоз по рельсам. А резко если вертанешь — и моргнуть не успеешь, как в болотине будешь! И добро если на колесах, а то ведь и сразу на боку. Лужи, ямины, ухабы...

«Если зацеплю где в яме брюхом — все, хана! — понял Ванька. — Одно спасение в скорости, чтоб если что, так по инерции хоть проскочить».

И еще сильнее на газ.

Ревет его «белорусик», во всю мочь поднатужившись, и, как птица диковинная, над болотами километр за километром под себя подминает. А седок его еще больше распалается от удали коня своего. Глаза горят, кепчонка на ухо сбилась, сам, как сорока на колу, подпрыгивает на сиденье и песенки какие-то разудалые во всю кабину, чтоб еще сильнее кровь разгорячить. Ух, и гонка! В самый раз для Ваньки работенка, жаль только, что мешки с провиантом привязал худенько — под ногами путаются.

Вылетел в одном месте на взгорок, позади уж много больше половины — совсем весело парню. И тракторишке тоже. Почуял «белорусик» твердь земную, ровную под колесами и уж так рванул — скаковая лошадь не догонит!

Тетерю заметили в последний момент. Уж у самых колес; серая, как и трава ж пожухлая, поди тут разгляди! Вернее, заметил-то, конечно, Ванька, но уж так они в тот миг слились в одно — он и «белорусик», — что в рассказе у Ваньки потом так и промелькнуло «заметили». Сидит птица прямо посреди дороги, на сухом гребне меж двух колеиных канав, выбитых колесами, — и ни с места! А «белорусик»-то рычит да мчит..., и тормозить уж поздно. Словно ураган ревущий, налетел он на сидящую глухарку и в мгновение ока накрыл ее своим железным брюхом.

«Зацепил, поди-ка?» — успел подумать Ванька, осаживая своего «скакуна» после того, как проскочил роковое место.

Глядь назад — сидит! Выскочил из кабины, подошел — сидит!! Глаза только зажмурила...

«Господи! — догадался парень. — Да она ж на кладке!!!»

Он осторожно обошел огромную птицу кругом, стараясь не вспугнуть, и отбросил прочь всякие сомнения о ее физической немощи: глухарка сидела на гнезде.

«Да как же я не зацепил-то тебя?! — подумал потрясенный парень. — Как же ты со страху-то не умерла, такое вытерпев?»

Потрясенный до глубины души, он еще несколько минут тихо стоял возле сидящей птицы, не сводя с нее глаз. А она только прижалась к земле посильнее да голову втянула — и ни с места!

«Во сила!» — только и подумал парень, возвращаясь за руль.

И весь остаток дороги до делянок уж не пел и не подпрыгивал на сиденье в горячке гонки, а лишь глядел во все глаза вперед, стараясь не разгонять своего железного коня без особой нужды.

До бригады добрались благополучно. Обрадовались лесорубы Ваньке, чуть ли не качнули, провиант скоренько выгрузили, за стол — отобедать — созвали, а Ванька отнекнулся кое-как — ждет, мол, начальник — и назад. И ни слова про тетерю, до того она ему душу порезала.

Подъехал, возвращаясь, к знакомому месту, думал — нет уж ее, глядь — а она сидит. Только головой в его сторону развернулась, словно понимая, что назад поедет грохочущее чудовище. Подошел к ней парень осторожненько, присел даже и давай уговаривать:

«Сойди ты, Христа ради, с моей дороги! Зашибу ведь я тебя ненароком, эвон какие колеи-то».

Слушает его глухарка и ровно бы не слышит. Или не понимает.

«Ну, что тебе стоит маленько полетать? — уговаривает ее Ванька. — Я живенько проеду — и сиди опять на своем месте».

А птица, как неживая, глазами только помаргивает. Поднялся парень, руками на тетерю помахал, «покиштал» — все без толку. Сидит, как каменная статуя! Делать нечего; залез Ванька опять в трактор и поехал. Осторожненько, как мог, старался, чтоб не зацепить да не шибко газовать. Проехал, глядь назад — сидит, как и сидела!..

Начальник аж расцеловал Ваньку, как тот вернулся и доложил, что доехал. Ты, говорит, теперь мое спасение. Уж если, говорит, людей не вывезем, так хоть накормим. И еще три раза после этого Ванька по той дороге на Чертов Нос ездил. И всякий раз над глухаркой!

...Прошла неделя. Дожди унялись, попросохло, речушка в берега вошла. Опять к себе начальник Ваньку вызывает. А парня за это время будто подменили: и веселость его куда-то подевалась, и ухарство с бесшабашностью, только глаза все те же большие и навывкате. А в них-то уж другое; как будто бы раскрыл одинова их парень, шибко удивившись, во всю ширь, а вот закрыть и позабыл! Так и носит с той поры потаенное и ни с кем не поделится — до того ему душу та, самая первая, встреча с глухаркой перевернула.

Начальник вызвал да и первым делом про здоровье, значит, полюбопытствовал. Интересно же: парень-то какой-то не такой стал. Хмыкнул Ванька что-то неопределенное в ответ, нормально, мол, здоровье мое.

«А трактор как?» — спросил еще начальник.

«И трактор в порядке», — заверил Ванька.

«Ну, тогда тебе задача посложнее будет», — начал о главном начальник.

И сразу же без всяких переходов:

«Вывозить бригаду-то надо. Подцепляй завтра телегу — и вперед! Понял-нет?»

«Чего не понять-то», — буркнул Ванька.

«Тяжеленько придется, — посмотрел в упор начальник, — с телегой-то — не то что напростой. Да и людей везти... Справишься?»

Мотнул Ванька головой как-то неопределенно, а на словах прибавил:

«Постараюсь!»

И только он один знал истинную цену этому самому «постараюсь». Потому что думал-то Ванька в тот момент про птицу, на дороге сидящую, и про то, как же ее теперь-то не зашить, если она все еще сидит.

«Ну, тогда езжай, — просто сказал начальник. — Шибко не гони, доедешь — заночуй там, а назавтра уж назад, понял-нет?»

«Сделаем, Иван Дмитриевич».

И снова все повторилось: снова в тайной надежде, что, может, птицы на дороге нет, ехал до знакомого места парень, понимая, что телегу он уж точно по-над ней не провезет, и снова глухарка, как и всю минувшую неделю, оказалась на кладке.

Остановил Ванька трактор подальше от гнезда, подошел поближе как к старой знакомой и опять на корточки перед ней. Да до того близко, что руку протяни — и достал бы! А она опять только глаза прикрыла да вжалась посильнее.

«Ну, сойди ж ты, пожалуйста, хоть сейчас! — умоляюще попросил ее парень. — Смерть ведь я твою привез и детишек твоих! Сгребет ведь моя телега осями и тебя, и гнездо — эвон, как сидит-то она низко. Совсем не то что трактор — гребень-то чуть не во всех местах осями-то цепляет, как же ты уберешься-то? Не уберешься ведь никак тебе теперь!»

И снова птица ничего в ответ. Только помигивает чаще, и никакого шевеления.

«Ну, как ты не поймешь, что я же тебе чисту правду говорю?! — уж с отчаянием в голосе парень к ней. — Ведь нету у меня никакого выхода; люди меня ждут — ехать надо».

А она в ответ только голову маленько повернула, прямо на Ваньку поглядев, и взглядом этим словно бы парню отвечая: «А ты-то как же меня не поймешь, что ведь у меня тоже выхода нет! Что никак нельзя мне... Нельзя взлетать — погибнут мои детки тогда без моего тепла, пусть даже и в скорлупках они еще, а что я без

них?» Видит Ванька, такое дело, что уговоры его не действуют, и руки давай к гнезду тянуть; может, думает, возьму птицу да и отнесу куда-то в сторону, чтоб не давить. Прекрасно ведь понимал, что телега — не трактор, на котором он уж проезжал. Телега сидит намного ниже и сгребет гнездо уж точно. Глухарка вжималась, вжималась в землю, а как Ванькины ладони уж совсем близко оказались, она как дернет головой им навстречу! Чуть не клюнула! А клювик-то о-го-го, не то что петушиный. Но тоже, видать, существо с понятием: только обозначила свои намерения, но не сделала; дескать, предупреждаю. Ну, а коли не поймешь, тогда уж на смерть будем биться! Понял это все Ванька, поднялся во весь рост, постоял еще возле гнезда, приглядываясь к дороге, — сидит глухарка! Это было за гранью! За гранью обывательских представлений о жизни и каждодневного ее восприятия. Это было какое-то святое самоотречение и великое материнское самопожертвование ради того только, чтобы вдохнуть тепло в маленький, еще только зарождающийся комочек жизни! Открыть ему путь в огромный мир, мир, полный тревог и опасностей, где еще неизвестно что и кого ждет. Мир, в котором столько всякой подлости и предательства, грязи и душевной черствости. Это было потрясающе!

«Эх, была не была! — с прежней отчаянной бесшабашностью решил парень. — Где наша не пропадала!»

И за руль.

Как им вертел — рулем этим самым, — как изгалялся, «белорусик» из колеи — а больше того телегу — выворачивая, и сам бы потом не рассказал. Но вывернул-таки! Чуть в болото не урнул, да еще и на бок, но вывернул — пошли колеса по гребню! И прямо на птицу... Гребень-то узкий — метр какой от силы, дай бог — и гнездо прямо посередине. За трактор-то Ванька не шибко опасался — урулил колеса вприценку с птицей — но вот телега?! Уж, как ювелир, старался, чтоб она опять колесами в колею не угодила и в то же время по гнезду бы не проехала. Но ведь провез же!!! Вылез опять из трактора, как проехал, подошел к гнезду, а глухарка как сидела, так и сидит! И даже не поворотилась!! Как будто так и должно было быть, чтоб Ванька ее объехал! Как будто было это ему — раз плюнуть!

...Уж в этот раз парень не вытерпел. Первым делом, как в делянку приехал да о вывозке всем объявил, сразу же о тетере и рассказал. Так, мол, и так: восемь раз порожняком над ней проехал туда-сюда в прошлую неделю, сегодня даже телегу проволоком, а тетерея так и не взлетела! Подивились мужики такой истории, головами покачали недоверчиво — дескать, не «заливаешь» ли ты, парень?

«Завтра сами все увидите! — крикнул им Ванька в запальчивости. — Своими глазами».

И снова с утра одна думка у парня: как теперь гнездо объехать? Ну, ладно, люди с телеги сойдут да гнездо обойдут, но ведь телега ж то теперь груженная! Как теперь-то ее вывернуть? Ведь соскользнет, не дай бог, не ко времени — все тогда, капец тетере! И уж до того привык он к этой упорной птице, уж так сжился с ней за эти дни и до того проникся жалостью к ней за ее бесстрашие и самоотверженность, что ничего другого не волновало.

«Ведь вот велик ли умишко, — думал, — али сердечко хоть, а силища-то в них сидит какая! Посильнее всякой лютой смерти силища! Вот как за потомство-то свое борется птица, за детишков, значаща, своих... Уж лучше смерть любая, значит, вместе с ними, хоть и не родившимися еще, чем им — смерть, а себе — жизнь!»

И так считай что всю дорогу.

Подъехали к знакомому взгорку, остановился Ванька, не доезжая, — и ко гнезду. И бригадир следом. Подошел парень к роковому месту и встал как вкопанный!

Глаза в землю — и слова вымолвить не может. Бригадир сзади подошел, тоже посмотрел и тоже ни слова поначалу. Постояли молча сколько-то, а потом бригадир первым в себя пришел:

«Увела!» — одно только слово и произнес.

Еще маленько постоял и добавил:

«Выпарила, видать, сердешная, своих птенчиков и увела куда подальше да потише где».

А из телеги меж тем уж вся бригада один за другим.

«Ну, и где же, Ванька, твое чудо?»

«Показывай давай».

«Где твоя тетеря?» — загалдели наперебой, подходя к стоящим бригадиру и трактористу.

А те в ответ даже не шевельнулись, как глухарка все это время. Прямо возле их ног, в ямочке из сухой травы, лежали только половинки яичных скорлупок.

ЛЕТИ, МАЛЫШ!

«Мама! Смотри!» — мальчишка-подросток сделал несколько быстрых шагов в сторону от тропинки, отходящей от дома, и присел на корточки.

Идущая сзади мать последовала его примеру и остановилась рядом.

«Смотри, мама!..» — снова прозвучало из уст мальчишки, но прозвучало как-то уж очень робко, тихо..., обреченно.

Прямо перед ним на травке лежала птичка. Это не был маленький птенец, как показалось поначалу, — одно ее крылышко широко распласталось по зеленой травке, отчетливо показывая намерения птички взлететь в спасительную высь, но... но крылышко было недвижимо. Так же неподвижна была и голова птички, беспомощно свешивающаяся вниз с небольшого травянистого бугорка, и, самое главное, маленькие бусинки глаз ее красноречиво прикрывала белесоватая пленочка век. Все! Жизнь ушла из маленького тельца. Об этом говорил весь его вид. Кошка ли была тому виной, камень ли хулиганский, которые, к сожалению, тоже бывают в жизни, еще ли что, но жизнь маленького живого существа навсегда покинула его, превратив в неподвижный комочек перьев. Так казалось...

Мать и сын замерли. Даже не сговариваясь, замерли, словно отдавая последнюю дань памяти.

«Надо ее похоронить, мама, — указывая на птичку, тихо сказал мальчик и протянул руку к оттопыренному птичьему крылышку, намереваясь поднять птичье тельце с земли. — Ой, мама!.. Да она же живая!»

«С чего ты взял?» — спросила мать.

«А она крылышко дернула!»

Теперь уж и мать по примеру сына присела на корточки рядом с ним и внимательно посмотрела на птичку. Она по-прежнему была неподвижной. В какой-то момент, однако, оба — и мать, и сын — заметили, что оттопыренное птичье крылышко действительно шевельнулось. Словно бы птичка хотела опереться на него, чтобы хотя бы встать на лапки, если уж не взлететь. Теперь уж и мать потянулась к замеревшему вновь комочку из перьев и взяла его в руку. Взяла... и тут же стремительно выпрямилась во весь рост.

«Домой!» — прозвучало из ее уст всего одно слово.

Словно командирский приказ прозвучало: коротко, властно, непререкаемо.

«А как же магазин, мама?» — все-таки спросил мальчик.

«Потом! — столь же кратко ответила мать. — Все потом! Он, — она кивнула головой на птичку, — живой, и его надо согреть. Он весь дрожит!»

Она осторожно свернула крылышко птички ей под бочок и накрыла малыша второй ладонью. И тут же оба — и мальчик, и его мама — увидели маленькое чудо: безжизненные, казалось, пленочки птичьих век вздрогнули и медленно пошли вниз, открывая глаза птички. словно бы она хотела увидеть, кто ж это с ней так... Но никаких более проявлений жизни в ней не обозначилось, и лишь дрожь в маленьком тельце подтверждала, что жизнь еще не покинула его навсегда.

«Включай компьютер!» — скомандовала мать мальчишке, едва лишь они переступили порог дома.

«Зачем, мама?»

«Включай, говорю! — требовательно повторила мать и, округлив рот, медленно выдохнула очередную порцию теплого воздуха в сторону птичьей головки.

Обе руки ее были заняты: на одной ладони лежал комочек из перьев, другая, создавая тепло, прикрывая его тельце сверху — делать что-либо она не могла.

«Принеси шарфик!» — последовала очередная команда сыну, как только она увидела, что включенный им аппарат готов к работе.

Мальчишка проворно исполнил материнское приказание и расстелил шарфик на столе.

«Не надо! — опять столь же кратка была его мать. — Мы не будем ее заворачивать. Сложи шарфик вдвое. Нет... вчетверо».

Мальчишка быстро выполнил очередную команду, и лишь после этого его мать подняла вверх ладонь, которая прикрывала птичку. Та по-прежнему недвижимо лежала на другой ладони женщины, впитывая исходящее от нее тепло, а ее глазки хоть и слабо, но проглядывали из-под полуопущенной пленки век.

Женщина взяла подготовленный шарфик освободившейся рукой и заботливо, словно теплым одеялом, укутала им лежащую на ладони птичку. снова выдохнула на маленькую головку очередную порцию теплого воздуха изо рта и тихо проговорила:

«Согревайся, малыш!»

«Мама, а он правда живой?» — недоверчиво спросил мальчик, внимательно наблюдавший за матерью.

«Да!»

«А как ты знаешь?»

«А у него сердечко стучит!.. — тихо проговорила мать. — Я его слышу ладонью».

Она села за клавиатуру компьютера, и вместе с сыном они стали вводить в аппарат все видимые приметы птички, чтобы узнать ее название. Не сразу, но им вскоре удалось точно определить, что в ладони матери лежит стриж. Как он попал в беду, что это за беда, — об этом спрашивать у «грамотного» аппарата было бесполезно. Он просто не мог знать всего. И мать стала искать в «умной» машине способы выхода из этой беды. Как оказать возможную помощь птичке.

«Быстро в аптеку!» — раздалась через некоторое время очередная ее команда сыну.

«За чем?»

«За глюкозой! — пояснила мать, обнаружив на одном из сайтов рекомендации об оказании помощи в подобных случаях. — И пипетку прихвати на всякий случай».

Мальчишка схватил предложенный кошелек и пулей вылетел из дома.

Весь запыхавшийся, он вернулся через считанные минуты и протянул матери нужные покупки.

«Открывай!» — коротко скомандовала та.

Через несколько мгновений пузырек был распечатан.

«А как..., как ты, мама, его будешь поить? — головой кивая на птичку, спросил сын. — У него же клювик закрыт...»

«Пипетку! Набери глюкозу в пипетку!»

Еще несколько мгновений — и наполненная лекарством пипетка в руках у матери.

«Шарфикними».

Мальчишка осторожно стащил с птички шарфик, мать перехватила крохотное тельце в ладони так, чтобы освободить два главных пальца, и осторожно надавила ими на клювик птички с обеих сторон у самого его основания. И клювик раскрылся!!! Мать капнула туда капельку жидкости-лекарства, и клювик закрылся! Сам!!! Вернее, конечно, его закрыла птичка, которой хватило на это движение остатка сил. Подождали несколько мгновений и снова капнули капельку глюкозы в раскрытый клювик. И снова он закрылся! Потом еще... еще...

«Хватит! — споев несколько порций, решительно прервала процедуру мать. — Не навредить бы...»

Она снова укрыла стрижа шарфиком и опять застучала по клавишам компьютера освободившейся рукой.

«Ловите комаров!» — вдруг scomандовала она, уже обращаясь и к старшему, и к младшему своему шестилетнему сыну, появившемуся откуда-то с улицы.

«Чево-о-о-о?!» — вытянул от изумления лицо старший.

«Комаров, говорю, ловите! — повторила мать. — Он, — она кивнула на закутанного шарфиком малыша, — кушать хочет! А они питаются комарами!»

«Но их же сейчас нет! — растерянно развел руки в стороны старший сын. — Ведь на улице день...»

«Мамочка! — звонко вступил в разговор младший братик. — А давай мы ему хлебushка дадим!»

«Нельзя! — решительно возразила мать. — Он очень слаб, и мы можем ему навредить. Вот если бы яичек...»

«Каких яичек?»

«Муравьиных... — мать вздохнула, — но до леса от нас так далеко...»

«Мама! Мамочка! — опять закричал младший. — А у нас на огороде тоже есть муравьишки! Помнишь; мы копали картошку, а они бегали в земле».

«Точно! — обрадовалась мать. — Бегом в огород!»

Малыши стремительно сорвались с места.

«Только немного! — крикнула им вдогонку мать. — Муравьишкам яички тоже нужны...»

«Хорошо, мама!»

Через несколько минут оба братика вернулись в дом.

«Вот! — прерывисто дыша, протянул старший ладошку, в которой разместилась маленькая щепотка крошечных белых катышков. — Хватит?»

«Хватит! — кивнула головой мать. — Он ведь тоже маленький. А ему их хоть бы несколько сейчас... Если что — еще сбегаете».

«Ладно».

Но как кормить? Способ раскрыть клюв птички мать освоила — он раскрывался хорошо, — но как дать птичке маленькое яичко? Пипеткой же ведь, как капельку глюкозы, его не капнешь.

«Тащи пинцет!» — прозвучала очередная короткая команда старшему сыну, и через несколько мгновений в ее руках был нужный инструмент.

И все повторилось: снова осторожное движение двух пальцев, надавливающих с двух сторон под основание птичьего клюва, снова широко открывшийся рот стри-

жа, который распаивался, словно у новорожденного птенца — во всю ширь, и с помощью пинцета женщина осторожно положила на крохотный язычок малюсенькое муравьиное яичко. Крошечное даже, если уж точнее сказать! Ведь и сами-то его обладатели — земляные муравьи — совсем крошки. И птичий ротик закрылся! Через несколько мгновений операция повторилась..., потом опять, и так была скормлена вся щепотка живительной для птички еды.

«Все! Хватит! — остановилась мать. — Пусть отдохнет...»

...Прошло несколько часов. Все это время женщина так и носила птичку в ладошке, прикрывая ее шарфиком и согревая теплом своей руки. Почти все это время она «изучала жизнь пернатых» по компьютеру и, как выяснилось позже, не ошиблась в своих действиях ни разу! Ни тогда, когда согревала в ладонях, ни когда снова поила глюкозой, вновь отмеряя крошечные порции, ни когда кормила муравьиными яичками, за которыми еще пару раз бегали на огород ее сыновья, ни когда делала перерыв в этих операциях по спасению жизни маленького комочка из перьев — никогда! Ни разу!!

И вот наступил момент, когда пленка век на глазенках стрижа окончательно спала вниз, и он пристальным взглядом посмотрел на своих спасителей. Спасителей, сумевших так удержать неотвратимо, казалось, утекающую из маленького тельца жизнь. Птичка не проявляла при этом рассмотрении никаких признаков беспокойства; она, очевидно, полностью доверяла своим спасителям.

Потом прошло еще какое-то время, и женщина отчетливо ощутила на ладони движение оживающего птичьего тельца. К этому времени, изучив все возможные материалы о стрижах с помощью компьютера, она уже поняла, что птичка не имеет ран, как это показалось поначалу. Что ее крылышки в порядке, что тельце тоже не повреждено, лишь по каким-то причинам было сильно ослаблено на момент обнаружения и не могло быть поднятым в воздух ослабевшими крылышками. В воздух, где стрижи проводят всю свою жизнь, как рыбы в воде, наслаждаясь стремительным полетом, и без которого они умирают.

А потом стриж забеспокоился окончательно. Ведь он не может жить вне полета. Нормально жить, как все его сородичи. Головка его, безнадежно свисавшая вниз при обнаружении, уже тревожно завертелась, ибо тельце-то было спеленоано хоть и спасительным, но ограничивающим движения шарфиком.

И тогда женщина вышла на улицу. Вытянула перед собой ладонь со стрижом и осторожно сняла с него шарфик. Птичку не ограничивало более ничто. Она посидела еще несколько мгновений, прижимаясь к теплой ладони, словно не веря в свое освобождение или не желая расставаться с живительным теплом. Потом она привстала на лапки и убедилась, что они ее держат. Еще несколько мгновений тишины и неподвижности, во время которых длинным-предлинным взглядом глазок-бусинок с чуть наклоненной набок головки стрижа словно бы благодарил человека за добро и возрождение его к жизни. И, наконец, крылья. Птичка сначала широко расправила их, словно не до конца веря, что такое вновь стало возможным. Потом несколько раз коротко встряхнула ими, проверяя, очевидно, уже их готовность и способность к полету. Еще раз долгим-долгим взглядом посмотрела на женщину и в завершение всего, радостно вскрикнув, коротко, но резко оттолкнулась лапками от человеческой ладони и мгновенно взмыла ввысь. И все! И исчезла в голубизне вечеряющего неба...

РЯБУШКА

Непутевая какая-то выдалась весна. Ленивая и сонная. То, бывало, как разгогочется криками пролетающих гусиных стай, как разжурчится расшалившимися ручьями, захмелевшими от бурного таяния обильных снегов, укрывавших уснувшую на зиму землю, так не захочешь, да проснешься. К солнышку весеннему да ласковому потянешься, аки травка весенняя. А эта... Чуть повернется в пуховой снежной постели под робким лучиком выглянувшего из-за туч солнышка — дескать, не пора ли? — и опять на другой бок да «в тугой калачик» от порывов леденящего северного ветра. Какая уж тут пора, мол, когда старушка зима разворчалась да раскомандовалась и покидать мир этот не хочет. И снова стужа да безмолвие. Снова ожидание.

За три прошедших года жизни рябушка¹ такого еще не видала. Да что — за три: и за всю-то жизнь ее соплеменники такого выверта природного припомнить не могли! Все во свой срок да в свой черед в ранешние годы приходило, ни ждать, ни беспокоиться не надо было ни за что, а тут... Хоть жди — хоть не жди, хоть беспокойся — хоть не беспокойся, а весна все не идет и не идет. Уж как старались тетушки-пальнюшки² своих кавалеров на токах раззадорить, уж как неистовствовали те в лихих схватках-поединках с соперниками, криками воинственными себя распаяя да весну разбудить пытаясь, — не просыпается та, хоть лопни! Даже Двуногие грохотом из своих палок, изрыгающих огонь, ничего поделать не могли — не отступает старушка зима, не дает ходу молодости.

Рябушка уж совсем испереживалась. Уж и местечко для домика детей своих выбрала, уж и постельку мягкую из пушинок своих да травинок сухих им постелила, уж и брюшко отяготилось давно, а все равно страшно яички в гнездышко отложить — эдакая непогодь да стужа в мире-то! Терпела, как могла. Вот уж и тетушки-пальнюшки, захмелев от ласк своих буйных кавалеров, на кладки уселись, уж и дядюшка-глухарь все песни своей избраннице испел и местечко для нее и деток своих будущих в густом ельнике нашел да на охрану своей угнездившейся подруги встал, а рябушка все никак не решится — уж больно холодно.

Но время неумолимо. Сколь ни оттягивай зарождение новой жизни, сколь ни мучайся в ожидании лучших времен, но рано или поздно все равно всему свой час пробивает — уселась на свое гнездышко и рябушка. Аж одиннадцать яичек отложила скоренько и накрыла их сверху — деток своих будущих — заботой да теплом материнского тела.

Место для гнездышка она в этот раз выбрала очень удачно. Как-никак ведь в третий раз уж. В первый год под елочки густые притаилась: думала от ветра да дождя там спрятаться, а хитрая лиса как будто знала, что ее пожива ждет под елочками этими. Забралась туда, под елочки — рябушка едва взлететь успела из-под самого лисьего носа! Так все детки и погибли, не родившись, в тот год с первой кладки. Двоих поздних, поднатужившись да отложив три яичка совсем в другом месте, рябушка все ж таки породила, но всего двоих. А уж как поднялись-то они на лапки да попозже «на крыло», как отошли в заботах материнских в сторонку, тут-то и стала рябушка повнимательнее просматриваться к родному дому — хвойному лесу. Изучать его получше стала, дабы место понадежнее для будущего домика деткам своим выбрать.

¹ Рябушка — самка рябчика.

² Тетушки-пальнюшки — самки тетерева.

И заметила она тогда, что все лесные обитатели во всем лесу вольготно себя чувствуют и лишь одного места чураются — широкой тропы, по которой иногда, хоть и редко, но ходят какие-то Двуногие. Да ладно б если только они одни: по той же тропе ползают какие-то страшные чудища на громадных круглых лапах и орут при этом столь жутко да громко, что все лесные обитатели стараются подальше убежать куда глаза глядят от той тропы. Даже дядя медведь: уж как велик да грозен, уж как властителен во всем лесу, но и он без оглядки в чащу улепетывает со всех лап, едва лишь рык чудищ этих в лесу послышится! Еще бы: ведь от одного только рева этих страшилищ кровь в жилах стынет! А уж ежи как увидишь-то их, так и вовсе лапки подкашиваются со страху! Хорошо хоть крылышки не подводят да спасают, а то бы и вовсе жизни конец! Ведь из чрева-то чудищ этих нет-нет да и все те же Двуногие выползают. Пусть хоть и без огненных палок, но ведь выползают же. И хоть происходит это почему-то всегда в одном и том же месте, которое холмиками какими-то измножилось, заборчиками диковинными зачастую колосилось да разгородилось, но ведь происходит же. И хоть ни один из лесных обитателей ничего не может сказать про худое, которое эти Двуногие ему бы или роду его в тот момент принесли, но ведь страшно же! Ведь иногда-то — бывает же, хоть и редко — Двуногие эти и в лес заходят от загоронок своих диковинных. И хоть больше-то всего заходят все с коробками какими-то в передних лапах, куда потом ягодки — главное лакомство рябушки и деток ее — собирают, но ведь бывает же, что и с палками на плечах заходят.

Ох уж эти палки! С виду так и ничего же страшного в них нет: палки как палки — мало ли их в лесу. А бывает, как приставит ее Двуногий к плечу, она как грянет на весь лес — палка эта, — будто гром в грозу, огонь при этом изрыгая, так все ведь и со страху чуть не падают, увидя да услыша это! А бывает ведь, что и падают... Бывает ведь, что и не встают. Двуногий подойдет к упавшему, передними лапами сгребет его, будто шмоток моха, и в коробку свою запихнет. Ужас!!! Страх смертный!

Первый раз, когда увидела этих зверей в лесу, рябушка подумала, что они ходят на задних лапах потому, что у них крылья сложены. Как и у нее самой. Как и у ее дядюшки-глухаря. Как у тетюшки-пальнюшки. Ведь же на двух лапах все время ходят, а не как дядя медведь, который только иногда на задние лапы встает. Пусть лапы эти и длиннющие у Двуногих, но рябушка ни разу не видала, чтобы они становились бы на все четыре. Значит, думала она, крылья у них где-то хорошо запрятаны, коли они их не расправляют на виду у всех. А оказалось, что и нет. Оказалось, что и нет у этих диковинных зверей никаких крыльев, на которых они могли бы взлететь, как рябушка, а есть передние лапы. Но до чего же они загребущие — эти их передние лапы! Все-то они могут загрести и перенести! Хоть палку эту огненную, хоть сучья сосновые да всякие прочие от своих холмиков, хоть коробки с ягодками. Ох уж эти коробки тоже! Ведь рябушке — она самолично это видала, притаившись за еловым стволом — и за целый год бы было столько ягодков не съесть, сколько эти Двуногие в своих коробках из лесу утаскивали! Хорошо хоть что лес ягодков родил всегда столько, что их даже на весну оставалось, когда они из-под снега вытаивали и к себе красотой своей манили. Что уж и говорить, когда заново всю округу в красное расцвечивали — всем хватит.

Но самое главное, что рябушка заприметила, Двуногие эти появляются в лесу на мало. Потопчутся-потопчутся возле своих холмиков со столбиками, загородами диковинными загороженными, и исчезают. В лес заходят очень редко, а если и заходят, то идут куда-то вглубь да мимо. «Зачем это они так? — думала рябушка в такие минуты, затаившись в густых зарослях. — Ведь ягодок и тут много». Но ответа не находила. Пройдут Двуногие вперед, пройдут обратно с коробками ягод — и исчезнут.

А чаще всего и вовсе заползут во чрево грохочущих чудовищ — и как они их только не боятся-то?!? — и по тропе своей куда-то укатят, будто их тут и не было. «Ну и ладно, — думала рябушка. — Лишь бы зла не причиняли».

Но мало-помалу рябушка поняла, что Двуногие эти, в общем-то, безвредны. Ни ей, ни детишкам ее ничем не угрожают. Особенно те, которые без палок. Ну, походят иногда по лесу со своими коробками, порвут ягодок брусничных, но ведь, во-первых, это бывает редко, а во-вторых, ягодок хоть и жалко, но родит же их лес так много, что на всех хватает. И даже остается. И даже если вдруг Двуногий пойдет в лес с палкой — этого тоже не надо бояться. Надо всего лишь запрятаться где-нибудь в елочных ветках, никакого звука не издавать — Двуногий и пройдет. Это ведь не лиса или, не дай бог, куница, которая все вынюхает и живо изловит, если зазеваешься. От той-то уж и на дереве не спасешься! А у Двуногих нюха нет, и они, в общем-то, не страшны.

Узнала про все это рябушка, набралась опыта житейского за три года прожитых и порешила: надо гнездышко для деток будущих возле тропы устроить, по которой Двуногие ходят да чудища грохочущие ползают. Они хоть и нагоняют страх жутким ревом, но с тропы своей не сползают никогда. И в лес не заходят даже ни на шаг! Зато все обитатели лесные от тропы этой стараются держаться подальше, и будущим детишкам рябушкиным уж никак не угрожают. Особенно лисы да куницы. Еще рябушка заметила, что все Двуногие, которые к холмикам со столбиками, в загородках стоящими, приходят, от загородок этих в лес — ни-ни! Сучки да мусор всякий, вокруг холмиков скопившийся, соберут и в большую кучу бросят. И за кучу эту не переходят никогда вообще. И смекнула тогда рябушка, увидав все это, что нет во всем лесу места безопаснее, чем за этой кучей. Двуногие хоть и близко к ней подходят, но всегда с другой стороны и ничем не грозят. А чудища круглоногие — те всегда только по тропе ползают. Ну, а коли так, то и решила рябушка на четвертый год своей жизни гнездышко себе и деткам своим за кучей этой устроить. Отступила маленько от кучи, чтоб нечаянно ничего бы не добросил никто из Двуногих до ее гнезда, и устроила.

...Он появился как из-под земли! Вернее, как с неба свалившись. Он, конечно, шел от холмиков в загородках — этот Двуногий, — но Он почему-то перешел за кучу веток и всякого хлама, которую никогда никто из Двуногих не переходил. Потому что она была большая! Потому что вокруг нее густо росли молодые сосенки, переплетенные шиповником и всякими прочими кустами. Потому что преграда эта была непролазная! А Он пролез! И пошел. Пошел по еле заметной тропочке, которая когда-то — много-много весен назад, как рябушке рассказывали ее сородичи, — пролежала по просеке, над которой теперь висели ржавые железные нитки. Зачем Он пошел, куда — этого рябушка не знала. В его передних лапах не было огненной палки, но Он шел прямо на нее. На нее и на ее детей, еще замеревших в яичках.

Рябушка вжалась в землю, насколько могла. Втянула головку, полностью слившись с окружающим ее мхом, и перестала дышать. Она не хотела взлетать. Ведь весна пришла такая ленивая и сонная, она так мало дарила тепла большому лесу, что детишки рябушки, еще затаившиеся в яичках, конечно, могли бы замерзнуть без материнского тепла, но Он шел прямо на нее. Шел и всем своим видом угрожал раздавить ее прямо на гнезде. Ее и ее детишек! Она надеялась, что Он свернет, пройдет мимо..., пусть и совсем рядом, но мимо..., но Он не сворачивал. Он шел прямо на ее домик... И когда его огромная лапа в очередной раз взмыла в воздух, чтобы через мгновение опуститься прямо на нее и еще не вылупившихся из яичек ее деток, рябушка поняла: это все! Это — конец! Конец жизни не только ее неродившимся

деткам, но и ее самой. И она уже никогда не сможет увидеть теплое солнышко, никогда не услышит призывный свист удалого кавалера, зовущего ее в счастливую волшебную даль. Никогда не поведет своих подросших птенчиков по ягодным зарослям, не сможет рассказать им, как прекрасен мир, вообще никогда не сможет породить новую жизнь в этот мир, — и она... взлетела. Взлетела из-под самой ноги двуногого чудовища, опускающейся прямо на ее гнездо!..

Но чудовище прошло мимо. Может, оно и испугалось взлета рябушки и не наступило на ее домик. Может, была еще какая-то причина, но гнездышко рябушки осталось целехоньким! И все яички в нем тоже! Но рябушка в него не вернулась... Ни через пять минут после прохода Двуногого, ни через десять, ни через полчаса. И даже ни через час!..

Двуногие закончили свое воркование возле холмиков со столбиками, позалезали в круглоногие страшилища и исчезли из глаз. И все вокруг затихло.

Но до самого последнего момента, еще до того, как страшилища заревели и стали расползаться, рябушка так и не вернулась на гнездо. А ведь прошло больше часа... Наверное, она решила, что пусть лучше будет, как в первый год, когда ее неродившихся деток съела лиса, а сама она все-таки потом явила миру двух маленьких рябушек, пусть и поздних. Может, она подумала, что пусть так же будет и в этот раз. Зато на будущий год она сможет дать жизнь целому семейству рябчиков. Как это было год назад... Ведь минувшей весной их появилось целых десять штук! И все благополучно поднялись «на крыло». И рябушка не вернулась...

...Милая моя рябушка! Серенькая моя красавица птичка! Это — я! Это я шел по той самой тропочке сквозь непролазные заросли шиповника и прочей лесной чащобы, где никто никогда не ходил! Ты была абсолютно права, выбрав это место для своего гнездышка! Это действительно самое безопасное место во всем лесу: в десяти метрах от дороги и в двадцати метрах от старого деревенского кладбища, на которое иногда — раз-два в году — съезжались с самых разных уголков России еще живые родственники умерших жителей громадной русской деревни, которая погибла тридцать лет назад. Вот и я тоже: две с лишним тысячи километров преодолел, три государственных границы пересек, пока доехал. Съезжались, чтобы почтить память предков своих, сидя за оградками возле их могил. Съезжались, чтобы показать своим детям где похоронены их бабушки и дедушки, дядюшки и тетюшки. Они прибирали могилки своих родных и выкидывали мусор в большую кучу, расположенную на старой просеке, по которой когда-то — лет сорок назад — шла линия телефонной связи. И они никогда не шагали дальше этой кучи — ты была права, рябушка, выбрав это место для своего гнездышка. И я бы не пошел тоже, но рядом с могилой моей мамы проросли молодые веточки шиповника. Они были лишними на могиле, их нельзя было оставить, и я выдрал их. Но они были еще очень молоды. Они еще только начинали жить и выдрались легко вместе с молодыми корешками. И мне стало жалко их... Ведь они же ни в чем не виноваты, они так хотели жить и радоваться жизни. Дарить витаминные ягодки, наконец! И я решил отнести их подальше, в глубь леса, чтобы там прикопать. Не просто выбросить на ту самую кучу как мусор, а пересадить. И я перешел за ту кучу...

Но я не наступил бы на тебя, рябушка!!! Тебе показалось, что моя нога была занесена над тобой и твоими не родившимися еще детками — не было этого! Даже если бы я тебя и не заметил, если бы даже ты и не взлетела, то нога моя опустилась бы рядышком с твоим гнездышком. Пусть и близко, пусть и всего-то сантиметрах в тридцати, но я бы НИКОГДА не наступил на твой домик, ибо он был на холмике, покрытом мхом. Моя же еле заметная тропочка проходила рядом с этим холмиком...

Мне очень жаль, рябушка, что так получилось, и ты испугалась. Но я не мог выбросить молодые побеги шиповника на кучу мусора: они тоже хотели жить! Я прикопал их под деревья, занеся их подальше в лес. Я думал, что увижу тебя на обратном пути, но увидел только яички. Какая же они прелесть!!! Я, конечно, сфотографировал их; ведь это такая красота — гнездо рябчика и одиннадцать очаровательных яичек-детюшек в самой его середине!!! — но я не причинил им НИКАКОГО вреда! Я даже не потрогал их, чтобы не напугать тебя окончательно, но ты не вернулась. Даже по истечении часа яички так и оставались лежать никем и ничем не прикрытые, хотя близко к ним я уже не подходил, дабы тебя не напугать. Ведь ты, наверное, наблюдала за мной, притаившись в ветках деревьев...

А потом мы все уехали. Погрузились в тракторные телеги — кроме всепроникающих «белорусиков» на кладбище по дороге, в грязи которой колеса телег утопают по самый верх, ни на чем не пробраться — и уехали. Тебе больше никто не мешает, рябушка. И уж точно никто не испугает в этом году! Ведь День Святой Троицы бывает лишь раз в году. Возвращайся, рябушка, успокой душу! Согрей яички своим теплом. Ведь они так нуждаются в материнском тепле — твои еще не родившиеся детки! Может, еще не поздно... И храни тебя Господь! И тебя, и твоих деток! Целых пять дней просил тебя об этом мысленно, пока возвращался в свой нынешний дом. Теперь прошу и со строчек.

КИЕВСКАЯ ОСЕНЬ

Прозрачная приходит осень,
Контора пишет, ветер носит.
Бунтует пламенный грузин.
Здоровый дух в астральном теле
Встать не торопится с постели,
Хлебнувши холода низин.

В кострах, как ведьм, сжигают листья.
Любовный пыл стихает быстро,
Блажен, кто ближним не любим.
Его бесплодная природа
Не увядает год от года
И равноангельна, как дым.

* * *

Море не замерзает, не застывает лава.
Кролики косоглазо пелятся на удава.
Алая вспышка слева. Противогаз натянут
Вязаный. Это — вышка, то есть последний раунд.

Ветра тупая бритва щеки пойдет утюжить.
Палой листвы молитва шорохом Богу в уши.
Время прощальных взглядов и шерстяных фуфаяк.
Сны отлетают к югу. Прошлого не бывает.

* * *

Из жизни белковой — в тихую плазму звезд,
Туда, где новый колхоз и приют отныне,
А ты не сеятель более, а компост,
Перегнивающий в призрачной Украине.

Быть и не быть — синхронно решать Вопрос,
Будучи с точки зрения — точкой света.
Взирая на Землю просто как на курьез,
Не узнавая, что это за планета.

Андрей Гушин — поэт, главный редактор международного литературно-художественного альманаха «Новый Гильгамеш». Автор поэтических книг «Атлантические песни» (М.: Траверса, 1999), «Солнечный остров Буян» (М.: Водолей, 2012). В 2012 году на сцене Киевского центра современного искусства М17 поставлен спектакль по поэме «Атлантические песни». Публиковался в журнале «Крещатик». Живет в Киеве.

* * *

Молиться за тебя ништяк!
Почуяв бездну селезенкой,
Тысячелетнею слезенкой
Все не умоешься никак.
Так от Пуруши до Таро
Какая жизнь тебе досталась?
Один конфуз, сплошная жалость,
О богоизбренный народ!
И лик нечист, и стан согбен.
По волшебству, по мановенью,
Поди, по щучьему веленью
Ужо поднимешься с колен.

* * *

Никто отселе не уйдет обиженный,
Забит землею удивленный рот.
Танатонавт повитый и остриженный
В последний устремляется полет.
Влечет его бесклассовость вселенская.
Звезда с звездой по скайпу говорит.
У Леди Гоги — киберпанка Мценского —
Юпитер вылезает из орбит.
Не поминайте всуе убиенного,
Напрасные тревоги отпустив.
Он постоянным стал из переменного,
Запитанным от мировой сети.

* * *

Я имя твое позабыл, затуркан,
Река Смородина плещет в днище.
Звучат хоралы «Централа», «Мурки»,
И соловейка свищет.

Лакаю жадно из пляшек малых
В плену фантазий угрюмых, низких,
Как дервиш в рубище обветшалом,
И жду записки:

«Гарун аль-Рашид! Вызывает „Центр“,
Немедленно в путь — вы нужны Багдаду!»
Но лунные руны трачены ветром
И виноградом.

КРАСНЫЕ ПРЕСНИ

Выкинешь слово из песни,
Сядешь, бывало, к окну,
В гости на красные пресни
Не зазовешь ни одну.

Пусто свинцовое небо,
Сброшен ненужный балласт.
Был на Москве или не был
Отрок патлат и скуласт?

Будто бы вовсе и не жил
На изобильной земле
К белым отчаливший вежам
В черном своем корабле.

Елена ШУВАЕВА-ПЕТРОСЯН

УМРУ ЗА ТЕБЯ, ЕНОК!

Рассказ

Всю ночь молодой жеребец Енок нервничал. Не стоялось и не спалось ему спокойно в деннике, хотя луна была тиха, ни одно облачко не омрачало ее бескровного лика, хотя деревья замерли в своей сонной истоме, еще вечером распрощавшись с дерзким горным ветром, разгоняющим остатки дневного зноя, и даже в непроходимых лесах, увивших треть высоты гор, затихли звери и замолчали птицы.

Нет, Енок не ржал (лошадь подает голос лишь в момент крайнего возбуждения), слишком велико было его уважение к хозяину — не хотел он тревожить Васака, вымотанного дневной работой на винограднике, но фыркал, перебирая копытами, будто бы отбрыкивался от кого-то, призрачного и опасного. Ничего подобного не происходило с лошадьми в соседних денниках. Они, обеспокоенные, лишь изредка переваливались с боку на бок или вставали и, чуть-чуть потоптавшись на месте, пожевав свежую, но обезвоженную солнцем траву, снова укладывались на свои лежбища, не понимая, что же может тревожить этого статного нисейского жеребца Енока. А его уши, торчащие кверху, явно выдавали неприятные ощущения и страх. Но явной опасности рядом не было. Они бы тоже почувствовали...

Едва забрезжил рассвет, а туман затаился в ложбинках гор, особенно сгущаясь в мрачных ущельях, как Васак деловито распахнул двери денника и подошел к своему любимцу.

— Красавец! — погладил он по истомленной ночным беспокойством голове Енока. Жеребец вздрогнул, потрянул гривой, цокнул копытами и издал бархатистыми ноздрями радостный звук — мол, приветствую тебя, мой хозяин. Васак, держа уздечку, освободил пристегнутый повод, расстегнул подбородный ремень, затем ловко перекинул повод на шею и, обхватив одной рукой массивную голову лошади, прижал нащечные ремни к носу, а другой вложил в рот Енока удила. Когда жеребец приоткрыл губы, Васак убедился, что тот крепко захватил железо зубами. Мужчина потянул уздечку вверх, закрепив суголовный ремень на затылке лошади, проверил, проходит ли между шеей лошади и подбородным ремнем кулак, чтобы, не дай бог, не удушить любимца, ласково расправил гриву и вывел Енока на простор. Мастерски водрузил и закрепил седло. Каждая лошадь должна носить свое седло — это неписаный, но выполняемый всеми конниками закон, ведь седло «разнашивается» под спину лошади так же, как ботинок изнашивается под ногу человека. Разве приятно человеку в ма-

Елена Алексеевна Шуваева-Петросян родилась в селе Большой Морец Волгоградской области. Член Союза писателей Армении и Клуба писателей Кавказа. Лауреат Международного литературного конкурса «Мир без войны и насилия» (Польша, 2011, 2013). Лауреат журналистского конкурса «Мирное будущее Кавказа» (Россия, 2012). Дипломант XII Волошинского конкурса — второе место в номинации «Журналистика» (2014). Участница Форума молодых писателей России и зарубежья (2009, 2011—2014). Координатор Фестиваля молодых писателей в Армении (Фонд СЭИП). Составитель сборников «Армянские мотивы. Армения в творчестве современных поэтов разных стран» (2013), билингвы «Буквы на камнях» (2013), сборника рассказов современных армянских русскоязычных писателей «Тени бытия» (2017). Живет в Армении.

лой или великой обуви?! Нет! И коня нужно уважать. Посему Васак приобрел добротное, повторяющее изгибы спины Енока седло, которое сидело на нем как влитое, не зажимая трапецевидную мышцу, не врезаюсь в ткани, мешая отводить лопатку назад и не болтаясь, давя лукой на холку. Закрепив седло, хозяин вывел Енока за ворота денника, взял со скамейки приготовленную женой Асмик котомку со скромной пищей, ружье, которое всегда брал с собой на всякий случай — встречи с волками в этих местах были нередки, и хотя они днем обычно не нападают, но мало ли... Отцепив повод от крючка на заборе, Васак ловко запрыгнул на жеребца, и они ровным шагом направились к предгорной равнине. Васак сидел прочно и уверенно, слегка прижавшись бедрами к седлу, Енок шел в спокойном аллюре. Жеребец и хозяин были в гармонии друг с другом, в гармонии с природой. Они оба одинаково любили эти ранние моционы, когда в молчании человек и жеребец понимали друг друга, лишь чувствуя пульс. Но в это утро от Васака не скрылось легкое напряжение Енока. «Может, ночью волки подходили к дому?» — мысленно себя спросил мужчина, но тут же отбросил эту думку, поскольку если бы эти головорезы пробрались во двор, то собаки подняли такой шум, что он, Васак, наверняка бы услышал, ведь сон хозяина подворья всегда чуток. Нет, видно, дело не в волках, но тогда в чем... Мужчина не мог понять...

Через час Васак привязал Енока к колышку недалеко от своих богатых виноградников и занялся работой. Хоть летний день и долог, но работы непочатый край. Уже вершина Сиса слегка припорошена снегом, говорят виноградари Араратской долины, плоды первого урожая «сынами Солнца» — «ареворди» в знак благодарности Творцу отнесены в храмы, освящены, пора собирать урожай, как это делал отец Васака, его дед, его прадед, как это делал сам прародитель Ной. И тогда машины, доверху груженные виноградом, истекающие сладким соком, направляются длинной цепочкой к винным заводам... Картина, радующая сердце каждого виноградаря!

А в пещерных «каратаках»¹, в которых в позапрошлом веке проживала значительная часть населения Сюника, в северо-западной части долины реки Вараракн, в ущелье темных катакомб, положив большую морду на мощные лапы и слегка прикрыв глаза, дремал голодный волк Башибузук. О его жестоких вылазках знали все жители окружающих поселений. Ярко-охристый Башибузук был силен, ловок, хитер и беспощаден. Но этой ночью он не смог войти в Горис. Потоптался в округе, глядя сверху на тихий поселок, и ушел обратно к «каратакам». Его психическая развитость помогала ему ориентироваться в обстановке и уходить от опасности. Он часто охотился один, без стаи, и никогда не брал жертву измором, шел смело и прямо, глядя животному в глаза.

Таков был его прием! Он не был пришлым и жил в стае из двадцати особей, хоть и не альфа-самец, но находился в иерархии старших и пользовался особым почетом. Что этой ночью остановило волка, не позволило войти в поселок, он не мог точно определить, а сейчас он, беспощадный Башибузук, мучается голодным желудком, а дневной свет неприятно режет глаза, раздражая и так беспокойную нервную систему. Может, это сказывается возраст и какие-то непонятно откуда появившиеся страхи... Его самка Басар, дочь легендарной Асены², покинула этот свет несколько лет назад, после ее смерти Башибузук так и не обзавелся новой партнершей — как-то это не особенно принято у волков. После смерти Басар он все чаще стал задумываться о том, что и ему осталось не так много, что и его дни сочтены... И вот в эту ночь он не вошел в поселок: призрак смерти промелькнул перед его глазами.

В этих мыслях Башибузук промучился до обеда, а потом вышел из прохладной пещеры и неспешным шагом побрел к долине, за которой раскинулись виноградники

¹ Каратаки — пещерные жилища.

² В турецкой мифологии существует поверье о том, что гоктюрки пошли от волчицы по имени Асена.

Васака. Туда, где пасся нисейский красавец Енок. Он просто шел, без надежды когонибудь зарезать, но с чаяниями встретить гнездо какого-нибудь тетерева или ослабевшего зверька, не побрезговал бы Башибузук и остатками добычи других волков или падалью овцы, коровы, лошади. И тут его острый слух уловил редкое легкое пофыркивание Енока. Волк остановился, напрягся, его обоняние уловило тонкий и приятный запах конской плоти. Почувствовав сладковатый вкус свежей крови, Башибузук поспешил к Еноку. Едва завидев волка, жеребец издал резкий звук — нет, это не страх сподвиг его на этот поступок, Енок предостерег хозяина, что рядом опасность. И Васак понял своего питомца, но не испугался, не сбежал, а схватив двустволку, со всех ног рванул к Еноку. В тот момент, когда волк, сделав красивый прыжок, вцепился в горло жеребца, Васак метко выстрелил из ружья. Пригодилось-таки, родненькое! Башибузук упал замертво, его мощные лапы еще некоторое время подергивались в нервных судорогах, будто бы волк хотел на них встать, но раненая голова была слишком тяжела и прикована к земле. Призрак смерти остановился в его остекленевших глазах.

Из горла Енока билась кровь, Башибузук, вырвав кусок плоти, слегка задел восходящую глоточную артерию, но, слава богу, не коснулся ствола сонных артерий, направляющих кровь к голове. Васак, одной рукой зажав резвую струю крови, достал из кармана старенький сотовый телефон, перетянутый скотчем, и судорожно начал набирать номер соседа Ераноса, который, окончив Зооветинститут в Ереване, открыл свою ветлечебницу в поселке, а также выезжал на вызовы в окружные села. Енок мужественно терпел боль, не издавая ни звука, он ловил взгляд своего хозяина и будто бы говорил: «Не беспокойся, Васак джан³, все будет хорошо!» И Васак успокаивался. Он знал, что лошади даже умирают тихо, но глаза Енока внушали ему добрый исход. И он верил.

Скоро подкатил Еранос на своем запыленном дряхлом еразике, за ним Галуст на грузовой машине, в кузов которой набилась целая дюжина шумных мужиков. Еранос быстро обработал рану, сделал укол Еноку, а мужики, откинув кузов и осторожно передвинув жеребца на крепкий полог, поднатужились и затащили раненого в машину, чтобы отвезти в поселок, в денник Васака.

Васак денно и ночью находился рядом со своим любимцем. «Кмернем кез⁴, джан! Кмернем кез! Умру за тебя, Енок!» — повторял он, поглаживая роскошную гриву жеребца. Васак никогда не называл своего любимца скотиной. Еще с колыбельки он помнил чудесную сказку об Огненном Коне и Огненном Мече, которую ему часто рассказывала майрик⁵. С тех пор для него конь — это верный друг и гордость горца. Что еще нужно для горца, кроме как хурджин⁶ золота, хороший конь и сабля.

Часто Васак вспоминал и героя армянского эпоса «Давид Сасунский» Мгера, который ушел в скалу, потому что «мир на кривде стоит». Но все-таки дважды в год — в Праздник роз и Вознесение Господне — Мгер Младший выходит из скалы и скачет вокруг нее на своем волшебном коне-исполине Джалали, проверяя, выдерживает ли земля его вес. Пока его конь ступает по скалам, он держится твердо, но как только он ступает на землю, его копыта вязнут. Тогда Мгер, видя, что земля не держит его, снова уходит в скалу. В пещере Мгера вечно горит лампада и вечно вертится колесо — по легенде, когда лампада погаснет, а колесо остановится, ему придет пора покинуть пещеру. Погруженный в мысли о своем питомце и его могущественных потомках,

³ Джан (арм.) — милый, дорогой.

⁴ Умру за тебя.

⁵ Майрик (арм.) — мать.

⁶ Хурджин (арм.) — сумка, сотканная ковровой техникой из разноцветных шерстяных волокон и украшенная бубенчиками.

Васак не отходил от Енока. Прислушивался к его мерному дыханию и старался угадать, что снится любимцу.

Крепкий и молодой Енок, на радость хозяина, недолго болел, рана быстро затянулась, и жеребец встал на ноги. Встал на ноги и заржал радостно и протяжно, вскинув хвост. И теперь уже их утренние прогулки совершались бок о бок — Васак и Енок молча шли рядом друг с другом. И снова они были в гармонии. Мужчина возобновил работу на своем винограднике, но жеребца уже прибавал поближе к участкам. Галуст, который помог на грузовике перевезти Енока и участок которого располагался рядом с виноградником Васака, разрешил прибавать коня на своей территории — мол, у меня лишь там разнотравье и пасака, разве Енок помешает, вряд ли он вытопчет всю траву. Так и порешили. И прибил Васак к колышку своего Енока на пути лета пчел к медоносам... Но если бы тогда он знал, какой рок кроется в этом, если бы он почувствовал, как чувствовал Енок... А Енок продолжал вести себя беспокойно, отбрыкивался от призрачной опасности и тихо фыркал.

В тот день, когда на Енока напал рой пчел, Васак был совсем рядом, но оказался совершенно беспомощным в ситуации. Жеребец лишь издал короткое ржание, опять же предупреждение, и повалился на бок, отбиваясь копытами от назойливых насекомых. Был бы он не на привязи, после первого же укуса понесся бы прочь от этих сволочей, но нет, он был привязан и этим был обречен. Пчелы, суетясь и жужжа, облепили его морду, шею, тело, они набились в ноздри и рот, которым Енок судорожно ловил горячий воздух. Васак ринулся к жеребцу, сначала попытался расправиться с насекомыми — не махал, а рубахой давил их на теле своего любимца, но каждая убитая пчела выделяла в воздух особое химическое вещество, которое было сигналом тревоги для других ее сородичей, которые тут же поспешали к ней на помощь и начинали роиться на теле Енока... Все тело и лицо Васака тоже покрылись пчелами. Он уже с трудом дышал, его покидало сознание, но, собрав последние силы, мужчина подполз к колышку, к которому был привязан жеребец, и попытался его выдернуть — тот, как назло, засел так крепко в каменистой почве, что даже не двигался.

Васака и Енока, лежащими на земле, обнаружил Галуст во время вечернего объезда своих территорий. Если у человека еще теплилось легкое дыхание, то жеребец был холоден. Они лежали рядом друг с другом. Бок о бок. Галуст срочно отвез Васака в больницу, где тот, в состоянии полусмерти, пролежал под капельницей несколько недель. Енока местные мужики, не могущие остаться равнодушными к чужой беде, не выкинули, как падаль, за околицу, памятуя безмерную любовь хозяина, а похоронили у ущелья, недалеко от виноградника Васака. Ветеринар Еранос сказал, что шансов выжить у жеребца практически не было: пчелы искусали всю голову, попали в несколько кровеносных сосудов, изжалили полость рта, что стало причиной опухоли глотки и смерти от удушья. «Слава богу, хоть Васак выжил», — решили местные жители, расценивая, что уж лучше пусть конь умрет, чем человек, их сосед, их земляк. Так горя меньше! И поднять на ноги пятерых детей без мужика вряд ли бы смогла хрупкая Асмик.

А Васак, едва придя в себя, покинул больничные застенки. Каждый день он корил себя, начиная утро с похода в пустующий, но еще хранящий до боли родной конский запах денник. «Кмернем кез! Умру за тебя, Енок! — с горькой иронией повторял он. — Вот и умер! Кто за кого?!» Асмик решила, что муж ее совсем помешался на жеребце. Не ест, не пьет, все время что-то бормочет себе под нос или молчит. Сколько ни пыталась она разговорить его, утешить, не удавалось — Васак был отрешен и сух с ней. А когда к нему заглянул обеспокоенный Галуст и тихо спросил: «Как ты, Васак джан?», Васак невпопад ответил: «Я спас его от беспощадного Башибузука, а от маленькой пчелы не смог». И тихо, скупно, по-мужски, заплакал...

Вера КАЛМЫКОВА

* * *

Назначить заместителем тебя
любую вещь — и целовать, и гладить,
с такою нежностью,
чтоб уж ее не чуют,
чтобы молчанье наполняло жизнь.
Как много сил!
Круговорот в природе,
земля оборотится вокруг оси —
и завтра в тот же час я обнаружу
себя вчерашней в зеркале тебя.
Пространство сна.
Ты в комнате соседней.
Мы так близки — и так отдалены.
Будить тебя не стану.
Ты со мною.
О том, что я с тобой,
не знаешь ты.
Мы слиты, спаяны,
рассудку вопреки
и вечности на радость. Бесприютны,
пусты, легки —
и мыльным пузырем
двойным переливаемся в эфире.
Разлука тоже связывает нас.
Ведь расставанье все-таки с тобою,
не с кем-то посторонним. Где б ты ни был,
ты здесь, за стенкой, в комнате соседней,
мы воздухом одним с тобою дышим
и любим так, не чувствуя любви.

* * *

Уже два года празднует душа
не то провал, не то новорожденье.
Уже два года испытанье длится,
попытка или пытка — кто поймет?
Уже два года в самый черный ужас
приходят мне от Господа подарки:
внимание людей, приязнь и дружба,
успех в делах, смягчение страстей...

Вера Владимировна Калмыкова родилась и живет в Москве, поэт, кандидат филологических наук, редактор, автор научных и научно-популярных книг и статей.

И только взвоешь — как, всегда неожиданно,
случится нечто странное, большое,
и вновь окрылена, и вновь надеюсь,
и кажется: все сбудется, придет.
А нет — себе бормочешь в утешенье:
не выдержу, сломаюсь, не дойду,
и честные Любовь, Надежда, Вера
спешат на помощь, шепчут: «Потерпи...»

И к этим праздникам, и к этой муке
привыкнуть невозможно...

* * *

Пустая, обделенная, чужая,
я думала:
отделена от мира
прозрачной, но прочнейшей завесой.
Не жалко — странно:
как живой — не жить?
Я плоская.
И мир мне
параллелен.
Как будто кто-то составляет списки
и вот однажды вычеркнул меня,
и я теперь нигде не обнаружусь.
Но исподволь и как-то незаметно
я обрела объем и даже форму,
хотя ни биографией, ни мифом
не посчастливилось
обзавестись.
И есть пять чувств — уже совсем немало,
пять оснований — вжиться в мир на ощупь,
и побуждает каждое:
люби.

* * *

Иногда сбывается то, чего никогда не хотел,
о чем не просил, замирая.
Угадав в тебе свою сбежавшую тень,
я узнала: живая.

Иногда отраженье и образ слиты,
но никогда насовсем.
Одолеют сомнений сонмы —
и грозит распад. По счастью, эфирная сеть
сплетена на совесть.

Мы глядим друг на друга, не поднимая век.
Две частицы пазла ручаются: пазл хорош.
Что с того, что один человек
иногда у другого проходит?
Ты у меня не пройдешь.

* * *

И мне уже не хватает меня самого.
Осип Мандельштам

Я хочу написать стихи,
длинные, долгие, как разлив реки —
так обычно пишут мужчины.
У них, наверное, в легких такой объем,
что и без воздуха могут выдохнуть водоем
для священного плаванья следствия и причины.

Катится, наливаясь, речь,
в русло свое умеющая вовлечь
все, что в другом потоке — бедно, стыдно, убого.
И красота выходит на первый план,
и накрывает волною любой изъясн
самодостаточность гулкого русского слога.

Я хотела бы думать строфой, стихом,
начиная рассказ, заканчивать о другом,
идти за свободной темой, как пахарь за плугом,
разве что направляя ее слегка,
дожидаясь попутного ветерка,
чтобы плуг обернулся парусом, вздымающимся упруго.

Но что поделаешь — гендер. С дыханьем беда,
и себя не хватает не «уже» или «иногда»,
а вообще — ни для выдоха, ни для вдоха.
А если речь течет, то смыкает себя саму,
и оболочки слов оттягивают суму,
и всякий смысл обманывает, пройдоха.

* * *

Готический собор —
корабль вверх дном:
киль перевернут,
ребра наизнанку.
Там верх и низ
меняются местами,
чтоб можно было
в небо — уплывать.

Евгений БЕРКОВИЧ

ДВУЛИКИЙ ВОЛШЕБНИК

Ранние новеллы Томаса Манна и вопросы литературного антисемитизма

Томас Манн и еврейский мир

В отечественном литературоведении еще со второй половины XX века Томас Манн представляется убежденным антифашистом, непримиримым борцом с националистическими предрассудками, прежде всего с антисемитизмом и расизмом. Наиболее полно эта сторона характера и особенность творчества писателя отражены в сборнике *«Томас Манн о немцах и евреях»* [Дымерская—Фрадкина, 1990]. В этом сборнике представлены и острые антигитлеровские памфлеты, и пламенные обращения к немецким слушателям с критикой нацизма в годы Второй мировой войны, и обличения антисемитизма в Мюнхене, и полный горечи доклад *«О гибели евреев Европы»...*

Примерно так же обстояли дела до недавнего времени и на родине Томаса Манна, где его по праву считают одним из столпов немецкой культуры и где ежегодно выходят десятки книг, проводятся многочисленные семинары, конференции, посвященные жизни и творчеству Волшебника, как его называли в семье. Любые сомнения в безупречной репутации нобелевского лауреата по литературе и в отношении к нацистской Германии, и в отношении евреев долгое время рассматривались как злейшая крамола и попытка подорвать авторитет человека, считавшегося символом «новой Германии» как в ФРГ, так и в ГДР. Общее мнение, господствовавшее в немецкоязычном литературоведении того времени, выразил известный издатель, писатель и литературный критик Мартин Флинкер (Martin Flinker) в книге *«Политические размышления Томаса Манна в свете сегодняшнего времени»*:

Связывать имя Томаса Манна с антисемитизмом — значит его совсем не понимать, его совсем не знать и отрицать ценность его работ [Flinker, 1959].

Евгений Михайлович Беркович — публицист, историк, издатель. Окончил физический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат физико-математических наук, доктор естественных наук (Германия). Создатель и главный редактор журнала «Семь искусств» и ряда других сетевых изданий. Автор книг «Заметки по еврейской истории» (М., 2000), «Банальность добра. Герои, праведники и другие люди в истории холокоста» (М., 2003), «Революция в физике и судьбы ее героев. Томас Манн и физики XX века» (М., 2017), «Революция в физике и судьбы ее героев. Альберт Эйнштейн в фокусе истории XX века» (М., 2018) и др. Публиковался в журналах «Нева», «Новый мир», «Знамя», «Иностранная литература», «Вопросы литературы», «Человек» и многих других изданиях.

Положение изменилось в XXI веке. Первый коллоквиум по теме «Томас Манн и евреи» прошел в Берлине в 2002 году, почти через пятьдесят лет после смерти писателя. Оказалось, что наряду с «убежденным филосемитом», как писатель назвал себя в эссе «Решение еврейского вопроса» [Манн, 1974], есть другой Томас Манн, который рисовал в художественных произведениях персонажей-евреев, как правило, только черными красками, допускал в спорах с литературными оппонентами-евреями грязные антисемитские ярлыки и штампы, а первые законы Гитлера, направленные против евреев, воспринимал с одобрением, находя в них рациональное зерно...

Тема «Томас Манн и еврейский мир» перестала быть запретной. Ей посвящены, в частности, мои статьи, опубликованные в течение последнего десятилетия в «Заметках по еврейской истории» [Беркович, 2007], в журнале «Студия» [Беркович, 2008], в «Иностранной литературе» [Беркович, 2011], «Вопросах литературы» [Беркович, 2012], «Неве» [Беркович, 2016а] и других литературных и литературоведческих журналах.

Приходится признать правоту Голо Манна, сына писателя, утверждавшего, что от антисемитизма его отец «никогда не избавился (*его брат тоже нет*)» [Golo Mann-Rapiski, 2000, с. 76].

Предлагаемая читателю работа продолжает тему литературного антисемитизма, начатую статьей в «Неве», №5 за 2016 год [Беркович, 2016].

В плену стереотипов

До встречи с Прингсхаймами никакого серьезного опыта общения с евреями у Томаса не было. В любекской гимназии имени Катаринины с ним учились три мальчика-еврея, о которых он писал в очерке 1921 года «К еврейскому вопросу» [Манн, 1974а], но сын городского сенатора, патриций, не имел с ними почти ничего общего. В городе жило всего шесть сотен евреев, и вне школы особых контактов с ними будущий писатель не имел.

Тем не менее «Кровь Вельзунгов» — вовсе не первый текст Томаса Манна, в котором появились евреи. Неудивительно, что в ранних новеллах Томаса Манна образы евреев, как правило, умозрительные, в их создании использованы распространенные штампы, клише и юдофобские предрассудки. В реальный мир богатых и образованных евреев Мюнхена Томас погрузился только после знакомства с Прингсхаймами и их окружением.

Показательна новелла «Воля к счастью» («Der Wille zum Glück») [Манн, 2011а], написанная в том же 1896 году, когда автор еще сотрудничал с журналом «Двадцатый век». Герой новеллы, болезненный юноша Паоло Гофман, знакомит рассказчика с отцом любимой девушки, бароном Штайном, который представляет так называемое «денежное дворянство»:

Барон вел дела на бирже, раньше имел в Вене огромное влияние, вращался исключительно среди их сиятельств и тому подобное... Потом вдруг ударился в декаданс, вышел из дела — поговаривают, примерно с миллионом — и вот живет здесь, пышно, но со вкусом [Манн, 2011а, с. 45].

Богатый парвеню сразу вызывает подозрение: не еврей ли? Паоло пытается смягчить впечатление о бароне:

Он вроде нет. Жена скорее всего да. Впрочем, могу только сказать, что в высшей степени приятные, утонченные люди [Манн, 2011а, с. 45].

Тем не менее автор новеллы достаточно бесцеремонно намекает читателю, что барон — крещеный еврей:

По его наружности нельзя было с уверенностью определить, принес ли он в жертву баронскому титулу несколько слогов фамилии [Манн, 2011а, с. 45].

Как обычно, о финансовом успехе евреев свидетельствует какое-нибудь дорогое украшение, в случае барона это «толстый золотой браслет», который Штайн «с неподражаемой манерой» умел «стряхивать обратно в манжету» [Манн, 2011а, с. 47].

Происхождение жены барона Томас Манн называет прямо и не церемонится при описании внешности:

Супруга <...> представляла собой просто-напросто низенькую уродливую еврейку, одетую в безвкусное серое платье.

И сразу за этим следует характерная деталь, на которую часто обращает внимание Томас Манн в портретах евреев и евреек (можно вспомнить бриллиантовое ожерелье и брошь госпожи Ааренхольд в «Крови Вельзунгов»): «В ушах у нее [супруги барона Штайн] сверкали большие бриллианты» [Манн, 2011а, с. 47].

Внешность дочери Штайна, героини новеллы баронессы Ады, тоже представлена в новелле набором штампов:

Лицо с полными влажными губами, мясистым носом, над которым дугой выгнулись мягкие темные брови, хотя и не оставляло ни малейших сомнений относительно ее, по крайней мере частично, семитского происхождения, отличалось весьма необычной красотой [Манн, 2011а, с. 46].

Эта томно-чувственная девушка со «зрелыми для ее возраста формами» и «блестящей чернотой волос» вызвала в Паоло необыкновенную страсть. Но и сама Ада не осталась равнодушной, любовь утонченного юноши зажгла ее ответное чувство. Любовь к Аде поддерживает в Паоло стремление жить, без любви он бы умер, болезнь давно живет в нем. Теперь же он излучал спокойствие и энергию. «Он напоминал <...> изготовившуюся к прыжку пантеру» [Манн, 2011а, с. 48]. Пять лет барон был против брака дочери с бедным и нездоровым художником, но видя, что чувства молодых людей не угасают, дает согласие на брак. Наконец влюбленные смогли соединиться. Паоло торжествует. Но счастье было недолгим: молодой муж скончался наутро после свадебной ночи, можно сказать, в самую свадебную ночь. Воля к счастью, которой он был жив все последние годы, исполнилась, «у него не было больше предлога жить» [Манн, 2011а, с. 58].

В целом еврейская семья Штайн описана не так негативно, как можно было бы ожидать по первым фразам новеллы. Происхождение Ады отошло на задний план. Она показана просто любящей и страдающей женщиной, поклявшейся в верности своему больному возлюбленному и сдержавшей клятву. Барон в конце повествования проявил отцовскую любовь и сострадание к мучениям дочери. Зачем же вообще понадобилось автору делать героиню своей новеллы еврейкой? По-видимому, для того, чтобы придать образу женщины, охваченной любовью и ради нее готовой на все, дополнительный колорит. Жаркий римский ветер, раздувающий страсть Паоло, насыщается пряными ароматами цветущей пустыни, а сама Ада, в соединении с которой молодой художник видит залог счастья, выглядит волшебницей Востока.

Независимо от того, позитивно или негативно описываются евреи у Манна, все они невысокие, приземистые, с черными глазами и густыми волосами, у них полные

выпяченные губы, нос крючком, который нависает над верхней губой. Как правило, они уродливы, особенно женщины в преклонном возрасте. Так показана жена Барона Штайна, мало от нее отличается и супруга Ааренхольда из «Крови Вельзунгов». Исключением являются молодые, обольстительные и чувственные женщины, вроде Ады Штайн или Зиглинды Ааренхольд.

Существенной чертой евреев, фигурирующей во всех антисемитских стереотипах, является тяга к богатству, предпочтение материального духовному, банальная алчность. В новеллах Томаса Манна эта черта проявляется в вызывающе роскошных украшениях из золота и бриллиантов, которые евреи и еврейки носят без вкуса и меры, явно отличаясь этим от скромных немцев.

Эти клише, распространенные среди современников писателя, изображали очень узкую прослойку разбогатевших торгашей и банкиров, но по умолчанию переносились на всех евреев, служили их «визитной карточкой», по ним читатель безошибочно определял, о ком идет речь.

Когда юный Томас Манн описывал представителей немецкой буржуазии, купцов, промышленников, он знал, о ком пишет, ведь сам писатель вышел из их среды. И образы их выходили из-под его пера живые, с характерными для каждого чертами и особенностями. С евреями же он был практически незнаком, почти с ними не встречался, поэтому широко использовал ходячие стереотипы и штампы, не сомневаясь в их достоверности. Из богатого репертуара антиеврейской традиции он выбирал заготовки, которые легко узнавались воспитанными в этой традиции читателями. Писателю не нужно было прямо указывать происхождение героя, достаточно привести знакомую публике его характерную черту, вроде крючковатого носа или картавости речи, и все понимали, о ком идет речь. При этом бедность фактического материала, имевшегося в распоряжении писателя, приводила к схематичности его еврейских образов, будь это торговцы, капиталисты, врачи, юристы или интеллектуалы.

В написанной в 1903 году новелле «Вундеркинд» (*Das Wunderkind*), в русском переводе названной «Удивительный ребенок», мельком упомянут один из слушателей концерта юного дарования. Слушатель, названный «предпринимателем с носом, как у попугая», постоянно думает о деньгах:

А он, кстати, ловко стрижет купоны. Мест по двенадцать марок продали прилично: это уже шестьсот, плюс все остальное. Если вычтешь аренду зала, освещение и программки, остается недурная тысяча марок чистыми. Вполне можно жить [Манн, 2011b, с. 355].

К распространенным стереотипам в изображении евреев относится и потребительское отношение к культуре, приземленность, сведение высокого искусства на уровень развлечения:

Искусство... — думает предприниматель с носом, как у попугая. — Да-а, ничего не скажешь, привносит в жизнь некоторый блеск, немного звона и белого шелка [Манн, 2011b, с. 355].

Читателю не нужно больше объяснять, кто по происхождению этот персонаж. Три стандартных клише из антисемитского арсенала — крючковатый нос, меркантильность и презрение к высокому, — и портрет еврея готов.

Теми же тремя красками изображен владелец крупного художественного салона, «просторного магазина красоты» М. Блютенцвейг из новеллы «*Gladius Dei*», написан-

ной в 1902 году. Его обхождение с богатым покупателем, собирающимся купить бронзовую статуэтку девушки, выражает заинтересованность в прибыли, превосходящую нормальное желание продать товар: Блютенцвейг, *«потирая руки, суетился вокруг него, нахваливая молодую девушку всеми вокабулами, какие только мог подобрать»* [Манн, 2011с, с. 203]. Внешность хозяина салона, мужчины *«с короткой каштановой бородкой и карими же блестящими глазами»*, тоже лежит в русле стереотипов о евреях. Автор, как водится, обращает внимание читателя на нос персонажа, в данном случае *«нос его чуть распластался по верхней губе, так что он постоянно с легким шипением сопел в усы»* [Манн, 2011с, с. 203].

Меркантильное отношение к произведениям искусства и святым для верующего человека символам страстно обличает юноша Иероним, словно скопированный с портрета Савонаролы: *«Искусство — не бессовестный обман, зазывно подталкивающий к укреплению и утверждению жизни во плоти!»* [Манн, 2011с, с. 208].

Еврей-дельцы, как и члены их семей, крайне неприятны Томасу Манну, и он наделяет их несимпатичными чертами, повторением привлекая к этим чертам внимание читателя. Так мельком изображен Эрвин Иммерталь, сын директора банка в рассказе *«Тонио Крёгер»*: *«кривоногий, с раскосыми глазами»* [Манн, 2011d, с. 274]. Через пару страниц кривые ноги Иммерталя снова упоминаются автором [Манн, 2011d, с. 276].

В изображении Томасом разбогатевших евреев-предпринимателей много общего с «экономическим антисемитизмом» старшего брата времен редакторства в журнале *«Двадцатый век»*.

Нет ничего удивительного, что юного литератора Томаса Манна интересовали деловые люди, представители нового бюргерства, как по-немецки звучало французское слово «буржуазия». Название «бюргер» возникло в немецком средневековье для обозначения городского жителя, занятого каким-то ремеслом. Тогда же определились и качества, присущие «идеальному бюргеру»: трудолюбие, бережливость, любовь к порядку, пунктуальность, честность, чувство долга... Все, что мешало ремеслу, относилось к порокам: лень, расточительство, распушенность, безответственность, прожигание жизни, чтение романов, тунеядство... Оправданием существования бюргера являлись результаты его трудов, выгода, полученная от работы. Каждый день жизни должен быть результативным.

В XVIII веке слово «бюргер» стало наполняться новым содержанием, у него появилось еще одно значение — гражданин. Общество в европейских странах все более становилось гражданским. Бюргер из представителя какого-то цеха, профессионального сообщества, превращался в гражданина государства, обретал политические права. Отсюда уже недалеко до идеалов французской революции — «свобода, равенство и братство» — и Декларации прав человека и гражданина, принятой Национальным учредительным собранием Франции в 1789 году.

Во Франции два смысла изначального бюргерства оформились в самостоятельные слова: буржуа (Bourgeois) как субъект экономики и гражданин (Citoyen) как субъект общества. В немецком языке слово бюргер (Bürger) сохранило в себе оба эти смысла, часто противоречащие друг другу. В зависимости от политических взглядов говорящего это слово могло восприниматься с ностальгией как образец для подражания, а могло критически, и тогда оно заменялось словом «филистер».

Для Томаса Манна, бюргера по происхождению, хотя и оторвавшемуся от этого сословия, идеалы прежнего бюргерства были очень близки. Всю жизнь он стремился к порядку, старался демонстрировать выдержку, хорошие манеры, тактичность, скромность даже в то время, когда жил в богемном районе Швабинг в Мюнхене. В описании любовных переживаний, своих и собственных литературных героев, Томас предельно целомудрен и скромнен. К писательской работе он относился как добросо-

вестный немецкий мастер-ремесленник, не одним талантом, но еще и прилежанием и усидчивостью добивавшийся высокого качества текстов.

Правда, бюргерство Томаса Манна имело одну особенность, связанную с его любекским происхождением. В отличие от большинства немецких городов, «вольный» Любек уже сотни лет управлялся республиканским сенатом, здесь не было единовластного властителя, короля или князя, как в других частях раздробленной Германии. Поэтому революция 1848 года, ограничившая вмешательство в экономику правителей отдельных немецких королевств и княжеств, воспринималась в Любеке с юмором, как давно пройденный исторический этап. И хотя в конкуренции с более успешным портовым Гамбургом Любек становился все более и более провинциальным, правящие кланы, чьи представители входили в сенат, все еще ощущали себя городской аристократией. Пусть, с точки зрения богатых и утонченных Прингсхаймов, «*Будденброки — никакие не господа*», все же Томас Манн гордился принадлежностью к бюргерам-патрициям и как личную трагедию воспринимал распад традиционного бюргерского уклада жизни. Этой болью пронизан его первый роман, хотя автор признает историческую неизбежность новых экономических отношений.

Томас Манн ставил себе в заслугу тот факт, что *«самостоятельно, безо всяких книг, в результате непосредственного наблюдения вытестовал, выносил мысль о том, что современный капиталистический человек заработка, буржуа со своей аскетической идеей профессионального долга является порождением протестантской этики, пуританизма и кальвинизма»* [Манн, 2015, с. 133].

По его словам, лишь спустя годы он познакомился с трудами ученых, которые исследовали источники и составные части капитализма с позиций социологии. Здесь нужно назвать два главных направления. Первое представляли Макс Вебер (Max Weber) и его последователь Эрнст Трельч (Ernst Troeltsch), рассуждавшие о *«протестантской этике и духе капитализма»*, а второе — Вернер Зомбарт (Werner Sombart), трактовавший в книге *«Буржуа» «капиталистического дельца как синтез подвижника, торговца и бюргера»* [Манн, 2015, с. 133].

В первом романе младшего Манна глава фирмы Томас Будденброк, верный старым бюргерским традициям, соответствует анализу Вебера. Образы евреев-нуворишей в других его ранних произведениях полностью отвечают взглядам Зомбарта, отдававшего евреям главную роль в становлении капитализма. Позиция Зомбарта в отношении к евреям окончательно сформулирована в книге *«Евреи и хозяйственная жизнь»* [Sombart, 1911].

Зомбарт полагает, что *«основные идеи капитализма и основные идеи еврейского существования совпадают в действительно поражающем объеме»* (с. 328), что *«капитализм, либерализм и иудаизм тесно друг с другом породнены»* (с. 329), *«для евреев деньги — абсолютное средство достижения целей, так как деньги как нельзя лучше отвечают их абстрактной интеллектуальности, их целеустремленности и отвечает их сверхнормальной способности приспособливаться»* (с. 325).

Мимикрия, считает Зомбарт, позволяет евреям просочиться в народную среду, войти в доверие к «народу-хозяину», ибо *«стойкость и гибкость издавна присущи еврейскому существованию»* [Sombart, 1911, с. 324].

Мудрый Фридрих фон Хайек, лауреат Нобелевской премии по экономике, недаром отнес Зомбарта к тем социалистам, которые, выйдя из марксистов, стали предшественниками национал-социализма [Хайек, 2005, с. 168].

Томас Манн в художественных произведениях создает образы евреев-буржуа, близкие к тому, как их представлял Зомбарт в своих псевдосоциологических штудиях. Возможно, писатель был знаком с работами Зомбарта и до выхода в свет в 1911 году монографии *«Евреи и хозяйственная жизнь»*. Но если они оба, и писатель, и социолог, пришли к сходным выводам независимо друг от друга, то только потому, что они

были детьми своего времени, оба широко и некритично пользовались глубоко укоренившимися в немецком обществе антиеврейскими предрассудками и стереотипами.

Взрывоопасная смесь

Переехав девятнадцатилетним юношей в насыщенный культурой Мюнхен и занявшись вплотную литературной деятельностью, Томас Манн познакомился с еще одной категорией евреев, ставших прототипами героев его ранней прозы. Речь идет о богемной элите: художниках, писателях, поэтах, философах и журналистах, которые населяли квартал Швабинг, где поселился начинающий писатель из провинциального Любека. Отношение к еврейским представителям интеллектуальной богемы у Томаса Манна тоже отрицательное, как и к разбогатевшим евреям делового мира. Но теперь вместо «экономического антисемитизма» в пору говорить об антисемитизме эстетическом.

Типичный пример — Детлеф Шпинель, смешной персонаж новеллы «Тристан». Словно подчеркивая, что мы имеем дело с иным типом людей, не связанных с биржей, торговлей или банками, писатель наделяет Шпинеля «странной внешностью». Вместо привычных черных блестящих глаз, крючковатого носа и густой растительности на голове и теле мы видим *«брюнета лет тридцати с небольшим, хорошо сложенного, с заметно седеющими у висков волосами, на круглом, белом, чуть одутловатом лице которого нет даже намек на бороду. Лица он не брил — это сразу бросалось в глаза, — мягкое, гладкое, мальчишеское, оно только кое-где было покрыто реденьким пушком»* [Манн, 2011е, с. 219].

Глаза у господина Шпинеля тоже блестящие, но не черные, а светло-карие. Вот с носом Томас Манн решил не отходить от привычной модели: *«нос у него был короткий и, пожалуй, слишком мясистый»* [Манн, 2011е, с. 219].

Супруга господина Клетериана, недавно приехавшая в санаторий «Эйнфрид», где лечится Шпинель, приняла его за итальянца, но доктор Леандер поправил ее: *«он всего-навсего из Львова»* [Манн, 2011е, с. 221].

Так, между делом, автор сообщает понимающему читателю национальность своего героя. В оригинале родной город Шпинеля назван его старым именем Лемберг, это столица Галиции, откуда были родом многие евреи, переселившиеся в Австрию и Германию. Откровенное пренебрежение к своему пациенту доктор Леандер даже не скрывает, а автор подчеркивает: *«он отнюдь не дорожил писателем»* [Манн, 2011е, с. 220].

Кстати, и фамилия героя (шпинель — драгоценный камень) указывает на его еврейство. В век эмансипации, когда европейские евреи стали наконец получать паспорта, им начали выдавать фамилии, без которых они до того обходились. В качестве фамилий часто использовались названия минералов, драгоценных и полудрагоценных камней, тканей и т. п. (ср., например, с именем доктора Плюша из «Королевского высочества») [Туфф, 1975, с. 67].

Писатель Шпинель был автором одной-единственной книги. Это был *«не очень объемистый роман с в высшей степени странным рисунком на обложке, напечатанный на бумаге одного из тех сортов, которые употребляются для процеживания кофе, шрифтом, каждая буква которого походила на готический собор»* [Манн, 2011е, с. 220]. На большее Шпинель оказался неспособным. Он довольно едко показан в рассказе Томаса Манна как оторванный от жизни эстет, который то и дело восклицает: *«Как красиво! Боже мой, подумать только, как красиво!»* [Манн, 2011е, с. 231].

Этот безобидный, не очень умный, смешной и неловкий парень из новеллы Томаса Манна 1903 года является предвестником целой плеяды образов еврейских интел-

лектуалов, созданных писателем за долгую творческую жизнь. Это уже не безобидные, как Детлеф Шпинель, а крайне опасные для общества носители экстремистских идей. Один из таких вербовщиков «готового идти на смерть воинства для покорения шара земного» (VII, 291) показан в новелле «У пророка», написанной в 1904 году.

Имя героя новеллы «Даниэль», как и само название «У пророка», отсылают читателя к библейским временам. Связь иудаизма с христианством подчеркивают стоящие на столе «распятие, семисвечник, чаша с красным вином и ломоть булки с изюмом на тарелке» (VII, 288). «Пророк» из новеллы описан в виде «молодого человека лет тридцати с необыкновенно высоким, покатым и белесым лбом, чье костлявое, чем-то напоминавшее хищную птицу лицо дышало сосредоточенной одухотворенностью» (VII, 287).

Через много лет после публикации новеллы младший брат писателя Виктор Манн спросил Томаса, кто был прототипом Даниэля. Уж не Штефан ли Георге (Stefan George), знаменитый в начале века поэт, сторонник течения «искусство для искусства», реформатор языка, представитель немецкого модернизма? Вокруг него образовалась экстравагантная группа последователей, известная как «кружок Георге». В кружок входили такие разные люди, как писатель Карл Вольфскель, философ Людвиг Клагес и будущий участник заговора против Гитлера граф Клаус фон Штауффенберг. Взгляды Георге интересовали Томаса Манна, но он опасался сближения с его кружком, так как Штефан открыто воспевал гомозеротические связи, чего Томаса всячески избегал.

В письме от 20 февраля 1948 года Томас ответил брату, что не Георге был прототипом Даниэля, а Людвиг Дерлет (Ludwig Derleth), принадлежавший «кружку Георге» [Mann, 1965, с. 23]. Дерлет был более известен не как поэт, а как автор «Прокламаций», выдержанных в мистическом духе. Он выступал от имени какого-то высшего существа, формирующего армию своих солдат, которым отдаст на разграбление весь земной шар.

Виктору Манну имя Дерлета было знакомо. В воспоминаниях «Нас было пятеро» брат писателя рассказывает, что гостем салона его матери нередко бывала Анна Дерлет, сестра Людвигу, некрасивая и «бедная как церковная мышь» девушка, боготворившая своего брата [Mann Viktor, 1994a, с. 83]. Бывал ли сам Дерлет в салоне Юлии Манн, Виктор не помнит, но так как Анна всегда говорила только о нем, называя его «Орлом», то Людвиг как бы «незримо присутствовал» на всех вечерах, когда там бывала Анна¹.

В апреле 1904 года Томас Манн посетил одно частное собрание, на котором Дерлет читал свои «Прокламации» [Heine-Schommer, 2004, с. 34]. Впечатления от этого чтения и легли в основу новеллы «У пророка». Сестра пророка носит в новелле тоже библейское имя Мария-Иозефа.

В отличие от библейского пророка Даниила, герой новеллы — опасный шарлатан, проводник взглядов, которые позднее назовут фашистскими. И по форме, и по содержанию «Прокламации» напоминают нам выступления Муссолини или Гитлера несколько десятилетий спустя:

Поучения, притчи, тезисы, догмы, видения, пророчества, отдававшие приказом по войскам, обращения к пастве следовали друг за другом пестрой нескончаемой вереницей, в которой выпренили обороты, заимствованные из Псалтыря и благовестований, перемежались со специальными военно-стратегическими и философскими терминами. Горячее, донельзя рассерженное Я, одинокое и одержимое манией величия, становилось на цыпочки и обрушивало на мир поток уничтожа-

¹ В книге Соломона Апта «Томас Манн» не совсем точно говорится, будто «Виктор Манн вспоминает, что в начале девятисотых годов одним из посетителей вечеров сенатории на Герцогштрассе был некто Людвиг Дерлет» [Апт, 1972]. Виктор, напротив, пишет, что не помнит, бывал ли Дерлет у них в доме [Mann Viktor, 1994, с. 84].

ющих слов, <...> обнародовало указы, ставило свои неумолимые условия; бедности и целомудрия требовало оно и иступленно, с каким-то противоестественным сладострастием вновь и вновь настаивало на обете беспрекословного послушания [Манн, 2011f, с. 367].

Семья Дерлет не имела к еврейству никакого отношения, но Томасу Манну нужно было сделать героя новеллы евреем, чтобы обыграть сходство с библейским пророком Даниилом, истолковавшим слова «мене, мене, текел, упарсин», начертанные таинственной рукой на стене во время Валтасарова пира. Об этом эпизоде из «Книги пророка Даниила» напоминает в новелле «похожий на кенгуру философ», который «длинным кривым указательным пальцем время от времени чертил в воздухе какие-то иероглифы» [Манн, 2011f, с. 368].

Образ «пророка», хоть и не показанного явно, но «незримо присутствующего» в новелле, открывает в произведениях Томаса Манна череду опасных еврейских интеллектуалов, угрожающих миру. Мы уже говорили о том, что в новелле «Кровь Вельзунгов» писатель предупреждает об опасности еврейского интеллекта, вооруженного «стальной и абстрактной диалектикой». Об этом же он пишет в дневнике 2 мая 1919 года, в период послевоенных беспорядков в Германии, неудачных попыток установить в Мюнхене, в Берлине и некоторых других городах советскую власть по образу и подобию российской:

Сидел перед ужином с К[ате́й]. <...> Мы говорили также о типе русского еврея, вождя мирового движения, представляющего собой взрывоопасную смесь интеллектуального еврейского радикализма и славянской христианской мечтательности. Если у мира осталось чувство самосохранения, то он должен со всей возможной энергией и в ускоренном порядке выступить против такой породы людей [Манн, 1979, с. 223].

Этот тип еврейского интеллектуала найдет свое крайнее выражение в образе проводника нацистской идеологии, выведенного Томасом Манном под видом еврея, доктора Брейзахера, в романе «Доктор Фаустус».

Возвращаясь к ранним новеллам Томаса Манна, можно сказать, что и в них, как и в статьях журнала «Двадцатый век», не ощущается никакой амбивалентности, никакой двойственности по отношению к изображаемым в них еврейским персонажам. Они написаны с использованием стандартных антисемитских клише и стереотипов, отражают либо насмешливое, либо негативное отношение автора, в очень малой степени основаны на личном знакомстве писателя с представителями еврейского мира.

Потребуется сильнейший душевный кризис, связанный со скандалом вокруг новеллы «Кровь Вельзунгов», созданной сразу после женитьбы Томаса на Кате Прингсхайм, чтобы писатель пересмотрел свои взгляды на «еврейский вопрос». Именно после этого кризиса у Томаса Манна начинает проявляться эта пресловутая амбивалентность: в публицистике он становится «убежденным филосемитом», сохраняя при этом все черты «литературного антисемитизма» в художественных произведениях.

Литература

Flinker, Martin. Thomas Mann's politische Betrachtungen im Licht der heutigen Zeit. Gravenhage: Mouton, 1959.

Mann Golo, Reich-Ranicki, Marcel. Enthusiasen der Literatur. Ein Briefwechsel. Aufsätze und Portraits. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 2000.

- Heine Gert, Schommer Paul. Thomas Mann Chronik. Frankfurt a.M. : Vittorio Klostermann, 2004.
- Mann, Thomas. Briefe 1948—1955 und Nachlese. Hrsg. von Erika Mann. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1965.
- Mann, Thomas. Die Lösung der Judenfrage. [авт. книги] Mann Thomas. Gesammelte Werke in dreizehn Bänden. Band XIII, 459—462. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1974.
- Mann, Thomas. Tagebücher. 1918—1921. Herausgeben von Peter de Mendelssohn. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1979.
- Mann, Thomas. Zur jüdischen Frage. Gesammelte Werke in dreizehn Bänden. Band XIII, S. 466—475. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1974a.
- Mann, Viktor. Wir waren fünf. Bildnis der Familie Mann. Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 1994.
- Sombart, Werner. Die Juden und das Wirtschaftsleben. Leipzig: Duncker und Humblot, 1911.
- Tyroff, Siegm. Namen bei Thomas Mann in den „Erzählungen“ und den Romanen „Buddenbrooks“, „Königliche Hoheit“, „Der Zauberberg“. Frankfurt a. M.: P. Lang, 1975.
- Беркович Евгений. Новелла Томаса Манна «Кровь Вельзунгов» и проблемы литературного антисемитизма. Нева. 2016. № 5, с. 122—145.
- Беркович Евгений. Работа над ошибками. Заметки на полях автобиографии Томаса Манна. Вопросы литературы. 2012. № 1.
- Беркович Евгений. Томас Манн в свете нашего опыта. Иностранная литература. 2011. №9.
- Беркович Евгений. Томас Манн и Альфред Прингсхайм: писатель и математик под одной крышей. Нева. 2016a. № 3, с. 174—189.
- Беркович Евгений. Томас Манн: меж двух полюсов. Студия, с. 73—96. 2008. № 12.
- Беркович Евгений. Томас Манн: между двух полюсов. Заметки по еврейской истории. 2007. № 18 (90).
- Томас Манн: о немцах и евреях. Статьи, речи, письма, дневники. Составители Л. Дымерская-Цигельман и Е. Фрадкина. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1990.
- Манн Томас. Gladius Dei. Ранние новеллы, с. 193—211. Перевод Е. Шукшиной. М.: АСТ: Астрель, 2011с.
- Манн Томас. Воля к счастью. Ранние новеллы, с. 41—58. Перевод Е. Шукшиной. М.: АСТ: Астрель, 2011а.
- Манн Томас. Размышления аполитичного. Перевод Е. Шукшиной. М.: АСТ, 2015.
- Манн Томас. Тонио Крегер. Ранние новеллы, с. 267—334. Перевод Н. Ман. М.: АСТ: Астрель, 2011d.
- Манн Томас. Тристан. Ранние новеллы, с. 212—258. Перевод С. Апта. М.: АСТ: Астрель, 2011е.
- Манн Томас. У Пророка. Ранние новеллы, с. 360—369. Перевод В. Куреллы. М.: АСТ: Астрель, 2011f.
- Манн Томас. Удивительный ребенок. Ранние новеллы, с. 349—359. Перевод Е. Шукшиной. М.: АСТ: Астрель, 2011b.
- Хайек Фридрих фон. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005.

Ирина ЧАЙКОВСКАЯ

СУДЬБА БИБИ. ВАРВАРА НИКОЛАЕВНА БОГДАНОВИЧ-ЖИТОВА И ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ

Посвящается Елене Михайловне Грибковой

Вступление. Кто такая Варвара Николаевна Богданович-Житова и как она связана с семьей Тургенева

В письмах Варвары Петровны Тургеневой к сыну Ивану то и дело мелькает имя Биби. Сначала это маленький ребенок, потом девочка, затем подросток. Но упоминания о ней постоянны, разве только в последних письмах за 1844 год (в этом году письма матери к сыну обрываются) их меньше — девочку отдали в пансион, она не целыми днями находится на глазах у Варвары Петровны.

Биби — воспитанница матери Тургенева, но воспитанница странная.

В доме есть еще одна воспитанница, Мавра Сливичкая, «дальняя родственница, дочь умершего капитана Тимофея Сливичкого»¹. Мавра (1828 — после 1885) на пять лет старше Биби. Ее учат музыке, так как у нее есть к этому способности. О ней Варвара Петровна в письмах к сыну упоминает редко, а своей подруге Марии Карповой пишет так: «Она учится теперь в пансионе, чтобы преподавать музыку по билетам и тем доставать себе пропитание. Потому что все ее состояние состоит из 5000 капитала, и так по одежке надо протягивать ножки»² (20 февр./4 марта 1843). В том же

Ирина Чайковская — автор рассказов, повестей и пьес. Критик и публицист, редактор интернет-журнала «Чайка». Родилась в Москве. По образованию педагог-филолог, кандидат наук. С 1992 года на Западе: сначала в Италии, с 2000 года — в Америке. Публиковалась в журналах «Вестник Европы», «Нева», «Звезда», «Знамя», «Октябрь», «Вопросы литературы» (Россия), «Новый берег» (Дания), «Чайка», «Слово/Word», альманахах «Побережье», «Связь времен» (США). Автор книг: «Карнавал в Италии» (2007), «Любовь на треке» (2008), «Какие нынче времена» (2008), «Старый муж» (2010), «В ожидании чуда» (2010), «От Анконы до Бостона: мои уроки» (2011), «Ночной дилижанс» (2013), «Три женщины, три судьбы. Полина Виардо, Авдотья Панаева, Лиля Брик» (2014), «Афинская школа» (2017), «Мария Маркович и Иван Тургенев. История отношений» (2017). Лауреат премии журнала «Нева» в номинации «критика» за 2015 год. Живет под Вашингтоном.

¹ В воспоминаниях Житовой Мавра Сливичкая названа «троюродной племянницей» Варвары Петровны (с. 22) и ее «племянницей» (с. 140).

² Здесь и далее цитирую по кн. Твой друг и мать Варвара Тургенева. Письма В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу (1838–1844). Тула: Гриф и К°, 2012, с. 473.

письме Тургенева просит приятельницу «перебрать гардероб Мавры», выросшей из своих платьев, но «не как богатой барышни и твоей дочери, но как бы твоей питомички»³. Про «питомичку» Варвара Петровна пишет, что надобно следить, чтобы она «не привыкла в больших наших домах к роскоши, к щегольству»⁴. Посему она предлагает переделать одежду для девочки из старых платьев ее матери, хранящихся в доме.

Ничего похожего нет в отношении Варвары Петровны к другой ее воспитаннице — Биби, или Вареньке Богданович, как ее называли в детстве. Позднее, по предложению сына Ивана, Варвара Петровна вместо «придуманной» фамилии воспитанницы Богданович даст ей свою девичью фамилию Лутовинова⁵. Так ее будут звать до замужества, а потом она станет Варварой Житовой — и жизнь ее покатится совсем по другим рельсам — с горки под откос. Но до этого еще далеко.

Имя Вареньке, по всей видимости, дала сама Варвара Петровна, назвав девочку, как себя. Откуда взялись ее отчество и фамилия? Точного ответа на этот вопрос нет. Елена Грибкова полагает, что, возможно, «отчество и фамилию Биби получила от крестного отца»⁶. Но кто этот крестный отец, нам неизвестно. Можно предположить, что в фамилии Вареньки Богданович использована заложенная в ней этимология: «данная Богом», а отчество Николаевна произведено от св. Николая-угодника, в православии покровителя путешественников, заключенных и сирот. Варенька была сиротой.

Варвара Петровна назвала девочке дату ее рождения — 1 июня 1833 года. Точна ли эта дата, мы не знаем и проверить не можем.

Сама Варвара Тургенева в детстве была сиротой при живой матери, которая, по ее словам, ее ненавидела⁷. Взятой на воспитание девочке она приводила в пример свое «подлинное» сиротство, сопоставляя его с положением Вареньки: «...ты — сирота, но ты во мне имеешь мать, ты так окружена моею любовью и моими заботами, что не можешь осознать своего сиротства»⁸.

И в самом деле, в воспоминаниях Варвары Житовой читаем: «У меня хранятся все ее письма, наполненные самыми горячими выражениями любви и заботы обо мне: самая нежная мать не могла бы сильнее выразить любви своей к родной дочери»⁹. Варенька звала Варвару Петровну маман, спала вместе с ней в ее спальне, сопровождала ее во всех поездках — ближних и дальних. Ничего похожего не было в отношениях с «родственницей» Маврой Сливицкой. Девочка платила ей тем же: «...я ее страстно любила и когда я, хотя и редко, была в разлуке с ней, я чувствовала себя и одинокой, и несчастной»¹⁰.

Вот еще выдержки из тех же воспоминаний: «Любила меня Варвара Петровна и баловала, говорят, даже больше, чем сыновей своих в детстве. Наряжала меня рос-

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Кстати сказать, сам И. С. Тургенев свои первые произведения публиковал под инициалами Т-Л, Тургенев-Лутовинов. Варвара Петровна в одном из писем к нему писала: «Я прошу тебя быть в твоих сочинениях Лутовиновым, ты меня очень утетишь». Того же она хотела и от Вареньки. В воспоминаниях Житовой написано об этом так: «...по странному капризу Варвары Петровны, вместо моей настоящей фамилии: Богданович, я носила фамилию Лутовиновой и под этим именем до самого своего замужества была известна своим подругам» (с. 104).

⁶ См. Е. М. Грибкова. Очерки о жизни Варвары Николаевны Житовой. В кн. В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева. М.: Гелиос АРВ, 2016, с. 177.

⁷ В. Н. Житова, с. 19.

⁸ Там же, с. 19.

⁹ Там же, с. 21.

¹⁰ Там же.

кошно, все было из магазина Salomon — знаменитости тогда; куклы и игрушки мои возбуждали зависть моих маленьких гостей»¹¹.

Варенька росла, траты папан на нее увеличивались: «В пансионе жила я со своей гувернанткой», которая должна была «ежедневно кататься (с барышней) в отличном экипаже, запряженном парой или четверней дорогих лошадей». Варенька находилась в пансионе на особых правах: «У меня была своя комната, своя прислуга, свой прекрасный Мейбомовский инструмент, особый учитель музыки, известный тогда Гардорф, и т. д.»¹².

«На мои личные расходы, кроме того, что тратилось на мое воспитание, определен был доход с целого имения, а именно с Холодова, которое по конторским книгам значилось так: имение барышни Варвары Николаевны Богданович-Лутовиновой»¹³. Мемуаристка пишет, что ее мучило то, что при той роскоши, в которой ее содержала Варвара Тургенева, «ее родные дети были... только что не в нищете» (речь идет о 1849—1850 годах). Дальше в воспоминаниях есть фраза, что такое положение впоследствии повлияло на отношения Вареньки с сыновьями Варвары Петровны. Запомним эту фразу, в своем месте мы к ней вернемся. Приведу еще одну выдержку, свидетельствующую о том, что отношение к Вареньке было иным, нежели к воспитаннице Мавре Сливицкой, которую Варвара Петровна советовала одевать в старые обноски: «...меня она все больше и больше наряжала и даже подарены мне были бриллианты; крест и ожерелье, все из солитеров, оцененные в 28 тысяч рублей»¹⁴.

В конце этой главки приведу выдержку из письма Варвары Петровны к Вареньке от 18 ноября 1847 года, Варенька в это время находится в московском пансионе: «Я никогда не была так беспокойна, очень скучаю по тебе. Когда-то я буду жить своею семьею? Когда увижу всех вас, моих деточек? Из трех не вижу ни одного!..»¹⁵

Из этого письма видно, что Варвара Петровна причисляла Вареньку Богданович к своей семье, называла в числе своих «деточек», то есть в одном ряду с сыновьями, Николаем и Иваном.

Тайна рождения Вареньки Богданович. Чья она дочь?

Изложу гипотезы о происхождении Варвары Николаевны Богданович.

Первая, наиболее устойчивая: Варенька была незаконной дочерью Варвары Петровны Тургеневой и ее домашнего врача, молодого Андрея Берса. Эта гипотеза помещена в Википедии как неоспоримый факт: «...еще при жизни мужа она родила внебрачную дочь Варвару Богданович-Лутовинову, в замужестве Житову. Ребенка она родила от домашнего врача, некоторое время служившего в ее доме. Врача звали Андрей Берс». Продолжим цитирование, нам пригодятся сведения, идущие следом: «30 окт. 1834 года Варвара Петровна овдовела. Она находилась тогда за границей, куда уехала, видимо, для родов упомянутой дочери, и сопровождала ее мать Берса, повивальная бабка. На похороны мужа не приезжала. Возвратилась только через полгода — тогда скончался ее третий сын Сергей. Надгробие мужу на Смоленском кладбище в Петербурге Варвара Петровна так и не удосужилась поставить. В итоге могила оказалась утерянной...» Википедия, однако, источник безличный. Но вот выписываю

¹¹ Там же, с. 47.

¹² В. Н. Житова, с. 105.

¹³ Там же, с. 115.

¹⁴ Там же, с. 128.

¹⁵ Там же, с. 105.

из вполне научного исследования, книги О. Ю. Сафоновой «Род Берсов в России»¹⁶. Автор книги о родословном древе семьи Берсов в России пишет совершенно определенно: «У А. Е. Берса была побочная дочь Варвара Николаевна Богданович-Лутовинова (в замужестве Житова (1833—1900)) от матери И. С. Тургенева Варвары Петровны Тургеневой, рожденная в ту пору, когда Берс служил у нее домашним врачом, и воспитанная матерью...»¹⁷

В подтверждение этих слов приводится тот факт, что зять Андрея Берса, Лев Толстой, отзывался о нем так: «чрезвычайно прямой, честный и вспыльчивый человек... и большой ловелас»¹⁸. У Андрея Берса, по свидетельству его дочери, Софьи Андреевны Толстой, была еще дочь, Лизанька Рене, рожденная от связи с француженкой. По семейной легенде, он же был отцом князя Петра Кропоткина, известного революционера-анархиста¹⁹. Каких-то более достоверных фактов для доказательства приведенного утверждения в книге не приводится.

Обычный аргумент в пользу этой гипотезы — то, что Варвара Петровна именно на имя Андрея Берса выписала вексель на 15 тыс. серебром, который Варенька должна была получить при достижении совершеннолетия²⁰.

Однако версия появления Вареньки от связи Варвары Тургеневой с Андреем Берсом опровергается в ряде солидных источников, хотя и без аргументации.

Уходит от конкретики в этом вопросе исследователь семейного клана Тургеневых Николай Чернов, о Вареньке он пишет так: «Варвара Петровна с младенчества воспитывалась как собственную дочь Вареньку Богданович, происхождение которой не вполне ясно»²¹. Для нас важно, что Чернов не ссылается на Берса как на возможного отца девочки.

В фундаментальном, прекрасно откомментированном издании писем Варвары Петровны Тургеневой к сыну Ивану²² о Вареньке Богданович говорится так: «Предположительно — внебрачная дочь А. Е. Берса (ссылка на В. Н. Житову и С. А. Толстую. — И. Ч.). Версия о том, что В. Н. Богданович была внебрачной дочерью Варвары Петровны Тургеневой не находит достаточно убедительных подтверждений»²³.

Таким образом, солидные исследователи отвергают версию о происхождении Вареньки от связи Варвары Петровны с домашним лекарем.

Вопрос об отцовстве Андрея Берса остается открытым.

В связи с этим можно говорить о **второй гипотезе**: Варенька Богданович — внебрачная дочь Андрея Берса и какой-то неизвестной женщины, воспитанная в доме Варвары Петровны Тургеневой.

Эту гипотезу чрезвычайно трудно подтвердить. Мало того, что нет практических свидетельств, ее очень трудно обосновать психологически, настолько она не вяжется с характером матери Ивана Тургенева. Воспитывать в доме чужого ребенка как своего, и это при том, что сам отец не проявляет к нему никакого внимания, им совершенно не интересуется (о чем дальше). Отбиваться от сплетен, слухов, неизбежно возникших с появлением Вареньки в семье, ради человека, первоначально бывшего в доме

¹⁶ О. Ю. Сафонова. Род Берсов в России. М.: Энциклопедия сел и деревень, 1999.

¹⁷ Там же, с. 44, сноска.

¹⁸ Там же, с. 44.

¹⁹ Там же, с. 44, сноска.

²⁰ См. В. Н. Житова. Воспоминания о семье Тургеневых, с. 150.

²¹ Николай Чернов. И. С. Тургенев в Москве. М.: Грааль, 1999, с. 94.

²² Подготовка текста и комментарии Л. Н. Левиной и Л. А. Павловой, первая кандидат филолог. наук, директор ФГБУК «Гос. музея-заповедника «Спасское-Лутовиново», вторая — зав. редакционно-издательским отделом музея-заповедника.

²³ Твой друг и мать Варвара Тургенева. Письма В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу (1838—1844). Тула: Гриф и К°, 2012, с. 39, сноска 32 к первому письму от 30 июля/11 авг. 1838.

на положении «обслуги», осыпать этого ребенка милостями, дарить ему драгоценности, обеспечить приданым и быть озабоченной его дальнейшей судьбой²⁴ — и все это для дитяти Андрея Берса? Нет, Варвара Петровна по своему жесткому, властному, весьма эгоистичному характеру на такое способна не была.

Может быть, в гипотезе о связи Варвары Петровны с ее домашним врачом все же есть рациональное зерно? Наверняка люди, знакомые с творчеством Тургенева, в качестве аргумента приведут его пьесу «Нахлебник». В ней действительно изображена похожая коллизия.

Вот и Николай Чернов в своей книге «Тургенев в Москве» пишет: «Некоторые современные исследователи, пусть не вполне доказательно, все же склонны считать ее (Вареньку Богданович. — И. Ч.) дочерью жившего в доме Тургеневых молодого доктора А. Е. Берса. Не исключено, что ситуация, воспроизведенная в комедии „Нахлебник“, также содержит намек на указанные обстоятельства: неверность мужа вынуждает оскорбленную женщину решиться из чувства мести на столь необычный протест»²⁵.

По-видимому, к этому аргументу нужно присмотреться попристальней.

Пьеса «Нахлебник» как аргумент в споре

Пьеса написана в 1848 году. Это комедия в двух действиях, посвященная (на писарском списке) Петру Чаадаеву, а ориентированная, конечно же, на Михаила Щепкина, идеального исполнителя для роли Кузовкина. У «Нахлебника» была несчастливая судьба. Текст, помещенный в № 3 «Отечественных записок» за 1849 год, был запрещен к печати и к читателям не пришел. Впервые пьеса была опубликована под заглавием «Чужой хлеб» в 1857 году в № 3 журнала «Современник». Первая постановка «Нахлебника» на сцене была осуществлена в Москве, в Большом театре, в бенефис Михаила Щепкина. Это произошло только в 1862-м, через 14 лет после написания пьесы.

Главное действующее лицо комедии — мелкопоместный помещик Василий Семенович Кузовкин, выступающий для окружающих соседей побогаче и понаглее в роли шута-потешника.

Приехавшей в деревню молодой барыне Ольге Петровне он рассказывает про ее мать, страдавшую от неверности и побоев мужа. Однажды муж, рассерженный тем, что его бросила любовница-соседка, палкой избил жену. Униженная женщина, желая отомстить мужу, проводит ночь с Василием. Ольге Петровне открывается страшная тайна: она — дочь «нахлебника» и домашнего шута.

Николай Чернов пишет о «Нахлебнике»: «Эта пьеса рождала у зрителей ощущение „ужасающей правды“... Может быть, потому, что драму главного героя Кузовкина автор „взял живьем“ из хорошо знакомой ему действительности собственного семейства». И продолжает, уже конкретизируя: «Положение таких реальных лиц, как В. И. Губарев, А. Е. Берс, живших в доме Тургеневых, слишком хорошо было Ивану Сергеевичу известно»²⁶. Здесь неясно одно: почему исследователь перечисляет в одном ряду две эти фамилии? Воин Иванович Губарев был старинный друг семьи, небогатый сосед-

²⁴ В письме к Марии Карповой в 1844 году, за шесть лет до смерти, Варвара Петровна пишет: «На счет ее бумаг, слава богу, все кончено. Она — чернская купчиха Богдановичева и я уже плачу за нее акциз. Бумаги ее у меня. Фантазия Ивана была дать ей мою бывшую фамилию Лутовиновой, но! Ты знаешь, что фамилия девочке не так нужна — пусть она будет для свету Лутовинова, а в гильдии купчиха Богдановичева...». Твой друг и мать Варвара Тургенева, с. 39—40.

²⁵ Николай Чернов. И. С. Тургенев в Москве, с. 55.

²⁶ Там же, с. 112.

помещик, вольтерьянец, переписывавшийся и водивший дружбу с Василием Жуковским (он и привел однажды Ивана Сергеевича к Жуковскому). При всем при том был он плутом и пакостником, причем в этой оценке соседа Варвара Петровна сходилась с деверем Николаем Николаевичем Тургеневым. Из писем вырисовывается фигура эдакого чудака, при случае способного утащить то, что плохо лежит, напакостить и смошенничать. Кстати говоря, в этом смысле нисколько не похожего на честнейшего Василия Кузовкина, «купить которого нельзя».

Андрей Берс, в отличие от Воина Ивановича Губарева, *служил* у Тургеневых, был домашним лекарем. Очень молодой человек, который в 1827 году, едва окончив курс обучения в Московском университете, отправился с семьей Тургеневых за границу в качестве врача. Ему в это время 19 лет. Через два года, вернувшись из поездки в Париж, как написано в его родословной, он поступает на службу в Сенат. В Кремлевском дворце ему отводят казенную квартиру. В воспоминаниях дочери, Татьяны Кузминской, которые цитирует О. Ю. Сафонова в книге «Род Берсов в России», сказано, что, «вернувшись из-за границы летом 1831 года, Андрей Евстафьевич перевез родителей к себе»²⁷. Если так, то в это время он жил уже не у Тургеневых, а на казенной квартире в Москве. Будучи семейным врачом, Андрей Берс обслуживал всю семью: хозяина, хозяйку, детей. Сергей Николаевич, мучимый приступами мочекаменной болезни, два раза брал его в качестве компаньона в Париж, куда ездил на лечение и для операции. Было это в 1827—1829 и в 1831 годах.

Если считать, что Варвара Петровна родила Вареньку от Андрея Берса, их сближение должно было произойти где-то около 1832 года. В это время супруги Тургеневы находятся на грани разрыва, живут в разных домах. Сергей Николаевич нанимает в Москве сразу три дома. В двух живут он и его супруга с детьми. У Сергея Тургенева — своя личная жизнь. Но там, где мужчина свободен, женщина зависит от толков и пересудов. Скрыть роман с Берсом, бывшим, кстати говоря, на 20 лет ее моложе, было бы весьма затруднительно, так же как и последующие беременность и роды. Правда, исследователь Елена Грибкова считает, что замужней даме Варваре Петровне незачем было скрываться от людей в случае ожидаемых родов²⁸. И все же именно в момент, когда супруги разъехались, внимание к брошенной мужем «соломенной вдове» со стороны окружающих могло быть повышенным. Сторонники названной гипотезы полагают, что поездка Варвары Тургеневой за границу в 1834 году, поездка, в которой муж ее не сопровождал, была предпринята для того, чтобы спрятать концы в воду. В подтверждение приводится тот факт, что Варвару Петровну сопровождала мать Андрея Берса, бывшая повивальной бабкой²⁹. Тогда рождение Вареньки переносится по срокам, это будет уже не 1833-й, а 1834 год. Но так ли? Варваре Петровне 45 лет, она больна, болезнь, скорей всего, по женской части. Известно, что за границу она едет для лечения, и по возвращении домой, через год после отъезда и через восемь месяцев после смерти мужа³⁰, ей делают сложную гинекологическую операцию по удалению полипа. Оперирует профессор акушерства Медико-хирургической академии С. А. Громов³¹. Вареньке Варвара Петровна постоянно говорила, что та —

²⁷ О. Ю. Сафонова. Род Берсов в России. М.: Энциклопедия сел и деревень, 1999, с. 14.

²⁸ Е. М. Грибкова. Очерки о жизни Варвары Николаевны Житовой в кн. В. Н. Житова. Воспоминания о семье Тургеневых, с. 181.

²⁹ В кн. Н. Чернова указано, что в этой поездке участвовал также Андрей Берс, что неверно. См.: Н. Чернов И. С. Тургенев в Москве, с. 56.

³⁰ Варвара Петровна вернулась в Петербург в июне 1835 года. Сергей Николаевич умер в октябре 1834 года.

³¹ Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818—1858), составитель Н. С. Никитина, СПб.: Наука, 1995, с. 27.

сирота. Удивлялась себе, что может так полюбить «чужого» ребенка. Андрей Берс знать не знал о том, как росла Варенька, чем занималась... Впоследствии, когда Варвара Петровна умерла и наследники потребовали, чтобы Варенька покинула дом Варвары Петровны, Берс отказал ей в пристанище. Все это мало похоже на «отцовские чувства».

Значит, Варенька не дочь Варвары Петровны и «бедного лекаря»? Почему же тогда Иван Сергеевич Тургенев берется за сюжет «Нахлебника»? Откуда взялся этот сюжет в его творчестве?

Похожий сюжет в несколько ином варианте есть еще в одном тургеневском произведении, кстати сказать, написанном примерно тогда же, когда и «Нахлебник». Рассказ из «Записок охотника» «Уездный лекарь» (1847) был опубликован в № 2 журнала «Современник» за 1848 год.

В этом рассказе Тургенева умирающая барышня, дворянская дочь, в порыве отчаяния и жажды любви проводит «три дня и три ночи» с уездным лекарем. Спустя годы лекарь, по имени Трифон, рассказывает об этом «приключении» случайному встречному. Он хорошо понимает, что та, красивая и образованная, с чудным именем Александра Андреевна, была не для него. Вступив в «законный брак», он взял за себя купеческую дочку с семью тысячами приданого. Зовут его жену Акулина — «Трифону-то под стать». Рассказчик, как и герой рассказа, видят несоответствие не только положения уездного врача из разночинцев и молодой дворянки, но и полное несоответствие ожиданий «героини», рассчитывающей обрести романтического возлюбленного, и захолустного, забывшего латынь, играющего в преферанс по копейке лекаря по имени Трифон...

В рассказе выведен уездный врач. В семье довольно часто прибегали к услугам врачей. И это был не только Берс. Из писем Тургеневой к сыну мы узнаем, что в доме был свой «крепостной доктор» Порфирий Кудряшов, в качестве «дядьки» сопровождавший Ивана Сергеевича за границу и слушавший лекции по медицине в Берлинском университете, а затем ставший «дворовым врачом» Варвары Петровны. Ему посвящены проникновенные страницы воспоминаний Варвары Житовой. Уездным доктором во Мценске был некто И. Беневоленский, из духовного звания, окончивший на собственные средства медицинский факультет Московского университета. О нем Варвара Петровна отзывалась в письме к сыну: «...он пресмешной и предобрый оригинал, но! Этим не лечат...»³² В другом письме она говорит, что в Спасском Беневоленский был ее «домовой доктор», и далее: «...все мы его полюбили более Берса. И весел, и мил, и шутлив. Закашлялся. И дух вон в 32 года в одну минуту»³³.

Собственно, уездный врач в рассматриваемом нами рассказе начинает галерею тургеневских героев-разночинцев, попавших в дворянский дом и оказавшихся в поле внимания «барышни» или «барыни». Это Инсаров и Елена Стахова («Накануне»), учитель Беляев и Наталья Петровна («Месяц в деревне»), Базаров и Одинцова («Отцы и дети»). При сравнении можно увидеть, что Трифон Иванович из «Уездного лекаря» ближе других стоит к Кузовкину из «Нахлебника». Он, как и Кузовкин, ощущает свою «недостойность» «предмета» любви. Он явно не на месте в той диспозиции, какая ему предложена. Наблюдал ли Тургенев подобные ситуации в жизни? Или это была его «реконструкция», реконструкция чуткого и талантливого художника? Вполне возможно, он задумывался о чем-то похожем в связи со слухами о происхождении Вареньки Богданович. Все же появилась она в доме неожиданно, как с неба свалилась, рассказами о ней были полны письма матери, рассказами, которые не могли не вызвать даже некоторой ревности, ибо источали реальную любовь и нежность, столь мало

³² Твой друг и мать Варвара Тургенева, с. 84.

³³ Там же, с. 165.

свойственные Варваре Петровне по отношению к *чужим*. Чей это был ребенок? Тургенев полагал, по-видимому, что это был ребенок Берса (что явствует из последующего его поведения). Но почему мать так привязана к этой девочке? Нет ли тут и ее «греха»? Вполне допускаю, что в голове молодого Тургенева такие мысли бродили.

Однако на этом пути останавливает тот факт, что «Нахлебника» писатель собирался публиковать при жизни матери, в 1849 году. Да, Варвара Петровна в своих письмах отвергала все слухи и сплетни (мы еще обратимся к ее письмам), она настаивала на том, что Биби — чужой ребенок. И все же снова возбуждать в обществе циркуляцию слухов в связи с появлением пьесы и поставленного по ней спектакля (также был запрещен цензурой!) было весьма неосмотрительно. Обстоятельства помешали выходу пьесы в печати и появлению ее на сцене, а иначе — кто знает? — отношения материнского любимца, сына Ивана, и Варвары Петровны, и без того серьезно испорченные его не согласованным с матерью отъездом за границу — вслед за Полиной Виардо, — могли быть прерваны бесповоротно.

На что хочу обратить внимание: муж барыни в «Нахлебнике» умер буквально на следующий день после «грешной ночи», проведенной ею с Кузовкиным. В повести «Первая любовь», о которой речь впереди, отец героя тоже умер сразу после того, как сын узнает о его грешной любовной «тайне».

И в жизни Ивана Тургенева была неожиданная смерть отца, и затем — через восемь месяцев — возвращение матери из-за границы и, по нашим предположениям, через год или, скорее, три года³⁴ появление в доме маленькой Биби.

Сюжеты в голове писателя редко возникают случайно, из воздуха, обычно на них наталкивает жизнь, происходящая вокруг. Известно, что Лев Толстой, работая над «Войной и миром», использовал не только семейные предания, но и семейные ситуации в домах ближайших родственников, из-за чего у последних возникали к нему претензии и обиды. Тургенев, как мне кажется, не вполне верил тому, что Биби — дочь Берса. Не думаю, что Варвара Петровна сказала ему без обиняков, кто родители Вареньки. У него в сознании могли прокручиваться различные возможности ее появления в доме. Во всяком случае, рассмотренный нами сюжет адюльтера «госпожи и «слуги» (назовем так для краткости) дает пищу для такого вывода.

Еще одна гипотеза происхождения Вареньки Богданович. Варенька — дочь Сергея Тургенева

Задумывался ли Иван Сергеевич и над любовной тайной отца, в которую волею случая был вовлечен? Конечно. Ведь на эту тему им написана повесть «Первая любовь», опубликованная в 1860-м, через 26 лет после смерти Сергея Николаевича. Нам просто необходимо коснуться этой повести в связи с неожиданной, но очень правдоподобной гипотезой, выдвинутой недавно умершей исследовательницей Еленой Грибковой как раз по поводу происхождения Биби.

Итак, **третья гипотеза** такова. Варенька Богданович, она же Лутовинова, она же Житова, действительно приходилась *сестрой* Ивану Сергеевичу Тургеневу, рожденной вне законного брака. Только она была дочерью не Варвары Петровны, а... Сергея Николаевича Тургенева»³⁵.

³⁴ В 1836 году умерла Екатерина Львовна Шаховская, по нашему предположению, мать Биби, и девочка осталась круглой сиротой.

³⁵ Очерки о жизни Варвары Николаевны Житовой в кн. В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева. М.: Гелиос АРВ, 2016, с. 186.

Елена Михайловна Грибкова, вследствие болезни, а затем и смерти, не успела собрать весь материал для обстоятельного обоснования и подтверждения этой гипотезы. Документов у исследователей на сей счет нет. Дворяне в XIX веке хорошо умели прятать от современников и потомков свои семейные тайны. Версия Грибковой показалась мне весьма правдоподобной, и я постаралась собрать весь возможный материал для ее подтверждения. Но этому будет посвящена вся моя статья. А пока изложу гипотезу Грибковой до конца.

Исследовательница полагает, что матерью Вареньки Богданович могла быть та самая княжна Шаховская, которая послужила для Тургенева прообразом княжны Зинаиды Засекиной в повести «Первая любовь». Обратимся же к этой повести.

Повесть «Первая любовь»

Повесть «Первая любовь» была написана в начале 1860 года и тогда же напечатана в № 3 журнала «Библиотека для чтения». О ней Тургенев писал: «Это единственная вещь, которая мне самому до сих пор доставляет удовольствие, потому что это сама жизнь, это не сочинено. „Первая любовь“ — это пережито»³⁶. Примерно то же он говорил А. В. Половцеву: «Одну только повесть я перечитываю с удовольствием. Это „Первая любовь“. В остальном — хотя немного, да выдуманно, в „Первой любви“ же описано действительное происшествие без малейшей прикраски, и при перечитывании действующие лица встают как живые предо мною»³⁷.

Н. А. Островская так передает рассказ Тургенева: «В „Первой любви“ <...> я изобразил своего отца. Меня многие за это осуждали, а в особенности осуждали за то, что я этого никогда не скрывал. Но я полагаю, что дурного в этом ничего нет. Скрывать мне нечего. Отец мой был красавец; я могу это сказать потому, что я несколько на него не похож, — я похож лицом на мать. Он был очень хорош — настоящей русской красотой. Он обыкновенно держал себя холодно, неприступно, но стоило ему захотеть понравиться — и в его лице, в его манерах появлялось что-то неотразимо очаровательное. Особенно становился он таким с женщинами, которые ему нравились»³⁸.

События, описанные в повести, происходили в 1833 году. В «Мемориале» писателя, то есть в его тайном дневнике, читаем:

«1833. Новый год в Москве (Первая любовь) . Кн<яжна> Шаховская. Я себе ломаю руку. — Определение в Университет. — NB. Перепутье. — Жизнь на даче против Нескучного»³⁹.

Рассказ в повести ведется от первого лица. Юноша-герой на год старше прототипа, Ивану в 1833 году было не шестнадцать, а пятнадцать лет.

1833 год в жизни родителей Тургенева, как уже говорилось, был годом разобщения. Осенью 1832 года Сергей Николаевич нанял несколько домов в Москве⁴⁰. Варвара Петровна жила еще в одном нанятом доме, отдельно от мужа и детей⁴¹. В это время старший сын Тургеневых Николай готовился к поступлению в военное училище, а младший Иван — к поступлению в университет.

³⁶ И. С. Тургенев. Полное собр. соч. и писем в 30 т., 2-е изд. испр. и доп. М.: Наука, 1981, т. 6, «Первая любовь». Комментарии Е. И. Кийко, с. 488.

³⁷ Там же, с. 479.

³⁸ Там же, с. 478.

³⁹ То же издание, т. 11, см. также «Лит. наследство», М., 1964, т. 73, кн. 1 «Автобиографический конспект И. С. Тургенева «Мемориал». Предисловие и публикация Андре Мазона.

⁴⁰ См.: Николай Чернов. И. С. Тургенев в Москве, с. 54–55.

⁴¹ Там же, с. 55.

Причиной разъезда Тургеневых и необходимость для Сергея Николаевича нанять несколько домов Николай Чернов, наиболее осведомленный исследователь этого отрезка жизни семьи, объясняет так: «Вся эта путаница с наемом нескольких домов является, по нашему мнению, следствием серьезного разлада в семье и получившего огласку скандального романа С. Н. Тургенева с юной особой...»⁴²

Если продолжить мысль, можно предположить, что в одном из нанятых Тургеневым-старшим домов и жила сия «юная особа», а именно княжна Шаховская, с которой у Сергея Николаевича был роман. Поскольку дома нанимаются осенью 1832-го, можно предположить, что этот роман начался до лета 1833 года, хотя в повести хронология несколько другая: там знакомство и сына, и отца с княжной Засекиной происходит именно летом, на даче.

Сюжет повести «Первая любовь»

Владимир Петрович, человек уже зрелый, рассказывает (он это делает в письменном виде) по просьбе друзей о своей первой любви. Будучи 16-летним юношей, живя с родителями на даче возле Нескучного сада, он влюбился в 21-летнюю соседку, княжну Зинаиду Засекину.

Девушка была прелестна — живая, с прекрасными серыми бархатными глазами — и окружена поклонниками, их пятеро, собирающихся ежедневно в ее доме. Владимир — самый юный из сраженных Зинаидой; княжна, видя его влюбленность, играет им как кошка с мышкой. Однажды, когда он забрался на высокую стену оранжереи, она, проходя мимо, сказала, что если он ее любит, то спрыгнет со стены. Что он и сделал, потеряв на время сознание и сломав руку.

С княжной познакомился отец Владимира, Петр Васильевич, человек еще не старый, изысканно спокойный, самоуверенный и самовластный. Юноша замечает отца в компании княжны на конной прогулке, потом видит, как отец ночью крадется в дом княгини Засекиной. Поведение княжны меняется, она становится грустна, говорит о безвыходности своего положения... Владимир застаёт домашний скандал и узнает от слуги, что мать получила письмо и упрекает отца в неверности, а тот указывает ей на ее возраст. Слуга подтверждает, что у отца была связь с княжной, так как помогал барину в разных ситуациях. Владимир в отчаянии, он не понимает, как могла молодая девушка, княжна, пойти на бесчестящую ее связь, да еще с женатым человеком. Последний раз он видел княжну, когда через несколько месяцев уже в городе сопровождал отца в конной прогулке. Тогда он пошел вслед за отцом, оставившим его сторожить лошадей. В окне ближайшего домика он видит Зинаиду; возле окна, спиной к Владимиру, стоит отец. В ответ на ее требования оставить семью он бьет ее хлыстом по обнаженной руке, а она... целует образовавшийся шрам. Отец вбегает в дом, а потрясенный увиденным юноша возвращается к лошадям.

Через два месяца Владимир поступил в университет; отец его через полгода умер от удара, случилось это в Петербурге, куда переселилась семья. Незадолго до смерти отец получил письмо из Москвы, сильно его взволновавшее. Он просил о чем-то жену и, говорят, даже заплакал. После его кончины мать послала в Москву довольно значительную сумму.

Снова услышал о Зинаиде Владимир через четыре года. Он узнал, что ее связь с его отцом имела «последствия», но потом она вышла замуж за состоятельного человека и сейчас, став госпожой Дольской, остановилась в гостинице Демута. Но когда Вла-

⁴² Там же, с. 55.

димир, придя в гостиницу Демута, спросил госпожу Дольскую, оказалось, что она за четыре дня до того «почти внезапно» умерла от родов.

Для нашей темы важно определить, что здесь реальность, а что вымысел.

Повесть «Первая любовь» как отражение реальности

В «Летописи жизни и творчества И. С. Тургенева», в соответствии с «Мемориалом», о лете 1833 года говорится: «Лето. Семья Тургеневых живет на даче Энгель близ Калужской заставы, против Нескучного сада, по соседству с домом кн. Е. Е. Шаховской; Т влюбляется в ее дочь, кн. Е. Л. Шаховскую»⁴³.

Совпадает время — лето 1833 года. Реальному Ивану Тургеневу, прототипу Владимира, в эту пору не 16, а 15 лет. У юного героя-рассказчика нет братьев, у Ивана Тургенева их двое: старший Николай и средний Сергей, который рано умрет. Реальный Иван Тургенев, как и вымышленный Владимир, готовится к поступлению в университет; тогда же он ломает руку — при неизвестных обстоятельствах. Был ли причиной перелома описанный в повести прыжок со стены как доказательство любви к Екатерине Шаховской — мы не знаем.

Совпадают ли характеристики отца и матери героя с психологическими портретами Варвары Петровны и Сергея Николаевича? Отца автор пытается «списать с натуры» — изобразить таким, каким он видел его в то время. Поэтому характеристика реального Сергея Николаевича Тургенева: «Он обыкновенно держал себя холодно и неприступно» — точно совпадает с описанием поведения Петра Васильевича: «...он, по своему обыкновению, холодно и вежливо отмалчивался». Тургенев-писатель и не скрывает, что изображает в повести своего отца. С матерью — сложнее. «Матушка» Владимира нарисована одной краской, что и понятно: изображая внутрисемейный конфликт, автор сознательно уходит от сложностей натуры Варвары Петровны, редуцирует женский характер, делая его целиком страдательным («Матушка моя вела печальную жизнь: беспрестанно волновалась, ревновала, сердилась...»). Характер отца рисуется крупно, выпукло, наделяется особым шармом и особой «мужской» жизненной философией. Вот его поучения сыну: «Сам бери что можешь, а в руки не давайся», «Самому себе принадлежать — в этом вся штука жизни», «Умей хотеть — и будешь свободным, и командовать будешь». Главное, что говорится об отце: «Отец мой прежде всего и больше всего хотел жить — и жил». Реальный отец Тургенева, бывший военный, кавалергард, участник войны с Наполеоном, действительно был необычайно хорош собой и пользовался успехом у женщин. Военная его карьера не задалась, и свои дела он поправил, женившись на богатой орловской помещице Варваре Лутовиновой, бывшей шестью годами его старше. Ко времени венчания (январь 1816) жениху было 23 года, невесте — 29, что по тем временам было уже многовато... Кстати говоря, в повести момент «женитьбы на деньгах» присутствует («Мой отец, человек еще молодой и очень красивый, женился на ней по расчету»), а возрастная разница между супругами даже увеличена («она была старше его десятью годами»). Размышления об отце завершаются такой фразой: «Быть может, он предчувствовал, что ему долго не придется пользоваться „штукой“ жизни: он умер сорока двух лет». Сергей Николаевич Тургенев умер сорока лет, не от удара, как герой повести, а вследствие неудачного лечения мочекаменной болезни. И в том и в другом случае смерть пришла неожиданно.

⁴³ Летопись жизни и творчества Тургенева (1818–1858), с. 23.

Если верить Варваре Петровне, был Сергей Николаевич трусоват, боялся начальства. Однако реальное жизненное его поведение говорит о другом. Он не побоялся нарушить царский указ и остался в революционном Париже для проведения операции, за что попал под негласный надзор полиции. Связь Сергея Николаевича Тургенева с молодой девушкой из известного, хотя и обедневшего семейства также не говорит о нерешительности и трусости. Портрет отца, художественно вылепленный сыном, характеристике Сергея Николаевича, данной Варварой Петровной, сильно противоречит. О матери герой говорит: «...она очень его боялась». И дальше: «а он держался строго, холодно, отдаленно». С представлением о трусе не очень вяжутся такие характеристики Петра Васильевича, как «самоуверенный и самовластный» или (он) «презирал робких людей». Можно сказать, что отец в повести если не идеализирован, то явно героизирован. Это настоящий романтический герой, сродни тому же Печорину, не нашедший себя и бросивший все свои природные дарования и наследственный шарм на завоевание женщин. Как Печорин от делать нечего «влюбляет в себя» княжну Мери, так и Петр Васильевич завладевает душой и телом прелестной Зинаиды Засекиной. Зачем? Бог весть, чтобы взять от жизни свое, чтобы почувствовать, что живет... Мы можем только подозревать, как приключение «на водах» повлияло на лермонтовскую княжну Мери, на ее репутацию в свете, на ее судьбу. С княжной Засекиной дело обстоит более определенно и безрадостно.

Для тогдашней барышни то, что совершила Зинаида, было самоубийственно. Даже далекий от жизни юный Владимир хорошо это сознает: «Как могла она, молодая девушка — ну, и все-таки княжна, — решиться на такой поступок, зная, что мой отец человек несвободный, и имея возможность выйти замуж хоть, например, за Беловзорова? На что же она надеялась? Как не побоялась погубить всю свою будущность?»

После случившегося «ей не легко было составить себе партию; были последствия» (слова встреченного Владимиром *через четыре года* приятеля), но она все же выходит замуж. Ее муж человек состоятельный, «прекрасный малый», она «еще похорошела». Однако как Тургенев ни старается смягчить развязку, она драматична. Владимиру не суждено увидеть Зинаиду Засекину, ставшую госпожой Дольской. За несколько дней до его прихода в гостиницу Демута, где она остановилась, «она умерла почти внезапно от родов». Еще одна смерть в рассказе. Сначала неожиданная — в сорок два года — отца, потом «почти внезапная» смерть молодой прекрасной женщины. Причем волей-неволей в нашем сознании эти две смерти связываются. Но и в повести Владимир, услышав сообщение, воображает «эти глаза, эти кудри — в тесном ящике, в сырой подземной тьме — тут же недалеко от меня, пока еще живого, и, может быть, в нескольких шагах от моего отца»⁴⁴. В конце рассказа Тургенев описывает смерть бедной старушки, при которой он присутствовал, узнав о кончине Зинаиды, «по собственному неотразимому влечению». Эта несчастная, много испытывавшая старая женщина умирать не хочет, на ее лице читается «выражение страха и ужаса кончины». Вот тут-то и пробрал рассказчика страх смерти: «...мне стало страшно за Зинаиду, и захотелось мне помолиться за нее, за отца — и за себя». В этот круг тяжелых, ведущих в тупик отношений, завершившихся двумя смертями, рассказчик включает и себя, хотя он был почти сторонним лицом в свершающейся драме. Думаю, что в этом месте автор точно описывает свои переживания, охвативший его, Ивана Тургенева, страх смерти. И вот о чем я думаю. Не отразились ли эти ранние впечатления писателя на его последующем восприятии смерти? Известно, что, извещенный о предсмертном состоянии

⁴⁴ В действительности могилы отца писателя и Екатерины Шаховской находятся в одном городе — Санкт-Петербурге, но на разных кладбищах. Могила Сергея Николаевича Тургенева находится на Смоленском кладбище, Екатерины Львовны Владимировой (в девичестве Шаховской) — на Волковом.

матери, он *пять дней* добирался из Петербурга в Москву, приехав, когда ее уже похоронили. То же было и во время последней болезни Герцена. Тургенев обещал его «вдове» Наталье Тучковой-Огаревой приехать на похороны — и не приехал. Не отзвук ли это драмы, пережитой в ранней юности, не боязнь ли это снова столкнуться со смертью, столь страшно на него подействовавшей в молодые годы?

В реальности история юной влюбленной отца Тургенева, княжны Шаховской, была еще более безысходна.

О княжне Екатерине Шаховской нам известно мало. Тот же Николай Чернов обнаружил, что Екатерина Львовна Шаховская и поэтесса Екатерина Александровна Шаховская — одно и то же лицо. Значит, княжна писала стихи. Все в том же 1833 году была опубликована ее поэма «Сновидение», имеющая подзаголовок «Фантазмагория» и вызвавшая похвальные рецензии «Московского телеграфа» и газеты «Молва»⁴⁵. Дальнейшая судьба молодой прелестной женщины была подкошена встречей с Тургеневым-старшим и предосудительной связью с ним. Исходя из повести мы можем предполагать, что связь имела «последствия». Куда делся ребенок, неизвестно. Почему-то тургенеvedы не задаются этим вопросом. Мне бы хотелось, чтобы читатель не пропустил это обстоятельство. «Последствия», то есть рождение ребенка, относятся как раз к 1833-му, году рождения Вареньки Богданович.

В 1835 году, примерно через год после неожиданной смерти Сергея Николаевича, княжна выходит замуж. Это мезальянс, молодая девушка из известной дворянской, даже княжеской фамилии выходит за 33-летнего вдовца, чиновника 10-го класса (коллежский секретарь), служившего в Горном департаменте, а затем ставшего помощником контролера в Почтовом ведомстве. Лев Харитонович Владимиров, муж княжны, не был дворянином, не располагал ни имением, ни деньгами. Замужество Екатерины Шаховской было порождено отчаянием, по всем признакам, оно было катастрофичным. Родился ребенок, названный Александром. И через шесть дней после его рождения молодой женщины не стало. О судьбе сына и мужа Екатерины Шаховской, в замужестве Владимировой, ничего не известно. Что сказать? После таких известий хочется помолчать. Есть в этой судьбе печать рока.

Семья Тургеневых и княжна Екатерина Шаховская. Попытка реконструкции

Теперь попробуем произвести небольшую реконструкцию реальных отношений между Варварой Петровной и Сергеем Николаевичем в период его романа с Екатериной Шаховской, художественно воспроизведенного Иваном Сергеевичем Тургеневым в повести «Первая любовь».

Знакомство самого Ивана Сергеевича с княжной Шаховской приходится на дачный период 1833 года. Еще раз напомним запись в «Мемориале»: «(Первая любовь.) Княжна Шаховская... Житье на даче против Нескучного»⁴⁶. Дача Энгель находилась по соседству с домом княгини Шаховской.

Когда с барышней Шаховской познакомился отец Ивана, Сергей Николаевич, мы не знаем. Предполагаю, что раньше, на рубеже осени — зимы 1832 — 1833 годов, когда — как следствие увлечения мужа — между супругами начались раздоры и они разъехались. Сергей Николаевич в сентябре снял в Москве «особняк статского советника Муханова в Пречистенской части, в ноябре второй дом в Малом Успенском переулке. Его жена, Варвара Петровна, жила на Кисловке, а сам старший Тургенев поселился

⁴⁵ Николай Чернов. Тургенев в Москве, с. 59—65.

⁴⁶ Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818—1856), с. 23.

отдельно, еще в одном доме — за Никитскими воротами»⁴⁷. Если наша гипотеза верна и между Сергеем Николаевичем и княжной уже была связь, то дома в Пречистенской части, а затем в Малом Успенском переулке последовательно нанимались для нее. Дома снимались, чтобы «пассия» проживала не в родительском доме, принимая у всех на виду женатого ухажера, а подале от людских приметливых глаз. Примерно такой домик изображен в конце повести, он расположен в районе Замоскворечья, там происходит встреча Зинаиды с Петром Васильевичем. Почему мы думаем, что домик находился в Замоскворечье? Отец Владимира «повернул в сторону Крымского брода (ныне район Крымского моста. — И. Ч.) и поскакал вдоль берега». От реки, возле которой с лошадьми стоял Владимир в ожидании отца, «несло неприятной сыростью». Замечу, что и Пречистенка, и Малый Успенский (ныне Сверчков) переулок, где Тургенев-старший нанял дома, находятся вблизи Замоскворечья. Не исключено, что Иван однажды, возможно осенью 1832 года, сопровождал отца в его «тайной» поездке и видел сцену, в чем-то схожую со сценой с хлыстом, потом так впечатляюще воспроизведенную в повести.

Этот эпизод — из основообразующих. Известно, что часто толчком к написанию служит какое-то яркое воспоминание, яркая картина. Часто это картина не начала, а именно конца произведения. Решусь предположить, что именно эта картина-воспоминание, пронесенная через годы, — отец, ударяющий хлыстом по руке возлюбленной, и ее ответная реакция, когда она целует образовавшийся рубец, — подвигла писателя на работу над повестью.

Чего, как кажется, не было, так это пяти ухажеров. Они совсем не прописаны. Это не характеры, а функции, мы знаем, что отставной капитан Нирмацкий внешне безобразен, Беловзоров — гусар, что Майданов — поэт, Малевский — граф, а Лушин — врач. Появляются они только в двух сценах и ведут себя совершенно в духе своих функций: гусар гусарит, поэт сочиняет... несколько больше места уделяется доктору Лушину, который выполняет роль некоего ригориста: он «вразумляет» влюбленного юношу, пытаясь отвадить его от предмета влюбленности.

Реконструируя отношения между членами семьи Тургенева, нужно иметь в виду следующее.

Даже в 1860 году, когда не было в живых никого из основных прототипов героев «Первой любви» (кроме самого автора), Тургенев должен был заботиться о добром имени отца и матери и стараться избегать порочащих их моментов. Еще: за дымкой лет многое ушло из памяти, к тому же в год описываемых событий писатель был 15-летним юношей, он был занят собой и своим (что прекрасно показано в повести), многого не понимал и не видел. Я думаю, что весь ход развития отношений отца и княжны, показанный со всеми его стадиями — временными и психологическими, — скорее всего, плод писательского домысливания, так сказать, вживания в ситуацию. Но какие-то отправные точки для этого вживания все же были.

Так, возможно, летом 1833 года супруги Тургеневы объединились для совместного отдыха на даче. При этом Варвара Петровна не знала, что муж объединился с ней неспроста: его возлюбленная жила под боком, и у них происходили тайные свидания.

В повести Тургенева практически все события происходят за несколько дачных месяцев. Через месяц после переезда в город юноша встречает Зинаиду в домике на реке, через два месяца юный герой поступает в университет. Реальный Тургенев поступает в Московский университет в сентябре. Можно предположить, что реальные события на даче Энгель завершились к августу 1833 года.

Разъезд семьи, вызванный появлением в жизни Сергея Николаевича княжны Шаховской, происходил в сентябре 1832 года, тогда Сергей Николаевич нанял предпо-

⁴⁷ Об адресах домов см.: Николай Чернов И. С. Тургенев в Москве, с. 54—55.

ложительно для нее дом в Москве. Гипотетически можно сказать, что в мае—июне могли наступить *последствия* тайной любовной связи Сергея Тургенева и его пассии.

Обратим внимание на то, что Биби появилась на свет 1 июня 1833 года. Варвара Петровна именно эту дату указала своей питомице как день ее рождения и всегда ее отмечала.

После рождения ребенок мог находиться у кормилицы. Княжна, разумеется, не имела денег — ни на свое собственное содержание, ни на содержание дитяти. Сергей Николаевич должен был договариваться с Варварой Петровной об «условиях перемирия». Договорились предположительно так: Тургенев-старший не уйдет из семьи, но за это Варвара Петровна не будет препятствовать денежной помощи княжне и ее ребенку. Здесь мы вспомним мотив «денежного векселя», данного старухе Засекиной отцом Владимира. Возможно, мотив этот был отражением каких-то реальных денежных отчислений в пользу княжны и ее ребенка, о которых Иван мог слышать.

Конец реальной истории напоминает концовку повести, но лишь в основных чертах. Жизнь дает нам более прихотливый сюжет.

В мае 1834 года Варвара Петровна одна, без мужа, отбывает на лечение за границу. Почему Сергей Николаевич не сопровождает больную жену и ей приходится ехать в сопровождении соседа, барона П. И. Черкасова? Вероятно, все по тем же причинам. Связь с княжной Шаховской держит его в России. Сыновья в это время устроены и не требуют специального внимания: Иван, учась в Московском университете, живет в пансионе Краузе, Николай поступил в Артиллерийское училище в Петербурге.

Позднее в бумагах Сергея Николаевича его вдова найдет строчки, воспроизведенные сыном с некоторыми изменениями в повести «Первая любовь». Мать пишет, что отец «в тот день, как сделался с ним удар» (?!), написал по-французски несколько строк для сыновей: «Мой сын, — пишет он, не называя которого, — бойся заразить кровь свою, бойся почерпнуть *le venin* (яд, заразу, фр.) в презрительных твар.»⁴⁸. У Тургенева в «Первой любви» отец героя умирает от удара, а перед тем он пишет сыну по-французски: «Сын мой, — писал он ко мне, — бойся женской любви, бойся этого счастья, этой отравы». Как видим, писатель переосмыслил отцовское напутствие: в повести речь идет не о продажной любви «презрительных тварей», которые могут заразить дурной болезнью, а о женской любви. По сути, это единственное в повести прямое высказывание отца, выстраданное его судьбой, его ранней смертью, о том, что его волновало больше всего в жизни, — о «женской любви», оно становится камертоном всего произведения...

После отъезда Варвары Петровны на фоне относительно устроенной жизни происходит страшное и непредвиденное. 30 октября 1834 года в возрасте 40 лет в Петербурге уходит из жизни Сергей Николаевич Тургенев. За три дня до этого врач-шарлатан варварским способом начал лечить его от мочекаменной болезни. В результате пациент умер. Сергея Тургенева в отсутствие путешествующей по Европе жены хоронит на Смоленском кладбище брат Николай Николаевич с сыновьями покойного.

Естественно, Варвара Петровна была оповещена о внезапной смерти мужа. Письма за границу шли в то время не более двух недель. Однако вернулась она из своего путешествия только в июне 1835 года, то есть спустя восемь месяцев.

Ничего похожего на такой поворот сюжета в «Первой любви» нет. Но то, что происходит в дальнейшем с «княжной», отчасти совпадает с реальностью. Правда, княжна из повести находит себе мужа с состоянием, «прекрасного малого». В жизни же, как я уже говорила, замужество Екатерины Шаховской было катастрофическим. Не через четыре года, а через год она выходит замуж за чиновника Льва Владимировича.

⁴⁸ Твой друг и мать Варвара Тургенева, с. 166.

Так же, как Зинаида Дольская в повести, реальная Екатерина Владимировна умирает от родов.

Ее похоронили тоже в Петербурге — на Волковом кладбище. Возможно, еще и потому Тургенев-сын представлял могилы отца и его возлюбленной рядом.

Мы не знаем, что случилось с мужем и ребенком бывшей княжны Шаховской, ставшей Екатериной Владимировной⁴⁹. Но почему не задаться вопросом, что случилось с ребенком, родившимся раньше, от романа княжны с отцом писателя (если принять на веру сюжет повести Тургенева)?

По нашему предположению, у княжны Екатерины Шаховской и Сергея Тургенева был ребенок, девочка, родившаяся 1 июня 1833 года и *после смерти обоих* взятая Варварой Петровной на воспитание. Пишу «после смерти обоих», хотя есть и другой вариант, предлагаемый Еленой Михайловной Грибковой⁵⁰. Она считает, что девочка нескольких дней от роду появилась в семье Тургеневых в 1833 году. Мне кажется это невозможным по нескольким причинам. Появление в доме ребенка не укрылось бы от Ивана, лето 1833 года проводившего на даче с родителями. В 1834 году больная Варвара Петровна отправляется за границу на лечение. Где в это время мог быть годовалый ребенок? Остался в доме? Под чьим присмотром? Был взят с собой? Но тогда его нужно было тайно перевозить через границу, ибо в списке отъезжающих ребенок не числится, да и мудро было брать грудного младенца с собой... Сомневаюсь также, что Варвара Петровна согласилась бы взять в дом ребенка своей живой и здоровой соперницы, к тому же еще не вышедшей замуж и претендовавшей на ее мужа. Нет, не похоже это на Тургенева. Она привыкла быть победительницей, а в этом случае ей была бы уготована довольно унижительная роль. Другое дело, взять девочку в дом *после смерти* ее родителей, один из которых был, если верить признаниям, «любимым» мужем Варвары Тургеневой.

Доказать эту последнюю гипотезу с фактами в руках невозможно — из-за отсутствия документов. Их уничтожили целенаправленно, чтобы Варенька и ее окружение не могли догадаться о «тайне ее рождения». В нашем распоряжении остался корпус не так давно изданных (2012 год) благодаря стараниям мемориального музея Тургенева в Спасском писем Варвары Петровны к сыну Ивану. Не будет ли там каких-нибудь намеков, психологических и иных черточек, которые бы помогли подтвердить или опровергнуть нашу гипотезу?! Итак, рассмотрим эти письма.

Письма Варвары Петровны Тургеневой к сыну. Главные персонажи

Мать и сын переписывались шесть лет с 1838-го по 1844 год. Составители сборника считают, что переписка Ивана Сергеевича с матерью «оборвалась... отнюдь не по вине Варвары Петровны»⁵¹.

Сохранились только письма матери, письма же Тургенева, по-видимому, были уничтожены Варварой Петровной. В период получения этих писем Ивану Тургеневу было от 20 до 26 лет.

В письмах Варвары Тургеневой я обращала внимание на упоминание следующих лиц: Сергея Николаевича Тургенева, княжны Екатерины Шаховской, Биби и доктора Андрея Берса.

⁴⁹ Николай Чернов. И. С. Тургенев в Москве, с. 65.

⁵⁰ См.: Е. М. Грибкова. Очерки о жизни Варвары Николаевны Житовой в кн. В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева, с. 180. О том же пишет сама Варвара Николаевна Житова в своих воспоминаниях.

⁵¹ Твой друг и мать Варвара Тургенева, с. 9.

Сергей Николаевич Тургенев в письмах вдовы

Отец Ивана Тургенева, Сергей Николаевич Тургенев (1793—1834), был человеком военным, с 16 лет служил в кавалергардах, участвовал в Отечественной войне 1812 года, был ранен, но по службе продвигался медленно. На Варваре Лутовиновой, засидевшейся в девицах 29-летней богатой наследнице, 22-летний красавец поручик женился по расчету: у него не было денег на «ремонт» лошадей, что грозило бесчестьем. В биографии Сергея Николаевича много темных пятен⁵², мы не знаем точно, был ли он масоном, где находился во время восстания на Сенатской площади в 1825 году, по какой причине с 1833 года состоял под тайным надзором полиции. Однако для нашей темы важно другое. Нам нужно понять, каким Сергей Николаевич предстает в письмах своей жены, Варвары Петровны Тургеневой. И при этом мы должны учитывать адресата этих писем, Ивана Тургенева, любившего отца и не скоро оправившегося после его внезапной смерти.

Указатель имен в конце сборника содержит 130 упоминаний Сергея Николаевича в письмах его жены. Это очень много. Особенно если учесть, что Сергея Тургенева в начале переписки (1838) матери с сыном четыре года как нет в живых. Однако он не сходит с языка Варвары Петровны. Уже в первом письме от 30 июля/11 августа 1838 она пишет сыну о «пометах», оставленных мужем, которые находит в книге: «То карандашом черточка, то ногтем, то уголок загнут, — все это как стрелы в сердце»⁵³. Портрет мужа, его комната — все для нее «священно».

«А отцов кабинет тих, уединен. Никто в него не войдет без ведома — это моя могила, тут я молюсь за отца и с ним беседую мысленно, тут занимаюсь делами... Тут живу прошедшим... воспоминаниями. Только на Смоленском кладбище бываю я счастливее»⁵⁴. Про Смоленское кладбище — там в отсутствие Варвары Петровны был похоронен ее муж — чуть ниже. А пока еще один плохо сохранившийся отрывок — о портрете Сергея Николаевича. По воспоминаниям В. Н. Колонтаевой, один из портретов Сергея Тургенева «всегда был завешен черной тафтой». О нем Варвара Петровна пишет сыну: «Потому что я, отдернув занавес портрета твоего отца, радуясь глядя на (утрач.). Слава богу, что он ничего не чувствует (утрач.)»⁵⁵.

В письме 1842 года, через восемь лет после смерти Сергея Николаевича, его вдова пишет о любви к ушедшему. «Он (Николай Николаевич Тургенев. — И. Ч.) мне напоминает единственную и страстную любовь мою — к отцу. Иногда, Ваня... Нет, ты не поверишь, иногда я бы хотела, чтобы разверзлась земля и выдала мне отца, или к нему взяла. Бывало, всякий раз как входит отец в комнату, всякий раз я рада. Уходит, всякий раз мне жаль расстаться»⁵⁶.

В письме 1843 года: «И что вся жизнь моя давно... давно особенно после смерти отца вашего, не что иное, как летаргия или сон»⁵⁷.

Здесь, как кажется, имеет место некоторое лицемерие. «Отец» нужен Варваре Петровне в переписке с сыном как некий «нравственный козырь», его именем она прикрывается всякий раз, как отчитывает Ивана за денежные траты или неправильное, по ее мнению, поведение. При этом нужно учесть, что Варвара Петровна не может не

⁵² См.: Николай Чернов. Отец Тургенева и его судьба. На сайте Тургеневской библиотеки-читальни.

⁵³ Твой друг и мать Варвара Тургенева, с. 24.

⁵⁴ Там же, с. 80.

⁵⁵ Там же, с. 282.

⁵⁶ Там же, с. 373.

⁵⁷ Там же, с. 395.

сознавать, что сыновья были уже взрослыми, когда отец умер, и прекрасно знают, что ее в этот момент рядом не было. Они не могут не помнить, как вместе с дядей хоронили Сергея Николаевича, а потом еще восемь месяцев ждали возвращения матушки из заграничного вояжа. Однако Варвара Петровна задним числом конструирует свои отношения с Сергеем Николаевичем как трогательно любовные, ей хочется убедить сына в том, что у нее с его отцом был чуть ли не идеальный брак. Мы имеем дело с некой «творимой легендой». Но вот что пишет Варенька Богданович, живущая в доме воспитанница: «При своем уме она (Варвара Петровна. — И. Ч.) хорошо понимала, что ее красавец-муж любил не ее, а ее состояние, что она была для него хорошая, выгодная партия. Жене своей Сергей Николаевич изменял весьма часто — и она это знала»⁵⁸. Варенька не могла наблюдать сама жизнь супругов Тургеневых, о ней она могла знать от слуг, с которыми тесно общалась, в особенности от Агашеньки — так в своих воспоминаниях называет она камер-фрейлину барыни Авдотью Кирилловну Лобанову ...

«Папаша бы не послал тебе денег, не получив в прежних отчету»⁵⁹.

«Отец не едал сладко, чтобы лишнюю ленточку или чепчик прислать или привезти»⁶⁰.

И тут же неожиданно вылезает другое, прямо противоположное и, видно, когда-то сильно беспокоившее:

«...ты мне напомнил об отце, очень кстати. Потому что при его необыкновенных достоинствах — денег не любил считать». Правда, тут же вдова возвращается в привычное русло: «Но! На тебя бы взыскал и так же, как и я! А, может быть, и более меня счету бы потребовал... Он не любил баловать — да и мне заказывал»⁶¹.

Варваре Петровне важно «закрепить» в сознании сына представление об отношении к ней мужа: «Ежели не из лучших, не из худших, как говорил покойный твой отец обо мне: „Мою бабу из десятку не выкинут“»⁶². В письмах к Ивану она — образец супруги, которой муж поверял свои страдания: «...он был уверен, что он в моих глазах найдет соучастие, кто любит, тот всего боится и все понимает, не то что не принимающие участия»⁶³. И, наконец, такое: «Прежде меня не терпели, завидовали... — оттого, что я имела прекрасного мужа, который меня любил»⁶⁴. И еще один отрывок из письма не к Ивану, а к близкой подруге М. М. Карповой, очень для нас важный. В нем Варвара Петровна говорит о сыне Николае, сравнивая его с покойным мужем, то есть с его отцом, на которого старший сын Тургеневых был очень похож внешне. По мысли Варвары Петровны, был он похож не только внешне: «Николаю надобна жена, он точный отец. Любит одну и любит, забывая все и всех — т. е. жену, прочие все — мимо проходящие — и как говаривал его покойный отец: „Для них я минутный, а твой навсегда“»⁶⁵. Вдова Сергея Николаевича через десять лет после его смерти (1834—1844) надеется убедить даже близких ей людей, что муж ее любил и был ей предан, несмотря на все измены, о которых они хорошо знали...

Сыновья знают об имевшей место связи отца с княжной Шаховской, поэтому Варваре Петровне так важно показать, что именно его «страсть», душевное волнение,

⁵⁸ В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева, с. 84.

⁵⁹ Там же, с. 85.

⁶⁰ Там же, с. 87.

⁶¹ Там же, с. 119.

⁶² Там же, с. 442.

⁶³ Там же, с. 206.

⁶⁴ Там же, с. 214.

⁶⁵ Там же, с. 532. Николай Тургенев связал свою жизнь с Анной Яковлевной Шварц, бедной и безродной камеристкой Варвары Петровны, жившей у нее из милости. Мать не устает призывать сына к порядку, требует, чтобы он бросил «метресу» — так она называет женщину, ставшую сыну женой и родившую ему детей.

граничащее с помутнением рассудка, и стали причиной ранней смерти Сергея Николаевича: «Отец ваш умер от душевного волнения. И потому я, может быть, крепче, что я покойна духом, совестью, что страсти не волнуют чувств моих»⁶⁶. Это из письма 1843 года. А вот из более раннего письма 1840 года, где прямо намекается на сумасшествие отца: «Я не сошла еще с ума, я не дерусь, не кусаюсь, — но! Я подозреваю, мне кажется, я видела это из обращения других со мною, я... я, кажется, *потерялась*. Я видела это не над собою, — но! над бедным отцом твоим, который слава богу, умер, не дожив до того, до чего дожил Волков, всеми уважаемый Волков (Александр Александрович Волков, начальник Корпуса жандармов, дальний родственник Тургеневых. — И. Ч.), сошел с ума»⁶⁷.

Тургеневед Николай Чернов воспринимает эти слова вдовы впрямую, считая, что они могут говорить о повреждении рассудка у Сергея Николаевича. Мне же кажется, что Варвара Тургенева ведет здесь свою линию, намекая сыну на то, что отец оставил семью под влиянием безумных страстей, будучи не в своем уме...

Еще один постоянный мотив, связанный с темой Сергея Николаевича.

Варвара Петровна многожды пишет сыну, что после смерти мужа ее единственное желание — скорее переселиться к нему на Смоленское кладбище, эта мысль переходит из письма в письмо:

«Разройте могилу отца, вытащите его оттуда — ежели меня туда зарыть нет способу»⁶⁸.

«А отец твой еще долее молчит, вот 10 лет пишу я на Смоленское кладбище свои думы, мысли, поверяю свое горе, молчит и все молчит. И так мне стало в привычку только дожидаться будущих благ, будущего свиданья — будущей жизни. Я не говорю: я жду тебя, а собираюсь к отсутствующим»⁶⁹.

Мотив «вечной квартиры» у отца на Смоленском повторяется вплоть до последнего года переписки, 1844-го.

В связи с этим хочу прояснить одно не до конца проясненное исследователями обстоятельство. Варваре Петровне вполне резонно ставят в вину, что она так и не поставила памятника на могиле мужа на Смоленском кладбище⁷⁰, в результате чего могила затерялась. Вот что пишет по этому поводу прекрасный тургеневед и москвовед Николай Чернов: «Надгробие на Смоленском кладбище так и не успели поставить. «Отцу в могиле ничего не надо, — уверяла Варвара Петровна сыновей. — Даже памятник не делаю для того, чтобы заодно хлопоты и убытки» (из декабрьского письма 1842 года). Могила потом затерялась⁷¹.

Как кажется, мысль Тургеневой не прояснена исследователем, поэтому читатели могут не понять, *почему*, по какой причине мужу и отцу не ставится памятник его вдовой.

Варвара Петровна пишет: «...здоровье мое час от часу слабеет. Отцу в могиле ничего не надо. Даже и памятника не делаю для того, чтобы заодно хлопоты и убытки. Моя жизнь уже совершенно уничтожена. Я в том положении, как покойный отец был перед смертью...»⁷²

⁶⁶ Там же, с. 496.

⁶⁷ Твой друг и мать Варвара Тургенева, с. 222.

⁶⁸ Там же, с. 495.

⁶⁹ Там же, с. 523.

⁷⁰ См.: Твой друг и мать Варвара Тургенева, комментарии: «Памятник на могиле С. Н. Тургенева на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга установлен не был», с. 393, сноска 9.

⁷¹ Николай Чернов. И. С. Тургенев в Москве, с. 77.

⁷² Твой друг и мать Варвара Тургенева, с. 390.

Из текста письма видно, что вдова предпочитает, чтобы сыновья, похоронив ее вместе с мужем на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге, заодно взяли на себя «хлопоты и убытки» по установке памятника на могиле. Но Варвара Петровна умрет только через восемь лет, произойдет сие в Москве, на Остоженке, хоронить ее будут все тот же брат мужа, Николай Николаевич Тургенев, и старший сын Николай Сергеевич (Иван на похороны опоздает), никому из родственников и в голову не придет везти ее тело в Санкт-Петербург и хоронить вместе с Сергеем Николаевичем (чья могила к тому времени действительно затерялась), последнее успокоение она найдет в некрополе Донского монастыря.

Замечу еще, что Варвара Петровна говорит в письме о положении, «в котором покойный отец был перед смертью», говорит так, словно она видела его в этом положении, между тем Сергей Николаевич умер через полгода после ее отъезда, причем его смерть ничто не предвещало. Это еще один пример создания вдовой некой «легенды» об отце и муже.

«Поетка». Екатерина Шаховская

Итак, если суммировать, то из писем Варвары Петровны выходит, что Сергей Николаевич в последние годы своей жизни вовсе не был с нею накануне разрыва, что единственная, кого он любил и для кого экономил деньги, чтобы купить лишнюю ленточку или чепец, была она, его законная супруга. Но адресат этих писем, сын Иван, не мог не знать о связи отца с княжной Шаховской. Этой женщине, запретной последней любви отца и первой автора, посвящена повесть «Первая любовь», об автобиографичности которой Иван Сергеевич во всеулышание заявлял. О ней, судя по воспоминаниям Житовой, Варвара Петровна говорила сыну в сердцах в 1846 году: «Один бросил меня из-за женщины, ему ни в чем ни равной, другой, ты... в писатели пустился...»⁷³ Стало быть, Варвара Петровна прекрасно осознавала, что муж ее бросил, и просто разыгрывала в письмах принятую на себя роль.

Гневное упоминание о Екатерине Шаховской мы встречаем в письме матери к сыну от 26 марта/7 апреля 1839 года из Спасского. Прошло *пять лет* со смерти мужа и *три года со смерти* «разлучницы», Екатерины Шаховской-Владимировой. Варвара Петровна выговаривает сыну: «Что ты мне это напеваешь старую песню княжны Ш. — да будет проклята память о ней!.. Да разве ты не знаешь, что она бедного честного человека, мужа больной жены — Елла а (нрзб.) — Она (нрзб.) Злодейка писала к нему стихами... Когда он уехал от ее раскрытых прелестей, как прекрасный...

О! Зачем ты противился

На... преступленье... На земле

Проклятия на небеса... и прч. (нрзб.),

которые ты меня вынуждал дать тебе прочесть?

Несчастный человек. Замучила совесть. Кончил жизнь насильственной смертью... В тот день, когда ей объявили нечаянно у Бак(униных), где она готовилась идти на сцену, играли какой-то Proverbe (драматическая поговорка) ее дяди Шах(овского). Чтобы скрыть, как она думала... Она захохотала истерически. — Не буду я матерью сына... Несчастливого умершего (нрзб) она сказала присутствующим...

На все, что я говорю или пишу, имею доказательства, письменные. И потому, — Я прежде тебя просила, теперь приказываю: *de ne jamais prononcer devant moi ce nom maudit*» (никогда не произносить в моем присутствии это проклятое имя, с фр.)⁷⁴.

⁷³ В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева, с. 103.

⁷⁴ Твой друг и мать Варвара Тургенева, с. 188.

Здесь нужно анализировать каждое слово. Мать пишет, что сын «напевает ей старую песню» — и дальше: «княжна Ш.». Значит, двадцатилетний Иван спрашивает Варвару Петровну о княжне Шаховской, и не впервые. Он интересуется и ее стихами, которые, видимо, были найдены вдовой после смерти Сергея Николаевича в его переписке («Злодейка писала к нему стихами»). Варвара Петровна не хочет вспоминать о княжне, накладывает на эту тему запрет («да будет проклята память о ней», и в конце письма: «Я прежде тебя просила, теперь приказываю: никогда не произносить в моем присутствии это проклятое имя»). Почему сын не должен это имя произносить в присутствии матери? Вот объяснение: «Да разве ты не знаешь, что она бедного честного человека, мужа больной жены...» Фраза обрывается, но можно попытаться ее продолжить: «пыталась соблазнить и увести из семьи». В созданной Варварой Петровной «легенде» ее муж был не соблазнителем, а соблазненным, несчастным честным человеком, да еще и мужем «больной жены», которого в результате «замучила совесть» и который «кончил жизнь насильственной смертью». Трудно понять, что имеет в виду Варвара Тургенева под выражением «насильственная смерть», выделенное в письме курсивом. Самоубийство? Варвара Петровна, создавая свою легенду, видимо, совсем забыла, что при кончине Сергея Николаевича не присутствовала, а сын Иван, бывший в то время возле отца, называет причиной его смерти изуверское лечение мочекаменной болезни лекарем-шарлатаном, который три дня поджаривал Тургенева-старшего на огне. Насильственной смертью это не было, ибо врач уморил больного не умышленно, а в процессе лечения.

Посмотрим, что говорит Варвара Тургенева о княжне Шаховской. Княжна обвиняется в том, что она соблазнила, увела «бедного честного человека». Шаховская называется «злодейкой». Говорится, что Сергей Тургенев «уехал от ее раскрытых прелестей, как прекрасный...» Текст испорчен, но мы можем его дописать по смыслу — «Иосиф». Сергей Николаевич сравнивается с библейским «прекрасным Иосифом», который убежал от сладострастной жены Потифара. Отрывочно цитируются стихи Шаховской к Сергею Николаевичу, где выделяются слова «противился», «преступление... На земле», «Проклятия на небеса». Вывод здесь можно сделать тот же: Варвара Петровна стремится возложить всю вину за уход мужа из семьи на Екатерину Шаховскую. Сергей Тургенев, в ее интерпретации, «противился» связи, убежал от Шаховской, а преступив, испытывал муки совести и едва ли не сам наложил на себя руки.

Следующий кусочек письма тоже следует читать внимательно. Варвара Петровна сообщает сыну, как восприняла Шаховская известие о смерти Сергея Николаевича. Еще раз напомним, что все сведения собраны вдовой больше чем через полгода после случившегося. По ее сведениям, княжна услышала о смерти Сергея Тургенева у Бакуниных, когда готовилась к выходу на сцену в каком-то драматическом сочинении ее дяди Александра Александровича Шаховского⁷⁵. Семья Бакуниных, как и семья Шаховских, была разветвленной. В данном случае речь идет о Михаиле Михайло-

⁷⁵ В роду Шаховских много ветвей. Родным братом отца Екатерины Шаховской и, соответственно, ее дядей был драматург-комедиограф Александр Александрович Шаховской (1777—1846). Александр Шаховской долгие годы возглавлял дирекцию Императорских театров Санкт-Петербурга. Обратим внимание, что оба брата Берсы служили врачами в Императорских театрах, а старший Берс, Александр, какое-то время служил медиком в семье Шаховских (правда, в «родоводе» не сказано, каких именно Шаховских). Важным нам кажется то, что семья Берсов была знакома с семьей Шаховских, дальних родственников тех Шаховских, о которых идет у нас речь, и нашла у них убежище во время нашествия Наполеона. Подробнее об этом в главе о Берсах. Соседями Тургеневых по тульским владениям были Иван Леонтьевич Шаховской, генерал от инфантерии и член Государственного совета, и Софья Алексеевна Шаховская, в 1839 году она вместе с молодым Иваном Тургеневым пережила пожар на борту парохода «Николай 1». Иначе говоря, фамилия Шаховских была одной из тех фамилий, среди которых жили и с кем водили знакомство Тургеневы.

виче Бакуanine (1764—1837) и его супруге Варваре Ивановне (кстати, троюродной тетке Варвары Тургеневой), чья дочь Прасковья Бакунина⁷⁶, поэтесса и писательница, была дружна с Екатериной Шаховской⁷⁷. Варвара Петровна приводит в письме реакцию Екатерины Шаховской и интерпретирует ее. По ее мнению, княжна «истерически захохотала», чтобы скрыть свои чувства при сообщении о смерти ее возлюбленного. На мой взгляд, такая реакция вполне органична для экзальтированной нервной княжны. Следующие две фразы Шаховской даны у Варвары Петровны вразбивку. Для понимания их нужно соединить: «Не буду я матерью сына несчастного умершего». Фраза ясна. Княжна уже имела от Сергея Тургенева дочь, а вот сын, о котором они, возможно, оба мечтали, после смерти Сергея Николаевича так и останется в мечтах.

Если читать письмо дальше, то мы обнаружим, что в его второй части речь идет о Биби. И как кажется, неспроста. Сразу за приказанием сыну «никогда не произносить имени княжны Шаховской» Тургенева пишет: «Но! Оставим ее, поговорим о Биби...»⁷⁸ Elle est charmante (она очаровательна, с фр.) И мила, и умна, и хороша. И замысловата. Беспрестанные ответы чудные.

Например, Лизета (Е. А. Сорокина, гувернантка) говорит: „Не понимаю, за что дядя вас любит“.

Que voulez vous, — l'amour est aveugle (Что вы хотите... любовь слепа, с фр.).

А дядя без ума, без памяти. Танцует gracieuse (грациозно)... Прелесть, прелесть. Кто тебе сказал, что мы на науку — „нет“, она читает. Словом, бесподобная девочка, и я согласна хоть сейчас ее тебе отдать в жены. Она не хочет, говорит: C'est mon frère (это мой брат, с фр.)⁷⁹.

В предыдущих письмах за 1838 год Варенька уже появлялась, Варварой Петровной беспрестанно подчеркивается ее милота и всеобщая к ней любовь⁸⁰. В этом письме говорится об особой любви к девочке дяди, Николая Николаевича Тургенева. Можно споткнуться здесь о слово «дядя». Почему «дядя»? Николай Николаевич был родным дядей сыновей Варвары Петровны. Но в воспоминаниях Варвары Житовой мы найдем объяснение: «Мы все звали его (Николая Николаевича Тургенева) дядей, и был он дядя-баловник для нас всех»⁸¹. Если продолжить о дяде, то не потому ли он так сильно любит эту девочку, что она «дочь брата» (вопрос: кто из окружения Варвары Петровны был в тайну посвящен?). Важный момент возникает в конце письма. Варвара Петровна шутливо говорит, что готова отдать Биби, при ее бесспорных достоинствах, в жены сыну Ивану. И приводит ответ ребенка (видимо, очень хочется Тургеневой этот ответ донести до сына), отводящий такую возможность: «Это мой брат». Не своими устами, а устами девочки Варвара Петровна «проговаривается» о тайне ее рождения. Но может быть, она говорит, что Биби — *ее дочь*? Так, во всяком случае, считала сама Биби. К этой возможности мы еще вернемся.

⁷⁶ Более известна семья брата Михаила Михайловича Бакунина, Александра Михайловича (1768—1854), тверского помещика и владельца имения Прямухино, с его сыном, будущим анархистом Михаилом Бакуниным, Тургенев жил во время учебы в Германии и общался впоследствии; с Татьяной Александровной Бакуниной, одной из четырех дочерей Александра Бакунина, у Ивана Тургенева был роман.

⁷⁷ Прасковья Бакуниной завещал свой архив дядя Екатерины Шаховской, драматург Александр Александрович Шаховской.

⁷⁸ Биби в это время шесть лет. Исходя из нашей гипотезы, к 1839 году она живет в семье Тургеневых около года.

⁷⁹ Твой друг и мать Варвара Тургенева, с. 189.

⁸⁰ Биби любят все, только бабушка, мать Сергея Николаевича, к ней холодна. Скорей всего, она считает девочку «грехом» невестки.

⁸¹ В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева, с. 85.

А пока продолжим наш разговор о княжне Шаховской.

Несмотря на свой запрет упоминать имя Шаховской, Варвара Тургенева сама же его нарушает. В письме из Москвы от 1840 года она пишет сначала о том, какова должна быть жена (имея в виду себя): «Жена должна быть хороший вахмистр у своего мужа — приказы исполнила в точности и скоро и, и верно». А абзацем выше Варвара Петровна делает очень важное для нашей темы признание: «Принес нам муж деньги, заперла, прибрала и ключ повесила на крест. *Сказал муж на ухо слово — замкнула эту тайну еще глубже в сердце — и ни гу-гу*» (выделано мною. — И. Ч.)⁸². Почему бы не предположить, что речь здесь идет о «тайне рождения Биби»? Не сказал ли однажды Сергей Николаевич жене, что поручает ей воспитать ребенка — его и Екатерины Шаховской, — если тот останется сиротой?

Предположение становится еще более реальным, если обратить внимание на то, что буквально следом в письме идет пассаж о «злодейке» Шаховской: «А эти поетки... Ох! Они мне... Выйдет Шиховская. Уморят и умрут — и детей оставят, и своих, и чужих, сирых»⁸³. Екатерина Шаховская — Варвара Тургенева презрительно изменяет ее фамилию на «Шиховская» — по мысли Варвары Петровны, повинна в сиротстве как детей Сергея Тургенева, так и своих собственных. Но к смерти Сергея Николаевича она причастна была лишь фигурально — в воображении его вдовы, а вот ее собственные дети без нее безусловно осиротели. Ребенок, рожденный в браке с Владимировым, чья судьба нам не известна, хотя бы имел отца. А дитя от связи с Сергеем Тургеньевым в 1836 году, со смертью матери, полностью осиротело.

Повторим, что наша догадка состоит в том, что Варвара Петровна Тургенева взяла ребенка к себе после смерти обоих его родителей — о чем, мы полагаем, втайне просил ее муж. Было это в 1836-м или в 1838 году. Воспоминания Варвары Житовой о жизни в семье Тургеньевых хронологически начинаются с 1838 года. Переписка Варвары Тургеньевой с сыном также начинаются в 1838-м. В пять лет ребенок начинает уже что-то осознавать, в три года он, как правило, не помнит ни себя, ни окружающих. Сама Варвара Житова пишет в своих воспоминаниях так: «В 1833, нескольких дней от рождения, я была с согласия моих родителей и по желанию Варвары Петровны Тургеньевой, матери Ивана Сергеевича Тургеньева, принесена в дом ее и принята ею в качестве воспитанницы, или, вернее, приемной дочери, как то и будет видно из моих воспоминаний о семье Тургеньевых»⁸⁴. Понятно, что Житова пишет о «принесении в дом» с чужих слов, скорее всего, со слов самой Варвары Тургеньевой, желавшей сохранить тайну рождения девочки. Оборот «с согласия моих родителей» смысла не имеет, так как в воспоминаниях с самого начала приводятся слова Варвары Тургеньевой, что девочка «сирота», не имеет ни отца, ни матери.

Но тут стоит еще раз вернуться к предположению, что матерью Биби была сама Варвара Петровна Тургенева.

Могла ли Варвара Тургенева быть матерью Биби?

Выше уже назывались причины, по которым Варвара Тургенева не могла быть матерью Биби. К 1833 году (год рождения Вареньки) была Тургенева в солидном возрасте (46 лет), болела по женской части, чуть позже, в конце 1837 года, перенес-

⁸² Твой друг и мать Варвара Тургенева, с. 254.

⁸³ Там же.

⁸⁴ В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургеньева, с. 16.

ла гинекологическую операцию⁸⁵; сама ВП постоянно удивлялась, почему так сильно любит «чужого ребенка» («Не понимаю, не постигаю, как могу я любить так много чужого ребенка. Видно, так Богу угодно. Без тебя бы, ежели бы ее не было, я подлинно впала бы в апатию» — из легкого письма сыну Ивану из Спасского 1842 года⁸⁶). В комментариях к письмам Варвары Петровны о Вареньке Богданович сказано: «Предположительно — внебрачная дочь А. Е. Берса... Версия о том, что В. Н. Богданович была внебрачной дочерью В. П. Тургеневой, не находит достаточно убедительных подтверждений»⁸⁷.

Между тем в книге О. Ю. Сафоновой «Род Берсов в России» утверждается следующее: «У А. Е. Берса была побочная дочь Варвара Николаевна Богданович-Лутовинова (в замужестве Житова; 1833—1900) от матери И. С. Тургенева Варвары Петровны Тургеневой, рожденная в ту пору, когда Берс служил у нее домашним врачом, и воспитанная матерью»⁸⁸. Эта же версия воспроизведена в Википедии. Чтобы приблизиться к истине, обратимся к свидетельствам самой Варвары Петровны Тургеневой.

Приведем несколько отрывков из ее письма 1838 года из Спасского. В нем Варвара Петровна пишет Ивану о «поношениях» соседей, клеветующих на нее Николаю Сергеевичу (старшему брату Ивана): «Я отдаю себя на суд охотно. Уверена, что много скрыто то, что со временем откроется не к бесславию вашему. Все мои поступки чисты... святые. И сын может на них смотреть — не увидит пятна»⁸⁹.

Варвара Петровна полагает, что то, что скрыто, со временем откроется, причем она при этом останется чиста; о своих поступках она говорит «святые». Речь идет как раз о тайне рождения Биби, тайне, которая со временем так и не открылась — по причинам, нам неизвестным. Но если наша гипотеза верна и Биби была дочерью Сергея Николаевича Тургенева, то Варвара Петровна, практически удочерившая Биби и любившая ее как родную (о чем ниже), действительно могла собой гордиться и называть свои поступки «святыми».

Вот продолжение того же письма: «Родные ваши со стороны отца грызут и хотят, как волки, вырывать клочками мою честь, доброе мое имя. — Но! Им не удастся (добродетель всегда победит, с фр.) С женщиною, не достойною такого уваженья, не обходились бы уважительно. Как хочешь, а все бы видна была улыбка (двусмысленная, фр.) — а иной и прямо бы бухнул, как про Катерину Ивановну Новосильцеву». Тургенева отрицает свою запятнанность, она чиста перед мужем и его родственниками. Правда, логика у нее странная: она достойна уваженья, ибо в противном случае с ней не обходились бы уважительно (видимо, соседи). Продолжим цитирование:

«Они также сказали брату, кто отец Биби. Не знаю, что они хотели из этого, какое заключение вывести. Матери-то невозможно знать никому... Мать известна была отцу и мне, а третье лицо слишком рассеянно, беспечно, чтобы думать об этом. Итак, Биби — моя собственность, несмотря ни на чьи толки. Charmante... très charmante petite (Прелестная, очень прелестная малышка, фр.) Враги ее не могут не сознаться, а она мое сг'ation (создание, фр.). Я торжествую, оставим эту глупую историю»⁹⁰. Текст этот с трудом поддается расшифровке. Предложу свое толкование.

Варвара Петровна настаивает на том, что не она мать Биби. Мать девочки известна была отцу, то есть Сергею Николаевичу Тургеневу, и ей, Варваре Тургеневой. Кто

⁸⁵ Там же, с. 23.

⁸⁶ Твой друг и мать Варвара Тургенева, с. 380.

⁸⁷ Там же, с. 39, сноска 32.

⁸⁸ О. Ю. Сафонова. Род Берсов в России, с. 44, сноска.

⁸⁹ Там же, с. 69.

⁹⁰ Твой друг и мать. Варвара Тургенева, с. 69.

же тогда «третье лицо»? Кто, в представлении Варвары Тургеневой, слишком рассеян и беспечен, чтобы думать «об этом», иначе — о ребенке? Полагаю, что Варвара Петровна имеет здесь в виду Екатерину Шаховскую. Имя «злодейки» называть она не хочет, только дает ей характеристику как женщины совершенно безответственной, которой нет дела до собственного дитяти. Малышка, «завещанная» Варваре Тургеневой мужем, не имея ни отца, ни матери, целиком зависит от воли своей «воспитательницы». Биби — ее создание, и это сознание дает Варваре Петровне чувство победы над соперницей. Она торжествует над Екатериной Шаховской. При жизни та ее победила, забрав у нее мужа, теперь же, после смерти Шаховской, «присвоив» себе ее дочь, Тургенева ощущает себя победительницей.

Выше я предположила, что Биби попала в дом Варвары Тургеневой или сразу после смерти ее родной матери, в 1836 году, или пяти лет от роду, в 1838-м. Уж больно свежи нападки родных на доброе имя Варвары Петровны, уж больно остер вопрос о происхождении Биби. Но точной и доказательной даты появления девочки в доме Тургеновых мы, скорее всего, не узнаем.

Теперь зададимся вопросом, на который уже пытались ответить, но без использования переписки: мог ли Андрей Берс быть отцом Биби?

Андрей Берс — отец Биби?

Скажу несколько слов о семье Берсов, благо в ответ на мой запрос об этой семье директор Музея-усадьбы Ясная Поляна Екатерина Александровна Толстая любезно прислала мне книгу О. Ю. Сафоновой «Род Берсов в России» (М.: Энциклопедия сел и деревень, 1999).

Братья Берсы, Андрей (1808—1868) и Александр (1807—1871), были сыновьями Евстафия (Густава) Ивановича Берса, державшего в Москве аптеку. О том, были Берсы родом из Германии или из Австрии, сведения расходятся⁹¹. Считается, что документы о дворянском происхождении рода сгорели в московском пожаре 1812 года, тогда же было потеряно нажитое имущество плюс два дома. В царствование Николая Первого братья Берсы усиленно хлопотали о восстановлении дворянства, чего и добились, Андрей — через год после женитьбы на Любови Иславиной, в 1843-м, Александр — в 1844-м. Матерью братьев была Елизавета Ивановна Вульферт, присходившая, по словам внучки Татьяны Кузминской, «из старинных вестфальских дворян». Как бы то ни было, в России Елизавета Ивановна занималась повивальным делом⁹². Не совсем понятно, почему это занятие Елизаветы Ивановны не отражено в книге Ольги Сафоновой, там сказано о матери братьев Берс другое: «Елизавета Ивановна открыла швейную мастерскую и работала сама вместе с наемными швеями — шила ридикюли»⁹³. Евстафий Иванович и Елизавета Ивановна отдали сыновей, как сказано у биографа, «в лучший в то время пансион Шлецера»⁹⁴. Но нужно понимать, что учились мальчики в пансионе на «безвозмездной основе» благодаря хорошему отношению к их семье его хозяина Шлоцера⁹⁵. Предполагаю, что и на медицинский факультет Московского университета оба сына разорившегося провизора были приняты за государственным

⁹¹ О. Ю. Сафонова. Род Берсов в России, с. 10.

⁹² См.: Николай Чернов. И. С. Тургенев в Москве: «она (Е. И. Берс. — И. Ч.) сведущая повивальная бабка, с. 56.

⁹³ О. Ю. Сафонова. Род Берсов в России, с. 12.

⁹⁴ В Записке о родословной А. А. Берса владелец пансиона назван Шлоцером.

⁹⁵ Там же, с. 13.

ный счет, то есть находились в положении «казеннокоштных» студентов, в отличие от «своекоштных»⁹⁶.

Работать оба начали рано. Старший, Александр Евстафьевич, по окончании университета (1827) работал домашним врачом у князей Шаховских⁹⁷. В родоводе, а также в других источниках не уточняется, у каких именно Шаховских был домашним врачом Александр Берс. Но поскольку жил Александр Евстафьевич в Петербурге⁹⁸, то, скорее всего, был он устроен у Александра Александровича Шаховского, успешного драматурга и родного брата «московского» Льва Александровича Шаховского (отца возлюбленной Сергея Тургенева). Существует семейный рассказ Берсов о том, как в войну 1812 года сначала Елизавета Ивановна с детьми, а затем и сам Евстафий Иванович нашли приют у кого-то из представителей князей Шаховских — в их имении под Ковровом во Владимирской губернии. Они знали друг друга по Москве: Берс снабжал Шаховских, Михаила Александровича и его супругу, лекарствами⁹⁹. Логично сделать вывод, что связи с семьей князей Шаховских, идущие еще от родителей, помогли устройству Александра Берса на должность семейного врача драматурга Александра Шаховского. Впоследствии Александр Берс поступил на госслужбу, стал врачом в Дирекции петербургских театров, и легко предположить, что в этом молодому человеку помогла протекция его бывшего работодателя, влиятельного в театральных кругах князя Шаховского, который до 1826 года возглавлял эту самую дирекцию.

Вообще прибывшим из чужих краев в Россию Берсам, конечно же, приходилось прибегать к знакомствам и протекции, чтобы заработать себе положение, а молодым — сделать карьеру. Кстати сказать, именно таков путь Берга, героя «Войны и мира». Не хочу сближать реальных лиц и персонажа романа Толстого. Но путь иностранца наверх, как правило, был сопряжен с налаживанием связей. Полагаю, что и младший брат Андрей Берс, главный герой этой главки, стал домашним врачом у Тургеневых — причем сразу по окончании университета — благодаря своим родителям. Варвара Петровна, родившая троих сыновей, нуждалась в услугах опытной акушерки, да и связь со знающим аптекарем, поставщиком лекарств, была необходима для всякой состоятельной московской семьи. Без такого объяснения трудно понять, как совсем еще молодой двадцатилетний доктор, только что окончивший курс, мог в роли домашнего врача сопровождать Тургенева-старшего в заграничный вояж, целью которого было проконсультироваться с парижскими светилами по поводу камня в почке, а потом, по возможности, избавиться от него¹⁰⁰.

⁹⁶ Один из лечивших Варвару Тургеневу врачей, Беневоленский, служивший уездным врачом во Мценске, окончил медицинский факультет Московского университета «на собственные средства», то есть учился как «своекоштный» студент (см.: Твой друг и мать Варвара Тургенева, с. 84, примечание 11).

⁹⁷ См.: О. Ю. Сафонова. Род Берсов в России, с. 14. Правда, на с. 17 это свидетельство племянника (А. А. Берса) благополучно забывается, и в перечислении карьерных ступеней Александра Берса работа у князей Шаховских не упоминается.

⁹⁸ В книге Сафоновой говорится, что Александр и Андрей «стали впоследствии родоначальниками двух ветвей Берсов: петербургской и московской», с. 11.

⁹⁹ Николай Фролов. Тесть Льва Толстого спасался в ковровском селе. Газета «Владимирский край» от 1 сент. 2010.

¹⁰⁰ В записке А. А. Берса, приводимой Сафоновой, сказано, что Сергей Тургенев взял с собой в Париж «жену, своего малолетнего сына Ивана Сергеевича и в качестве домашнего врача моего отца, Андрея Евстафьевича Берса» (О. Ю. Сафонова, с. 14). Об этом же пишет Татьяна Кузминская (там же, с. 14). На самом деле Сергей Николаевич весной 1829 года уехал по медицинским делам за границу в сопровождении Андрея Берса и двух слуг, вернулся осенью или зимой, а затем опять в сопровождении Берса отправился в Париж в апреле 1830 года. См.: Николай Чернов. Тургенев в Москве, с. 41–42, 46, а также «Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева», с. 16, 17.

Около двух лет, 1829—1831 годы, провел Андрей Берс вместе со своим подопечным в Париже.

Дочь Татьяна Кузминская пишет о поездке отца так: «Отец мой всегда вспоминал об этом путешествии, как о самом приятном, поэтическом времени. Два года прожил отец в Париже. Он с особенным интересом рассказывал про это время. Он посещал лекции и совершенствовался в своей специальности. По вечерам он слушал итальянскую оперу, в которой участвовала известная певица того времени Малибран. Отец был очень музыкален; больше всего он любил итальянскую музыку и нередко сам принимал участие в известных любительских итальянских операх, устраиваемых в те времена в Москве княгиней Волконской. Вернувшись из-за границы летом 1831 года, Андрей Евстафьевич перевез родителей к себе»¹⁰¹. Даты совпадают с указанными у Николая Чернова и в «Летописи жизни и творчества И. С. Тургенева (1818—1858)». А вот содержание рассказа дочери, как кажется, не полностью соответствует реальному положению молодого Андрея Берса. Трудно поверить, что врач, сын аптекаря, мог на равных принимать участие в затеях княгини Волконской, собиравшей избранное дворянское общество. Что до посещения парижской оперы, скорее всего, он ее действительно посещал — вместе с патроном или без (тогда нужно было самому тратиться на билет); любопытно, что слушал он великую, рано умершую Малибран, старшую сестру Полины Виардо, знакомство с которой Тургеневу-младшему еще предстоит. На таможне при въезде в Россию Сергей Тургенев дал письменное объяснение: «...я из-за границы возвращаюсь, и при мне люди, Андрей Остафьев сын Берс и два человека, Михаил Лобанов и Илья, в столичный город Москву»¹⁰². Здесь врач Берс хотя и отделен от крепостных, но назван в числе «людей», иначе — челяди, или, как сейчас говорят, «обслуживающего персонала».

Последующие несколько лет семья Тургеневых проводит в Москве. По приезде из Парижа Андрей Евстафьевич поступает на государственную службу и перевозит родителей к себе. В мае 1834-го Варвара Петровна в сопровождении троих служителей и Елизаветы Ивановны Берс, матери Андрея Берса, отбывает за границу — на долгое лечение¹⁰³. Получается, что сын, Андрей Берс, был в заграничной поездке компаньоном Сергея Николаевича Тургенева, а мать, Елизавета Ивановна Берс, была взята в качестве компаньонки его женой, Варварой Петровной Тургеневой. Такой, выражаясь по-современному, «семейный подряд» на оказание услуг и составление компании. Впоследствии, как мы увидим, это продолжится, и Андрей Берс будет рассматриваться в семье Тургеневых не столько и не только как врач, но и как компаньон в часы досуга и как поверенный в делах.

Во второй половине июня рокового для него 1834 года Сергей Николаевич с сыном Иваном переезжает в Санкт-Петербург¹⁰⁴, где в Артиллерийском училище учится старший сын Тургеневых — Николай. 30 октября (11 ноября) в Петербурге на 41-м году жизни, после трех дней ужасных мучений, Сергей Тургенев умирает. Лечил его какой-то французский врач-шарлатан.

Операция по удалению камня благополучно прошла в 1831 году, что потребовало от Сергея Тургенева неординарно смелого решения: Николай Первый приказал всем россиянам покинуть революционную Францию. Полковник Сергей Тургенев, ожидавший операции, остался в Париже. Не потому ли был он сочтен ослушником и взят под секретный надзор?

¹⁰¹ О. Ю. Сафонова. Род Берсов в России, с. 14.

¹⁰² Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818—1858), с. 22.

¹⁰³ Твой друг и мать Варвара Тургенева, с. 32, сноска 9.

¹⁰⁴ Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818—1858), с. 25.

Согласно сведениям, приводимым О. Ю. Сафоновой, в ноябре 1831 года Андрей Берс «был определен в ведомство Московской дворцовой конторы», а весной 1832-го «помещен на вакансию штаб-лекаря Московской дворцовой конторы»¹⁰⁵. Но как врач и компаньон он оставался в поле зрения Варвары Тургеневой, о чем свидетельствуют упоминания о нем в письмах к сыну. Упоминается в этих письмах и Елизавета Ивановна Берс. В письме из Москвы 1841 года мать сообщает Ивану, что ее домашние — компаньонка Анна Шварц, воспитанница Мавра Сливицкая со своим братом — пошли к Елизавете Ивановне на день рождения (Биби была в это время нездорова и спала)¹⁰⁶. Значимая деталь, говорящая о непрекращающемся общении двух домов.

В той же книге Сафоновой «Род Берсов в России» можно найти рассказ о том, как Андрей Евстафьевич зимой 1841 года познакомился со своей будущей женой Любовью Иславиной. Находясь в Туле, она серьезно заболела. Местные врачи помочь ей не могли. В это время в Туле проездом в Орловскую губернию находился врач из Москвы. Дальше процитирую пересказ воспоминаний Т. А. Кузминской:

«Это был Андрей Евстафьевич Берс, который ехал к И. С. Тургеневу в его орловское имение. Он был приглашен к больной и вылечил ее, оставаясь в Туле до полного ее выздоровления»¹⁰⁷. Скоро после этого 34-летний Андрей Берс женится на 16-летней Любви Иславиной: брак считался неравным — как по положению (семейство Любви Александровны было древних дворянских корней), так и по возрасту¹⁰⁸. Не совсем согласуется с рассказом сообщение о том, что зимой 1841 года доктор Берс ехал к Ивану Сергеевичу Тургеневу. Судя по источникам, в это время Ивана Тургенева в Спасском не было, как и его матери, проводившей зиму в Москве¹⁰⁹. А вот осень 1841 года Варвара Петровна жила в Спасском. В письме к Ивану от 13/25 октября 1841 года из Спасского она пишет: «Я не могу писать всего письма своею рукою, не очень здорова, о чем писала к Берсу». И дальше: «Это письмо получишь ты от Берса»¹¹⁰. Андрей Берс приезжал к ней из Москвы — для оказания врачебной помощи (возможно, совмещая свои приезды с охотой, которая была его страстью)¹¹¹. И, как видим, передавал в Москве письма от матери к сыну.

О женитьбе Андрея Берса мать сообщила Ивану в лаконичной форме, в одном предложении: «Берс женится на побочной дочери Исленьевой»¹¹², дает ей в приданое 76 тысяч». Комментаторы не остановились на этой фразе, а она непонятна. По смыслу получается, что за Любочкой приданое дает сам Берс. Но, скорее всего, это «плохая грамматика» — Варвара Петровна написала «дает» вместо «дают». Андрей Берс в это время, да и позже, не был богат. Жизнь в кремлевской квартире, по воспоминаниям дочерей, была весьма скромной. Известно, что, выдавая свою дочь Соню за графа Льва Толстого, Берс приданого за ней не дал¹¹³. Обратим внимание: письмо Варвары Петровны писано 6 мая 1842 года, а свадьба Берса состоялась 23 августа то-

¹⁰⁵ О. Ю. Сафонова. Род Берсов в России, с. 28.

¹⁰⁶ Твой друг и мать Варвара Тургенева, с. 285.

¹⁰⁷ О. Ю. Сафонова. Род Берсов в России, с. 29.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева, с. 51.

¹¹⁰ Твой друг и мать Варвара Тургенева, с. 346.

¹¹¹ 10/22 февраля 1854 года Иван Тургенев писал Аксакову, что хочет опубликовать письмо, «в котором изложится мнение одного здешнего охотника и хорошего моего знакомого, доктора Берса — о разных темных вопросах, касающихся до прилета и улета дичи». Там же, с. 180, сноска 21. В письме от 16/28 июля 1840 года Варвара Тургенева сообщает Ивану: «...я тебе приготовила собачку берсовой породы, хвалят очень». Там же, с. 227.

¹¹² Там же, с. 360.

¹¹³ См.: П. В. Басинский. Бегство из рая. Астрель, 2010: «...за ней (Соней. — И. Ч.) не было ни гроша приданого», с. 34.

го же года. Стало быть, Варвара Тургенева была уведомена Андреем Евстафьевичем о его предстоящей женитьбе заранее — за четыре месяца. После женитьбы Андрей Берс почти не встречается в письмах Варвары Петровны, он как бы перестает для нее существовать. Варенька Житова писала о похожем случае с Николаем Николаевичем Тургеневым, деверем Варвары Петровны, с которым из-за его женитьбы она «почти окончательно разошлась». «Она держала около себя людей, считавших ее одну средоточием всех своих помыслов»¹¹⁴.

Берс считался ловеласом. Родные Андрея Берса не сомневались в том, что в молодости у него был роман с Варварой Тургеневой, которая имела от него дочь¹¹⁵. Без комментариев приводит эту версию и Павел Басинский в своем романе-исследовании о Льве Толстом «Бегство из рая». Еще раз напомним, что существует и «усеченная версия»: Берс — отец, а кто мать — неизвестно: «(Варвара Житова) — Предположительно — внебрачная дочь А. Е. Берса... Версия о том, что В. Н. Богданович была внебрачной дочерью В. П. Тургеневой, не находит достаточно убедительных подтверждений»¹¹⁶.

Чтобы прояснить для себя эту версию, внимательно рассмотрим корпус писем Варвары Петровны Тургеневой к сыну. Найдем там все упоминания о Берсе, восстановим контекст этих упоминаний. Это даст хоть какую-то путеводную нить в нашем поиске.

Андрей Берс в письмах Варвары Тургеневой к сыну

Андрей Берс, если смотреть по указателю имен, упоминается в письмах Варвары Петровны 36 раз (вместе со всеми сносками). Это немало, но и не достигает числа упоминаний о самых близких людях: умершем муже Сергее Николаевиче Тургеневе (130), жившем рядом «дяде» Николае Николаевиче Тургеневе (247), наезжающем в гости старшем сыне Николае Сергеевиче Тургеневе (315), домашней любимице Вареньке Богданович (118). Число упоминаний Андрея Берса сопоставимо с количеством упоминаний людей из обслуги: конторщика Лобанова (45), компаньонки, живущей в доме, а затем убежавшей к старшему сыну и ставшей ему женой, Анны Шварц (67).

Уже говорилось, что Андрей Берс был большой любитель охоты и охотничьих собак. В письме из Спасского в марте 1839 года мать приглашает Ивана: «...приезжай как только начнутся вакансии к Петрову дню (29 июня/12 июля) стрелять в Спасское». При этом она обещает: «А собаки, охотники, товарищи, т. е. Берс, Купершмидт (учитель музыки и страстный охотник. — И. Ч.), Ларион (лицо не установленное) и все, сколько могу собрать, будут готовы»¹¹⁷. В летне-осеннем письме Варвары Тургеневой за 1840 год из Москвы читаем: «Берс тебе кланяется, велел сказать, что охота нынче плоха и неудачна»¹¹⁸.

Барыня — в Москве и характеризует сначала свое ближайшее окружение, а потом друзей и знакомых, в число коих попадает Берс. Знакомых перечисляет. Это сосед по самотеченскому дому отставной поручик Татаринев, о котором Варвара Петровна пишет, что он стал попивать, и потому она велела ему ходить к ней реже. Еще — некая Елеонора, жена учителя музыки (его мы знаем, это Купфершмидт), Вивьен —

¹¹⁴ В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева, с. 85.

¹¹⁵ О. Ю. Сафонова. Род Берсов в России, с. 44.

¹¹⁶ Твой друг и мать Варвара Тургенева, с. 39, сноска 32.

¹¹⁷ Там же, с. 176.

¹¹⁸ Там же, с. 235.

учитель рисования в семье Тургеневых, Погорельский, бывший у Тургеневых учителем математики¹¹⁹. Можно сказать, что в Москве Варвару Петровну окружают люди, работавшие у нее в доме в те времена, когда дети еще не выросли. Андрей Берс входит в их число. Тургенева называет его и в постскриптуме письма из Москвы от 14/26 января 1841 года, перечисляя всех, кто ждет вместе с ней приезда Ивана Тургенева из-за границы. Это она сама, Биби и вторая воспитанница Мавра, компаньонка Аннета Шварц, а также бывшие учителя детей¹²⁰.

Приехав в начале июня 1841 года в Россию, Иван сразу отправился на охоту в Спасское и в имение дяди Николая Николаевича — Юшково. В октябре он уже в Москве, и мать не упускает случая дать ему «ценные указания» по поводу московских посещений в послании от 26 сентября / 8 октября из Спасского: «О Берсах нечего тебе говорить, ты пошлешь к нему (Андрею Евстафьевичу Берсу. — И. Ч.) первому и он будет рад тебе, а ты в нем найдешь собеседника». Берсу в это время 32 года, на десять лет больше, чем Ивану, он уже десять лет служит штабс-лекарем Московской дворцовой конторы и у него много «хороших знакомств». Варвара Петровна продолжает в этом же письме: «Берс обещал повести тебя к Марье Аполовне Волковой. Старая умная придворная фрейлина — врет с царем всячину. К ней все ездят на поклон. Это в твоей воле — быть не быть»¹²¹. Марья Аполовна Волкова, судя даже по этой краткой, но выразительной характеристике, — типичная барыня еще из «грибоедовской Москвы», — та же явленная зрителю Хлестова или упоминаемые в комедии «Татьяна Юрьевна» и «княгиня Марья Алексеевна», от мнения которых зависят карьеры и судьбы...

Денежные поручения — это тоже сфера Берса. Варвара Петровна обещала сыну Ивану заплатить его долг Кривцову. Андрей Евстафьевич знал об этом, и когда Кривцов приехал в Москву, «Берс его видел у кого-то, тоже сказывал (что Тургенева в Москве. — И. Ч.)¹²². Непонятно, кто от кого бегал, но долг этот за Иваном Тургеневым оставался несколько лет. Вот еще одно поручение, связанное с деньгами: Иван Сергеевич не получил денег, посланных ему братом Николаем. Когда все средства узнать, что с ними случилось, были исчерпаны, Варвара Петровна призывает на подмогу Андрея Евстафьевича: «Я посылала не раз к банкиру, через которого послали. Он уверяет, что деньги ты давно должен получить, завтра Берс едет сам к нему аккуратно выправиться»¹²³.

Кстати, именно деньги стали причиной ссоры Варвары Тургеневой со старшим братом Андрея Берса — Александром, жившим в Петербурге. Осенью 1841 года прибывший из-за границы Иван, находясь в деревне, прибег к услугам врача — Александра Евстафьевича Берса. Можно предположить, что тот, будучи таким же страстным охотником, как и брат, приехал в эти места на охоту. Иван за лечение не заплатил — оставил свой долг матушке. Ей, судя по письмам, расставаться с деньгами было чрезвычайно тяжело. Но сыну в письме она пишет дипломатично: «В декабре — Кривцову — 1575 заплачено за тебя (на самом деле не заплачено. — И. Ч.), да доктору Берсу за лечение 200 — он требовал»¹²⁴ (тоже не заплачено. — И. Ч.). Действительно, Александр Евстафьевич написал письмо Варваре Петровне с требованием денег, но из этого ничего не вышло, кроме ссоры. Ссора была затяжная: в 1843 году в письме из

¹¹⁹ Там же, с. 235, сноски в письме № 31.

¹²⁰ Там же, с. 296.

¹²¹ Там же, с. 330. См. также у С. А. Толстой в «Моей жизни»: (он) «был в большой дружбе с именитыми дамами: фрейлиной М. А. Волковой кн. Соф. Ст. Щербатовой, к которой ездил по вечерам играть в преферанс...», цитирую по книге О. Ю. Сафоновой «Род Берсов в России», с. 37.

¹²² Твой друг и мать Варвара Тургенева, с. 249.

¹²³ Там же, с. 282.

¹²⁴ Там же, с. 296.

Спасского мать строго предупреждает сына, что запрещает «перехватывать (деньги. — И. Ч.) у тех людей, кого бы я и знать не хотела — Берса и проч.»¹²⁵.

Младший Берс, наоборот, был у Варвары Петровны в доверии и исполнял обязанность поверенного в делах, в частности в денежных. Не потому ли именно Андрею Евстафьевичу она оставила вексель для вручения Биби при наступлении ее совершеннолетия?

На правах старого друга дома Берс составляет «барыне» компанию в карточной игре. Варвара Петровна на осень—зиму переселяется в Москву. Она могла бы поехать к старшему сыну Николаю в Петербург, где он тянет служебную лямку, но ей веселее в Москве: «...мне с братом жить в Петербурге скучней, чем одной в Москве. Брат не любит карт, а я без преферансу жить не могу».

И продолжает: «...могу ежедневно часа два просидеть за зеленым сукном, это рассеивает мысли, особенно вечерами, где ни писать, ни читать не могу. Теперь эту должность правит Берс»¹²⁶. Варвара Петровна прибегает к его услугам, когда не хочет выезжать из дому.

В качестве врача Андрей Берс также пользуется Варвару Петровну, хотя лекарей у нее много. В Спасском всегда под рукой Порфирий, вышедший из крепостных, с Иваном Тургеневым в качестве дядьки-камердинера живший в Берлине, овладевший немецким и вольнослушателем прошедший в тамошнем университете курс медицинских наук. Именно о нем, Порфирии Кудряшове, с нежностью вспоминает Варенька Богданович: в детстве он вылечил ее от тяжелой горячки, взяв лечение на себя и не убоившись барыниных угроз сослать его в Сибирь, если девочка не выздоровеет. В Спасском Варвара Петровна, в придачу к Порфирию, зовет докторов из ближайшего Мценска¹²⁷ и Орла (доктор Гутсейт).

В Москве, кроме Берса, в случае надобности Тургеневу и членам семьи лечат известные Пеликан и Эпихин, а также известный в древней столице доктор Иноземцев — он находился бессменно при постели уже умирающей Тургеневой...¹²⁸ В письме к своей подруге М. М. Карповой из Москвы от 3 /15 февраля 1844 года Тургенева описывает болезнь Ивана: «...записал его Берс в Английский клуб и поехал с ним обедать. Вернулся оттуда, и почувствовал себя дурно... сделалась инфлуэнция в горле, потом перешла инфлуэнция в легкое. Кровопускание, пьявки — ничего не помогало. Пеликан, Эпихин, Берс — лечут; слава богу, ему стало лучше, вне опасности»¹²⁹.

В том же 1844 году, месяцем раньше, она сама занемогла: «...что я очень больна — свидетель мне и дядя, и брат, и сейчас приехавший ко мне мой друг и доктор». Далее следует приписка на немецком языке рукой Андрея Берса: «Я чувствую себя обязанным, мой дражайший друг Иван Сергеевич, написать Вам, что Ваша госпожа матушка находится в очень возбужденном состоянии и выражает большое желание видеть Вас. — Состояние ее здоровья в общем не самое лучшее, и беспокойства, которые она испытывает ежедневно, могут ей еще более повредить. Примите мой дружеский поклон. Ваш преданный друг Берс. 3 февраля» (пер. с нем.)¹³⁰.

¹²⁵ Там же, с. 396, в сноске указывается: «имеется в виду Александр Евстафьевич Берс».

¹²⁶ Там же, с. 241.

¹¹⁹ «Но и кроме Берса, есть дом Львовых (московские знакомые, сослуживцы Сергея Тургенева. — И. Ч.), где решительно дожидают меня в 7 часов вечера».

¹²⁷ Николая Сергеевича Тургенева в Петербурге в экстренных случаях консультирует сам Арендт, лейб-медик царя.

¹²⁸ См.: В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева: «Сам Федор Иванович Иноземцев, начавший лечить Варвару Петровну с 1848 года...», с. 64.

¹²⁹ Твой друг и мать Варвара Тургенева, с. 503.

¹³⁰ Там же, с. 502.

И по характеристике Берса, данной «мамой» Тургеневой («мой друг и доктор»), и по его конфиденциальному письму Ивану Сергеевичу можно понять, что человек этот — один из «друзей дома», врач, ставший другом. Однако можно заметить, что отношения с ним бывшей «хозяйки» — чисто деловые, далекие от лирических.

Ни разу Берс не назван Варварой Тургеневой в контексте, связанном с Варенькой Богданович. Не он лечит девочку в случае болезни, даже весьма серьезной, угрожающей смертельным исходом¹³¹. Неужели если бы был Андрей Евстафьевич ее отцом, его бы не позвали к ее постели, когда она тяжело болела сначала оспой, а потом горячкой? Оба раза ее выхаживали другие люди, лечили другие лекари.

В свою очередь, в «Воспоминаниях» Варвары Николаевны Житовой Андрей Берс почти начисто отсутствует. Мы встретим его там всего два раза, причем один раз он не назван. На с. 64 «Воспоминаний» мы читаем, что в Москве друг и домашний врач Варвары Петровны никогда не прописывал ни одного лекарства, не поговорив с Порфирием (Порфирий Кудряшов, крепостной врач помещицы, которого при жизни она так и не освободила...). «Друг и домашний доктор» Варвары Тургеневой, живущий в Москве, — это, конечно же, Андрей Берс. А назван Андрей Евстафьевич Берс в воспоминаниях Житовой-Богданович как тот, кому «барыней» был дан вексель для Вареньки: «На векселе, данном до моего совершеннолетия на имя Андрея Евстафьевича Берса, по требованию Варвары Петровны сделана была передаточная надпись на мое имя, по которой я должна была получить от ее наследников 15 000 серебром»¹³².

Именно это обстоятельство — выданный на его имя вексель для Вареньки — было определяющим, когда Берса называли ее отцом. Все прочее: и полное невнимание — его к ней, а ее — к нему, и отсутствие каких-то моментов общения и интереса друг к другу — могло свидетельствовать только против этого предположения. Да и трудно поверить, что Варвара Петровна взяла на себя тяжесть воспитания незаконного дитяти Берса, к тому же снабдив этого ребенка деньгами в случае своей смерти. Важно отметить, что не Берса, а сына Ивана Варвара Тургенева определяла на роль «покровителя» девочки после своего ухода. Но об этом — в следующей главе.

Варенька Богданович и Варвара Тургенева

Начну эту главу с самого первого предложения в «Воспоминаниях о семье И. С. Тургенева», написанных Варварой Николаевной Житовой-Богданович через год после смерти Ивана Тургенева, в 1884 году: «В 1833 году, нескольких дней от рождения, я была с согласия моих родителей и по желанию Варвары Петровны Тургеневой, матери Ивана Сергеевича Тургенева, принесена в дом ее и принята ею в качестве воспитанницы, или, вернее, приемной дочери...» Приведем и два последующих предложения: «У Варвары Петровны я оставалась до дня ее кончины, последовавшей 16 ноября 1850 года, в Москве, на Остоженке, в доме Лошаковского... При постели умирающей было нас двое: Николай Сергеевич, старший ее сын, и я»¹³³.

Мемуаристка эта особая, она не все «проговаривает», надеясь на понимание читателей. В этом смысле важны ее указания на то, что она провела с Варварой Петровной 17 лет, была ей «приемной дочерью», вдвоем с сыном Николаем присутствовала при ее кончине (Иван был вызван из Санкт-Петербурга и добирался оттуда пять (!) дней, так что к похоронам не успел, чего, видимо, и желал). Уже по этим фактам можно видеть степень близости Вареньки и ее «приемной матери». Близость — дочер-

¹³¹ В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева, с. 65—66.

¹³² Там же, с. 160.

¹³³ Там же, с. 16.

няя. А вот факты, названные вначале, вызывают сомнения: мы уже много раз говорили, что невозможно было при той ситуации, какая существовала в семье Тургеневых в 1833 году, взять в дом маленького ребенка. Время с 1833-го по 1836 год турбулентно для Тургеневых, это время отчуждения между мужем и женой, отъезда Варвары Петровны за границу для лечения, переезда Сергея Николаевича с Иваном в Петербург для перевода сына из Московского в Санкт-Петербургский университет. Это время неожиданной смерти Сергея Тургенева, которого похоронят на петербургском Смоленском кладбище, так что он и Варвара Петровна после смерти окажутся не только на разных кладбищах, но и в разных городах. Не до маленького ребенка в таких обстоятельствах! По нашему предположению, Тургенева взяла девочку к себе в 1836—1838 годах, когда у той не было уже в живых ни отца, ни матери. Напомню, что предполагаемая мать Вареньки, Екатерина Шаховская, умерла родами, не дожив до 22 лет, в 1836 году. Фраза, что взята она была «с согласия родителей», тоже сомнительна. Тем более что об этих «родителях» Варенька так никогда ничего и не услышала от Тургеневой. Та говорила ей только, что она «сирота». По воспоминаниям некоторых мемуаристов, да и судя по собственным воспоминаниям Варвары Николаевны Житовой, сама она считала матерью свою приемную мать¹³⁴.

Удивительная синхронность — и записки Варвары Житовой, в прошлом Вареньки Богданович, и переписка Варвары Тургеневой с сыном начинается в 1838 году. В тот год 20-летний Иван, окончив курс обучения в Санкт-Петербургском университете, уехал учиться в Берлин. И в тот год вплоть до середины мая (отплытия Ивана на пароходе «Николай I» в Германию) «семья» живет в Санкт-Петербурге, а затем поселяется в Спасском.

Житова пишет: «Весь 1838 год по болезненному состоянию Варвары Петровны мы жили совсем уединенно»¹³⁵. Только ли «по болезненному состоянию» Тургеневой? Не было ли еще какой-то причины, например, той, что у Варвары Петровны появилась воспитанница, маленькая белокурая девочка, тоже Варвара, которую «хозяйка» стала звать «Биби»...

Прежде чем говорить о Биби, скажем несколько слов о самой Варваре Петровне Тургеневой. В своих «Воспоминаниях...» Варвара Житова объясняет неприятные черты своей приемной матери («эгоизм, властолюбие, а подчас и злоба») условиями, в которых та провела свое детство. Варвара Лутовинова (1787—1850) не была любима своею матерью. После смерти мужа Катерина Ивановна вторично вышла замуж за некоего Сомова, в результате она возненавидела свою дочь и стала «мачехой для Варвары Петровны и матерью для девиц Сомовых, ее падчериц»¹³⁶.

Ситуация эта, на мой взгляд, позднее отчасти повторится в поведении самой Варвары Петровны: лишая своих сыновей денежной помощи, не оформляя на них имения, она в то же время всячески баловала свою воспитанницу, по нашей версии — дочь своего мужа, Вареньку Богданович.

В 16 лет Варвара Лутовинова бежит из дома — от посягательств отчима. Приставнице она находит в Спасском у своего дяди Ивана Ивановича Лутовинова, после смерти которого становится наследницей огромного состояния: имение в пять тысяч душ только в Орловской губернии, а также много деревень в губерниях Центральной России. На тот момент ей было 26 лет. Еще через три года, в 1816-м, некрасивая и засидевшаяся в девках, но богатая помещица выходит замуж за 22-летнего красавца поручика Сергея Тургенева. Для Сергея брак был спасением — назначенный ре-

¹³⁴ Е. Д. Жолудова, М. В. Жолудов, В. Н. Житова: судьба и жизнь рязанской провинциалки. Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Сб. научных работ. Рязань, 2001, с. 97—99.

¹³⁵ В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева, с. 23.

¹³⁶ Там же, с. 18.

монтером, он был послан на закупку лошадей для полка, денег у обедневшего семейства не было, единственным выходом был брак на богатой, так что Сергей Николаевич женился по расчету. Сергей Николаевич Тургенев жил в свое удовольствие, верности супруге не хранил и очень рано умер. Внешне супруга мало горевала по умершему супругу. Правда, в письмах к сыну она то и дело его поминает. Судя по письмам, была Варвара Петровна человеком сильным и весьма своеобразным, имела на все свое мнение, была начитанна, ценила образование, сама оно не получив, прекрасно знала французский язык и увлекалась сентиментальной французской литературой. В ее доме был крепостной театр, ставились русские пьесы, существовал крепостной оркестр, и жили музыканты. Для детей нанимались учителя музыки, танцев, языков... При этом повадки Тургеневой обличали в ней жестокою и властную барыню-самодуршу, не терпящую возражений и привыкшую к беспрекословному подчинению. Даже любя своего сына Ивана — а в любви к нему она признается во многих письмах, — она его бесконечно мучила, назойливо требовала педантичных отчетов о тратах, лишала денежной поддержки. Сыну Николаю она исковеркала жизнь, не признав его жену и лишив его семью всякой финансовой помощи. Обоих сыновей держала на коротком поводке, до зрелых лет не вводя их во владение имениями и не оформляя на них наследства. Что уж говорить о дворовых людях, чья жизнь, особенно у тех, кто был приближен к барыне, была чередой унижений и издевательств... Истеричная, необузданная, жестокая, не имеющая привычки себя сдерживать, но умеющая, когда нужно, играть в кротость и смирение, ханжа, не верующая в Бога, мало кого, кроме себя, любящая (разве что сына Ивана, и то — садистски, да еще Вареньку Богданович, которой тоже изрядно доставалось), временами сентиментальная, ценящая «прекрасное», но не признающая крепостных людьми и для своих нужд отрывающая свою крепостную служанку от грудного ребенка, такая натура могла существовать только в неестественных условиях тогдашней России.

Имя Вареньки возникает уже в первом письме из Спасского от 30 июля/11 августа 1838 года. Иван уехал на учебу в Германию совсем недавно, весной, и в одном из писем обещал прислать Вареньке крестик. И вот подряд в нескольких письмах Варвара Тургенева замечает, что крестик этот еще не получен, хотя девочка «нетерпеливо ожидает его». Удивительное дело! Варвару Петровну не узнать там, где она говорит о Вареньке. Как оберегает она юное существо от «неправильного» влияния: «Елизавету Андреевну (гувернантку. — И. Ч.) надо непременно от нее прочь, она так груба, и Варенька перенимает ее манеры»¹³⁷. И дальше: «Варенька подвержена золотухе, и это приводит меня в отчаяние. То бросится на ухо, то в нос, то в глаза. И теперь ресницы красны, весь нос заляжет. Я ее очень люблю»¹³⁸. Здесь для нас важны две вещи. Употреблено сильное — лексически и эмоционально — слово: «отчаяние», причем в «отчаяние» приводит обычная в общем для детей болезнь. И второе. Прямо говорится о любви к девочке. Два сильнейших чувства по отношению к неродному пятилетнему ребенку — как непохоже это на Варвару Петровну! И еще одно важное обстоятельство. Кому сообщается об этом? Сыну. Мы увидим, что из письма в письмо Варвара Петровна будет писать о Вареньке и о своих к ней чувствах. С какой целью? Зачем? Об этом поговорим потом. А пока выпишем отрывки о Вареньке из некоторых писем разных лет:

¹³⁷ Твой друг и мать Варвара Тургенева, с. 2. Сама Варвара Петровна в письме к сыну может написать: «Экий ты „болван“ за неимением другого слова» или «Прямая ты пареная репа, никуда не годная». Она может себе позволить написать и так: «Ты не совсем здоров. Опять калека в доме...» Это ли не грубость, это ли не отсутствие элементарной деликатности?

¹³⁸ Там же.

Варенька Богданович в письмах Варвары Тургеневой

1838

«А Биби все мила, все весела — все без цепочки» (с. 44, август—сентябрь, Спасское).

«А Биби мила, как живая куколка (ее учат танцам за 100 рублей)...» (с. 59).

«Биби начинает понимать па. Она все так же мила и умна, даже и холодный брат твой ее любит. Нам очень жаль, что твой франкфуртский гостинец все еще не прислан...» (сентябрь—октябрь, Спасское, с. 61).

«Что за Биби славная девочка, как у ней ножки выворочены, какие грассы... как стройна, мила. Все бы глядел на нее, почти всю французскую кадрили выучила. Charmante... charmante» (преlestна, прелестна, фр.) (с. 80).

«Например, нет возможности не любить Биби... Враг этой девочки, наконец, ей отдаст справедливость... Говорит она (бабушка, мать Сергея Николаевича. — И. Ч.) дяде: „Девочкой этой занимаются как царицей“... Помилуй, какая зависть»¹³⁹ (октябрь, Спасское, с. 81).

«У Биби коклюш, всю ночь прокашляла с визгом, жар и рвота. А между тем такой умный ребенок, беспокоится, что я не почиваю» (с. 127).

«К вечеру жар Бибиши усилился, послали опять за докторами. Я (очень) трусила, дядя ругал все и всех. А я плакала, вообразив, что у меня отымают под старость куклу — которая меня очень утешает. Такая девочка, какую я не могла бы лучше слепить из воску и одушевить. Боюсь, умрет... и на меня нападет скука, которой я болезненно очень боюсь и по ее милости избавлена» (с. 128).

«Дядя спал в гостиной, и мы попеременно ходили (к ней) в отцовом кабинете. Жар был ужасный, поутру доктор приехал. Ей лучше, слава богу! Но! Все она слаба. Кажется, однако, опасности нету, и доктор уверяет, дай-то бог! Я буду не утешна» (декабрь—январь, Спасское, с. 128).

1839

(ВП планирует приехать к сыну в Германию) «Я, моя Биби, моя немка (А. П. Шварц — И. Ч.), девка, повар и Гаврила... Ты будешь чай кушать да Бибинькины вздоры слушать, а она премилая девочка» (март, Спасское, с. 164—165).

«...Поедем в ландо... Беру немку (А. П. Шварц. — И. Ч.), Дуняшку, мамзель (гувернантка Биби, — И. Ч.), Биби и я (с. 181).

«...Бибинька растет, хорошеет, мила, умна, добра, начинает читать» (март—апрель, Спасское, с. 182).

«...Поговорим о Биби... И мила, и умна, и хороша и замысловата... Прелесть, прелесть. Кто тебе сказал, что мы на науку — „нет“, она читает. Словом бесподобная девочка, и я согласна хоть сейчас ее тебе отдать в жены. Она не хочет, говорит: „C'est mon frère“» (это мой брат, с фр. — И. Ч.) (с. 189, март—апрель, Спасское).

«Вот, кстати, матерья о девочке. Боюсь я, что она не будет то, что тебе нравится. Она блондиночка, англичаночка. Ты этого не любишь. Она не... томна, не нервозна, не застенчива, не уныла. Напротив — всегда весела как майское солнце. Прежде нежели проснулась, губы смеются, открыла глаза — заболтала. Мы не знаем, что такое

¹³⁹ Я уже высказывала предположение, что нелюбовь матери Сергея Николаевича Тургенева к Биби может объясняться неясностью происхождения девочки. «Бабушка», как и соседи, могла предполагать, что Биби — внебрачная дочь Варвары Петровны.

дитя не в духе. Всегда всем (довольна)... Что интересно, читает охотно сказочки, рассказы (утрач.) еще охотней. Одеваться любим, талия прекрасная, бюст, ловкость, грациозность, приветливость. Рука не мала, но! хороша и нежна, les bras (руки) прелестные. Нога не мала, но! выправлена и хорошо обута. При этом ндрав ангельский, послушна, независтлива, покорна, смирна, кротка — вот моя девочка. Ласкова уж чересчур, я бы желала ее подичее. Возьми ее на руки незнакомый, чужой...пойдет. Я не люблю этого ни в собачках, ни в девочках. И та и другая должна (любить) по моему, одного хозяина. Впрочем, у ней всем любовь особая. Дядя — (утрачено) исключенье. Меня, няню, Лизу (гувернантка), Колю, всех любит иначе. А тебя — (утрач.) мой Ваничка, и помнит как ты ее смаркивал за столом. Очень, очень (утрач.) Я уже имею удовольствие, чего всегда желала, слышать от встречающихся. (утрач.) Общий голос не обманчив — ella est jolie... (она красива). Но! Как, чем более смотришь, тем (более) находишь, qu'elle est bien (что она хорошая). Это для меня лучшая красота» (июнь, Мценск, с. 204–205).

1840

«До осени надеюсь, что Биби будет болтать прекрасно (по-французски. — И. Ч.) Она же на это склонна — учить она ленива. — Но! зато играет в куклы с ними как ребенок и говорит, говорит» (июль, Москва, с. 224).

«Ундины¹⁴⁰ моя растет и милеет» (сентябрь, Москва, с. 235).

(ВП говорит о своей готовности ехать к Ивану Сергеевичу за границу, перечисляет спутников: «Я, горничная, немка (Анна Шварц. — И. Ч.) и Биби. Кстати, о Биби. Она так умна, как собачонка. В ней инстинкт ко мне. Неотлучна, кротка, терпелива, послушна, грациозна, миловидна, — но! она не совершенна — в ней есть тоже слабость. Ленива к ученью и говорит, что это не грех, потому что в 10 заповедях этого греха не показано. Лакома до того, что может красть конфеты. Небережлива, любит наряжаться, вот и все, более за нею нет пороков» (октябрь—ноябрь, Москва, с. 251).

«После смерти отца... я СЧИТАЛА, что была вам нужна. Потом я СЧИТАЛА, что ВЫ мне нужны. А теперь вижу, что мне никто не нужен, кроме теплой и уединенной обители, где могу иметь цветы, птиц и Биби. Пока еще она мила, как кукла, щеребрит около меня» (ноябрь, Москва, с. 253).

«P. S. Биби умна и мила, тебя помнит. Она un peu votre rival, mon amie... je d' aime bien (немного ваша соперница, мой друг... я ее сильно люблю (выделено мною. — И. Ч.). Это большое счастье — мочь кого-нибудь любить в жизни» (с фр., декабрь, Москва, с. 259).

«Биби живет в Москве в отдельной комнате, Мавра с Анной Шварц... Дядя еще здесь и тебя цалует — Биби тоже, и все мои...» (ноябрь—декабрь, Москва, с. 266).

1841

«Я не знаю, как ты теперь найдешь Биби, пондравится ли она тебе. Мне кажется, что я ее слишком, не умею сказать по-русски — je la fais trop bieir pour un enfant (я нахожу ее слишком хорошей для ребенка). Беленькая, бледненькая, грациозная, стройненькая, живая, ласковая, любящая, лакомка ужасная, один порок. Я стала ее менее выказывать, la donner en spectacle (выставлять напоказ, с фр. — И. Ч.) Она танцует, качучу пляшет. И мне кажется, ей нравятся похвалы. Женщина» (декабрь—январь, Москва, с. 279).

¹⁴⁰ В детстве Вареньке приходилось декламировать отрывки из «Ундины» перед ее автором В. А. Жуковским, бывавшим в доме Тургеневой.

«Биби — моя кукла — но! я не знаю, что с нею делать. Учить по-немецки дорого, отдать в пансион — боюсь, испортят манеры, хотя на полупансион, как Маврушу. Нет! Она еще очень молода. Гувернантки все мерзавки, халды или *ignorante* (невежды, с фр. — И. Ч.) Девочка мила, умна, бела, нежна, добра — и как почка белого розану, грациозна — как бутончик цветка» (январь, Москва, с. 297).

«Ты ДОЛЖЕН жить с матерью, где бы то ни было. ДОЛЖЕН покоить ее старость, ДОЛЖЕН дожидаться конца ее жизни на месте, а не в походе. ДОЛЖЕН быть при ее смерти, ДОЛЖЕН ее похоронить¹⁴¹ (говорит о том, что у нее есть. — И. Ч.):

...цветы, Биби, но! все это прилагательное. Один ты. — Ты. Ты. Где ты, там и я — в Америке, в Сибири. Увижусь, ежели от радости не умру, то не расстанусь с тобою более никогда» (февраль—март, Москва, с. 305—306).

«Я все не переменяю своего намерения не брать Биби в Москву, пока я ей найду хороший пансион...

Я возьму с собою Биби, *не могу расстаться, в доме без нее пусто* (выделено мною, — И. Ч.). Я думаю, ей для компании возьму *Chalumeaux* (свирель, соломинка, с фр.) Она говорит по-французски и по-немецки. А между тем эта маленькая субретка не требует ухода за собою» (октябрь, Спасское, с. 338—339).

1842

«Биби вьет на твой портрет венки свежие ежедневно, а я молю за тебя» (июль, Спасское, с. 364).

«Вчера ударила она (гувернантка. — И. Ч.) Биби по руке, что мне было очень неприятно. Я этого не видела, она сама мне сказала, что Биби на нее гордо поглядела. Я просила ее, однако не возобновлять этого и не повторять этих жестов» (июль—август, Спасское, с. 369).

«Я приехала домой, Биби вся красна. Что такое? Ужасные были спазмы, спала, наелась на ночь малины со сливками... «*Mais pourquoi lui donnez vous cela* (но зачем вы ей это даете, с фр. — И. Ч.) — сказала я Катерине Григоровне (гувернантке. — И. Ч.). Она в слезы... „Вот я знала, я же буду виновата...“ Капризы гувернанток, подумала я, из чего переносить, не родная дочь...»¹⁴² (июль—август, Спасское, с. 373).

«Нет! Я еще люблю, я люблю и лучше сказать, *мне жаль оставить Бибочку* (выделено мною. — И. Ч.). Бедный ребенок, она без меня совсем будет не то. Брат (Николай Сергеевич. — И. Ч.) может жить без меня, хотя чаще меня вспомнит, нежели ты. — Но! ты... со временем отыщешь теплоту женскую... Но! пока — я с моею неограниченною любовью нужна тебе, как камин среди зимы. А пока я тебе нужна, я желаю жить для тебя, — *но! более еще для Биби* (выделено мною. — И. Ч.). А жизнь не люблю, особливо без тебя. Биби мила и резва — она не очень ко мне привязана, может обойтись без меня, т. е. не почувствует моего отсутствия, и потому ты моя пища душевная. Без тебя мне жизнь равнодушна.

А я, Иван. Что я чувствую? Все мои мысли, желанья — жить с тобою, при тебе. На твоих руках. Ждать твоего приходу. Вот опять придет Ваня — и мне покойно, свет-

¹⁴¹ Привожу этот отрывок, косвенно связанный с Биби, обращая внимание читателя на то, что НИЧЕГО из того, что по требованию матери Иван Тургенев ДОЛЖЕН был выполнить, он не выполнил. Чем сильнее хотела она привязать сына к себе, тем меньше он — человек достаточно мягкий — ей поддавался.

¹⁴² Место нуждается в расшифровке. По-видимому, Варвара Петровна считала, что «не из чего» переносить капризы гувернанток, раз Биби для нее «неродная дочь». Судя по всему, далее последовал скандал, ибо ВП пишет: «Счастлив, кто, как ты и твой отец, может владеть собою, а я не могу... Нет! Не могу, хотя и чувствую всю цену кротости и смирения» (с. 373).

ло, тепло. Я не хочу более ничего, ни даже цветов. Ты — мой цветок ненаглядный. Ложка супу, теплая комнатка, книги, перо, бумага — и уверенность, что Биби и без меня хорошо.

Не понимаю, не постигаю. Как могу я любить так много *чужого ребенка*. Видно, так Богу угодно. Без тебя бы, *ежели бы ее не было, я подлинно впала бы в апатию*» (выделено мною. — И. Ч.) (с. 380).

«Приехала в Спасское, нашла в ужасном волнении весь дом. Бибинька третий день лежит в жару. Ее простудили, она бредит. Дядя приехал из Москвы, но! он уехал в Тургенево — видно, не нашел болезнь Бибиньки очень серьезну, а то бы он ее не оставил» (14/26 августа).

«Нынче ночь Биби потела. Кажется, опасности нету. Но! во всяком случае, прошу тебя быть покойну, Вера надежда и любовь всегда со мною. А терпенью пора научиться» (15/27 августа, с. 380) (август, Семеновка, Спасское, с. 379).

«Я устала и измучена. Моя Биби в жестокой горячке — без помощи в деревне — Порфирий лечит ее гомеопатией, потому я и позволяю лечить, что это не считаю лечением, не сделает хуже. Ночи я не сплю около нее, бред у ней и жар. Бедный ребенок кроток как агнец. Ты можешь вообразить, *каково мне будет ее лишиться*, но! (выделено мною. — И. Ч.). Я надеюсь на милость Божию, хотя вот 12-й день ее болезни, а она ужасно слаба» (август— сентябрь, Спасское, с. 383).

«Я раздумывала к тебе писать, но! так какая уведомила тебя о болезни Биби, то и боюсь, чтобы ты не подумал, что не случилось ли какого несчастья. Она, точно, была при смерти, 15 дней жестокой горячки и теперь слаба, как муха. Но! слава богу, жизнь ее вне опасности, только ужасно худа и желта. Боюсь, не впала бы она в расслабление, подходит осень, а ей бы надо брать ванны» (сентябрь, Спасское, с. 385).

1843

(Гувернантка Кристина Риттгер) «...она любит и очень хорошо смотрит за Биби — это редко.

Для дитяти любимого все снесешь» (выделено мною. — И. Ч.) (апрель—май, Спасское, с. 418).

«Я отдам на время Биби помесячно в пансион, нахожу, что ей не лишнее будет несколько узнать воспитание *de la communaute*' (в сообществе, с фр. — И. Ч.) Как все, так она, и погрубей пища, и понужней жизнь, и ранее вставать, и товарищество пенсионское, между собою дружба, и помощь подруги, и несправедливость потерпеть, сила власти и прч... прч... Надолго — нехорошо, а немного испытать разницу домашнего баловства — очень нужно. Да там же и Мавра, на первый случай ее защита» (август—сентябрь, г. Холодово, с. 471).

(В. П. о себе) «Не делаю, что хочу и как хочу, как могу. От нескольких огромных домов не имею покойного угла, одна в мире, только два сына, живу с ними розно. От богатства всегда в нужде, всегда без денег. Будто хозяин в доме, всегда одна, больная, умирала на холопских руках. *От детей чужое дитя ласкается*» (выделено мною. — И. Ч.), с. 483.

Я перееду в Петербург. Со мною будет Биби и, верно, Домелюксина — т. е. одна из барышень и Биби» (октябрь 1843, Спасское, с. 485).

1844

«PS 1-е июня — Бибишино рождение, *пришли ей свой портрет как будущего ее покровителя*» (выделено мною. — И. Ч.) (май, Москва, с. 507).

Из майского письма Варвары Тургеневой М. М. Карповой: «В Москве начались гулянья... Больна я очень, очень слаба, грудь мою раздирает кашель, бессонница — и одиночество, как будто у меня не было никого в мире, ни детей, ни Ник. Ник., а Варенька приедет к ужину, уедет ранешенько» (Москва, с. 52, сноски 5).

Из июльского письма Варвары Тургеневой М. М. Карповой: «Все так сделалось, как я располагала, именье перезаложено, вещи выкуплены, Анненковой долг почти получился, дом Самотецкий продан, Биби обеспечена — деньги, какие есть у меня самой в кармане я располагаю сама — следственно, я покойна» (Москва, с. 526, сноска 10).

Из августовского письма Варвары Тургеневой М. М. Карповой: «Я очень благодарна, что ты заботаешься о благосостоянии Биби — об этом я хлопочу, и, признаюсь, для того и дом продала, чтобы иметь наличные деньги, которые положила в *ламбард на имя неизвестного* (выделено мною. — И. Ч.) — А как ей передам, тоже скажу тебе при свиданье» (Москва, с. 541, сноска 3).

Из августовско-сентябрьского письма Варвары Тургеневой М. М. Карповой: «Пожалуйста, не замешкай своим приездом (в Спасское), я буду на такое короткое время. Оставляю Биби в Москве, по этому можешь судить, что я скоро буду спешить воротиться назад и потому прошу тебя дать мне себя видеть скорей» (Москва, с. 544, сноска 4).

* * *

Как можно видеть из этих отрывков, Биби была близка к Варваре Петровне так, как может быть близка дочь. Не склонная к проявлениям приязни, подчас чрезвычайно жесткая и даже грубая в отношении сыновей, в случае Биби Варвара Тургенева совсем другая: нежная, любящая, заботливая. Редкое письмо к Ивану обходится без упоминаний о Вареньке — и всегда подчеркиваются ее милота, грациозность, добрый и кроткий — прямо-таки ангельский — нрав.

Елена Михайловна Грибкова в своем «Очерке о Варваре Николаевне Житовой» проделала любопытный эксперимент: сравнила описания Вареньки из писем Варвары Тургеневой и княжны Зинаиды Засекиной, какой та изображена в повести «Первая любовь». И действительно, обеих роднят «очарование, милота, обаяние»¹⁴³. Обе беленькие, с большими серыми глазами. Любопытно, что в стихотворении, написанном в 1843 году и посвященном Вареньке (о нем ниже), Тургенев описывает внешность Биби и свои к ней чувства так, что может возникнуть иллюзия «дежавю». Такое впечатление, что 25-летний Тургенев видит в чертах десятилетней девочки черты Екатерины Шаховской, своей первой любви. Да и кончается стихотворение недвусмысленным признанием: «И только для тебя в душе моей суровой / И нежность, и любовь я свято берегу». Странно, что Елена Грибкова не коснулась в своем исследовании этих стихов.

Но продолжим нашу тему.

Потеря Биби была бы для Варвары Петровны, по собственному признанию, тяжелой: «...без нее будет пусто в доме». С годами у Варвары Петровны накапливалось недовольство сыновьями, ушедшими из-под ее влияния и власти. В письме Тургеневой от 18 ноября 1847 года, обращенном к Биби и приводимом в книге Житовой, Варенька приравнена к сыновьям, все трое названы «деточками»: «Я никогда не была так беспокойна, очень я скупаю по тебе (Варенька посещает пансион в Москве. — И. Ч.)

¹⁴³ Е. М. Грибкова. Очерки о жизни Варвары Николаевны Житовой. В кн. В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева, с. 194.

Когда-то я буду жить своею семьею? Когда увижу всех вас, моих деточек? Из трех не вижу ни одного!»¹⁴⁴

Теперь вопрос: для чего в письмах к сыну так усиленно муссируется тема «чужой девочки», столь привлекательной и любимой? Уж не хочет ли Варвара Петровна пробудить в сыне «ревнивое чувство»? Недаром есть в письмах и такие строчки о Биби: «...немного ваша соперница, мой друг. Я ее очень люблю». Это впечатление усиливается, когда мы читаем куски, где говорится одновременно о любви к сыну и к Биби. В письмах звучит иступленный крик, обращенный к покинувшему мать Ивану: «Один ты. — Ты! Ты. Где ты, там и я — в Америке, в Сибири...» Мать готова ехать за сыном куда угодно, в сравнении с ним «цветы, Биби — прилагательное», то есть он для матери основное, а они прилагаются. Не они, а он «цветок ненаглядный». Однако тут же, в следующих письмах, читаем: «Я желаю жить для тебя, — но! более еще для Биби», «Для дитяти любимого все снесешь», «От детей чужое дитя ласкается». Даже ежели Варвара Петровна и испытывала такие чувства к «чужому ребенку», разумно ли было выказывать их перед собственным сыном, которому явно было не додано ни материнского тепла, ни забот, ни, в конце концов, денег. Варвара Тургенева предельно скупно отбешивала «содержание» сыновьям, постоянно требовала отчета в тратах и в итоге обоих лишила денежной поддержки. В письмах подспудно звучит сопоставление: девочка кротка и послушна, а ты? Манкируешь службой, занимаешься недворянским делом — сочинительством, проводишь время за границей, волочишься за чужой женой, не считаешь расходов... Я, конечно, тебя люблю и живу для тебя, но «более еще для Биби». Трудно сказать, сознательно или бессознательно Варвара Петровна действовала так, чтобы изобразить Биби «соперницей» сына в своем сердце, вызвать в нем недобрые, ревнивые чувства...

При этом именно Ивана¹⁴⁵ прочила Варвара Тургенева в будущие покровители Вареньки, думая о том времени, когда ее самой уже не будет. Заботясь о будущем приемной дочери, Варвара Тургенева продает в Москве дом и кладет деньги в ломбард на какое-то неизвестное имя. Не те ли это 15 тысяч серебром, вексель на которые Тургенева впоследствии выпишет на имя Андрея Берса с тем, чтобы тот отдал их Биби по достижении ею совершеннолетия?

Почувствовав приближение смерти, Варвара Петровна отдает еще несколько распоряжений относительно Биби, о них мы знаем из «Воспоминаний...» В. Н. Житовой. Была приведена в порядок шкатулка, где лежали подаренные Вареньке приемной матерью драгоценности. Был составлен полный список ее содержимого, ключ от нее хранился у Вареньки. Понимая, что будущее девушки неопределенно, Тургенева предпринимает следующий шаг: «В самый день смерти своей, утром в 11 часов, Варвара Петровна пригласила к себе Анну Ивановну Киреевскую и деверя своего (младшего брата Сергея Николаевича Тургенева. — И. Ч.), Петра Николаевича Тургенева, и в их присутствии высказала и подписала свои последние заботы» — о своей воспитаннице¹⁴⁶. Мы не знаем, в чем состояли эти «последние заботы» и какие документы были подписаны. Хлопоты эти, по-видимому, остались бесплодными и не повлияли на тот катастрофический для Вареньки поворот событий, который последовал за смертью ее приемной матери.

¹⁴⁴ В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева, с. 105.

¹⁴⁵ Не Иван, а Николай сидел у постели умирающей матери, и к нему была обращена ее просьба относительно Биби: «Не брось ее» (В. Н. Житова. Воспоминания... С. 163).

¹⁴⁶ В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева, с. 163.

Иван Тургенев и Варенька Богданович

В воспоминаниях Варвары Житовой содержится искренний и, как кажется, достоверный рассказ об Иване Сергеевиче Тургеневе. Будучи ребенком, Варенька видела Ивана Тургенева в каждый его приезд в Спасское или зимой к маменьке в Москву. Ивана Сергеевича она обожала, он играл с девочкой, вместе они устраивали налеты на бакалейный шкаф со сладостями. Похоже, что в доме Варвары Петровны Жан (Jean, фр.) — так в доме звали Тургенева — был для девочки светлым лучом. «Иван Сергеевич занимал комнаты наверху (в Москве. — И. Ч.). К нему мне всегда был свободный доступ, и я всегда бегала туда, когда мама отдыхала или когда она занята была гостями»¹⁴⁷. Девочка простодушно рассказывала ему «свои детские печали», а также печали окружающих ее «холопов», которым она всем сердцем сочувствовала. Особенно это относилось к горничной Варвары Петровны, Авдотье Тоболеевой, в замужестве Лобановой, в воспоминаниях Житовой она зовется Агашенька. Ей и ее мужу, конторщику Федору Лобанову¹⁴⁸, которых барыня неожиданно, по своей прихоти, поженила, а потом бесконечно терзала и мучила, в книге посвящено много проникновенных страниц. Был молодой Иван Тургенев с ребенком весел и дурашлив, с юмором воспринимал похвалы Варенькиным успехам в языках и музыке. Варенька-подросток вызывала у Ивана чувство, близкое к любовному. Во всяком случае, в стихах, опубликованных Тургеневым в № 3 журнала «Современник» за 1844 год и посвященных «В. Н. Б.» (Варваре Николаевне Богданович), 25-летний поэт описывает 10-летнюю Биби с нежностью и даже любовью.

Когда в весенний день, о ангел мой послушный,
С прогулки воротясь, ко мне подходишь ты
И, руку протянув с улыбкой простодушной,
Мне подаешь мои любимые цветы,
С цветами той руки тогда не разлучая,
Я радостно прижмусь губами к ним и к ней...
И проникаюсь весь, беспечно отдыхая,
И запахом цветов, и близостью твоей.
Гляжу на тонкий стан, на девственные плечи,
Любуюсь тишиной больших и светлых глаз
И слушаю твои младенческие речи,
Как слушал некогда я нянюшки рассказ.
Гляжу тебе в лицо с отрадой, сердцу новой,
И наглядеться я тобою не могу...
И только для тебя в душе моей суровой
И нежность, и любовь я свято берегу.

1843, Т. Л. (Тургенев-Лутовинов. — И. Ч.)

Такое впечатление, что стихи эти посвящены не ребенку, а юной барышне. Уж не к Катеньке ли Шаховской обращается автор стихотворения через голову столь похожего на нее ребенка? Если так, то Тургенев знал или догадывался о происхождении Вареньки...

В мемуарах Богданович этого стихотворения нет. Оно приводится в статье ее отдаленных родственников¹⁴⁹. Варенька его безусловно знала... Можно только догады-

¹⁴⁷ Там же, с. 68.

¹⁴⁸ В книге он назван Поляковым.

¹⁴⁹ Жолудова Е. Д. Жолудов М. В. В. Н. Житова: судьба и жизнь рязанской провинциалки... С. 97.

ваться, отчего она не включила его в свои воспоминания. Может быть, ей казалось, что выраженные в нем чувства слишком сильны?

Позднее, в 1850-м (год смерти Варвары Петровны), Варвара Богданович стала свидетельницей «семейной драмы» в доме Тургеневых. Мать призвала обоих сыновей якобы для того, чтобы разделить между ними наследство. Но на самом деле имения нотариально не были на них оформлены, «дарение» было игрой, бумаги фикцией, и оба сына это понимали¹⁵⁰. Понимала и Варенька. В воспоминаниях описана сцена «бунта Ивана», однажды высказавшего матери все, что о ней думает: «...да кого ты не мучаешь? Всех! Кто возле тебя свободно дышит?» Сцена кончилась тем, что мать сына прогнала с криком: «Нет у меня детей!» «Проходя через залу, Иван Сергеевич увидел меня; я платком старалась заглушить крик и рыдания, готовые вырваться из груди; он положил мне руку на плечо. — Перестань, ты опять заболеешь... что делать! Я не мог! — и слезы текли по щекам его»¹⁵¹. Братья решили поселиться в имении отца Тургенево. А Варенька стала курьером между Варварой Петровной и ими. И Варвара Петровна, и братья Тургеневы передавали через нее сообщения для «другой стороны». После известия об отъезде сыновей в Тургенево с Варварой Петровной, судя по воспоминаниям, «сделался точно припадок безумия». «Она смеялась, плакала, произносила какие-то бессвязные слова, обнимала (Вареньку) и кричала: „Ты одна! Ты одна теперь!“»¹⁵² После этого почти до самой смерти Варвара Петровна о сыновьях не упоминала. За день до кончины она приказала позвать Николая Сергеевича (он был в Москве). «Она притянула его к себе слабой уже очень рукой, обняла его, поцеловала и точно умоляющим шопотом произнесла: — Ваню! Ваню!»¹⁵³

Иван Тургенев, скорее всего, был предупрежден еще доктором Иноземцевым о состоянии Варвары Петровны¹⁵⁴, но своей матери он в живых не застал. Не было его и на похоронах. В. Н. Житова в своих воспоминаниях пишет, что для нее осталось загадкой, как и почему это случилось. Она приводит подлинные слова, сказанные ей Иваном Тургеневым при их последнем свидании в 1880 году: «Грустно мне, очень грустно... что сделано было так, что я не был ни при кончине матери, ни при кончине брата».оборот «сделано было» кажется здесь непонятным. Считается, что письмо брата (до нас не дошедшее) о предсмертном состоянии матери Иван, находившийся в Петербурге, получил 16 ноября. Вечером он выезжает в Москву. Таким образом, выходит, что из Петербурга в Москву он добирается целых пять дней (с 16 по 21 ноября, день похорон, на которые он тоже не успел). Повторю уже высказанную мною мысль, что Иван Тургенев сознательно не хотел присутствовать при кончине, а потом похоронах матери. Так же, как потом на похоронах других значимых для него людей. По-видимому, похороны отца оставили в его душе травмирующий след.

Приступаю к рассказу о самой драматической странице отношений Вареньки и Ивана Тургенева. Собственно об этом в «Воспоминаниях» Варвары Житовой нет ни словечка. Она заканчивает свой мемуар смертью Варвары Петровны и ее похоронами. О том, что случилось после, в ее записках есть только намеки. Вот например, такое место: «Мне было уже шестнадцать лет... Я начала сознавать все глубже и глубже

¹⁵⁰ К тому же старостам обоих «дареных» имений поступил приказ немедленно продать весь хлеб на гумнах и на корню, а деньги выслать барыне в Москву.

¹⁵¹ В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева, с. 150–151.

¹⁵² Там же, с. 154.

¹⁵³ Там же, с. 163.

¹⁵⁴ См. у Житовой: «В двадцатых числах октября Николай Сергеевич, извещенный о близости кончины матери, время которой Иноземцев почти определил, приехал с семейством своим в Москву, в свой пречистенский дом» (с. 160). Полагаю, что и Иван Сергеевич был извещен доктором о близости кончины Варвары Петровны. До 16 ноября, дня ее смерти, времени было достаточно.

свое странное положение в доме Варвары Петровны. Я пользовалась всеми удобствами, всю роскошь, а ее родные дети далеко от нее и только что не в нищете. На мои личные расходы, кроме того, что тратилось на мое воспитание, *определен был доход с целого имения, а именно с Холодова, которое по конторским книгам значилось так: имение бырышни Варвары Николаевны Богданович-Лутовиновой*. Немало все это меня мучило и впоследствии повлияло на мои отношения к сыновьям Варвары Петровны»¹⁵⁵ (выделено мною. — И. Ч.).

Вопрос о наследстве, как кажется, стал рубежным в отношениях Вареньки и основных наследников — братьев Тургеневых. Братья, в течение долгих лет лишённые возможности распоряжаться своим достоянием — как материнским, так и отцовским, совсем не обрадовались перспективе получить в лице Варвары Богданович «еще одну претендентку» на часть наследства. Варенька могла предъявить бумаги, обозначенные ею в воспоминаниях, как «последние заботы» Варвары Тургеневой, продиктованные и подписанные тою в присутствии двух свидетелей в последний день жизни. Полагаю, что в этих бумагах могло быть указано имение Холодово. Скорее всего, именно попытка молодой девушки представить эти бумаги (без нотариального подтверждения они, увы, не имели силы) вдобавок к завещанию Варвары Петровны и были восприняты как некая хитрая и злая интрига.

Поначалу, однако, ничто не предвещало бури. Иван Тургенев пишет в Париж Полине Виардо: «Мы начинаем понемногу разбираться в наших делах. Моя мать назначила 50 000 рублей молодой особе, которую она воспитала. Мы поспешили признать этот долг; до замужества она останется у моей невестки (Анна Шварц, жена Николая Сергеевича. — И. Ч.), и мы будем ей платить, помимо ее содержания, 8 % годовых. При выходе замуж она получит эти 50 тысяч». Иван Сергеевич связывает здесь получение Варенькой денег с ее замужеством. Между тем Варвара Петровна оставила вексель на 15 тысяч серебром до «*совершеннолетия Вареньки*», о чем пишет Варвара Богданович в своих воспоминаниях. Совершеннолетие наступало в те времена в 17 лет. При наличии опекуна, каким мог быть для нее Николай Тургенев, в чьем доме она должна была поселиться, Варенька могла получить завещанные ей деньги сразу же, не дожидаясь замужества, которое могло и не случиться (№ 1, Москва, пятница 24 ноября/6 декабря 1850, с фр.)¹⁵⁶.

Это первая «несправедливость», против которой могла выступить юная особа... Среди «наследников» назревал конфликт. По-видимому, было громкое объяснение. Вот как его изобразил Иван Тургенев в письме все к той же Полине Виардо:

«Все интриги не привели ни к чему. Но сколько их было! Досада, желание свалить вину на других мало-помалу развязали всем языки. Какой хор обвинений, какие обнаружилась низости! Надо поскорее положить этому конец, щедро расплатившись со всеми этими жадными существами, и освободить от них дом».

Можно подумать, что с братьями борется за наследство целая компания «претендентов». Между тем о своих правах робко — в силу характера и отсутствия жизненного опыта — заявляет молоденькая девушка, у которой нет на этом свете ни защиты, ни опоры. Вот как описывает ее на новом этапе, словно забыв все, что было ДО ЭТОГО, Иван Сергеевич: «Благодаря всем этим неприятностям, я сделал одно приобретение: нечто вроде Тартюфа в женском обличье, смесь почти детского добродушия и дьявольской хитрости, тип весьма своеобразный и весьма отталкивающий» (№ 2, пятница 1/13 дек 1850, вторник 5/17 дек. с фр.).

¹⁵⁵ Там же, с. 114–115.

¹⁵⁶ Цитирую по электронному источнику: http://az.lib.ru/t/turgenew_i_s/text_0820.shtml. И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Письма в 18 т. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Наука, 1982, т. 2. Письма 1850–1854.

Любопытно продолжение этого письма, на которое Елена Михайловна Грибкова почему-то не обратила внимания, возможно, посчитав, что оно не относится к Вареньке. Между тем хотя Тургенев говорит об АСЕНЬКЕ, в виду он имеет явно Варвару Богданович: «Кстати, должен сообщить вам о своем огорчении: вообразите себе. Маленькая Асенька — этот странный и прелестный ребенок, о котором я вам рассказывал, — вдруг сразу выросла, подурнела и поглупела. Природа вступила в свои права; если бы эта перемена не произошла, то она, вероятно, умерла бы, как все рано развившиеся дети, но все-таки жалко. Теперь она более здорова, более естественна, но гораздо менее интересна. Тем не менее жена моего брата будет воспитывать ее как дочь. Моя невестка очень славная, хорошая женщина, и я ее очень люблю» (там же).

Вареньку мать Ивана Сергеевича обожала, Анну Яковлевну Шварц называла не иначе как глупой немкой, поражалась ее неспособности к языкам, возненавидела, когда Николай Сергеевич на ней женился. И вот сын Варвары Петровны «очень любит» свою невестку Анну Яковлевну, а для Вареньки не находит доброго слова, называет ее «Тартюфом в женском обличье». Мольеровский Тартюф, как известно, с помощью интриг сумел выжить из дома, где его пригрели, приютившего его Оргонта. Нечто подобное, по мысли Тургенева, хочет совершить и Варенька.

Вот как он об этом рассказывает в следующем, третьем по счету письме Полине Виардо: «Я не без основания оставался так долго в Москве. Я привел к желанному концу одно довольно трудное и щекотливое дело... Вчера я обещал вам рассказать, почему я оставался в Москве гораздо дольше, чем предполагал. Вот в нескольких словах причина: надо было удалить из нашего дома двух женщин, беспрестанно вносивших туда раздор. По отношению к одной из них это было не трудно (она — вдова лет сорока, которая была при матери в последние месяцы ее жизни). Ее мы щедро вознаградили и попросили найти себе иное местопребывание. Другая — та молодая девушка, которую моя мать удочерила: настоящая госпожа Лафарж (обвинялась в отравлении мужа. — И. Ч.) — лживая, злая, хитрая и бессердечная. Невозможно изобразить вам все зло, которое наделала эта маленькая гадюка. Она опутала моего брата, который по своей наивной доброте принимал ее за ангела; она дошла до того, что оклеветала своего родного отца, и потом, когда мне случайно удалось поймать нить всей этой интриги, созналась во всем и при этом держала себя так вызывающе, с такой наглостью и самоуверенностью, что я не мог не вспомнить Тартюфа, когда он, со шляпой на голове, велит Оргонту покинуть собственный дом. Невозможно было оставлять ее дольше у нас, но все же мы не могли и выгнать ее на улицу... Ее родной отец отказался взять ее к себе (он женат, у него большая семья). Наше положение было весьма затруднительно; к счастью, нашелся один человек, доктор, друг отца этой девицы, который согласился взять на себя заботу о ней, предупредив ее наперед, что она будет под постоянным надзором. Мы с братом выдали ей заемное письмо на 60 000 франков из 6 %, с уплатою через три года, весь гардероб моей матери, и пр. и пр. Она нам выдала расписку, и теперь мы от нее отделались! Ух, и трудная же это была задача! Не знаю, что вышло бы из ее пребывания у моего брата; но знаю, что лишь теперь, когда здесь ее нет больше, мы вздохнули свободно. Что за дурная, извращенная натура в семнадцать лет. Можно ждать от нее многого. Правда, она получила отвратительное воспитание... Ну не будем больше говорить о ней; теперь она довольна, и мы тоже» (№ 3, Москва, пон-к., 1/13 января 1851, с фр.).

Начнем с предпоследнего предложения: насчет воспитания Вареньки. Оно полностью совпадало с воспитанием, полученным братьями Тургеневыми. Вначале под присмотром домашних учителей и гувернеров, тщательно отобранных капризной и придиричливой к «уровню услуг» Варварой Петровной, затем — в женском пансионе, близнице тех пансионов, что посещали в древней столице братья Тургеневы. Де-

вочка, затем девушка была умна и наблюдательна, любя свою приемную мать, она видела, как та жестока и несправедлива — и по отношению к ней, что случалось все чаще и чаще, и в поведении с дворовыми, которым Варенька сочувствовала и с которыми была близка. Видела она несправедливость и жесткость Варвары Петровны и в отношении к ее собственным сыновьям — и терзалась этим. Сказать, что Варенька получила отвратительное воспитание — согрешить против истины.

Нагромождение эпитетов, характеризующих 17-летнюю барышню: лживая, злая, хитрая и бессердечная — вызвано двумя ее «преступлениями»: опутала брата, принявшего ее за ангела, и оклеветала своего родного отца. Из записок Варвары Житовой-Богданович явствует, как ее вмешательство помогло Николаю Сергеевичу поселиться в Москве в купленном на деньги его матери доме¹⁵⁷. В этом благом деле, кроме Вареньки, участвовала сиделка его матери Александра Михайловна Медведева. Они с Варенькой, узнав от Николая Тургенева, что мать отказывается от покупки для него дома в Москве (а он уже перевез в Москву семью), обратились за помощью к Анне Ивановне Киреевской, давнишней знакомой Варвары Петровны, одной из немногих, кого она уважала и считала «чуть ли не равной себе». Анна Ивановна воздействовала на Варвару Петровну по-своему — рассказала о сплетне, гуляющей по Москве, якобы вдова Тургенева обещала подарить сыну дом, а потом от обещания отказалась. Варвара Петровна пришла в негодование от клеветнической «сплетни» — и дом для Николая и его семьи был куплен. Житова пишет, что Николай Сергеевич Тургенев «с этой минуты до самой кончины своей был всегда ко мне внимателен и добр»¹⁵⁸. И это отчасти согласуется со словами Ивана Сергеевича, что Николай «принимал ее (Вареньку. — *И. Ч.*) за ангела.

Не эта ли «интрига», возможно как-то иначе истолкованная, была раскрыта Иваном Сергеевичем? Во всяком случае, среди двух женщин, «беспрестанно вносивших раздор» в дом, названы именно участницы этого дела: сиделка и экономка Варвары Тургеневой Александра Михайловна Медведева (та самая «вдова лет сорока») и Варенька Богданович.

Вторым «преступлением» Вареньки называется то, что она «оклеветала своего родного отца». Имеется в виду Берс. Можно предположить, что Варенька с запальчивостью юности сказала, что Андрей Берс вовсе не ее отец¹⁵⁹, что он только хранитель векселя, оставленного ей Варварой Тургеневой, возможно, она настаивала на выплате ей денег не после замужества, а как было записано в бумаге, по достижении совершеннолетия... По тому, что Тургенев сравнивает девушку с Тартюфом, можно предположить, что у Варвары Богданович были еще какие-то притязания на часть наследства, скажем на имение Холодово. Мы помним, что Варвара Петровна в день смерти надиктовала двум свидетелям, Петру Николаевичу Тургеневу и Анне Ивановне Киреевской, какие-то дарственные бумаги в пользу Варвары Богданович. Не заверенные нотариально, они не имели юридической силы, но претензии могли прозвучать — и из уст самой Вареньки, в момент катастрофы неожиданно обретшей голос, и от Киреевской и от дяди братьев Петра Тургенева. Как понятно из письма, в делах наследства первую скрипку играл именно Иван. Николай Тургенев устранился от всего, предоставив брату принимать все решения.

¹⁵⁷ См.: В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева, с. 117–124.

¹⁵⁸ Там же, с. 125.

¹⁵⁹ Е. М. Грибкова предполагает, что Варенька могла открыто заявить, что она «родная дочь Варвары Петровны и Берса, сводная сестра братьев Тургеневых». И еще, что она «высказала сомнение в том, что деньги от Андрея Берса она получит» (Очерки о жизни Варвары Николаевны Житовой в кн. В. Н. Житовой. Воспоминания о семье И. С. Тургенева, с. 205) Возможно, так и было, но с одной поправкой: Варенька, как мы полагаем, не считала Андрея Берса своим отцом.

Как мы помним, именно Ивана Варвара Петровна называла будущим *покровителем* Биби. Перед кончиной, не видя рядом Ивана, она просила Николая *не бросить* девушку. Получилось иначе. Не осуществилось даже первоначальное решение оставить Вареньку в доме Николая Тургенева.

Некий друг «ее отца», доктора Берса, взялся за плату приютить бездомную сироту, «предупредив ее наперед, что она будет под постоянным надзором». Из письма видно, что наследники согласились выплатить деньги по векселю не после замужества, а через три года. Выдали ей и гардероб Варвары Петровны, 60-летней дамы с весьма своеобразными вкусами, который никак не мог пригодиться 17-летней барышне. Могла ли Варенька быть *довольна* таким решением? Не означало ли все то, что произошло, весь комплекс событий 1850 года — смерть Варвары Петровны, ее похороны, на которых не было Ивана, последующий дележ наследства и выселение Варвары Богданович из дома, полную катастрофу для нее?

Приведу конец этого тургеневского письма, который Елена Грибкова не цитирует, а он характеризует душевное состояние Ивана Сергеевича после того, как наследственные дела были решены и Варенька удалена из дома: «Признаюсь вам все-таки, что я не создан для подобных дел! Я вкладываю в них достаточно хладнокровия и решительности, но это ужасно расстраивает мне нервы. Я слишком привык жить с хорошими и поядочными людьми. Я не боюсь злобы и особенно коварства, но они возмущают мне душу. В течение этих двух последних недель я совершенно не мог работать... и пусть ваш благотворный и благородный образ отгонит прочь от меня все скверные и тягостные воспоминания» (№ 3, Москва, пон., 1/13 янв., 1851, с фр.).

Все же, как мне кажется, совесть его мучила, в чем нам еще предстоит убедиться.

Дальнейшая судьба Вареньки Богданович

В своих воспоминаниях, написанных после смерти Ивана Сергеевича Тургенева, в 1884 году, Варвара Житова-Богданович не рассказывает о своей жизни после смерти своей приемной матери. Ее записки завершаются кончиной Варвары Петровны. Только в одном месте прорывается ее жалоба на судьбу, но в своеобразном преломлении. Мемуаристка с благодарностью пишет об Агашеньке (Авдотье Кирилловне Лобановой), дворовой Варвары Тургеневой, разделившей одиночество и неприютность сироты после изгнания ее из дома. «Если бы я описывала свою собственную жизнь... многое сказала бы я о тех жертвах, которые она приносила мне, одинокой сироте, когда после смерти Варвары Петровны я осталась одна в мире»¹⁶⁰. В самом деле, девушка осталась «одна в мире». У нее не было ни семьи, ни дома; близкие ей люди, братья Тургеневы, повели себя с ней как с врагом, интриганкой, претендующей на часть наследства... Есть и еще одно место, где мемуаристка говорит о себе в то тяжелое для нее время: «Мне было 17 лет, когда умерла Варвара Петровна, и характер во мне тогда еще не довольно окреп для столкновения или борьбы за свою личную свободу»¹⁶¹. Дальше она пишет, что в последний год (1850. — И. Ч.) в ней стали проявляться «признаки протеста в защиту гонимых». При всем при том, судя по описаниям Тургенева, Варенька и при отстаивании своих прав не была инертна, чем вызвала сильное неудовольствие наследников.

Понятно, что долго жить в чужом доме знакомого доктора Берса, который сразу же ей сообщил, что она «будет под постоянным надзором» — как арестантка или про-

¹⁶⁰ В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева, с. 36.

¹⁶¹ Там же, с. 48.

винившаяся ученица, Варвара Богданович не хотела. Выход из положения мог быть один — замужество. Что и произошло, вероятно, весьма скоро. Причем претендент был из первых попавшихся, десятью годами старше невесты, из мелких егорьевских помещиков; когда семья перебралась из Москвы в его родной Егорьевск, Дмитрий Павлович Житов поступил на службу в участок околоточным надзирателем, был он человеком пьющим. Впоследствии по этой причине его выгнали со службы, так что молодой женщине пришлось самой зарабатывать на жизнь семьи, поднимать дочь. Таковой ли могла быть ее жизнь?

В «Воспоминаниях...» Варвары Богданович есть одно место, на которое исследователи не обращали внимания, между тем, как кажется, оно непосредственно связано с судьбой мемуаристки, вернее, с возможным ее поворотом совсем в другую сторону. В рассказе о жизни семьи в 1847 году она упоминает о предпринятых Варварой Тургеневой поисках управляющего. Николай Николаевич Тургенев женился, тем самым потеряв место и в душе Варвары Петровны, и в ее владениях в качестве управляющего. С большим трудом нашелся претендент на должность — Иван Михайлович Бакунин (брат поэтессы Прасковьи Бакуниной, подруги Екатерины Шаховской). Дадим слово мемуаристке: «Варвара Петровна упросила Бакунина взять на себя труд быть полновластным правителем всех 5000 душ, таким же, каким был ее деверь». Вот характеристика Бакунина: «Он был человек весьма образованный и светский, а следовательно, рабски подчиняться Варваре Петровне не мог, лавировать же и скрывать не умел». А дальше следует то самое место, на которое я обратила внимание: «Не надеясь долго удержать Бакунина при себе и желая чем-нибудь приковать его к дому (без цепей ей не жилось), она намекнула Бакунину на возможность брака между ним и тогда еще весьма юной, близкой ей особой. Иван Михайлович поддался на это, даже искренне полюбил эту девушку и только из одной любви к ней продолжал заниматься делами Варвары Петровны до 1849 года. В этом году, заручившись согласием девушки быть со временем его женою, он оставил дом Варвары Петровны и поступил чиновником особых поручений при графе Арсении Андреевиче Закревском. Гнев Варвары Петровны был велик, и всякие сношения с Бакуниным были строжайше воспрещены»¹⁶². Мне кажется, что близкая к Тургеневой, весьма юная особа — это зашифрованная Варенька Богданович. Ей в 1847 году только 14 лет, и она теснейшим образом связана с Тургеневой. Просто нет другой кандидатуры, которая бы, кроме Вареньки, подходила бы под два эти признака. Тон этого отрывка таков, что можно не сомневаться, что Варенька относилась к Ивану Михайловичу Бакунину с большой симпатией, если не с любовью. Почему же, спросите вы, они не могли соединиться *после смерти* Варвары Петровны при такой взаимной приязни и при отсутствии препятствия в виде запрета Тургеневой? Об Иване Михайловиче Бакунине известно крайне мало. В Родоводе есть даты его жизни (1802—1874), а также названа его жена Екатерина Васильевна Бакунина, в девичестве Собакина, чьи годы жизни не указаны. Но приводится дата их свадьбы — 1849 год, это и год рождения их дочери Любови. Стало быть, Иван Бакунин, уйдя от Тургеневой, сразу же женился.

Мы не знаем, как сложилась бы судьба Варвары Богданович, выйди она замуж за Бакунина. Можно только предположить, что был бы этот брак более удачным, хотя бы потому, что Иван Михайлович был образованным светским человеком, жил в столицах, был родовитым и обеспеченным дворянином. В реальности замужество Варвары Богданович оказалось катастрофическим, как когда-то брак ее предполагаемой матери, Екатерины Шаховской. Можно сказать, что в двух этих женских судьбах было что-то роковое.

¹⁶² Там же, с. 106.

Варваре Богданович, ставшей после замужества Житовой, суждено было всю жизнь прожить в уездном городишке Егорьевске Рязанской губернии, зарабатывая на жизнь уроками музыки и преподаванием языков: французского, немецкого и английского, а также нести на себе груз воспитания дочери Надежды и трех ее сыновей, рано оставшихся без отца. В егорьевской прогимназии, где ближе к старости начала преподавать Варвара Житова, некоторое время учился будущий известный художник Игорь Эммануилович Грабарь. Он писал в позднейших воспоминаниях, что была она «самым культурным и литературно образованным человеком в городе», что «гордо носила красивую с седеющими буклями голову, наделенную породистым, с горбинкой носом¹⁶³» и что, «как это произошло и как вообще могло случиться, что эта женщина попала в такое захолустье — этого никто не знал»¹⁶⁴.

Умерла Варвара Николаевна на грани веков, в 1900 году, 67 лет от роду.

Осталось рассказать, как складывались отношения Варвары Николаевны с Иваном Тургеневым в последующие годы, после той жестокой и, как кажется, несправедливой обиды, нанесенной ей братьями Тургеневыми.

Эпилог

В Полном собрании писем Тургенева есть одно письмо, которое встречается два раза под двумя разными датами: конец декабря 1850 — 26 января/7 февраля 1851 года и 30 мая/11 июня 1880 года. Вот его содержание:

«Извините меня, любезная Варвара Николаевна, если я не могу исполнить сегодня моего обещания — деньги я получу только в понедельник и следовательно прошу Вас подождать до того дня. — В понедельник в 12 часов я у Вас буду.

Остаюсь готовый к услугам

Иван Тургенев. Пятница утром»¹⁶⁵.

В комментариях к обоим идентичным письмам написано, что печатаются они по подлиннику. Не буду высказывать гипотез насчет того, когда, скорее всего, это письмо было написано — поздней зимой 1850-го или через тридцать лет на рубеже мая—июня 1880 года. Есть свои резоны и у той, и у другой версии. Обращаюсь к составителям с просьбой разобраться в датировке этого письма.

Если это письмо написано сразу после «дележа наследства» — в ответ на просьбу Вареньки о деньгах на прожитие, удивляет вполне корректный и мирный тон этой записки.

Вообще мне кажется, что в письмах к Полине Виардо Тургенев описывает события повышено эмоционально, с некоторым преувеличением. Вспоминается, что о матери, кончину которой он не застал, он писал своей французской подруге, что умира-

¹⁶³ Елена Грибкова замечает по поводу этой горбинки: «На фото у Андрея Евстафьевича Берса в пожилом возрасте нет и намека на эту горбинку, но она — характерная черта в роду Тургеневых и особенно отчетливо видна на рисунках, изображающих в профиль Ивана Сергеевича Тургенева» (Е. М. Грибкова. Очерки о жизни Варвары Николаевны Житовой. В кн. В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева, с. 198).

¹⁶⁴ Жолудова Е. Д. Жолудова М. В. В. Н. Житова, судьба и жизнь рязанской провинциалки. Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Сб. научных работ, Рязань, 2001, с. 99.

¹⁶⁵ Здесь и далее переписку Ивана Сергеевича Тургенева с Варварой Богданович-Житовой цитирую по: Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. 2. М.: 1987, с. 88 и 265. В этих двух письмах есть мелкие разночтения. В письме за 1880 год слово сегодня набрано курсивом, «следовательно» взято в запятые и в конце написано не «к услугам», а «ко услугам». Но в целом это одно и то же письмо.

ющая приказала оркестру играть польки в соседней комнате¹⁶⁶. Как кажется, это плод воображения. Варвара Житова, очевидец событий, ни о чем подобном не упоминает. Наоборот, говорит, что перед кончиной Варвара Петровна «смоклка», дня за четыре до ухода исповедовалась и причастилась, при начале агонии священник успел прочесть отходную¹⁶⁷.

В своих «Воспоминаниях...» Варвара Николаевна Богданович-Житова не написала о Тургеневе ни одного дурного слова, ни в чем его не обвинила. Если была у нее обида, она сумела не просто ее изжить, а сохранить в душе только признательность и благодарность.

Живя в Егорьевске, Варвара Николаевна создала в своем доме настоящий тургеневский музей, она хранила доставшиеся ей реликвии тургеневской семьи, из которых самым ценным «экспонатом» был портрет молодого Тургенева работы К. Горбунова, присланный в Россию из Германии в подарок матери. В 1880 году 47-летняя жительница Егорьевска Варвара Житова пишет письмо в Париж всемирно известному писателю Ивану Сергеевичу Тургеневу. Тот откликается. Когда Тургенев приезжает в Москву на юбилейные пушкинские торжества, происходит их встреча. Мы не знаем, о чем они говорили, но совершенно ясно, что оба не вспоминали старых обид, встретились как два близких, родных человека. Мне кажется, Иван Сергеевич Тургенев хотел загладить обиду, когда-то нанесенную этой женщине. Писателю оставалось жить три года. За это время они с Варварой Житовой обменялись несколькими письмами. Узнав о болезни Тургенева, Варвара Николаевна готова была приехать к нему, чтобы ухаживать за ним в качестве сиделки. Писатель ответил, что уход за ним «такой, лучше которого и желать нельзя, доктора превосходные»¹⁶⁸. Одно из тургеневских писем, написанное незадолго до смерти и адресованное Варваре Николаевне, содержит удивительное признание: «При обеднении собственной личной жизни, я тем более принимаю участие в жизни других людей, особенно тех, которые мне дороги по воспоминаниям прежних, лучших дней. А в числе этих людей Вы занимаете одно из первых мест»¹⁶⁹. Как говорится, услышать такие слова — и умереть. Если и осталась у Варвары Николаевны на доньшке души горечь от того, что было пережито ею в юности, эти слова должны были ее окрылить и несказанно обрадовать. Возможно, они вернули ее в ту светлую пору, когда в семье Тургеневых ее называли Биби и вместе с приехавшим на вакации в Спасское «Жаном» они тайком таскали конфеты из бакалейного шкафа.

Автор выражает благодарность за помощь в работе над статьей:

Татьяне Евгеньевне Коробкиной, бывшему директору библиотеки-читальни им. Тургенева в Москве, Елене Валерьевне Полянской, директору музея Тургенева в Москве, а также директору Музея-усадьбы Ясная Поляна Екатерине Александровне Толстой.

¹⁶⁶ Эта эсхатологическая картина врезается в сознание. Недаром она использована Чеховым в пьесе «Вишневый сад», где в последнем действии, когда жизнь героев рушится, в соседней комнате играет еврейский оркестр.

¹⁶⁷ В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева, с. 163.

¹⁶⁸ Тургенев И. С. Полное собр. соч. и писем. Письма, т. 2, с. 260–261.

¹⁶⁹ Там же, с. 117.

Елена ВОСКОБОЕВА

ШВАРЦЫ И ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКИЕ: ИЗ ПЕРЕПИСКИ. 1944—1948

Переписка Шварца — богатый источник для изучения его биографии и творчества. Эпистолярное наследие стало предметом повышенного интереса в 1990-е годы. Круг людей, с которыми переписывался Шварц, широк: писатели и художники, актеры и драматурги, режиссеры и редакторы, композиторы и артисты, ученые и общественные деятели. Многие из них сыграли значительную роль в культурном развитии страны. Сохранились также письма, адресованные родным и близким, его друзьям, приятелям. Многие из довоенного эпистолярного архива (1918—1930) погибли в блокаду. Тем более представляет интерес то, что сохранилось.

В 1943 году Евгений Львович и Екатерина Ивановна Шварц эвакуируются в Сталинабад: они приезжают 23 июля по приглашению Н. П. Акимова, чей театр находился там с сентября 1942 года. Шварц занимал в Театре комедии должность заведующего литературной частью.

В Сталинабаде они знакомятся со множеством интересных людей. О многих из них Шварц оставил воспоминания в «Телефонной книжке». В числе прочих внимание привлекает фамилия — *Войно-Ясенецкие*. Шварцы знакомятся со старшим сыном святителя Луки Михаилом Валентиновичем (1907—1993) и его женой Марией Кузьминичной (1911—?): «Когда перед тем, как заговорить, покачивает он крупной своей головой, густые волосы назад, стоят над широким лбом, и, найдя слова, говорит нараспев чуть-чуть, сразу угадываешь, что человек он непростой. <...> И чудится мне иногда, что угадываю я ту самую родовую или семейную их закваску, что привела его отца в монашество. И над столом в его комнате висит фотография одной из галактик. Все то же стремление очиститься от сегодняшней суеты представлениями космическими. Мария Кузьминична проще, высказывается легче — такая натура. Но прежде всего, принадлежат они оба к разряду людей, согласившихся работать. И работает Войно-Ясенецкий, как положено ученому. И настоящие ученые разом узнают его, как и он их — по ряду неуловимых признаков»¹.

Это знакомство, переросшее в нежную и крепкую дружбу, продолжится в Ленинграде: после защиты докторской диссертации Михаил Валентинович приезжает туда с семьей из Львова. Отношения были настолько надежными, что, по воспоминани-

Елена Владимировна Воскобоева — литературовед, кандидат филологических наук, специалист в области литературы XX века. Автор ряда публикаций по истории русской литературы. Автор-составитель сборника «Евгений Шварц. Стихотворения» (СПб., 2016).

¹ Запись от 20 марта 1955 г. (Е. Л. Шварц. Телефонная книжка. М.: Искусство, 1997. С. 62—63).

ям Елены Михайловны Войно-Ясенецкой (дочери), «старший сын владыки под угрозой ареста хранил у себя в лаборатории рукопись крамольной пьесы Шварца „Дракон“ <...>»². В дневниках Шварц редко упоминает друзей, единственная запись связана с известием о смерти любимого брата Антона Шварца: «1956 год. 3 августа. Я был у Войно-Ясенецких на именинах. Позвонил домой. Все время занято. Слишком долго. И это встревожило меня. Я поехал домой. И узнал, что Тоня умер»³.

Именно в доме Шварцев с Войно-Ясенецкими знакомится Леонид Пантелеев: «<...> с еще большим почтением (даже с некоторым трепетом) отзывался Евгений Львович (да и он ли один?) об архиепископе Крымском и Симферопольском Луке <...> В доме Шварцев я познакомился с сыном преосвященного Луки — М. В. Войно-Ясенецким, известным патологоанатомом. Евгений Львович любил его до конца жизни»⁴.

Упоминания о Михаиле Валентиновиче и его семье в публицистическом наследии Шварца можно собрать буквально по крупицам, но тем интереснее составлять этот мозаичный портрет. В архиве также обнаружили письма Войно-Ясенецких Шварцам.

Знакомство с Войно-Ясенецкими и переписка с ними являются частью сталинабадского периода в жизни Шварцев, о котором практически ничего не написано. Евгений Львович много пишет о Сталинабаде и людях, с которыми его свела судьба в эвакуации, в своих дневниках, отмечая, что, несмотря на тяжелые обстоятельства таких знакомств, это было чудесное время. Многие из эвакуации вернулись в Ленинград, Шварцы поддерживали с ними отношения (об этом свидетельствуют записи в ленинградской и московской телефонных книжках).

Из переписки с Войно-Ясенецкими мы много узнаем об общих знакомых, связанных преимущественно с медицинским миром, становимся свидетелями творческой истории драматургических текстов и их постановок или экранизаций.

В настоящей статье четыре письма публикуются впервые. Авторская орфография и пунктуация сохранены.

Письмо М. К. Войно-Ясенецкой (Сталинабад) Екатерине Ивановне Шварц от 29 июня 1944 года (в Москву)⁵

29/VI 44 г.

Дорогие Екатерина Ивановна и Евгений Львович!

Было очень приятно получить от Вас телеграмму, приятно, что Москва не стерла в Вашей памяти воспоминания о нас — сталинабадцах.

А мы все только и живем воспоминаниями о Вас, о театре. Только после того как уехал театр Комедии⁶, мы все поняли, как много имели и сколько потеряли с его отъездом. Таких людей, сразу в таком количестве Сталинабад очевидно никогда больше не увидит. Мы с Михаилом Валентиновичем очень грустим о Вас. Особенно Михаил Валентинович. Он ведь очень туго сходитя с людьми, но раз уж это произойдет он привязывается надолго.

На днях узнав, что приехал Быховский⁷, он помчался к нему, чтобы узнать что-нибудь о Вас, об открытии театра, о «Драконе»⁸. Оказывается, что ничего определен-

² Е. Каликинская. Детство со святителем Лукой. По воспоминаниям родных и близких святителя Луки Крымского. М.: Авторская академия, 2016. С. 74.

³ Е. Шварц. Живу беспокойно...: Из дневников. Л.: Советский писатель, 1990. С. 605.

⁴ Л. Пантелеев. Верую... // Л. Пантелеев. Верую...: Последние повести. Л.: Советский писатель, 1991. С. 14.

⁵ Автограф см.: Архив Е. Л. Шварца // РГАЛИ. Ф. 2215. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 1—1 об.

⁶ Театр комедии вернулся из эвакуации в Ленинград в мае 1944 года.

⁷ Имеется в виду Борис Евсеевич Быховский (1908—1974) — ученый-зоолог, паразитолог. В 1940—1944 годах работал заместителем председателя Президиума Таджикского филиала АН СССР.

⁸ «Дракон», одобренный на предварительных просмотрах, после первого показа в Москве (4 августа 1944 года) был снят вплоть до 1962 года.

ного еще нет, но мы были счастливы узнать, что Вы здоровы и настроение у Вас удовлетворительное. Теперь наверное все выяснилось, хотя в газетах, дошедших до нас, ничего еще нет. Как бы хотелось получить от Вас письмо. Евгений Львович, вероятно, очень занят, так может быть Екатерина Ивановна не поленилась черкнуть пару строк обо всем? Милая Екатерина Ивановна, как Ваше здоровье? Выяснили ли Вы, что с Вашими легкими, напишите, пожалуйста. Каково Ваше настроение, поправляетесь ли Вы. Как с бытом и питанием. А самое главное: что будет с Драконом. Очень Вас прошу написать.

Слышали мы, что собираетесь в Ленинград. Это замечательно, будем жить в одном городе, ведь мы тоже мечтаем туда перебраться весной и я почему-то верю в эти мечты⁹.

О каких-либо новостях сообщить не могу. Жизнь в Сталинабаде начинает приближаться к довоенной во всех отношениях, людей становится все меньше и меньше, цены на рынках падают. Масса фруктов и доступных, но скука тоже уже наступает. Живем вестями с фронтов и восхищаемся. Ну пока всего хорошего. Крепко целуем и Екатерину Ивановну и Евг. Львовича. Водку мы почти не пьем, жарко очень, да и не с кем. Интересно, при каких обстоятельствах встретились Вы с Марьямовым¹⁰, он ничего нам не написал.

Передайте привет Т. И. Чокоей, Нине Барченко и Тэниным¹¹.

М. Войно-Ясенецкая.

Письмо М. К. Войно-Ясенецкой (Сталинабад) Екатерине Ивановне Шварц от 24 августа 1944 года (в Москву)¹²

24/VIII 44 г.

Милая, дорогая Екатерина Ивановна!

Вы себе представить не можете, как мы были рады Вашему письму. Мы ведь уже потеряли всякую надежду на получение от Вас каких-нибудь вестей и вдруг письмо, да такое замечательное. Мы так смеялись, так было интересно читать! Ваша оценка окружающих Вас людей и событий, ее острота привели нас всех в восторг. Я наверное не меньше ста раз перечитывала Ваше письмо.

Ну а как дела с «Драконом»: был ли просмотр? Мы ждали от Вас обещанной телеграммы о результатах его, да пока ничего нет. Неужели опять отложили?

Напишите, пожалуйста, как и что.

Виделись ли Вы с Петром Васильевичем и Лидией Александровной¹³? Я ее так просила взять для Вас хоть крохотную посылочку, до она отказалась. Она летела на самолете, и было бы так удобно и виноград бы не испортился.

⁹ Войно-Ясенецкие переезжают в Ленинград в 1952 году.

¹⁰ Марьямов — личность не установлена.

¹¹ Татьяна Ивановна Чокоей (1909—1995) — актриса Театра комедии им. Н. П. Акимова с 1934 года: «Таня Чокоей. Птичка. Любит жить и живет без лишних размышлений, как выйдет. <...> Познакомились мы в Сталинабаде. Жила она в одиночестве с сынишкой отчаянным Лешей. И этот радовался всему на свете» (Е. Шварц. Телефонная книжка. Указ. изд. С. 463). Нина Платоновна Барченко (1905) — актриса Театра комедии им. Н. П. Акимова с 1936-го по 1976 год. Играла в постановке пьесы «Тень» Е. Шварца. Борис Тенин (1905—1990) — актер Театра комедии в 1937—1945 годах. Играл людоода Пьетро в пьесе Е. Шварца «Тень».

¹² Автограф см.: Архив Е. Л. Шварца // РГАЛИ. Ф. 2215. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 1—2 об.

¹³ Петр Васильевич Сиповский (1906—1962) — доктор медицинских наук, патологоанатом. Ученик И. И. Грекова. В начале 1940-х годов был профессором Сталинабадского медицинского института, в Ленинград вернулся в 1945 году: «А если вспоминаю я город [Сталинабад] в связи с людьми, — то мне легче его оживить. Чаще всего собирались гости у Сиповских. Он необыкновенно жизнерадостный патологоанатом, еще молодой, крепко сколоченный, был вечно и необыкновенно, от при-

Каковы Ваши дела и перспективы? Какова судьба театра? Напишите, пожалуйста, хоть одно письмецо.

Как Ваше здоровье, ходили ли Вы к врачам, выяснили ли, что с Вами. Напишите, пожалуйста, про Зинаиду Виссарионовну и Зильбера¹⁴. Встречаетесь ли Вы с ними.

Как чувствует себя Евгений Львович? Каково его настроение? Так хочется пожелать ему всего хорошего, а главное бодрости и спокойствия духа.

Мы с Михаилом Валентиновичем так скучаем о вас всех, вспоминаем почти каждый день. Скучно у нас стало. Нина¹⁵ уехала со своим институтом в Одессу, кончат институт будет там и там где-нибудь на Украине устраивать свою жизнь. Что слышно о Ленинграде, поедете ли Вы туда. Мы очень боимся Вас потерять, если куда двинетесь, то сообщите непременно. Жду еще от Вас письма. Напишите, что теперь модно и что не модно. Какие носят пальто и платья. Очень интересно. Крепко Вас целую. Большой привет Е. Л. Михаил Валентинович шлет Вам привет, он тоже скоро Вам напишет.

М. Войно-Ясенецкая

Письмо М. К. Войно-Ясенецкой (Львов, Зеленая, 12, Санбакинститут) Екатерине Ивановне Шварц от 12 июля 1947 года (в Ленинград)¹⁶

Львов, 12/VII 47 г.

Дорогие Екатерина Ивановна и Евгений Львович!

Ужасные свиньи мы с Мишкой. Давно должны были написать, да затянули уже до неприличия. Постараюсь не оправдаться, а просто объяснить.

Михаила Валентиновича совсем замотали студенты¹⁷, и сам он замотался. Каждый день твердил, что надо написать Вам, и все не мог взять себя в руки и сесть за стол. Приходит с работы и сразу валится без сил. За месяц нужно было проэкзаменовать 400 студентов, из коих половина приходила по 2–3 раза. Где уж там письма! А написать должен был непременно он. Он должен был повторить мое приглашение приехать к нам в гости. Мое письмо не имело бы такого значения.

Теперь он уехал, отдыхает с сыном в Алуште в гостях у бабушки¹⁸. Взял Ваш адрес и поклялся там на берегу Черного моря написать Вам. Я поверила ему и думаю, что Вы получили уже его письмо и что теперь Вы серьезно решите побывать во Львове. Я же еще раз искренне Вас приглашаю, очень жду и очень буду рада Вас видеть у себя¹⁹. Миша вернется в середине августа, но если Вы приедете раньше, то это не беда. А будет даже очень хорошо — подольше погостите. Прямых самолетов из Л-да во Львов нет, но есть из Москвы. А я летела через Киев. Пришлось в Киеве ночевать, но на аэродроме есть такая комната, где можно сравнительно спокойно поспать.

На днях видели Вашу «Золушку»²⁰ — очень хорошо, очень. Мишка плакал немножко.

роды, мажорен. Звал я его „Петька-трупорез“ <...> Но шел он к своим целям открыто, хитрости его были доброкачественны <...>» (Е. Шварц. Телефонная книжка. Указ. изд. С. 43).

¹⁴ Зинаида Виссарионовна Ермольева (1898–1974) — ученый-микробиолог и эпидемиолог. Прототип доктора Татьяны Власенковой в «Открытой книге» В. Каверина, доктора Световой в пьесе А. Липовского «На пороге тайны». Лев Александрович Зильбер (1894–1966) — ученый-бактериолог. Первый муж З. В. Ермольевой.

¹⁵ Нина — личность не установлена.

¹⁶ Автограф см.: Архив Е. Л. Шварца // РГАЛИ. Ф. 2215. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 2–2 об.

¹⁷ Михаил Валентинович преподавал в Институте бактериологии и микробиологии (г. Львов).

¹⁸ Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий (1877–1961) — ученый-анестезиолог, хирург. С апреля 1946 года — архиепископ Лука Симферопольский и Крымский.

¹⁹ Шварцы во Львов так и не попали.

²⁰ Фильм «Золушка» поставлен Н. Кошеверовой и М. Шапиро в 1947 году.

Жду, пишете. Крепко целую
привет дочке. Ваша М. Войно-Ясенецкая

Письмо М. В. Войно-Ясенецкого (Львов, Зеленая, 12, Санбакинститут) Евгению Львовичу Шварц от 15 апреля 1948 года (в Ленинград)²¹

15/IV-48

Дорогой Евгений Львович!

Рад сообщить Вам, что во Львовском театре юного зрителя на днях состоится премьера Вашей «Красной шапочки»²². В виде исключения (до сих пор сделанного лишь для «Недоросля») она будет идти не на украинском, а на русском языке.

С удовольствием прочел в «Сов. искусстве»²³, что и в Москве ставят «Снежную королеву».

И я, и жена всегда радуемся успеху Ваших пьес и картин, да что об этом и говорить. Смотрели «Первоклассницу»²⁴, смотрели с интересом, хотя должен признаться, что сценарий гораздо лучше, чем его воплощение. И это очень жалко.

Жалею, что я не успел познакомиться с Вашей новой пьесой²⁵, но надеюсь послушать ее, перебравшись в Ленинград. Правда, вопрос о переезде пока еще не решен, однако в Министерстве здравоохранения к нему отнеслись благосклонно и есть надежда на благополучное разрешение²⁶.

Кузьминична просит передать привет Екатерине Ивановне и Вам, к чему я от всей души присоединяюсь.

Ваш М. Войно-Ясенецкий

²¹ Автограф см.: Архив Е. Л. Шварца // РГАЛИ. Ф. 2215. Оп. 1. Ед. хр. 118. Л. 1–1 об.

²² Пьеса написана в 1936 году.

²³ См.: «Советское искусство» № 15 (1103) от 10.04.1948 г. (рубрика «Московская хроника», с. 4): «Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР утвердил репертуарный план Центрального детского театра на 1948 год. Театр осуществит новые постановки — „Снежок“ Любимовой, „Не было ни гроша, да вдруг алтын“ Островского, „Два капитана“ Каверина, „Снежная королева“ Шварца». Спектакли открыли новый сезон 11 сентября (№ 36 (1124) от 04.09.1948 г., рубрика «Спектакли для детей»).

²⁴ Фильм вышел в марте 1948 года (реж. И. Фрэн).

²⁵ Шварц в это время работал над пьесами «Медведь» и «Каменные братья» (позже известную как «Два клена»): «Читал в комедии два акта „Медведя“. <...> Пробую пьесу кончить. <...> Что еще? Попробую писать детскую пьесу. попроще сюжетом и побогаче» (Е. Шварц. Живу беспокойно... Указ. изд. С. 37).

²⁶ См. сноску № 9.

К 200-ЛЕТИЮ И. С. ТУРГЕНЕВА

Альберт ИЗМАЙЛОВ

«ЭТО СПЛЕТЕНИЕ И РАСПЛЕТЕНИЕ АККОРДОВ...»

Предприниматель, литератор, меценат, эстет и гурман Василий Петрович Боткин любил обедать у графа Кушелева-Безбородко. Приезжал сюда с друзьями, литераторами Александром Васильевичем Дружининым, Иваном Сергеевичем Тургеневым, Павлом Васильевичем Анненковым, Николаем Ивановичем Кролем. Говорили и спорили об отечественном и западном искусстве, литературе, живописи, музыке.

Василий Петрович говорил о том, что никто из французских композиторов не имеет поэтической фантазии. Правда, она есть в некоторой степени у Фельсена Сезара Да-вида, но и он, по Боткину, «сбивается на сентиментальность».

В Петербурге и Москве исполнялись в свое время оперы Давида, опера «Лалла Рук» в 1884 году шла в Мариинском театре. Сюжет оперы об индийской принцессе был в то время весьма популярным.

Боткин вспоминал, как однажды в доме у Виардо он вместе с Тургеневым и Полиной перебирали разные ноты и музыкальные брошюры, и Тургенев неожиданно стал вслух читать одну из брошюр, и его чтение вызвало смех. Уняв смех, Василий Петрович предложил Ивану Сергеевичу прочитать статью «Robert Schumans Tage und Werke» («Труды и дни Роберта Шумана»), которая, по его мнению, прекрасно передает образ Шумана и характер его музыкальной критики.

Нередкие споры о музыкальных вкусах между Боткиным и Тургеневым заставляли обоих внимательно следить за музыкальным процессом.

В свою очередь Тургенев рассказывал не только о вокальной, но и о композиторской работе Полины Виардо, о сочиненных ею музыкальных опереттах, одна из которых ставилась в Веймарском театре и что сам Лист интересовался ее музыкой и сам инструментировал несколько ее номеров.

Альберт Федорович Измайлов родился в Ленинграде в 1937 году, житель блокадного Ленинграда, кандидат филологических наук.

Партию Ифигении в опере Глюка «Ифигения в Тавриде», исполненную Полиной Виардо, Тургенев слушал с большим волнением.

— Во всей музыке нет ничего более прекрасного, — говорил он, — это я всегда утверждал. И стою на этом. Это так прекрасно — несчастная Ифигения — все женщины подхватывают хором ту же ноту — впечатление потрясающее. Я был уничтожен, потрясен...

Боткин знал талант Полины Виардо только по ее концертам.

— Однажды в концерте, — вспоминал он, — она пропела мазурку Шопена, и эта небольшая пьеса сказала мне об ее удивительном музыкальном таланте в тысячу раз больше, нежели все ее арии. Эта мазурка была, собственно, единением двух мазурок Шопена, которые она, вероятно, сама и аранжировала. Слов я не расслышал, но эта пьеса была исполнена с таким тончайшим вкусом, с такою фразировкою, с таким артистическим совершенством, что я был просто изумлен. Пьеса походила на задушевную импровизацию, а аранжировка — верх совершенства, особенно переходы.

И, обращаясь к Тургеневу, добавил:

— Я теперь только понимаю твои слова: кто не слышал мадам Виардо у нее дома за фортепьянами — тот не имеет о ней понятия, ведь бывает, что иного человека знаешь очень давно и вдруг подметишь незнакомую доселе ноту его души, которая помогает глубже проникнуть в ее сокровенные состояния.

Вспоминая, как Боткин восхищался испанской капеллой Листа в Риме, Тургенев напоминал ему о том, «что у нас здесь теперь Шуман в ходу, благодаря прибытию его жены, которая дает концерты» и сознавался, что «его музыка мне не совсем по вкусу, иногда — прелесть и фантазии много, таинственные переливы, но формы нет, нет рисунка и моему брату старику это *a' la longue* (в конце концов) невыносимо. Действительно это музыка будущего: у ней настоящего нет, все только *ahnungen, sehnen* (неопределенно, намеки) и так далее»¹.

— Не могу не рассказать о моем недавнем празднике, — продолжал беседу Боткин, — однажды пригласил я наш квартет к обеду. Местом была назначена квартира *Clevillarda*. Я приехал туда в четвертом часу. Выбор квартета предоставили мне. Я был один слушатель. Мне было крайне совестно, и я предоставил выбор самим музыкантам. Тогда Морен² выбрал шестнадцатый квартет, последний. Он знал мои предилекции³. Морен этот нравственно в общежитии глухой и слепой человек, душа которого вскрывается только в последних квартетах Бетховена, начал, по обыкновению своему, «вяло», сонливо, но с половины квартета все загорелось, все запылало...

— Вы должны были тогда быть тут, — обратился он к Тургеневу, — Ты знаешь, что, слушая этот квартет Бетховена, забываешь, что слушаешь музыку, она уносит в другие сферы, Это сплетение и расплетение аккордов, этот решительный и постоянно необыкновенно могучий ход баса. Эти молниеносные взрывы первой скрипки, на мгновение освежающие волны струящихся аккордов, — что это такое — какой это мир? Я не знаю...

— Помнишь, — обратился он снова к Тургеневу, — мы раз купались с тобой в Биаррице⁴, помнишь, что мы дождались, чтоб прилив волны охватил нас. Я помню, как волна обрушивалась на меня, о том, что происходило потом, остается во мне одно смутное невыразимое чувство. Я пришел в себя, когда волна уже ушла, оставив меня на песке в каком-то отуманенном состоянии. Нечто подобное было со мной после квартета, только с той разницей, что вместо отуманенности, тупого состояния я чув-

¹ РО РНБ. Ф. 406. Оп. 1. Д. 115. Л. 1.

² Жан Пьер Морен (1822–1894) — французский скрипач и музыкальный педагог. В 1852 году создал струнный квартет.

³ Предпочтение, большая любовь (фр. *prédilection*).

⁴ Биарриц (фр. *Biarritz*) — французский приморский бальнеологический курорт.

ствовал себя родственником с силою, носившею меня по каким-то таинственным сферам. Все в душе моей было взрыто, она замирала от наслаждения. Для успокоительного впечатления выбрали Десятый квартет и затем отправились к Веариру, где заказан был мною обед, и тихой простой беседой закончился этот день — эпилог наших квартетов.

Тургенев в ответ говорил о том, что все мы еще насладимся и Моцартом, и Бетховеном, и Шубертом, божеством Шуберта...

— Слыхал ли ты, — обращался он к Боткину, — квартет для двух скрипок, двух виолончелей и альты, тут, брат, остается одно — повергаться ниц и замирать в блаженстве благоговения. Этакого *andante* у Бетховена нет.

Тургенев высоко ценил музыку Чайковского, Римского-Корсакова, Моцарта, Листа, Бетховена, Вебера... В своем творчестве он часто использовал элементы музыкального искусства: цитировал фамилии известных музыкантов и композиторов, отрывки из песен, упоминал музыкальные произведения. Делал это для более глубокого раскрытия внутреннего мира литературных персонажей, художественного замысла и авторских представлений относительно изображаемых событий.

Однажды он произнес: «Я не свил своего гнезда, я прилепился на краешке чужого...».

Перечитайте стихотворение в прозе Тургенева «Как хороши, как свежи были розы» (1879). Перечитайте под музыкальную пьесу Чайковского «Январь. У камелька» из цикла «Времена года» (1876). И вы ощутите трогательные чувства сумрачной неги, света свечи, воркотни самовара, легкого холода одиночества...

Боткин любил камерную музыку и симфонический стиль, его привлекали «широкие и вьющиеся мелодии». Он вспоминал: «...однажды вечером моя сестра Маша играла сонаты Бетховена. И я после этого долго не мог уснуть. Одна *Air religieux* Страделлы⁵ доконала. Такой скорбной музыки я не слышал давно...»

Говорили о том, как звуком выразить слово и слово — звуком, чтобы словосочетание звучало мелодией, а мелодия передавала состояние души.

Боткин всем советовал еще и еще раз перечитать его статью в «Современнике» «О героях и героическом в истории» о книге Томаса Карлейля того же названия о роли личности в мировой истории.

Обращаясь к Тургеневу, Боткин отмечал:

— Ты писатель для людей чувства образованного и развитого, писатель для переломной, самой избранной части общества. Да и не старайся нравиться большинству, для тебя большинство придет, но только впоследствии, как пришло оно потом для Пушкина... Чем искреннее, субъективнее будут твои описания, тем лучше они будут, тем благотворнее будет их влияние... Дорожи добросовестностью труда и не думай о том, что из этого выйдет. Не бойся раскрыть свою душу и стать перед читателем лицом к лицу.

Тургенева попросили прочитать одно из писем из рассказа «Фауст». Этот рассказ, в девяти письмах, служил как бы попыткой автора воздействовать литературным произведением на душу читателя.

После прочтения все почти хором заговорили о том, как трудно понять, на чем основывается наша любовь к отечеству, к родному дому, к женщине.

Боткин говорил о том, что может понять женщину беззащитную, у которой нет никого, с кем бы она могла выплакать свое горе.

Тургенев вспоминал, что никогда не мог пройти мимо женского горя, мимо одного откровенного и решительного письма от незнакомой женщины, которая убежала из дома в Петербург, мечтая сделаться медиком, но оставшись без средств и работы, просила у него займы сто рублей. И как можно было не исполнить эту просьбу.

⁵ Alessandro Stradella — итальянский композитор и певец эпохи барокко.

Говорили о том, с какой болью и тоской почти каждый из них думал о России, находясь за границей. Говорили о том, что, ослепленные Европой, мы порой забываем, каким медленным, трудным путем она доходила до современного состояния. Говорили о том, что там, в Европе, нас никогда не поймут, чужой национальности никто, в сущности, не примет. Необходимо здесь все делать для государственной крепости и высокого значения России. Ведь так было и будет всегда, что прежде всякой гуманности и отвлеченных требований справедливости идет желание жить, не стыдясь своего житья.

ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Владислав БАЧИНИН

АТОМНЫЙ ИОВ

Величавая мощь и пронзительная острота аутентичной теодицеи

Библия изобилует как острыми событийными коллизиями, так и дискурсивными богословскими, этическими, экзистенциальными сюжетами, настойчиво ставящими перед читателями один и тот же вопрос — об отношении Бога к злу. На ее страницах встречается немало такого, что может вызвать у современного обладателя секулярного, либерально-гуманистического сознания негативную реакцию. Так, обратившись, к примеру, к первым главам Книги Бытие, к историям Великого потопа или уничтожения Содома и Гоморры, он может заявить об учиненном Творцом геноциде допотопного человечества и поселений содомитов. Однако этим выпадам можно противопоставить ряд встречных вопросов:

- Должны ли люди нести ответственность за свои слова и поступки?
- Во имя чего Бог должен терпеть бесчинства аморальных и преступных людей?

Владислав Аркадьевич Бачинин — доктор социологических наук, профессор, Окончил философский факультет ЛГУ и аспирантуру Института философии РАН. Автор более 700 опубликованных работ по теологии, философии и социологии культуры, в том числе более 50 книг, среди которых: «Достоевский: метафизика преступления» (2001), «Малая христианская энциклопедия». Т. I—IV (2003—2007); «Девиантология и теология: от Библии к Достоевскому» (Saarbrücken, Deutschland, 2012), «Теология, социология, антропология литературы (Вокруг Достоевского)» (2012), «Мистерия гуманитарной аномии. Духовная война интеллектуалов» (2014), «Протестантская этика и дух остмодернизма» (в соавт.) (2015), «500 лет спустя, или 95 тезисов о Реформации, модерности и великой христианской депрессии» (2016), «Европейская Реформация как духовная война. Теология генезиса modernity» (2017). Постоянный автор журнала «Нева». Победитель конкурса философских трактатов на тему «Возможна ли нравственность, независимая от религии?», проведенного Российской академией наук (Институт философии). Живет в Санкт-Петербурге.

- Станет ли человечество счастливее от того, что на земле вместо ответственности утвердится безответственность, вместо богопочитания богохульство, а вместо естественных половых отношений станут процветать противоестественные связи, оскорбляющие человеческую природу и ее Творца?
- Не превратится ли жизнь на планете в «дьяволов водевиль», в «бесовский хаос», если грязная и преступная вседозволенность аморальных грешников, стремящихся к исправлению, возобладает над цивилизованностью и вытеснит богобоязненную нравственность из отношений людей?

Если же кому-то из диспутантов-секуляриев захочется предъявить счет Богу, возложить на Него всю ответственность за земные катастрофы, освободив от нее человека, то им придется услышать еще и такой вопрос: «Кто дал человеку право суда над Богом? Может ли виновный судить правого? Вправе ли глина возмущаться действиями горшечника?»

Ответы на все вышеперечисленные вопросы присутствуют в Ветхом и Новом Заветах. Их наиболее развернутая экспозиция составляет содержание Книги Иова с ее классической теодицеей, которую И. Кант назвал *аутентичной* теодицеей. «Когда, — писал он, — Бог Сам становится истолкователем Своей обнаруженной в творении воли, то такое истолкование мы можем назвать аутентичной теодицеей»¹. Это верная мысль важна, поскольку позволяет отделить библейскую Иов-теодицею от многих теодицей, которые впоследствии будут создаваться людьми, вольно или невольно отступавшими от Божьей правды.

Полифония Иов-теодицеи: нарративность и дискурсивность

Главный герой Библии — Господь Бог. В Книге Иова, где Он тоже главенствует, возле Него объявляется сумрачная фигура Его абсолютного антипода, трансцендентного духа зла и тьмы, лукавого обладателя злой воли. Позиции этих главных действующих сил, Бога и сатаны, противоположны, но не зеркально-симметричны, а, напротив, принципиально, по всем позициям асимметричны. В них нет равнодоказуемости тезиса и антитезиса. Это нечто совсем иное: Бог олицетворяет высокие тайны жизни, а дух тьмы — глубокие тайны зла и смерти. От этого духа, чрезвычайно деятельного, норовящего во все вмешиваться, стремящегося нанести как можно больше вреда людям, исходят все катастрофы, беды, несчастья человечества.

Что касается третьего по значимости действующего лица теодицеи, человека по имени Иов, то его жизни суждено превратиться в пепелище. Сатанинская сила, подобная взрывной волне, выбросит его за пределы привычного благополучного существования, так что он окажется среди праха и пепла, сам похожий на догорающий человеческий огарок. Предельный опыт, приобретенный им в исключительных обстоятельствах череды катастроф, окажется для него почти невыносимой тяжестью, под игмом которой очень трудно существовать и крайне не просто веровать и размышлять.

В Книге Иова, как богочеловеческом творении, захватывающая нарративность, духовная насыщенность поэмы-мистерии сочетаются со сложнейшей дискурсивностью, смысловой глубиной богословского трактата. Воссоздается уникальная в своем высоком драматизме картина единства вселенского макробытия и человеческого экзистенциального микросуществования.

¹ И. Кант. О неудаче всех философских попыток теодицеи. — Он же. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 70.

Линейности поступательно развертывающегося нарратива сопутствует динамика формирования композиции теодицеи. На сценарной канве Книги Иова проступает сложнейший рисунок из стратегий, проводимых Богом и сатаной, а также из позиций Иова и его друзей. Между людьми возникает острая полемика, в которой каждый из диспутантов излагает собственную версию теодицеи, пребывающую в той или иной степени отдаленности от Божьего взгляда на происходящее.

Когда М. М. Бахтин разрабатывал идею полифонической природы романов Достоевского, то он, по сути, перенес в близкое к нам время то древнее открытие, которое уже присутствовало в Книге Иова и превратило ее в теодицею с уникальной интеллектуальной композицией, подчиняющейся принципам содержательного многоголосия. Впоследствии именно эта полифоничная теодицея составила живое смысловое ядро всего библейско-христианского дискурса. Внутри его семантических структур пульсируют зародыши бесчисленного множества богословско-философских и этико-экзистенциальных мыслей, идей, концепций. Каждая из них способна, при наличии определенных условий, прорасти и обрести самостоятельность существования в пространстве культуры.

Иов-теодицея вместила в себя невероятно много. В ней, помимо Бога, сатаны, Иова и его друзей, действует еще один важный персонаж. Это динамично пульсирующая мысль, занятая труднейшей работой по постижению глубинной сути отношений между Богом и злом. Вообще мысль выступает в Иов-теодицее в качестве существенно-го атрибута трех лиц — Бога, сатаны и человека. Отношения между разными интеллектуальными стратегиями не являются отношениями равенства, сотрудничества, дипломатической толерантности, взаимных консультаций и согласований. Субъекты обладают слишком разными сущностями, и потому взаимодействия между мыслью Божьей, мыслью сатанинской и мыслями человеческими разворачиваются в соответствии с иными законами — законами духовной метадрамы.

Мысль Бога, всеобъемлющая и всепроникающая, не имеет ограничений и пределов, пребывает в трансцендентности Его абсолютно суверенной воли. Ее истоки, мотивы никому не ведомы. Она ни от кого и ни от чего не зависит, никому не подотчетна и таит в себе целевую причину развертывания всего дискурса Иов-теодицеи. При этом сущность ее такова, что она всегда и везде свидетельствует прежде всего о мудрости, благодати и справедливости Творца.

У мысли сатанинской совершенно иная природа. Она ценностно ограничена: в ней нет ни грана мудрости, благодати и справедливости. Ею движет только одно, исключительно низменное, стремление — досадить человеку, доказать, что он является всего лишь «тварью дрожащей», трясущейся за свою жизнь и благополучие.

В человеческой мысли нет однозначности. Она, будучи ограничена антропологией, противоречива, несвободна, зависима от очень многих факторов. При этом ей свойственно воображать себя независимой и с позиций своей мнимой суверенности категорично судить обо всем на свете. Очень часто она либо впадает в экзистенциальную дремоту, либо ведет себя беспокойно, суетливо, тревожась, двоясь, многого не понимая, сомневаясь, не веруя и потому терпя духовные поражения.

Плач Иова

В центре Иов-теодицеи располагаются великие недоумения растерзанного злом человека. Иов страдает от внутренних разрывов, от одолеваящих его смысловых диссонансов непонимания: «Почему?», «За что?», «В чем моя вина?» Одновременно он формулирует один из главных вопросов всех будущих теодицей:

Почему нечестивцы живут
до глубокой старости
и, кажется, с годами
лишь крепнут?
Дети их подле них благополучны,
внуки их — перед их очами.
В их домах царит мир и спокойствие,
и жезл Божий на них
не обрушивается.
Быки у них породистые,
осеменяют постоянно,
коровы их телятся,
и выкидышей не бывает у них.
Детям их вольготно повсюду,
словно стадо овчье, резвятся они.
Поют они, на бубнах и цитрах играют,
под звуки свирели радуются.
Все дни их проходят в счастье,
и в Шеол они сходят без мучений.
Говорят они Богу:
«Отойди от нас прочь!
Не желаем мы знать путей Твоих!
Кто это такой Всесильный,
чтобы Ему служить?
Какой прок молиться Ему?»
Но ведь не в их власти счастье!
Чужды мне
замыслы нечестивцев!..
Часто ли светильник

у нечестивцев гаснет
и приходит ли к ним несчастье?
И обрекает ли Бог их
во гневе Своем на страдания?
Иль становятся они
подобны соломе на ветру,
мякине, гонимой вихрем?
Скажете: «Бог для детей злодея
приберег кару...»
Лучше бы Он покарал его самого,
чтобы сам злодей изведal горе!
Пусть своими глазами беду увидит,
гнев Всесильного пусть
он сам изопьет!
Какое дело ему
до семьи после смерти,
когда дни жизни его окончатся?
Скажете: «Бога ли учить мудрости,
когда Он судит и тех,
кто на высоте обитает».
Один до самой смерти полон сил,
спокоен и счастлив,
тело его молочно-бело,
кости его сочны.
А другой умирает в муках,
так и не вкусив добра...
Оба они во прах лягут,
тела обоих покроются червями.

Иов. 21,7–26

В каждое мгновение быстротекущей жизни Господь испытывает человека, и тому невозможно ускользнуть от неотрывного, пронизательного, испытующего Божьего взгляда. Такова непреложная онтология отношения Творца к Своему творению, заинтересованного в том, чтобы Его создание служило интересам Автора, исправно функционировало в соответствии с авторскими инструкциями, не позволяло себе сбоев и отклонений. Подобное отношение Бога к человеку почти всегда вызывает у людей неподдельное изумление:

Что есть человек, что Ты
столь пристально смотришь на него,
обращаешь на него
взор сердца Своего,
следишь за ним каждое утро,
каждый миг его испытываешь?

Иов. 7,17–18

В Книге Иова Бог решает испытать Свое творение на духовную прочность, ставит экзистенциально-педагогический эксперимент, чтобы показать и доказать: человеческий род состоит не из одних каинов и хамов, вавилонских столпотворителей-богоборцев и распутных содомо-гоморрских развратников; существуют и настоящие пра-

ведники, чья вера остается непоколебимой даже при самом яростном напоре дьявольских сил.

Разворачиваются трагические события Иов-теодицеи. Зло, подобно смерчу, сносит, стирает с лица земли все, чем жил Иов, что было ему дорого. Не остается ничего, кроме голого человека на голой земле. Эти библейские картины перекликаются со свидетельствами жертв атомного взрыва в Хиросиме. Многие из тех, кто находились в зоне огненной вспышки и, в силу разных обстоятельств, не погибли, признавались, что, придя в себя, обнаруживали, что они оказались совершенно голыми.

Первая реакция Иова на обрушившееся на него зло, этически безупречна:

И встал Иов, разодрал одежды
свои, обрил голову, пал ниц на землю
и сказал: «Нагим я вышел из утробы
матери, нагим и возвращусь туда.
Господь дал, Господь взял. Да будет имя
Господне благословенно!»
При всем при этом не согрешил
Иов и не возложил вину на Бога.

Иов. 20–22

Несмотря на последовавшую далее череду новых испытаний, Иов не отшатнулся от Бога, не заявил о Его несправедливости или жестокости. Его страдания усугубляются тем, что никто ему не сочувствует, и он вынужден выносить тяжкие унижения от окружающих. Друзья не правы тем, что не утешают, а обличают его. А ему требуется именно утешение и, конечно же, понимание сути происшедшего с ним. Но только один Бог знает эту суть. Только Ему ведомо, что она заключается не в причинах, а в целях. Цель же — в испытании, в экзамене, учиненном Создателем в назидание всему будущему человечеству.

Плач Иова можно было бы отнести к библейскому жанру иеремиады, получившему свое название от lamentаций пророка Иеремии, если бы Книга Иова не возникла несколькими столетиями раньше Книги Плача Иеремии. Нарративы обеих книг существуют и разворачиваются в одной тональности. Это жалобы души, мучения истерзанного сердца, только потому не раздавленных перенесенными страданиями, что Бог незримо пребывает с мучеником. Значительная часть плача Иова сосредоточена в 31-й главе:

Ведь каков удел людям от Бога свыше,
какое наследие от Всесильного
с высоты небес?
Разве не гибель уготована нечестивцу
и беда — злодею?
Разве не видит Бог мои поступки,
все шаги мои
разве не примечает?
Разве жил я во лжи?
Или нога моя
спешила к коварству?
Пусть Он взвесит меня
на верных весах,
пусть узнает Бог
мою непорочность!

Если стопы мои
с пути прямого свернули,
если сердце
последовало за взглядом,
если руки свои я чем-то запятнал,
пусть тогда другой ест, что я посеял,
а что выросло для меня —
да будет вырвано с корнем!
Если сердце мое
соблазнилось чужой женой
и у дверей соседа я караулил ее,
пусть моя жена отдается другому,
пусть под других она ложится.
Ведь это же разврат,
преступление подсудное.

Это огонь испепеляющий,
 низводящий в Аваддон,
 все добро мое
 пусть бы он уничтожил!
 Разве был я несправедлив
 к слуге моему
 или к служанке моей
 и со мной вели они тяжбу?
 Что стал бы я делать,
 если б поднялся Бог на их защиту,
 если б Он учинил допрос,
 что ответил бы я?
 Тот, кто сотворил меня
 во чреве матери,
 сотворил и слугу моего,
 Единый созидал нас в утробе.
 Разве я отказывал бедняку в просьбе,
 угасал ли взор вдовы
 по моей вине?
 Разве в одиночку я ел свой ломоть?
 Разве не ел от него и сирота?
 С юности моей я растил сироту,
 как отец,
 с рождения моего
 о вдове заботился.
 И если видел я,
 как зябнет раздетый,
 как бедняку нечем укрыться,
 не меня ли потом
 благословляло сердце его
 и не моих ли овец шерстью
 был он тогда согрет?
 Но если я поднимал руку на сироту,
 зная, что на суде за меня встанут,
 пусть выскочит рука моя
 из своего сустава,
 пусть в локте она переломится!
 Ведь страшился я бедствий,
 посылаемых от Бога,
 пред величьем Его
 не мог я сделать такого.
 Разве на золото я полагался,
 разве о чистом золоте говорил:
 На тебя моя надежда?
 Разве тому я радовался,
 что велико мое богатство,
 что рука моя владеет многим?
 Или, глядя на солнце,
 как оно сияет,
 как луна шествует в блеске,

разве сердце мое
 втайне соблазнялось,
 разве рука моя
 уст моих касалась?
 Ведь и это было бы
 грехом подсудным,
 тогда бы от Бога Всевышнего
 я отрекся.
 Разве радовался я
 несчастью врагов своих,
 разве ликовал,
 что беда их постигла?
 Не позволял я устам моим грешить,
 призывая проклятья
 на их жизни!
 Разве домочадцы мои
 не говорили:
 «Всех нас он
 досыта кормит мясом»?
 И чужеземец не ночевал на улице:
 двери мои я отворял страннику.
 Разве скрывал я свои проступки,
 как все люди,
 пряча грех мой за пазухой?
 Тогда боялся бы я
 собраний многолюдных,
 презренья соплеменников
 меня бы страшило,
 я молчал бы,
 не смея за двери выйти.
 О, если бы Он меня выслушал!
 Вот последнее мое слово,
 пусть отзовется Всесильный,
 пусть обвинитель
 запишет ответ в свиток.
 И тогда на плечах своих
 буду носить его,
 увенчаю себя им.
 О каждом шаге своем
 я Ему поведаю,
 предстану перед Ним, как князь.
 И если земля моя на меня сетовала,
 если все ее пашни плакали вместе,
 если ел я плоды ее даром,
 хозяев ее сживал со света,
 тогда пусть терновник растет там
 вместо пшеницы,
 сорняки — вместо ячменя.
 Завершились на этом речи Иова.

Иов. 31,2–40

Иов жалуется Богу и людям на то, что его страдания безмерны, что стрелы Божьи вонзаются в него и ужасы на него ополчились. Потому он желает только смерти как освобождения от страданий.

В XX веке подобные жалобные стоны издавали узники ГУЛАГа и нацистских лагерей смерти. «Мусульманин» у Дж. Агамбена (так называли крайне истощенных и деморализованных узников, потерявших человеческий облик) — крайнее, предельное воплощение той антропологии, которая уже одним своим видом вопиет к небесам. Где человеку взять силы, чтобы выдержать чудовищный напор зла и не сломаться?

Целевая причина страданий праведника

Вся суть теодицеи Иова сосредоточена в его словах: «Вот Он убивает меня, но я буду надеяться» (Иов. 13,15). Иов не знает, что у Бога нет намерения убивать его, что это только испытание его духа, проверка твердости веры. Он не впадает в отчаяние только потому, что вера его не поколеблена. Безмерно страдая, он продолжает верить. Сатана искушает его страданиями, используя их как оружие и надеясь с его помощью уничтожить веру Иова, спровоцировать жертву на хулу в адрес Бога. На стороне архиврага оказалась и жена Иова, которая открыто призывает мужа похулить Бога. Отказывая ей, Иов тем самым отказывает и сатане.

Бог, Который никого не искушает, действует как испытатель, экзаменующий праведника на веру и верность. Все библейские теодицеи предстают средоточиями воодушевляющей мудрости. Через драматические судьбы их героев Бог открывает людям важную истину: зло может вторгаться в их жизни не только в качестве наказания, но и как испытание их веры.

Поначалу Иов, оглушенный свалившимися на него несчастьями, задает Богу неправильные вопросы. Например, такого рода: «За что Ты со мною борешься?» (Иов. 10,2). Это означает: «По какой причине Ты допускаешь непомерно жестокие, едва выносимые страдания?», «Почему Ты обходишься так сурово с теми, кто ничуть не хуже других, а во многих отношениях и лучше?» На первый взгляд эти вопросы кажутся вполне уместными. Но далее Книга Иова убедительно доказывает, что они неверно сформулированы. Друзья Иова, каждый из которых сочиняет свою крохотную теодицею, задались ими, однако в результате не смогли, несмотря на все свои усилия, найти ответы на них и даже вызвали большое недовольство Бога. Они пытались покопаться в жизни Иова, проникнуть внутрь его личности, чтобы отыскать там грехи, заслуживающие сурового воздаяния. Но ничего из того, что им требовалось, они не нашли, поскольку искали не там и не то.

У непомерных страданий Иова не было тех причин, которые пребывали бы внутри него. Да, он был, как и все люди, поражен злым наследием первородного греха. Но во всем остальном он являлся сугубо положительным антропологическим, социальным, моральным и духовным типом. И сам Иов знал об этом и не тратил силы на поиски причин внутри себя. Он устремил все силы своего духа в иное направление, поняв, что надо искать Бога, Его лица, Его присутствия в своей жизни, возможностей приблизиться к Нему. Ему было необходимо познание Бога, Божьей воли. Он надеялся, что только в таком приближении он поймет истинную суть того, что произошло с ним и с его домом. И Бог пришел к нему на помощь, открыв перед ним важную часть великой тайны Своего вмешательства в его жизнь и судьбу. В результате Иов понял, что все случившееся с ним было угодно Богу, требовалось для Его, Божьих, целей. Сами же эти цели не могли быть несправедливыми, поскольку благой Бог всегда прав и справедлив.

Поначалу Иов полагал *причину* своих страданий в гневе Бога на него. Так же считали и заблуждающиеся друзья Иова, полагавшие, что Бог покарал того за скрываемые грехи. Иов видел ошибки друзей, но своей не замечал. Впоследствии ошибки такого рода будут характерны для протагонистов многих будущих теодицей эпохи секуляризации. И нам еще придется о них говорить. Что же касается Иова, то он в конце концов отказывается от этой мысли, выходит из своего духовного полуобморока и ментального тупика. Его спасает вера. Он говорит: «А я знаю, Искупитель мой жив» (Иов. 19,25). И твердо верит, что Бог все расставит по своим местам. С этой верой он вплотную приближается к пониманию того, что суть дела не столько в причинах, сколько в целях переживаемых им страданий. Однако эти цели находились далеко за пределами его собственного жизненного мира. Они принадлежали не ему, а Богу, пребывали в Его компетенции, проистекали из Его воли, подчинялись ей и касались уже не столько Иова, сколько всего человеческого рода.

Читатель Книги Иова имеет возможность постепенно приблизиться к подобному пониманию. Этому способствуют несколько важных факторов. Так, в преамбуле Книги Бог не говорит ни одного отрицательного слова в адрес Иова. Напротив, Он дает высокую оценку его праведности. Свою задачу Он ставит предельно однозначно: испытать праведность и верность Иова, чтобы затем вознаградить того за стойкость. Аналогичным образом Бог ранее испытывал Авраама, приказав ему принести в жертву своего сына.

Теологические дебаты

Теологические дебаты между индивидуальными позициями разных участников полилога обретают вид своеобразного конкурса, за которым внимательно наблюдает Создатель. Доводы друзей сводятся в основном к двум общим положениям. Во-первых, Бог безусловно справедлив, насылая на людей беды в качестве кар их за преступления. Во-вторых, хотя Иова и невозможно уличить в явных прегрешениях против Бога, все же сами факты обрушившихся на него утрат и страданий означают, что какие-то грехи, неизвестные окружающим, все же числятся за ним. Этот, второй, довод крайне огорчил Иова, увидевшего в нем свидетельства банальной псевдомудрости и жесткого, безжалостного резонерства тех, кто называли себя его друзьями.

Слова же самого Иова звучат иначе и свидетельствуют о его твердой прямоте и горькой искренности. Во-первых, он на протяжении своей жизни никогда не поступал против совести и потому не чувствует ее угрызений. Во-вторых, он, конечно же, совершал обычные человеческие ошибки, но они не были проявлениями порочных или преступных склонностей. В-третьих, он признает, что ему не хватает человеческой мудрости для постижения тех причин и целей, из-за которых Бог ввергнул его в пучину страшных бедствий и непомерных страданий.

Вопросы, касающиеся причин зла и страданий, звучат с пронзительной остротой из-за сопутствующих им горьких стенаний плачущей души Иова. Она, подобно крохотному человеческому мотыльку, распластанному под пятой неодолимой, сверхъестественной силы, почти раздавлена тяжестью страданий и чудом еще остается живой.

Человеческому уму, находящемуся в таком же состоянии и пытающемуся задавать вопросы, грозит опасность отдалиться от веры на значительное расстояние, что ему не обещает ничего хорошего. И чем больше вопросы будут походить на обвинения в адрес Бога, тем меньше останется у несчастных мотыльков шансов выбраться живыми из-под придавившей их тяжести испытаний.

Иов не таит сомнений и прямо, честно, искренне говорит о своих недоумениях. Лишь к концу диспута, вняв голосу Бога, он перестает вопрошать и смиренно склоняет голову перед премудростью Всевышнего. К счастью для него, вера его осталась не поколеблена. Пройдя через потрясения, Иов остался тверд в своей уверенности, что Бог — всемогущий и благой Господин всего сущего, что долг каждого человека состоит в том, чтобы безропотно принимать от Него абсолютно все, в том числе и испытания, какими бы мучительными они ни были.

Иов понимает, что человеку с его ограниченным умом не дано охватить и постичь мудрость Божьих замыслов ни в физическом, ни в моральном мире. Земные свидетельства этой запредельно высокой мудрости, выходящей за грани человеческого понимания, рано или поздно обнаруживаются. Поэтому лучше загодя положиться на Бога, довериться Ему. И это доверие будет самой надежной гарантией от всех возможных заблуждений и непоправимых ошибок.

Откуда, из каких сфер могут страдальцы ожидать избавления и спасения? Судьба Иова убеждает: только сверху, свыше, от Бога. По незримому руслу, как по некоему световоду, могут заструиться Божья благодать и милость, способные наполнить человека духовной силой, позволяющей все выдержать, выстоять. Благодаря только ей человек обретает способности и умения верно понимать происходящее, правильно формулировать трудные вопросы, слышать ответы Бога, внимать им, мудро истолковать их, делать верные, созвучные Слову выводы из всего, что выстрадано, прочувствовано, продумано. Если такого световода нет, то рассчитывать на успешную ориентацию в лабиринте теодицеи не приходится. Своими силами разум не сможет постичь тайну отношений между Богом и вторгшимся в человеческую жизнь злом.

Фауст-теодицея против Иов-теодицеи

Иов-теодицея предстает во всей своей духовной красоте и мощи при ее сопоставлениях с позднейшими теодицеями эпох ранней и зрелой модерности. Иов задает вопрос, который для него является чисто риторическим: «Кто скажет Ему: что Ты делаешь?» (Иов. 9,12). Однако новые теодицеи будут держаться именно на вопросах такого рода, на «речах безрассудных», выражающих недоумения, претензии и недовольства в адрес Бога и всей онтологии Божьего господства над миром.

Сквозным сюжетом интеллектуальной жизни нового времени станет тема намеренного, сознательного, целенаправленного разрушения библейско-христианской теодицеи как духовной парадигмы. Будут производить теодицеи с совершенно иными аксиологическими свойствами, предназначенные звучать в тональности богоотступничества, апостасии, богоборчества. Из них совершенно исчезнет высокий строй и ослепительный блеск острой, чистой, возвышенной и глубокой библейской мысли. В семантических метаструктурах, модифицированных фаустовским человеком, мысль уже не будет растекаться по вселенским просторам Божьего миропорядка, а застрянет в пределах рациональных структур секулярного характера. Из нее попытаются сделать подобие грубых стенобитных орудий, предназначенных сокрушить теологические конструкции библейско-христианских теодицей от Иова до Лютера и Кальвина.

Если библейская теодицея исполнена духа, хотя и дерзновенных, но, по сути, боголюбивых вопрошаний, то их секуляризованные, девиантные версии будут выглядеть демонстрациями дерзости без любви. Они не станут защищать Бога от обвинений в том, что Он допустил существование зла, а, напротив, будут охотно подыгрывать обвинителям. Их тон будет больше напоминать выступления неких прокуроров, бес-

церемонно обсуждающих, оценивающих и негативно трактующих действия Творца. В них человек фаустовского типа попытается перехватить инициативу у Бога, призовет Его к ответу, подвергнет сомнению Его мудрость, милосердие, всемогущество и справедливость. Объявится одно из главных желаний фаустовской души — убедиться в «знание Бога» (Гельдердин—Хайдеггер) и заменить явленное в Боге средоточие высших смыслов скопищем бессмыслиц и даже — более того — начать преподносить эту негативную замену в качестве безусловно позитивного приобретения научно-критической мысли.

Если попытаться обозначить тип того интеллектуала-деструктора, который займется сочинением подобных квазитеодицей, то для идентификации этого собирательного образа трудно подыскать имя более аутентичное, чем Фауст. Оно и по странственнно-хронологическим меркам, и по самой своей богопротивной сути идеально вписывается в общие интеллектуальные ландшафты и апостасийные композиции теодицей нового вида. А это, в свою очередь, позволяет достаточно отчетливо обозначить суть духовной, экзистенциальной, культурно-исторической антитезы между двумя историческими типами классических теодицей библейско-христианского человека с одной стороны и постклассических теодицей секулярного, фаустовского человека с другой. Эта антитеза, ясно обозначившаяся в пору зрелой модерности, ознаменует тот роковой исторический излом-поворот, за которым начнется ускоренное скольжение европейского духа по наклонной великой христианской депрессии.

Вот они, эти основные, самые кардинальные различия между историческими типами Иов-теодицей и Фауст-теодицей.

1. В Иов-теодицеях библейско-христианского человека господствует дух хотя и настойчивых, но почтительных и смиренных, пронизанных страхом Божиим вопрошаний к Тому, Кто неизмеримо выше и мудрее человека. Это обращения верующих людей в надежде, что Бог поможет им во всем разобраться, утолит духовную жажду, утешит и успокоит их.

В теодицеях фаустовского человека нет ни малейших признаков страха Божьего. В них доминирует требовательный и даже вызывающий тон грубых претензий надменного обвинителя, возомнившего, что у него есть право судить Бога и выносить Ему свои приговоры.

2. В Иов-теодицеях главенствующий субъект — Бог. Никому из диспутантов, безусловно признающих библейскую онтологию, не приходит в голову оспаривать Его верховный статус и абсолютный суверенитет.

В теодицеях секулярного человека эпохи модерности главным субъектом становится скептик и эгоцентрик, интересующийся собственной жизнью и персоной в гораздо большей степени, чем всем сущим и должным. Он ставит под сомнение якобы «гипотетическое» бытие якобы «гипотетического» Бога. Исходя из собственных интересов, он присваивает себе право решать судьбу Творца и выносить приговор мировому злу.

3. В Иов-теодицеях верующий человек не сомневается в справедливости, мудрости, всемогуществе и милосердии Бога.

Постклассические теодицеи изобилуют рассудочными сомнениями во всех этих свойствах Бога.

4. В Иов-теодицеях, являющихся богопрославлениями, человеческий разум ведет себя смиренно, сознает свою ограниченность, не пытается достичь своих целей любой ценой, не прибегает к лукавым софистическим ухищрениям.

В Фауст-теодицеях, являющихся богообвинениями, практически все смысловые конструкции строятся на системах софизмов, отталкиваются от установок разума, пребывающего в горделивом самоослеплении, действующего с позиций логического

произвола и этической вседозволенности, культивирующего коренную ложь о якобы «гуманистичности» богоотрицающих стратегий бытия и мышления.

5. В Иов-теодицеях не ставятся под сомнение ни присутствие Бога в бытии, ни целесообразность сотворенного Богом миропорядка.

Теодицеи фаустовского человека изобилуют такими сомнениями. Их создатели как будто уже знают о стоящей перед ними сверхзадаче — загодя собирать аргументы, готовить почву для вынесения вердиктов не только об «импичменте» Богу, но и о Его приближающейся насильственной «смерти».

6. В Иов-теодицеях, складывающихся из суждений разума и веры, человеком движет воля к бытию в Боге. И потому он предельно серьезен и тверд в своей вере, отважен и мужествен в защите своей позиции.

В Фауст-теодицеях, состоящих из суждений рассудка и безверия, людьми фаустовского типа движет авантюрная воля к собственному духовному небытию. Они упорны в безверии, надменны в гордыне, бесцеремонны в вопросах и ничем не маскируют свои непомерно дерзкие, а местами и откровенно «хамские» модели умственного поведения.

7. Библейско-христианские Иов-теодицеи строятся на онтологии разомкнутости антропологического в божественное, профанного в трансцендентное.

Фаустовские квазитеодицеи — это всегда демонстрация онтологии самозамкнутости антропологического на самом себе, презентация позиции намеренно культивируемой самоизоляции антропологического от трансцендентного. На этом основании складываются картины онтологического и экзистенциального одиночества человека.

8. В классических теодицеях Бог как Истина предполагает бескрайний простор для деятельности человеческого мышления, поиска тех смыслов, по которым трансцендирующее «я» восходит, словно по ступеням, к Истине-Богу. При этом мысль, поддерживаемая верой, не страшится того, что вынуждена двигаться по территориям непознанного и непознаваемого.

В секулярных Фауст-теодицеях нет ни Бога, ни истины, и потому мышление продвигается так, как будто находится в шорах: оно охотно экзистирует, но ему не дано трансцендировать.

9. В библейско-христианских теодицеях незыблема онтологическая субординация, согласно которой благой Бог бесконечно высок, а сатана, источник зла, — абсолютно низкий, низменный субъект, находящийся в прямом подчинении у Бога.

В Фауст-теодицеях, отличающихся превратной эпистемологической и оценочной оптикой, нет ничего абсолютного. В их релятивистских картинах мира ни высота авторитета Бога, ни низость всемирного зла не являются неоспоримыми данностями. Все выглядит относительным, все считается дозволенным, в том числе и невозможное для верующего разума принижение Бога и возвышение зла. Секулярному рассудку позволительно представлять последнее как самостоятельную силу, довлеющую над миром и даже над Богом. Для него допустимо ставить Господа в позицию провинившегося ответчика, обязанного отвечать на вездливые вопросы истца, то есть фаустовского человека.

10. Иов-теодицея выступает в качестве эффективного «фильтра очистки» духа, ума, души от их «загрязнений» атеистическими предрассудками.

Фауст-теодицея, напротив, работает как «загрязнитель» пространств индивидуальной и общественной духовной жизни негативными выбросами, сложносоставными «нечистотами» секулярного интеллекта.

Главные уроки библейско-христианских теодицей, этих плодов духа, прочно связанного с Богом, ценящего эту связь превыше всего, — это уроки веры, отбрасывающей малейшие сомнения в том, что Бог может поступать несправедливо, убеждающей, что эти сомнения исходят от лукавого и сами являются злом. Это не устраивает фаустов-

ского человека, занявшегося фактическим деконструированием библейской теодицеи. Он создает ее превратную, извращенную иноформу, полярную по духу, враждебную смыслам первородных библейских теодицей патриархов, псалмопевцев и пророков. Пропитанный злом, он в своих рассуждениях о зле демонстрирует собственную негативную сущность, выказывает злой ум и злую волю человека греха, безверия и беззакония, пребывающего в открытом конфликте с Богом.

Фаустовские квазитеодицеи остаются одним из самых впечатляющих по своему негативному посылу интеллектуально-гуманитарных проектов эпохи модерности. Имея конспирологическую подоплеку, указывая на конспирологическое мышление их конструкторов, они свидетельствуют о настоящем заговоре демонических сил против Бога и верующего в Него человека. Это делает их анклавами предельного опыта взаимодействий человеческой души и мысли с резидентами inferнальной тьмы, демоническими силами богоотрицания и богохульства.

Современная мысль, погружающаяся в проблемные средоточия экстремального зла, рефлексирующая о загадках предельного опыта, вынуждена маневрировать в дискурсивных пространствах мировой теодицеи, среди «вечных» вопросов как теологии, так и философии, моральной, экзистенциальной, правовой, политической. Эти вопросы передаются, подобно эстафете, от одних поколений к другим и с течением времен не становятся ни легче, ни проще. И сегодня решать их также трудно, как и в библейские времена. При этом в особо затруднительных положениях оказываются интеллектуалы с секулярным рассудком. Даже если они и понимают, что очутились на территории мировой теодицеи, то все равно они фактически не знают, что им делать с гордиевым узлом острых, пронзительных проблем, впивающихся своими жалами в человеческий мозг. Самое малое из того, что они готовы признать в качестве бесспорной предпосылки, — это согласиться с предназначением теодицей помогать человеку отыскивать смыслы конкретных форм экстремального зла и малопомалу осмысливать таинственную природу предельного опыта.

Иов — архетип атомного человека

Здесь мы приблизились к самой, пожалуй, болезненной проблеме, связанной с предельным опытом современного человека, на глазах которого совершился атомный поворот. В свете радикальной метаморфозы геополитической и одновременно морально-экзистенциальной реальности библейская история Иова обретает вид символической притчи уже не только о канувшем прошлом, но и о вероятном будущем. Сам Иов предстает в качестве архетипа атомного человека, а в Иов-теодицее проступают прецедентные признаки констелляции архетипических смыслов с очертаниями полифонической метадрамы о судьбе атомного человечества.

В этом нет ничего удивительного, поскольку Книга Иова со своей исключительной смысловой насыщенностью существует в «большом времени» мировой истории и культуры, включающем как современников Иова, так и современников Оппенгеймера. И все-таки в ее поистине сверхъестественной духовной мощи, невероятной экспрессии, провидческой пронизательности, универсальном символизме и трансгисторической архетипичности остается что-то загадочное. Мало найдется книг, способных соперничать с ней выразительностью сюжета, духовной напряженностью главной коллизии, интеллектуальной плотностью повествования, неисчерпаемым богатством множества смыслов. Не побоюсь сказать, что если на одну чашу весов положить Книгу Иова, а на другую все тексты Платона и Аристотеля, то первая чаша, по моему глубокому убеждению, перетянет вторую.

В Книге Иова поражают несколько чрезвычайно существенных обстоятельств символического характера.

Первое — то, что эта самая древняя библейская книга оказалась не простым нарративом, но выстроилась в соответствии со смысловыми принципами теодицеи. Получается, что уже на заре цивилизации возникает сложнейший интеллектуальный жанр с почти фантастической архитектуроникой, невероятно замысловатой композицией и бездонной смысловой глубиной, успешно демонстрирующий судьбу исторического долгожителя.

Второе. За те тысячелетия, что прошли со времен появления Книги Иова, ни одному автору, ни одному богословскому трактату, философскому сочинению или литературному шедевру не удалось превзойти ее ни по одной из позиций интеллектуального или художественного мастерства.

Третье. Опять же, по какому-то удивительному совпадению, а точнее, по Божьему предзнанию, предвидению, предопределению Иов-теодицея предстает как эмбрион всего будущего мирового библейско-христианского богословия, как метаисторический метанарратив. Это двойное «мета» указывает, что перед нами очень своеобразный пророческий текст. На ранней стадии мировой истории в центральной коллизии этого текста оказалась предузнана и обозначена религиозная, нравственная, экзистенциальная трагедия человека атомной эпохи, чье внешнее благополучие способно в любой момент мгновенно превратиться в прах, развалины и пепелище.

Внимание к этому обстоятельству позволяет снять все те недоумения, которые возникают у иных читателей, не понимающих, зачем Богу нужно было допускать такой максимализм, такую несоразмерность, даже чрезмерность в тяжести страданий, обрушенных на Иова, который не был нечестивцем и, казалось бы, не заслуживал столь сурового обхождения с ним. И вот из нашего атомного века мы видим, что Бог изобразил в Слове с долговременным упреждением то, что в наше время грозит каждому человеку. Он с присущей Ему полнотой предузнания и предопределения всего сущего рассказал в Книге Иова о Своем предзнании, счел нужным предупредить всех, кто внимателен к смыслам Его Слова, о будущем предфинальном катастрофическом повороте мировой истории. Бог духовно предуготовляет нас к тому, вероятность чего для современного мира, кишашего миллионами маленьких фаустов с сатанинскими мыслями, весьма велика.

Для Иова, оказавшегося на пепелище своей былой жизни, активная фаза катастрофы закончилась. Но начался сильнейший и глубочайший кризис. Его растерзанное потрясениями экзистенциальное «я», смятенный ум и грозящая вот-вот надорваться вера — все это навалилось на него непомерной тяжестью от которой освободиться было необходимо, но невозможно. И тут его дух и мысль разворачиваются, набираются сил и устремляются ввысь, к Богу. По сути, им больше некуда двигаться. Ни у кого, кроме Бога, истинного Автора каждой отдельной человеческой драмы и всей мировой драмы в целом, не найти ответов на болезненные вопросы. Так полагал Иов и был совершенно прав.

Бог хотя и испытывал Иова, но прекрасно знал, чем все закончится. Иов для него был одним из тех, кого Он предузнал, предопределил, призвал, кого готов был оправдать и прославить (Рим. 8,28—30). И Он совершает акт, подобный акту передачи пророку Моисею каменных скрижалей с выбитыми на них десятью заповедями. Всю Книгу Иова можно уподобить пространной, развернутой одиннадцатой заповеди, которая заранее была приготовлена Господом для человека атомной эпохи. Это заповедь о том, как ему надо будет вести себя в ядерной катастрофе, чтобы не погибнуть безвозвратно.

«Атомная заповедь» Иов-теодицеи решительно и властно ставит каждого современного человека в предельную ситуацию засилья экстремального зла. Она побуждает к мысленному погружению в «атомный дискурс» глобальной сверхкатастрофы и тем самым как бы спрашивает: «Ну, что скажешь на это? Тебе показано то, что Бог может допустить и сделать с жизнью любого из сынов человеческих. И это только репетиция, только урок. Думай, решай, делай выводы и не ошибись!»

Через катастроф, обрушившихся на Иова, напоминает молот, бьющий в одну и ту же точку с целью пробить, разбить, сокрушить человеческий дух. Беда следует за бедой. «Прошло первое горе, но вот идут за ним другие два» (Откр. 9,12). Не успевает Иов придти в себя от одного удара, как на него обрушивается другой, не менее тяжелый. «Еще он говорил, как приходит другой и сказывает: огонь Божий упал с неба и опалил овец и отроков и пожрал их» (Иов. 1,16). Иову некогда размышлять под шквалом ударов, падающих на его голову неведомо откуда. «И вот, большой ветер пришел от пустыни и охватил четыре угла дома, и дом упал на отроков, и они умерли» (Иов. 1,19). Ошеломленный происходящим, Иов не может понять причин ужасающей избыточности этих внезапных катастроф.

Происходящее с ним перекликается с одной современной японской историей, похожей не страшную притчу. Человек пережил атомную бомбардировку Хиросимы. Случилось так, что его удалось очень быстро вывезти в другой город, поместить в госпиталь. Он, обожженный, искалеченный, потрясенный пережитым ужасом, вздрагивающий от каждого шороха, лежит на кровати, и медсестра успокаивает его: «Не тревожьтесь. Вы находитесь в полной безопасности. Вам ничто не грозит. Вы в Нагасаки». И пока она это говорила, к городу уже подлетала следующая железная птица, начиненная огнем, язвой и смертью.

Стремительная атака сатанинской силы на Иова заканчивается очень быстро. В финале его личной катастрофы, которая своими внешними признаками по какому-то удивительному совпадению напоминает ядерный удар, остаются пепел и пораженное тело едва живого страдальца, поскольку вдобавок ко всему сатана «поразил Иова проказою лютою от подошвы ноги его по самое темя его. И взял он себе черепицу, чтобы скоблить себя ею, и сел в пепел» (Иов. 2,7–8). Физически выживший после катастрофы, но загнанный духом зла в состояние смятения, тяжелой удрученности, глубочайшей растерянности, Иов утратил все, кроме способности думать и вопрошать. И как только ему удалось прийти в себя и собраться с мыслями, был произнесен первый вопрос и началось главное — мощно зазвучала великая интеллектуальная симфония первой и главной библейской теодицеи. Мысль, облаченная в слова, становится протагонистом повествования, и она же превращает жизнеописательный нарратив в дискурсивную структуру теодицеи, в открытый для всех урок веры и стойкости «у бездны на краю».

Иов не является атомным человеком в прямом смысле этого слова. Он — прототип, архетип, символ, указывающий на религиозно-богословскую сущность того типа атомного человека, который появится только в XX веке. Богу не было нужды угадывать в Иове черты будущего атомного человека, поскольку Он изначально, до времени, до сотворения мира предугадывал, что этот исторический тип появится и что ему придется жить во времена массового безверия, когда резко возрастет нужда в прямом, мудром наставлении, ясно, недвусмысленно отвечающем на вопрос «Быть или не быть?». Не найдя спасительных ответов в современной ему культуре, утратившей мудрость, он сможет отыскать его в Слове. Вот, оказывается, для чего Бог позволил сатане так жестоко обойтись с Иовом. Вот для чего Он создал Иов-теодицею: готовилось наглядное поучение милостивого Создателя для далеких поколений будущей атомной эры.

Катастрофы — это хотя и крайне специфические, но чрезвычайно эффективные средства познания Бога, мира и людей. Через страх и трепет, рождаемые ими, человеку открываются не только способности Бога выказывать праведный гнев, воздавать, поучать, воспитывать, но и властно завладеть человеческими мыслями. Похоже, что угрожающий образ вероятной мировой атомной сверхкатастрофы содержит в себе такой потенциал возможных открытий на пути богопознания, о котором мы пока и не подозреваем.

Что бы мы знали об Иове, если бы не случившаяся с ним катастрофа? Вероятно, ничего особенного, что представляло бы для нас повышенную значимость и ценность. Но катастрофа пробила туннель, ведущий в его душу, образовала разрыв, позволяющий заглянуть внутрь его веры. Возник целый спектр исключительных возможностей для богопознания и самопознания, которыми мы сегодня пользуемся². Не исключено, что чем острее и болезненнее будет ощущаться современным человечеством приближение великого атомного коллапса, тем больше важных граней Божьего бытия и человеческого существования будет нам открываться.

Иов — ситуативный мыслитель, вынужденный напряженно размышлять в силу сложившихся обстоятельств. На то была воля Бога, допустившего суровый экзамен. Другое свойство Иова как мыслителя в том, что он ничего не делает, ничего не предпринимает, поскольку делать ему нечего. Все самое страшное из того, что могло быть, совершилось помимо его воли, а ему осталось только одно — понять суть происшедшего, докопаться до истины.

Посткатастрофическая мысль Иова неразрывно связана с пережитой катастрофой, вытекает из нее, окрашена в ее тона. И вместе с тем она чиста в том смысле, что в ней нет ни игры, ни лукавства, поскольку в подобных обстоятельствах человеку не до них. Иов — не Экклезиаст, который меланхолически мудрствовал обо всем на свете среди комфорта и роскоши. Его мысль устремлена в запредельность трансцендентного мира и не цепляется ни за какую материальность, телесность, вещьность. В круге его жизни все это либо совершенно уничтожено, либо сведено чуть ли не к нулю.

В сетованиях Экклезиаста нет той духовной силы, что присутствует в словах Иова. Они остаются на том же уровне, что и резонерствующие рассуждения друзей Иова. Внешне правильные, они — всего лишь бледные подобию трагической мудрости Иова, для которого собственные страдания стали основанием его духовного взлета и финального прозрения. Бог, внимательно наблюдающий за ним, не лишил его очень важной милости и открыл ему то, что в условиях рутинной повседневности отсутствует, — очистительный эффект экстремальных обстоятельств, катарсичность предельного опыта.

Между рассуждениями друзей Иова и сентенциями Экклезиаста оттого так много общего, сходного, что это люди, не затронутые тяжелыми страданиями, не приобретенные предельного опыта. Их тепло-хладным умам не свойственна та высокая духовная сила, которая есть в Иове. Потому их ровно текущие речи так резко контрастируют с сочащимися кровавыми слезами словами Иова: «О, если бы можно было взвесить мое страдание» (Иов. 6,2).

О Иове можно говорить, что он либо притиснут к стене, либо поставлен на краю пропасти, либо подвешен над бездной на тончайшем волоске. Ему уже нечего терять и незачем изображать себя не тем, кто он есть. И хотя его ум не слабее ума Экклезиаста, а может быть, и сильнее, у него нет ни сил, ни желания, праздно умствовать и блистать отточенными афоризмами. Катастрофы не предрасполагают к интеллектуальным экзерсисам и блеску остроумия. Иов погружен в ту особую экзистенциаль-

² Одним из писателей-аналитиков, активно пользовавшихся этим приемом, стал Ф. М. Достоевский, для которого жизненные потрясения, кризисы, катастрофы, переживаемые его героями, явились инструментами исследования их внутренних миров.

ную ситуацию, когда человеку, как скажет впоследствии Достоевский, миллиона не надо, а надобно мысль разрешить. В последних вопросах, задаваемых с последней прямою, обнажена голая правда голого человека на голой земле. Это предельная, последняя правда, поскольку в любой момент его жизнь может оборваться. Он ведет себя как человек, находящийся на смертном одре: снизу на него безжалостно напирает смерть, а сверху на него испытующе смотрит Бог. Смерть Иову не интересна, но понять Бога ему очень хочется. Он, ничего не знающий о прологе на небесах, догадывается, что это Бог загадал ему неопределимо трудную загадку, разрывающую его ум и душу и покушающуюся на его веру. Тем более что вера жены Иова уже умерла, не вынесла множества нанесенных катастрофой разрывов.

Современные не верующие в Бога фаустовские души очень не любят, когда кто-либо начинает рассуждать о геополитических катастрофах XX века и о современной ядерной угрозе в терминах Божьего воздаяния и возмездия. Им неприятна мысль о том, что Бог, Которого они так старались «элиминировать» за пределы бытия, на самом деле жив и являет Себя через допущение жестоких войн, тоталитарных режимов, кризисов, катастроф. Для них неприемлемы суждения о том, что посредством всех этих потрясений Бог уже воздает людям за их нечестие и готовит окончательный судебный иск к человечеству конца времен.

В подобном неприятии присутствуют явные признаки духовной трагедии. Но понять ее суть и масштабы может только разум, действующий в союзе с верой. Для него очевидно то, что секуляризация демонтировала ту систему опор, на которой основано человеческое существование. Живой, теплый комочек из мягкой плоти, белков, жиров и углеводов легко может быть уничтожен малейшим неблагоприятным фактором. Он только потому и существует, что его поддерживает Бог. Но эту главную опору он же сам в припадке гордыни выбил из-под своих ног и повис в пустоте, принимая свою незащитность за свободу. Самое же поразительное состоит в непонимании им самоубийственной природы этой «свободы». Сотворенный Богом, он открыто восстал на Отца Небесного, решил на богоубийство и при этом меньше всего думал о наказании за свое преступление. А возмездие между тем приблизилось вплотную, и формы, в которые оно облачается, становятся все страшнее. Еще не успели остыть печи Освенцима и пепел продолжал хранить тепло сожженных человеческих тел, как в небе Хиросимы и Нагасаки грянули громы и вспыхнуло ослепительное пламя, мгновенно испепелившее и искалечившее еще сотни тысяч живых людей, настигнутых участью Иова.

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Сергей Носов. Дайте мне обезьяну: Роман. СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2018. — 304 с.

Дела давно минувших дней? Тех дней, когда в ходу была фраза злого гения Б. Березовского или приписываемая ему: «Дайте мне обезьяну, и завтра вы выберете ее президентом». Действие романа происходит в провинциальном городе Т-ске, в разгар предвыборной кампании (элекции). За места в Законодательном собрании борются кандидаты трех блоков. В центре событий случайно оказывается петербургский интеллигент Виктор Тетюрин. Начиналось для него все даже очень пристойно: встреча на улице с командированным в Северную столицу другом (а у того доллары в бумажник не помещаются), прогулка по ресторанам, в итоге неожиданное для Тетюрина пробуждение в гостиничном номере города Т-ска. Завербовали: за приличное вознаграждение

дение работать текстовиком в команде имиджмейкера-концептуалиста Косолапова, продвигающего кандидатов «Справедливости и силы». После того как Косолапов провел в двух городах подряд в губернаторы почти аутсайдеров, он сам мог выбирать, на кого работать, а в свободное время уединялся на необитаемом островке и писал книгу «Многоцветный пиар». Команда под руководством этого сторонника нестандартных технологий продвигает двух кандидатов. Леонида Станиславовича Богатырева, который особо ценен тем, что никто его не знает. Глуповат, косноязычен, внешность неважнецкая. Тусклая личность с нулевой репутацией. Но есть и плюс: на редкость удачная фамилия. Второй кандидат от этого блока — Анастасия Степановна Несоева, сильная, стильная женщина средних лет. Вымышленный Косолапов сотрудничает и с реальным петербургским поэтом Геннадием Григорьевым (1949—2007), мастером по составлению анаграмм. Используя исходные буквы имени, отчества, фамилии, Григорьев присылает анаграммы на Богатырева и Несоеву, как имеющие какой-то смысл («Слава логично выбирает единство», «А новая невеста — она и нас спасет»), так и откровенно неприличные. Креативная команда, предпринимая умопомрачительные мозговые штурмы, из бесцветного, заурядного Богатырева лепит образ былинного богатыря. В ход идет все: репродукции картин Васнецова, «Богатырская симфония» Бородина, чтение Богатыревым на встречах с избирателями былин. Забавны, смешны так любимые Сергеем Носовым диалоги. Например, обсуждение эскиза плаката с изображением новоиспеченного Ильи Муромца. «— А смеяться не будут? — Будут. — Помоему, очень статично... Ну сидит на лошади, ну и что? — Он охраняет рубеж. — Какой рубеж? — Последний рубеж. — А если его на развилке изобразить, возле камня... Проблема выбора... — При чем тут выбор? Выбирают его, а не он выбирает, он свой выбор давно уже сделал. ... — Все-таки хочется динамики. Чтобы он головы рубил Змею Горынычу». Найден и очень эффективный прием раскрутки: женить холостяка Богатырева, устроить свадьбу богатыря. Над love story Богатырева, сочиненной Тетюниным, рыдает фиктивная невеста, член команды. Номер не прошел. Помешали конкуренты, обвинив Богатырева в зоофилии, — согласно легенде, его знакомство с «невестой» произошло благодаря потерявшейся собачке. «Битвы» политтехнологов, скандалы, разоблачения, игры пиарщиков, изощренные измышления, нелепые ситуации и их азартное обсуждение — все это автор преподносит с большим чувством юмора и иронии. Его герои — не карикатурны, они хорошо образованны, многие даже симпатичны, талантливы. Интеллигенты советской еще выучки, вынужденные в поисках заработка участвовать в грязной предвыборной «бойне» и превращающие ее в творчество. Но жертвы неизбежны. Размениваются на глупости таланты, предается любовь, иногда теряется и жизнь. Жертвой азартной борьбы становится и Тетюрин, подсевший на сочинение пасквилей. Естественно, что его опусы присутствуют на страницах книги. А ведь когда-то «без руководящей линии», без наводки он критиковал в прессе министра финансов, просто потому, что «мне не нравятся наши финансы». Теперь он думал, что создает историю. «И то верно, профессионалу какая разница? Он и Карабаса-Барабаса в Золушку превратит, а надо будет, и Дюймовочку — в Кошечку Бессмертного». Его «хождение в элекцию» оказалось трагикомично. Многие реалии закулисных предвыборных игр известны Сергею Носову не понаслышке: в 1998 году он сам был причастен к выборам в Законодательное собрание, получил весьма курьезный опыт работы на двух кандидатов. Он не «списывает» своих героев с натуры, но, как признается в одном из интервью, передает атмосферу безумной эйфории и использует эксклюзивные схемы собственного изобретения в качестве пиаровских разработок героев. Сатира, но сатира не злая. Роман писался в 1999 году. Дела давно минувших дней? Возможность посмотреть, далеко ли мы ушли от «грязных» технологий тех лет, и ушли ли? В книгу включены приложения, проливающие дополнительный свет как на личность самого автора, так и на фигуры некоторых персонажей.

Андрей Русинов. Великий обман: записки из Советской России, ускользнувшие от ГПУ. Пер. с нем. Л. И. Левина, Архангельск: Лоция, 2017 с.: 336 с.: ил.

Трагические страницы нашей истории. Андрей Русинов, от лица которого ведется повествование, в 1927 году попадает в очередную волну репрессий и за год до окончания университета высылается из Ленинграда в Архангельск, город холодный и голодный, переполненный ссыльными из всех мест России: аристократами, офицерами, интеллигентами, священниками — «бывшими». Но больше всего «раскулаченных» крестьян, пригодных для тяжелой работы. Выразительны портреты «бывших», их драматические судьбы, их текущие тяготы. Многие из них станут друзьями главного героя. Русинов работает в лесу и на стройке как топограф. Гигантские планы строительства Соломбальского лесопильно-деревообрабатывающего комбината сталкиваются с некомпетентностью их разработчиков, не учитывающих ни экономические, ни инженерные реалии. Виновным в провалах объявляется директор, изначально предупреждавший о неувязках в проекте. «Вредителю» — смерть. Русинов видит, как гибнет лес, остатки лесного хозяйства. Он — свидетель многих кампаний советской власти и их последствий. Одна из них — насильственная коллективизация деревни. Дешевую рабочую силу для великих строек социализма поставляло ГПУ: сотни тысяч трудоспособных крестьян в вагонах для скота ехали на Север из Поволжья, с Украины, с Кавказа. В Архангельске готовили церкви для приема «зерна». И «зерно» прибыло. «Оно передвигается на двух ногах, хотя и с трудом, и имеет человеческое обличие. Оно пребывает непрерывно. Днем и ночью ползут бесконечные людские колонны с вокзала через замерзшую реку, в мороз и вьюгу. Тут есть представители любого возраста и любой национальности. Идут бородатые мужчины во цвете лет, дряхлые старики, женщины с младенцами у груди, безусые парни и юные девушки... Все они оборваны, грязны, выглядят полузамерзшими и изголодавшимися, все несут на плечах какой-то скарб... а на улице горожане, объятые страхом, стоят, несмотря на удары прикладами, которыми их отгоняют». Русинов видел, как на каторжных работах, в невыносимых бытовых условиях гибли переселенцы и местные деревенские жители, кровь и соль России. Лично наблюдал упадок крепких хозяйств, запустение еще недавно богатой деревни староверов-беспоповцев, скатывание самодостаточных хозяев в нищету. Он был свидетелем борьбы с «вредительством», когда и приносилась жертва для успокоения голодного народа, и стройки обеспечивались специалистами — сосланными. Тяжелые последствия имела кампания по ликвидации частной торговли, по отъему частных домов, когда в считанные часы владельцы обязаны были покинуть дома, вместе с семьями уходя в никуда. Вопрос с дефицитом бумаги решался приказом об освобождении библиотек и архивных учреждений СССР от печатной макулатуры, от всего, что напечатано до 1917 года. Русинов был свидетелем того, как старые ученые спасали архивные дела и неопубликованные документы XVII века. «По ленинской системе» организовывалось производство кирпичей для строек: под рыдания крестьянского народа разбирались церкви. Через неделю после начала кампании в городе осталась только одна церковь при кладбище. Воцерковленный человек, Русинов детально знал религиозную жизнь города, посещал церкви, запрещенные властью религиозные праздники, службы, вопреки атеистической пропаганде проходившие при большом скоплении народа. Был знаком со многими священниками, на чью долю выпали многие испытания, но которые достойно до самого конца несли свой крест, давая пример другим. Истории трагические, потрясающие, восходящие к временам первохристиан. Герой романа не только чуткий наблюдатель, участник разных событий, но и прекрасный собеседник. И ему рассказывают о жизни при царе и при англичанах, о бытовании в Холмогорском концлагере и Соловецком. Русинов повествует о судьбах некоторых

известных архангелогородцев: историка и палеографа И. Сибирцева (1953–1932), исследователя культуры Русского Севера Д. Соколова (1870–1935), архиепископа Антония. Рефреном через книгу идет трагический контраст между красотой самобытной церковной архитектуры Севера и миром природы с одной стороны и — с другой — вредной и губительной деятельностью людей. С болью смотрит автор на то, как духовная жизнь умирает в стране, где «национальные основы культуры втиснуты в рамки чуждой безжизненной схемы, в данном случае — марксизма», и юные мальчики со злыми лицами, загубленные души, участвуют в антирелигиозных демонстрациях. И с удивлением наблюдает воодушевление пропитанной примитивнейшим материализмом молодежи в строительстве лесозавода. Считается, что за псевдонимом «Андрей Русинов» скрылся писатель-эмигрант, уроженец Шенкурского уезда Архангельской губернии Е. А. Гагарин (1905–1948). Книга эта не автобиография, но явственно основана на личном опыте, собственных переживаниях писателя, издана была в 1930-е годы в Германии на немецком языке. О судьбе Гагарина, сумевшего эмигрировать в Европу, о его взглядах рассказано в послесловии к книге переводчиком романа Л. Левиным. Он же указывает, какие события и детали противоречат имеющимся документам, какие находят частичное или полное подтверждение.

Ирина Ломакина. Уинстон Черчилль: биография. М.: Эксмо, 2018. — 128 с. — (Люди, которые изменили мир).

Биография Уинстона Черчилля (1874–1965) изучена вдоль и поперек, о нем написаны сотни книг, огромное литературное наследство оставил и он. Сегодня его фигура стала снова актуальна. В. Ливанов, исполнитель роли Шерлока Холмса, удостоенный за культурное сближение ордена Британии, в одном из интервью говорит: «Во время Великой Отечественной войны я был мальчишкой. В Советском Союзе Англия, Великобритания олицетворялась с Уинстоном Черчиллем». И сочувствует королеве: «Бедная, бедная Елизавета. Как она может иметь в правительстве дураков в лице премьер-министра и министра иностранных дел. ...Обидно за Ее Величество». Черчилля невозможно заподозрить в симпатиях к СССР, от которого, как он считал, исходила угроза свободному миру. Но этот последовательный противник большевизма полагал, что нацизм представляет собой более серьезную опасность для цивилизованных стран, чем СССР, и после нападения Германии на Советский Союз сделал все, чтобы создать Великий Альянс, антигитлеровскую коалицию США, Великобритании и СССР. Что не помешало ему после окончания Второй мировой войны выступить с Фултонской речью (1946 год), положившей начало «холодной войне». США и Британии предлагалось выступить единым фронтом против общей новой угрозы — усилившегося СССР. Однако этот последний романтик сохранял надежду на соглашение между СССР, США и Британией, следуя принципу: договоренность лучше атомной бомбы. В книге представлена краткая, но емкая биография одного из самых результативных политиков беспокойного XX века. Становление личности, роковые ошибки, громкие победы и не менее громкие поражения, уходы и возвращения на политический олимп. Истоки столь сильного характера Ирина Ломакина обнаруживает в детских впечатлениях, вынесенных из Ирландии, где прошли первые годы жизни будущего политика, во влиянии его «наперсницы», няни. На протяжении многих лет журналисты, писатели, друзья и коллеги, соратники и противники, члены семьи создавали имидж великого британца. Но самый большой вклад в создание и поддержание «мифа о Черчилле», считает автор, внес он сам. Этот миф опирался на реальные черты его характера, на его подлинные привычки и склонности, на качества, которые жители Туманного Альбиона традиционно ассоциировали с национальным характером: чув-

ство юмора, устойчивость к выпивке, эксцентричность. И прежде всего — на личное мужество. Выпускник военной академии, он с энтузиазмом направлялся в «горячие точки» и до начала политической карьеры успел повоевать на четырех континентах, у него над головой свистели пули, он стрелял и убивал. Оборона бронепоезда во время англо-бурской войны, пленение и успешный побег принесли Уинстону репутацию храбреца. Ни один премьер-министр до него со времен Веллингтона не участвовал так активно в боевых действиях. Поэтому когда в 1940 году он призывал нацию к сопротивлению фашистской гидре, люди поверили ему. Личный пример, военная карьера плюс дар оратора сделали из Черчилля не просто премьер-министра, но лидера нации. Участвуя в военных кампаниях, он с молодости познал самую мрачную изнанку колониальных войн. Но это несколько не ослабило его имперских амбиций: до конца жизни британский лев полагал, что его страна, как никакая другая, имеет право властвовать над «неразвитыми» народами и устанавливать свои порядки на захваченных землях, искренне веря, что цивилизованные люди несут несчастным, бедным, диким туземцам свет истины и материальные блага. И все-таки, исходя из собственного военного опыта, он следовал принципу: безжалостность в битве, милосердие — в победе. Он видел закат героической викторианской эпохи, его собственная смерть ознаменовала собой окончательный конец величия межконтинентальной Британской империи. Почти все заморские колонии приобрели статус независимых государств. Экономике Туманного Альбиона подорвали военные расходы и долги перед США по ленд-лизу. И если СССР заплатил за победу над нацизмом миллионами жизней, разрушенными городами, уничтоженными заводами и фабриками, то Британия расплатилась утратой мирового господства. Империя, которая владела половиной мира и доминировала на морях, перестала существовать. Британия укрылась в тени США, возможность принимать собственные независимые решения страна во многом утратила. Отныне политика определялась взаимоотношениями двух сверхдержав — США и СССР. Черчилль считал, что будущее его страны связано не с Европой, а с «братской» Америкой, у которой с британцами один язык и одни культурные корни. Опытный политик, принимавший участие в создании Совета Европы, он фактически предсказал не только создание Евросоюза, но и скандальный Brexit. «Великолепный переговорщик, он искренне полагал, что любых договоренностей лучше достигать с позиции силы, но всегда стремился к тому, чтобы эту силу не потребовалось применять. Современным политикам, сталкивающимся сейчас с теми же самыми проблемами, с которыми сталкивался и Черчилль, неплохо было бы усвоить те же самые принципы», — считает автор.

Александр Балод. Злоключения знаменитых путешественников. Кто был Робинзон? М.: Вече, 2017. — 448 с.: ил. — (Странности великих людей).

Чтобы разобраться, кто же был прообразом литературного героя, чье имя стало нарицательным и большинству знакомо с детства, социолог и эссеист Александр Балод погружается в эпоху, робинзонадами изобиловавшую, эпоху географических открытий, приключений и путешествий, рискованного мореплавания и дерзких авантюристов. А. Балод рассказывает о судьбах реально существовавших людей и их удивительных приключениях. О шотландском моряке Александре Селькирке, главном претенденте на прототип героя романа Дефо: после ссоры с капитаном Селькирк, пьяница и драчун, был высажен на берег необитаемого острова, где прожил в окружении диких коз и котов более четырех лет. О хирурге герцога Монмута, Генри Питмене, посланном на Барбадос за участие в мятеже против Якова II и ставшем пиратом Карибского моря. О капитане Ост-Индской компании Роберте Ноксе, прожившем двадцать

лет в плену на Цейлоне. Об «ученом пирате», мореплавателе и буканьере, «христианском джентльмене удачи», совершившем три кругосветных путешествия Уильяме Дампире. И еще о множестве кандидатов на звание «прототип Робинзона Крузо». Робинзоны-конкистадоры, британцы, голландцы, португальцы, испанцы. Порой одна и та же личность становилось моделью и для других вымышленных персонажей, так некоторые исследователи считают, что Дампир послужил прообразом Гулливера, а приключения Г. Питмена легли в основу романа Сабатини «Одиссея капитана Блада». Рассматривая версии о возможных прототипах Робинзона, людей, реально существовавших и вымышленных, литературных персонажей, А. Балод обращается к произведениям самого Д. Дефо, и не только к хорошо известной книге «Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка», но и к ее малоизвестным у нас продолжениям. А это «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо, составляющие вторую и последнюю часть его жизни, и захватывающее изложение его путешествий по трем частям света, написанные им самим» и «Серьезные размышления в течение жизни удивительных приключений Робинзона Крузо, включающие его видения ангельского мира». Вслед за Д. Дефо А. Балод перечитывает источники, которыми мог пользоваться Дефо: повествование де Вега «История государства инков», книгу У. Дампира «Новое путешествие вокруг света», записки Г. Питмена и Р. Нокса. Вывод: Дефо брал отовсюду и все: факты, события, детали. Все, что могло «лить воду на крылья его мельницы», и компоновал так, как ему подсказывал его творческий инстинкт. А. Балод не только опирается на практически неизвестные российскому читателю источники, но и на мнения многочисленных исследователей творчества Дефо. А еще — делает исторические экскурсы в прошлое, дает панорамную картину жизни Британии и неведомых еще европейцам стран, куда проникали неутомимые первопроходцы. Реалии политические, экономические, геополитические, социальные в свидетельствах иностранцев-путешественников, современников Дефо. Как данность — работорговля и пиратство. Путешествие в другие времена и нравы. И, конечно, выразительный портрет самого Даниэля Дефо, истинного британца, глубоко вовлеченного в социальную и политическую жизнь своего времени. Предприниматель, купец, публицист, писатель, разведчик, совмещавший литературу с работой на спецслужбы. Его жизнь была полна взлетов и падений. Есть мнение, что истинный прообраз Робинзона — сам Дефо, обитатель острова Британия: ведь кроме физического одиночества, существует и духовное, а изоляция героя на необитаемом острове — своего рода метафора, позволяющая показать отчуждение человека от общества. В книге А. Балода обнаруживаются глубинные связи прошлого и настоящего. Во втором томе приключений Робинзон Крузо побывал в Китае и негативно воспринял все, что там увидел. «Собственное самомнение британцы привыкли считать чувством собственного достоинства, в то время как гордость китайцев — пустым чванством», — пишет А. Балод, исходя из текстов, им проработанных. В то время как многие путешественники, побывавшие в Китае, с уважением отзывались о стране. Причины нетерпимости Дефо к Китаю автор видит «не в шовинизме и ксенофобии, а в его гениальном чутье, которым он ощущал то, в чем не хотел себе признаться — существование альтернативы (или альтернатив) западной цивилизации, которые в будущем, впитав все достижения запада, все равно останутся «тождественны самим себе» и начнут осваивать новые, собственные пути развития, которым в далеком будущем последуют многие народы, а возможно и западный мир, достижениями которого так гордился создатель Робинзона». Побывал Робинзон и в Московии, где поблизости от Нерчинска, возмущенный «скотским поклонением деревянному чуду», взял со товарищами в плен жрецов и заставил смотреть, как сжигают их идола. На следующий день возмущенные туземцы собрались у городских ворот, «требуя удовлетворения от русского губернатора за оскорбление их жрецов и сожжение великого Чам-Чи-Тонгу». Портрет британца имперской эпо-

хи? Устойчивый английский менталитет? В поисках Робинзона (а своя версия есть у автора) А. Балод создает многоуровневый, многоплановый текст, масштабный и — увлекательный.

Павел Пирлинг. София. М.: Центрполиграф, 2017. — 191 с.: ил.

Подзаголовок «Иван III и София Палеолог. История царской любви. Мудрость и верность» — обманчив. Политики больше, чем любви. Подробностей много, серьезное исследование порой переходит в авантюрный роман. История падения Палеологов, их бытование в Риме после захвата Константинополя Магомедом II, воспитание юных Палеологов в духе единения с латинами кардиналом Никейским Виссарионом, смотревшим на себя как на их опекуна. Его же русские и византийские летописи выставляют значимым действующим лицом в устройстве брака Зои, ставшей в Московии Софией. Подробности сватовства Ивана III, организаторы брака, цели, которые они преследовали. Самым деликатным в заключаемом под покровительством пап браке между православным государем Москвы и считавшейся католичкой принцессой византийской являлся вопрос религиозный. Папа заблуждался, что Иван III признавал унию. А Зоя, едва вступив на русскую землю, решительно разорвала с религиозным прошлым: Рим забыт, русское православие одержало полную победу. Но до этого было и праздничное бракосочетание в ватиканской базилике, и долгое путешествие с 24 июня по 11 октября 1472 года в Московию, пышные встречи в городах Италии и Германии. На новой родине первыми ее приветствовали псковитяне, 12 ноября она прибыла в Москву. София Палеолог оказала огромное влияние на всю дальнейшую историю Руси. Именно София, по мнению автора, побудила мужа сломить униженное татарское иго и вернуть русским полную самостоятельность. Благодаря ей малоизящная столица с деревянными домами, жалкими, однообразными рядами лавок и скромным Кремлем преобразилась. Приглашенные итальянские мастера — Фиорованти, Солари, Дебосси — возвели каменные соборы и дворцы, которыми Москва гордится и ныне. Отправной точкой для изысканий автора стали венецианские и ватиканские архивы, а затем архивы других городов Италии, Германии, византийские хроники, русские летописи. Скрупулезно собраны все возможные сведения. Проведена идентификация личностей, выведенных под разными именами в разных источниках: знаменитый Иван Фрязин — тот же Жан Баттиста дела Вольпе, а его племянник Антон — Антон Джиларди. По сути, оба корыстолюбивые авантюристы. Так, Вольпе в Москве выдавал себя за православного, в Риме — за католика. Но центральной темой книги является «восточный вопрос», в современном смысле этого слова возникший в России только с конца XV века. Из глубины Азии на Балканский полуостров вторглась грозная сила. Турецкой опасности Ватикан предполагал противопоставить крестовый поход. Брак Ивана III и Зои должен был укрепить антиоттоманскую лигу. А за спиной Ивана III католический мир искал союзников в Сарае, рассчитывая вовлечь татар в борьбу с турками. Венецианская сеньория, ввиду отсутствия прямых наследников Палеологов (один из братьев Зои перешел в ислам, другой продал права свои на Византию Карлу VIII Французскому, потом завещал их Фердинанду и Изабелле Испанским), даже провозгласила право Москвы на Константинополь. Особая связь Москвы и Византии стала еще теснее. Но у русских авторитет греков пал: унию византийцев с Римом они рассматривали как предательство веры, а падение Константинополя как небесную кару за отступничество греков. Автор просматривает, как рождалась идея Москва — Третий Рим. Детально представлены хитросплетения большой политики. С Иваном III западные деятели просчитались. Их «возвышенные цели» натолкнулись на «интересы низшего порядка»: Иван III проявлял показной энтузиазм в готовности к борьбе

с турками, но жил же с ними в добром согласии ввиду политических и торговых интересов. «Эта двойственная политика будет долго оставаться в чести в Кремле. В этом отношении Москва не уступала венецианской сеньории или Франции Людовика XI». Со времен Ивана III до царствования Алексея Михайловича сношения с Турцией оставались мирными, этому не помешала и женитьба московского государя на наследнице повергнутой Византии. «Иван IV, Феодор, Борис Годунов, даже Михаил Романов, следуя стопам Ивана III, братались с Стамбулом и подымали воинственные клики, чтобы удовлетворить Запад». Иван III предстает как деспот, заботящийся прежде всего «об утверждении своей власти, о создании государства единого и грозного, хотя бы ценой русской крови, проливаемой беспощадно». Битвам он предпочитал интриги и переговоры и не готов был на личный подвиг на поле боя. Особенно недостойно, по мысли автора, вел себя в «стоянии на Угре»: вывез жену и казну из Москвы, покидал войска, предлагал подарки Ахмату. Однако: «русская армия, победоносная, без кровопролития вернулась к своим очагам, веселый звон московских колоколов возвещал скорее торжество искусной политики, чем мужества Ивана и его советников». И чем же это плохо? Нелестны высказывания и о русском народе, как выход из «русских тупиков» — предложение сблизиться с Западом, который мог многому научить Москву. Звучит современно? А ведь книга была издана в 1892 году. Павел Пирлинг (1840—1922) — русский католический священник немецкого происхождения. В 1856 году он вступил в Общество Иисуса и уехал за границу. Историк, архивист, более сорока лет он был директором Славянской библиотеки в Париже. Так что типичных для западных историков воззрений в книге достаточно. Но есть и очень актуальное: «События и время с тех пор сильно изменили международные отношения, но часто одно прошлое может объяснить неожиданности настоящего. Тщетна надежда узнать современную Россию, не восходя глубже в ее историю».

Андрей Гусаров. Храмы и монастыри Ленинградской области. СПб.: Паритет, 2017. — 416 с.: ил.

Многочисленные иллюстрации, фотографии современные и дореволюционные дают наглядное представление о шедеврах храмового зодчества Ленинградской области. Что-то утрачено безвозвратно, что-то находится в руинах, требует срочной реставрации, что-то стоит в лесах, а многое — и восстановлено, отремонтировано. Но даже руины прекрасны. Ленинградскую область, землю Ижорскую издревле населяли племена славянские и финно-угорские, об истории христианства на этих землях, длинном пути от язычества к христианству (а язычество дожило и до XVI века — возможно, и город Волосово в Ленинградской области получил название от знаменитого «скотье бога» Велеса), рассказано во вводной главе. Массовое храмовое строительство на этой территории началось в XVII веке, но и в средние века возводились каменные храмы. Первыми, уже в XII столетии, стали церкви православные, позднее появились постройки католиков, перешедшие впоследствии к лютеранам. На протяжении XIX века и первой половины XX столетия там, где жили финны или шведы, в первую очередь на Карельском перешейке, возводились лютеранские храмы. В сельской местности до нашего времени сохранились в основном церкви и кирхи XIX века. Объяснения просты: как правило, деревянные постройки быстро приходили в негодность, гибли в войнах. Наибольший ущерб церковной архитектуре нанес XX век: антирелигиозная политика советской власти, советско-финская война. В советские времена в храмах располагались клубы, дома культуры, кинотеатры, спортивные учреждения, склады, мастерские, овощехранилища. И все-таки многое сохранилось. Самые древние уцелевшие постройки невской земли — храмы Старой Ладogi, откуда пошла земля Русская:

Георгиевская церковь (1100–1200), Успенская церковь (1114–1150). Старая Ладога была богата на обители, среди них и Староладожский Успенский девичий монастырь, ведущий свою историю с начала XII века, соборная церковь Успения Пресвятой Богородицы (1111–1116). Стоит Выборгский замок, построенный в 1293 году; сохранилась и основанная еще новгородцами в 1323 году крепость в Шлиссельбурге, новгородском Орешке; жива крепость на Нарве, в Ивангороде, названном в честь своего основателя Ивана III. Богата земля нельская и важными духовными центрами. Знаменит Тихвинский Богородице-Успенский мужской монастырь, возникший в местах, где явилась в 1363 году чудотворная тихвинская икона, написанная, по церковному преданию, апостолом Лукой, и где она хранится и ныне. Почитаем Александрo-Свирский монастырь, образованный в начале XVI века в местах затворничества инока Александра, которому здесь явился Бог в виде трех ангелов. Местом паломничества является Введено-Оятский женский монастырь, где находятся могилы родителей Александра Свирского. Многие монастыри закрывались еще в конце XVIII века, массово — в советские времена, сегодня не только восстанавливаются старые, но учреждаются и новые. Андрей Гусаров в каждой главе освещает православные и лютеранские церковные постройки одного района, рассказывает о храмах утраченных и восстановленных. Воссоздает историю их строительства, по именам называет «спонсоров», а среди последних были купцы, помещики, чиновники, крестьяне, жители приходов. Много звучных фамилий землевладельцев, инициаторов и «спонсоров» строительства церквей в своих угодьях: Демидовы, Бестужевы, Шуваловы, Воронцовы, Римские-Корсаковы. Уникален храм Петра и Павла в Любани, строительство которого в 1865–1867 годах финансово поддерживал, выделяя личные средства, министр путей сообщения П. Мельников. Храм с трудной судьбой был и остается единственным храмом во всей России, где ежедневно служат специальную молитву о здравии всех работников железных дорог, а также о тех, кто в этот момент едет поездом. Конечно, А. Гусаров дает краткий архитектурный анализ зданий уцелевших и утраченных: стили, внешний декор, внутреннее убранство. Стили самые разные: древнерусский, византийский и неовизантийский, классицизм, барокко, эклектика, модерн. Среди архитекторов знаменитые: А. Ринальди, Н. Львов, А. Брюллов, А. Горностаев, В. Косяков, М. Щурупов. Финские зодчие, особенно с 1918-го по 1940 год возводили лютеранские кирхи в стиле национального романтизма. Работали в Санкт-Петербургской губернии и выдающиеся художники, такие, как В. Боровиковский, Н. Рерих. Часть наиболее ценных икон, части иконостасов были переданы в 30-е годы в Государственный Русский музей. Дополняет рассказ о храмах сохраненных и утраченных рассказ о священнослужителях, многие из которых расстреляны в 30-е годы. Многое смыто бурными событиями XX столетия. Остается только удивляться, сколько уникальных памятников церковного зодчества, редких образцов архитектуры сохранилось в Ленинградской области. Завершается книга главой, в которой описаны некоторые современные храмовые постройки последних двадцати пяти лет на территории Ленинградской области. Самой значительной А. Гусаров считает храм во имя иконы Божией Матери «Неопалимая Купина» в Сосновом Бору.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург, Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

ПАЛЕСТИНСКИЕ ОБИТЕЛИ И РОССИЯ

Часть 7

СОРОКАДНЕВНАЯ ГОРА – ГОРА ИСКУШЕНИЯ

Предисловие

На северо-западе от Иерихона находится Сорокадневная гора, на которой, по преданию, Иисус Христос после крещения от Иоанна Предтечи постился 40 дней. Ее вершина благодаря похожему на крепость монастырю, венчающему гору, видна и легко узнаваема издалека и с любой точки. Древняя традиция указывает эту гору как место искушения Иисуса Христа диаволом (Мф. 4, 1–11; Мрк. 1, 13; Лк. 4, 1–13). На горе, примерно на половине высоты, виден греческий монастырь Карантарион, что означает в переводе «Сорокадневный» (араб., Deir al-Quruntal). По нему и вся гора называется Сорокадневной, или в арабской передаче Джебель Каранталь)¹.

«Игумен земли Русской» Даниил, посетивший Святую Землю в 1106 году, писал «О пещере, где Христос постился сорок дней»: «Высоко в горе Гаваонской находится пещера, где постился Христос сорок дней и проголодался. Тогда пришел дьявол и хотел Его искусить, сказав: „Если ты Сын Божий, то прикажи, чтобы камни превратились в хлеб“»². Об этой горе пишет и купец Трифон Коробейников, побывавший здесь в 1583 году: «От Иордана к западу семь верст до пустыни, в которой гора высокая и крутая, в ней пещера и камень подобный столу, на котором сидел Господь наш Иисус Христос, постился 40 дней и ночей, и прииде к Нему диавол искусити Его и рече: *рцы каменю сему да хлебы будет*, и рече Господь ему: *не искусиши Господа Бога твоего, не о едином хлебе жив будет человек, но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих*, и проклял Господь диавола, и расступилась гора каменная, и диавол пройде сквозь землю»³.

Архимандрит Августин (в миру – Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Лисовой Николай. Святая Земля: история и наследие. М.; СПб., 2015. С. 261.

² Житие и хождение Даниила, игумена Русской земли // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников XII–XX вв. М., 1994. С. 24.

³ Путешествие в Иерусалим, Египет и к Синайской горе в 1583 году Трифона Коробейникова. М., 1854. С. 63–64.

Не случайно на эту гору возведен был Спаситель тотчас после крещения в Иордане. Не только потому, что Каранталь самая высокая из окрестных гор (330 м), вершина эта еще в ветхозаветные времена почиталась урочищем дьявола: именно сюда в День очищения (еврейский праздник Йом Кипур) приводили «козла отпущения», на которого возлагали все грехи и изгоняли в пустыню⁴.

Гора эта находится в получасе ходьбы от Иерихона и представляет собой огромный массив с многочисленными обрывами, пропастями и дикими скалами; точно гнездо ласточки прилепился на обрыве ее греческий монастырь, белой полоской сверкающий на солнце. Церковь его в память искушения Господня устроена в пещере горы, где, по преданию, укрывался Иисус Христос в дни поста своего.

«Эта исполнин-гора видна во всем своем ужасающем росте от подошвы до темени, и стояла, как сторожевая башня, отвесной стеной, — пишет архимандрит Софония (1850 г.). — Она образует собой огромный угол двух хребтов из коих один ею оканчивается (хребет гор Иудейских, тянущихся по оврагу), а другой — начинается (хребет гор Ефраймских, поворачивающих отселе на северо-восток). Это та самая гора, при которой Спаситель, удалившись в пустыню, провел сорок дней, среди поста и молитвы. Полагают, что с этой же горы искуситель показывал Ему и все царства мира сего и славу их, потому что с вершины ее, действительно, должны быть видны значительные пространства и части Иудеи, Самарии и Трахонитиды, составлявших в то время как бы отдельные царства или тетрархий⁵. Вследствие сего гора Сорокадневная носит на себе и другое название — название горы Искушения»⁶.

По мнению архимандрита Порфирия (Успенского), изучавшего историю этой обители, ее пещеры имели искусственное происхождение и существовали еще в дохристианскую эпоху. «Что касается до находящихся в ней пещер, то они иссечены не монахами, а теми хананео-амморейцами, которые за 2600 лет до Рождества Христова переселились с берегов Персидского залива, по причине тамошних землетрясений, сперва на Иорданскую долину, а потом и в Сирию, — писал о. Порфирий. — В реченной долине, около нынешнего Мертвого моря, тогда сладкого, они построили города Содом, Гоморру, Адамú, Севойм, Сигор и Иерихон, который в XXXIV-й главе Второзакония (ст. 3) назван городом финикиян, — Финикион. На постройку Иерихона они выламывали и выпиливали годные камни из Сорокадневной горы и в этих каменоломнях устроили себе места для погребения мертвых, капища для богов и складочные клетки для оружия, для запасного продовольствия и для городской казны. Так я полагаю, помня, что ни в одном древнем сказании об иорданских монахах не упомянуто, чтобы они своими руками сделали все оные пещеры, и признавая иссечения, обделку их и постройку двух железных подпорок в одной из них такими работами, которые требовали и много времени, и разных орудий, и кузниц, и денег; а денег-то, как и орудий и кузниц не было у названных монахов»⁷.

⁴ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 262.

⁵ По смерти Ирода Великого вся Палестина была разделена на четыре участка или области и состояла под управлением трех его сыновей. Старший из них, *Архелай*, получил в свое обладание две части Палестины, или половину всего, чем владел его отец, и имел титул *народоправителя* (*этнархис*); но братья его *Ирод Антиппа* и *Филипп* получили по одному только участку, или по четвертой части всего царства своего отца, и назывались *четвертовластниками* (*тетрархе*). Поелику же сами они называются в Евангелии и у светских писателей *царствующими* (Матф. 2. 22) и *царями* (Матф. 14. 9), то и бывшие во власти их участки или области именуются царствами (Софония, епископ. Указ. соч., примеч. С. 166).

⁶ Софония, епископ Туркестанский и Ташкентский. Из дневника по службе на Востоке и Западе. СПб., 1874. С. 166.

⁷ Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 5. СПб., 1899. С. 60.

В 1652 году к Сорокадневной горе отправился посланец московского патриарха Никона старец Арсений Суханов; об этом сообщается в «Проскинитарии»: «После полудня дубницкий митрополит Виссарион да с ним Арсений не со многими людьми, человек с пять-шесть, доложу Анфиму, эпитропу Иерусалимского патриарха, чтобы он позволил им дойти до Сарандаря, идеже Христос Бог постился 40 дней. И эпитроп Анфим велел ехать. Взем повеление от эпитропа, митрополит Виссарион болгарский да с ним Арсений с прочими товарищи идоша до Сарандаря. То убо место было скит великий, горы высокие, как бы стены; меж них овраг глубокий, а по стенам были кельи скитников, иные пещерки высечены из камня в горе, иные великие, иные средние, а иные как можно единому человеку вместиться: а инде по стенам палатки поделаны камнем с известью, якобы ластовичьи гнезда изчащены»⁸.

В 1843 году к подножию Сорокадневной горы отправился отечественный паломник А. А. Уманец со своими спутниками. Вот его рассказ об увиденном.

Гора Искушения была перед нами, а до вечера оставался еще добрый час времени; терять его напрасно жаль было. Тотчас граф, его живописец и я, с бедуином и особым чичероне, отправились в вожденный путь; я и живописец верхом, прочие пешком. Легко поднимались мы в гору, на которой зелень редела более и более. Мы проехали мимо остатков древнего водопровода и развалин мельницы и скоро достигли глубокого оврага, лежащего у самой подошвы горы Искушения; овраг в верховьях своих соединяется с нагорными ущельями, по которым дождевая вода находит проток себе со всех вершин этой части Иудейских гор. За этим оврагом, который справедливее назвать можно пропастью, поднимаются стеной две огромные, отвесные желто-серые скалы самой дикой и мрачной наружности, и которыми горы Иудейские оканчивались с этой, т. е. с западной, стороны. Глаз не встречает на боках этих скал ни деревца, ни кустарника, ни травки и ни малейшего следа жизни, и скалы эти, обращенные лицом прямо на восток, производят в душе самое грустное впечатление. Они разделены ущельем и правая из них есть собственно гора Искушения; она вышиной от уровня долины Иерихонской до 1500 футов. Вся стена ее снизу доверху, равно часть другой, обращенной к ней скалы, испещрены пещерами. Идею об этом могут подать скалы Инкермана в Крыму с их бесчисленными гротами⁹.

О пещерах, «изрытых» в Сорокадневной горе, пишет отечественный паломник А. Коптев (1887 г.): «По наступлении сумерек, взошедшая луна необыкновенно эффектно осветила всю окружающую местность. Одна только Сорокадневная гора навредила уныние и даже страх при этом чудесном лунном освещении. Обнаженная и бесплодная, поднималась она крутым обрывом с одной стороны от глубокого ущелья источника Елисея, а с другой — от бесплодной, мертвой долины Иорданской; гора эта покрыта множеством изрытых в ней пещер, частью натуральных, а частью сделанных для жилья, в которых спасались в древние времена христианские подвижники»¹⁰.

Вот что говорит об этой горе писатель-паломник Евгений Марков в своей книге «Путешествие по Святой Земле» (СПб., 1891): «Нет ничего ужаснее и мрачнее, даже среди мрачных ужасов безотрадных палестинских гор, как пропасти и заоблачные кручи Сарандаря, «горы сорокадневного поста Господня... Сарандарь владычеству-

⁸ Проскинитарий. Хождение старца Арсения Суханова во Иерусалим и в прочия святые места для описания святых мест и греческих церковных чинов // Православный Палестинский сборник. Т. VII. Вып. 3. СПб., 1889. С. 77–78.

⁹ Уманец А. А. Поездка на Синай с приобщением отрывков о Египте и Святой Земле. Ч. 2. СПб., 1850. С. 355.

¹⁰ Коптев А. Воспоминание о поездке в Константинополь, Каир и Иерусалим в 1887 году. СПб., 1888. С. 191.

ет здесь над небом — над соседними горами, над долиной Иордана, над мертвой чашей Соленого моря. С нее видны, как с крыльев орла, все «окрестные царства», уделы сынов Иаковых по сю и по ту сторону священной реки, Рувимов и Гадов, в стране моавитян, Вениаминов, Иудин и Ефраимов, облегающие кругом. Только злые духи пустыни могут жить в его пропастях, на его недоступных утесах. Недаром в евангельском предании сатана встречается здесь постящегося Христа. Это настоящий престол сатаны, настоящие ступени в бездны ада. Несомненно, что этот «Джебель-Карантель» издревле считался горой бесов, как считается до сих пор арабами.

Она называется, в память евангельских событий, не только «сорокадневной» горой, но и «горой искушения». Нельзя выбрать более подходящего места для покаяния и молитвы, для сокрушения своей плоти. Эти дьявольские пропасти действительно закалят волю, сделают дух человека непричастным никакому соблазну, способным на всякий подвиг. Тут почувствуешь ничтожность свою, ничтожность всего земного. Тут нет другого хлеба, кроме камня, который сатана предлагал Христу. Тут каждый шаг достается кровавым потом»¹¹.

Сходное описание Сорокадневной горы содержится в записках М. П. Соловьева (1891 г.): «Чем ближе подъезжаешь к отвесным обрывам, которыми оканчивается Горная Иудея у низменной и глубокой Иорданской долины, тем дичее и безотраднее становится окрестность. Налево поднимается темной массой непрístupная Сорокадневная гора. В ее дебрях постился в глубоком уединении Господь наш перед вступлением на общественное служение. Здесь же бродил праведный Иоаким, оплакивая свою бездетность, пока не получил от ангела радостной вести, что его горю вскоре наступит конец. Впоследствии пещеры мрачной горы наполнились — «как улей пчелами» — христианскими аскетами; некоторые заняты отшельниками и донине. Суровый, дикий камень, изборожденный морщинами, трещинами, изрытый темными устьями пещер, лишенный всякой растительности, накаляется нестерпимо яркими лучами солнца. Трудно найти что-нибудь неприветливее этой огромной скалы под изумительно прекрасным синим небом Палестины»¹².

Вот еще одно описание Сорокадневной горы, принадлежащее перу протоиерея Павла Боброва (начало 1890-х гг.): «Гора искушений перед нами, но не одна: к ней с юга почти в упор примкнула другая, с такой же отвесной стеной, как и первая. Обе высятся к облакам, мрачно бурые, как бы из цельного камня, и обе вместе наводят ужас — или от того, что здесь — на месте искушения живо чудится присутствие искушителя и борьба с ним воплощенного Добра. Много природных пещер видно в скалах; в них иноки находили убежище, когда на время Великого поста удалялись из монастырей в пустыню для духовных подвигов»¹³.

Французский писатель Пьер Лоти, побывавший здесь в 1896 году, также посвятил несколько строк горе Искушения: «Лежащая ниже уровня моря долина, по которой мы идем, со всех сторон окружена горами. На расстоянии почти тысячи метров от нас, поднимая свою красноватую вершину над лесом, виднеется, так называемая, Сорокадневная гора (джебель Каранталь): на ней, по преданию, Иисус Христос провел сорок дней в посте и молитве; она и теперь, вот уже скоро девятнадцать столетий, остается Фиваидой, в пещерах которой постоянно обитают монахи-пустынники или длинноволосые скитники. На западе длинная цепь Иудейских гор уже покрыта тенью, тогда как на востоке и юге Содомской возвышенности сосредоточивают на

¹¹ Марков Евгений. Путешествие по Святой Земле. СПб., 1891. С. 258.

¹² Соловьев М. П. По Святой Земле (1891 г.). СПб., 1897. С. 262–263.

¹³ Бобров Павел, прот. Письма паломника о святой горе Афонской, о граде Иерусалиме и других местах Востока. М., 1894. С. 77.

себе последние солнечные лучи и бросают таинственный свет на темную поверхность Мертвого моря»¹⁴.

А вот что сообщалось о горе Искушения в дореволюционной паломнической литературе: «Дикая пустынная местность, полное безмолвие и тишина, изредка нарушаемые клетотанием горных орлов и завыванием шакалов, издавна привлекали сюда отшельников для сокрушения плоти, для подвигов уединенной молитвы, поста и покаяния. Здесь подвизались отшельники первых веков христианства в пещерах, ископанных их трудолюбивыми руками. Обитель Сорокадневной горы, с ее суровым образом жизни, производит на паломников отрадное впечатление и надолго оставляет в их сердцах память о ее посещении»¹⁵.

Монастырь Искушения. Страницы истории

Гора, освященная пребыванием Иисуса Христа, Его постом и молитвой, издавна стала местом монашеского подвижничества. Обитель была основана здесь еще преподобным Харитоном Исповедником (IV в.). В пещере была устроена церковь во имя Спасителя, а кельи, помимо пещер, лепились к отвесной скале, вися над бездной. После Харитона в иерихонских пещерах подвизался Елпидий Каппадокиянин. К нему собралось такое множество монахов, что Сорокадневная гора сделалась городом отшельников. Там он жил 25 лет как величайший подвижник, не вкушавший снедей в течение пяти дней в неделю. Преемником его был авва Анисий. В V—VI веках спасались и скончались святые пещерники¹⁶.

«На склоне горы, полном крутых спусков, валов и скатов, в разных природных пещерах, по временам удалялись отшельники, предпочитавшие иноческую отшельническую жизнь, движимые в особенности воспоминанием об образе жизни Господа нашего Иисуса Христа на этих местах, — писал иеромонах Серафим в 1908 году. — Но свирепый фанатизм персидских шаек во время царствования Хозроя (614 г.) не пощадил и этих пустынных и скромных подвижников: многие из них зверски были замучены и убиты, а пещеры их разграблены»¹⁷.

Разрушенный при персидском нашествии в 614 году, монастырь восстанавливался и вновь разорялся. Та эпоха словно оживает под пером писателя Евгения Маркова (1891 г.): «В средние века иноки окрестных скитов каждый Великий пост искали для себя особенно тяжелых подвигов покаяния, особенно мучительных трудов и лишений. Они находили их в мрачных пещерах Сарандаря, населенных львами и барсами, кишевшими змеями. Там в безмолвном мужестве боролись они, подобно своему Спасителю, против искушавших их внутренних демонов, обливая, как Он, своим кровавым потом камни утесов, оглашая стопами своих покаянных молитв безмолвные бездны»¹⁸.

«После того, как арабы взяли Иерусалим в 637 году и разорили Иерихон, сонм сарандарских подвижников, вероятно, уменьшился, если не перестал существовать, — пишет о. Порфирий. — А междоусобные войны палестинских мусульман, бывшие в годы 796 и 801, от которых монастыри в Иерусалиме и построенные обители: Харитона, Кириака, Саввы Освященного, Евфимия, Феодосия, — одни были разрушены, другие повреждены и разорены. Эти войны окончательно воспрепятствовали мона-

¹⁴ Иерусалим. Из путевых очерков Пьера Лоти. СПб., 1898. С. 47.

¹⁵ Юшманов В. Д. Святая Земля по следам русских паломников. СПб., 1902, С. 19—20.

¹⁶ Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 5. СПб., 1899. С. 61.

¹⁷ Серафим, иеромонах. Путевые впечатления. СПб., 1910. С. 72.

¹⁸ Марков Евгений. Указ. соч. С. 260.

хам селиться в пещерах горы Испушения Христова. С той поры и помину о них ни у кого не было, ни у греков, ни у латинян, до восстановления Иерихона крестоносцами. Но и во время крестоносцев, с 1099 г. по 1187 г., не было пещерников, а существовал лишь один латинский монастырь, беднейший, у подошвы Сорокадневной горы, из которого монахи ходили в пещерную церковь, построенную Еленой, и тут совершали богослужение»¹⁹.

В 1112 году Феотоний, пресвитер и настоятель монастыря Св. Креста в испанской Лузитании, путешествуя по Святой Земле, не миновал этой горы, «в которой Спаситель мира, искушаемый сатаной, подтвердил сорокадневным постом свое наше воинствование во все время нашей жизни». О «пещерниках» ни слова. В 1116 году житель Иерихона Евстахий Гранер и жена его Емма по просьбе диакона Сорокадневной горы Константия подарили собратиям его, монахам, малый участок земли и позволили им молоть пшеницу на их мельнице в пятнадцатый день каждого месяца в течение 24 часов. По смерти Евстахия, в 1124 году, Емма, вышедшая замуж за яффского князя Гугона, снова дозволила Кварантанскому монастырю молоть хлеб на мельнице ее в каждое воскресенье. В 1134 году латинский патриарх Иерусалима Вильгельм монахам Святого Гроба Господня, которым принадлежала «Священная Кварантана» со всеми имениями ее, предоставил право избирать из среды их приора, то есть настоятеля, и тогда они избрали некоего Райнульда. Кварантанские монахи жили в бедных кельях и в 1136 году получали десятину от Иерихона на свое содержание»²⁰.

У Иоанна Фоки (1185 г.) нет ни слова о Сорокадневной горе. После изгнания крестоносцев со Святой Земли (1187 г.) Иерихон опустел. А в пещерах Сорокадневной горы проживали весьма немногие монахи. Немного ранее 1336 года, по сообщению тогдашнего паломника Людольфа Сухема (Ludolfus de Sudheim), арабский шейх Газара испортил тропу на эту гору; но египетский султан исправил на свой счет и тамошним монахам (вероятно, коптским и абиссинским) дал большие льготы. Во второй половине XIV века там спасались грузинские монахи. В 1384 году на вершине Сорокадневной горы жил какой-то греческий монах, у которого от поста впади глаза, а лицо было мертвенное. В 1448 году некто Гарф (Harff) видел там «часовню, высеченную в пещере, в которой наш Господь Иисус провел сорок дней и ночей... Потом мы пошли далее с большой боязнью по острым скалам на самую вершину горы, на которую диавол повел нашего Господа Иисуса и искушал его»²¹, — продолжает тот же пешеходец.

Трифон Коробейников, посланец Ивана Грозного, в конце XVI века посетил Сарандарь, эту «гору каменную, высокую и крутую, так что едва можно на нее взойти», и в той горе видел «пещеру и камень в виде стола, на котором сидел Христос, когда постился 40 дней, а за 2 сажени от того места пропасть, где исчез приходивший искушитель», но церкви и монастыря там уже не было»²². Менее века спустя другой паломник, Арсений Суханов, видел в Сарандаре церковь католических монахов, которые служили там мессу (римскую литургию): «Римские чернцы (монахи. — *Авт.*), прежде всех заплатя паше, идут до Сарандаря, еже есть до четыредесятницы, идеже Христос Бог наш постился 40 дней в горе; и тамо они в церкви литургию служат»²³. «Место это немногими посещаемо», — сообщает Арсений Суханов.

¹⁹ Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 5. СПб., 1899. С. 61.

²⁰ Там же. С. 62–63.

²¹ Там же. С. 63.

²² Марков Евгений. Указ. соч. С. 260.

²³ Проскинитарий. Хождение старца Арсения Суханова во Иерусалим и в прочие святые места для описания святых мест и греческих церковных чинов // Православный Палестинский сборник. Т. VII. Вып. 3. СПб., 1889. С. 77.

Католическое присутствие в этой обители было отмечено и в середине XVIII столетия; так инок Матронинского монастыря Серапион (1749 г.) пишет: «Видели место то, где прежде, когда и монастырь был и церковь изрядная, в котором и доднесь на стенах иконное изображение имеется, только же церковь оная местами развалилась. Тамо при нас франки (католики. — *Авт.*) мшу (мессу. — *Авт.*) свою отправляли, тамо и мы, поклонившись, идеже Христовы стоясте нозе, возвратихомся восвояси, где наше было стоялище»²⁴.

А отечественному писателю А. Н. Муравьеву в 1830 году не могли указать при его паломничестве на Иордан даже самой горы Сорокадневной, — до такой степени место это было тогда забыто²⁵. Русский паломник был «по соседству горы Искушения, где сорок дней постился Спаситель и где доселе есть еще на скалах остатки неприступной церкви, — пишет А. Н. Муравьев, — но арабы не могли мне указать священной горы сей, хотя я близко от нее проехал. Она отстоит не более двух часов от Иерихона»²⁶.

Французский паломник Мишо, побывавший в Палестине в том же 1830 году, не обнаружил на Сорокадневной горе каких-либо насельников. «Гора, на которой Иисус Христос постился сорок дней, кажется как бы цельной мраморной массой треугольной формы; на ней не видишь ни кусточка, ни травки; не встречаешь никаких следов жизни, — пишет французский автор. — Эта священная гора возвышается более всех соседственных гор. Иссеченные в ней кельи, пещеры, в коих сохраняются еще остатки жертвенников, напоминают путешественнику, что некогда обитали тут святые отшельники»²⁷.

В 1855 году Сорокадневную гору посетил афонский инок Парфений. Вот что пишет он про ее обитателей: «В горе же множество пещер и монашеских келий, с малыми церквами, и доныне видно стенное иконное писание; но ныне до конца место запустело: в некоторых кельях живут полудикие арабы. Двое русских вошли на верх горы; но когда стали спускаться с горы, то на одного арабы напали, и убили бы, ежели другой скоро не увидал, и не закричал. Арабы подумали, что много русских, бросили его и сами убежали»²⁸.

В те годы Сорокадневную гору посещали лишь небольшие группы русских паломников; основной же их «поток», направлявшийся из Иерусалима к Иордану, обходил Сарандарь стороной. Об этом писал в 1857 году бывший член Русской духовной миссии в Иерусалиме иеромонах Феофан (Говоров) (впоследствии — святитель Феофан Затворник):

Кроме неудобств в отношении самого порядка, установленного греками для общего иорданского каравана, нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что все православные поклонники, по этому порядку, оставляют в стороне и Сарандарскую гору (место искушения Христа от сатаны), где Спаситель постился 40 дней, — и Елисейский источник (ныне Айн-ес-Султан), где пророк Елисей извел из камней воду, до сих пор замечательную своей чистотой, — и Мертвое море, привлекающее

²⁴ Путник или путешествие во Святую Землю Матронинского монастыря инока Серапиона 1749 года // Чтения в Обществе истории древностей Российских (ЧОИДР), 1873, июль–сентябрь. Кн. 3, отд. V. С. 120.

²⁵ Марков Евгений. Указ. соч. С. 260.

²⁶ Муравьев А. Н. Путешествие ко Святым местам в 1830 году // Святые места вблизи и издали. Путевые заметки русских писателей I-й половины XIX века. М., 1995. С. 138.

²⁷ А. Т. Очерки Иерусалима и святых окрестностей. Из переписки о Востоке Мишо и Пужула. СПб., 1837. С. 197.

²⁸ Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника святые горы Афонския инока Парфения. М., 1999. С. 70.

всех путешественников своей таинственностью. Для наших поклонников обойденные столь замечательных и священных местностей всегда составляет большое горе потому, что они желают совершить странствование по возможности полное. Если бы для русских устраивали отдельный караван, то можно было бы в немногo изменить маршрут оного и продолжить поход только одной лишней ночью в Иорданской долине. Расходы на снаряжение каравана вообще небольшие, так что сбор с поклонников не увеличился бы в сравнении с тем, который берется с них греками. Во всяком случае, устроенный греками для иорданского пути порядок не удовлетворяет ни чувствам наших поклонников, ни тому, чего нашей Церкви должно желать для русских богомольцев.

Прежде путешествие на Иордан совершалось в первые три дня Страстной недели. Теперь — и к лучшему — оно перенесено на пятую неделю. Патриархия провожает поклонников на Иордан со всей заботливостью; лучшего порядка сему путешествию она не в состоянии дать. Некоторую нестройность при сем можно бы предотвратить, посылая поклонников не вдруг, а по частям, но это будет очень обременительно для Патриархии. Потому, не укоряя ее, — так как она делает все, что может, — нельзя не желать, чтобы путешествие русских совершенно было отдельно. Но и тогда восход на Сорокадневную гору надобно ограничивать, потому что он очень небезопасен»²⁹.

В 1859 году тогдашний начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Леонид (Кавелин) побывал у Сорокадневной горы; в своих записках он излагает краткую историю этой обители.

Гора Сорокадневная или гора Искушения, на которой, по преданию, провел в сорокадневном посте и молитве Сам Началовождь нашего спасения и был искушаем от диавола, — эта гора вся покрыта пещерами, иссеченными в ней еще аморреями (во время войны с израильтянами); она с самых первых времен пустынножительства, во время процветания пустыни Св. Града в V и VI веках, и долго еще после ее упадка, по свидетельству очевидцев, представляла подобие большого улья, в котором любители безмолвия не переставали с опасностью собственной жизни вырабатывать духовный мед, упражняясь в священном трезвении и непрестанной молитве. Некоторые из них, подобно блаженному Елпидию, поселясь в пещере, не сходили с горы до самой кончины. Об этом столпе терпения писатель «Лавсаика» поведаёт, что он жил среди собравшейся к нему братии, как матка пчелиная, и населил эту св. гору как город, еще в конце IV века по Р. Х.³⁰

Архимандрит Леонид описывал традицию коптских и абиссинских (эфиопских) монахов проводить в пещерах монастыря Четыредесятницу (православный монастырь был в то время разорен): «Ныне же только коптские и абиссинские иноки сохраняют древний обычай проводить в опустелых пещерах этой горы и на берегах Иордана св. Четыредесятницу, для чего они удаляются сюда из Иерусалима через неделю после праздника Богоявления и возвращаются в Св. Град в неделю Ваий, питаются в это время травами или сухоядением, и упражняясь в молитве и чтении, для чего берут с собой и книги. Одежда их состоит из рубахи и ватного одеяла, в которое кутаются как в плащ от ночного холода, напоминая того евангельского юношу, который был закутан в плащаницу понагу»³¹.

²⁹ Цит. по: Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 1. 2012. С. 78.

³⁰ Архимандрит Леонид (Кавелин). Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника а. Л-а. М., 1873. С. 399.

³¹ Там же. С. 399.

В 1872 году во время своего путешествия по Востоку и Святой Земле окрестности монастыря посетил великий князь Николай Николаевич со свитой. Один из участников паломничества вспоминал: «На ночлег отправились к Горе Искушений, где Спаситель постился 40 дней. У подножия ее и близ развалин Иерихона был разбит наш лагерь»³². Другой член эскорта продолжает: «...мы сели на коней и пошли в лагерь, раскинутый в оазисе Иерихона у Айн-Султане. За ним высилась цепь Кварантана, с горой сорокадневного поста, на которой Спаситель готовился к своему земному служению постом и молитвой. На ее восточном склоне, обращенном в долину Иордана, видны пещеры. В этих пещерах, до сего времени, копты перед принятием священства обязательно должны провести в посте и молитве сорок дней»³³.

Когда Сорокадневную гору посетил отечественный палестиновед В. Н. Хитрово (1880 г.), в ее пещерах по-прежнему подвизались африканские иноки. «Посреди горы, в обрывах, ряд пещер, в которых жили в старые годы пустынники и теперь здесь проводят великий пост абиссинские монахи, молясь и питаясь травами, собираемыми ими на горе, — пишет Василий Николаевич. — В одну из пещер мы входили, она большая и должно быть служила церковью, так как внутри ее сохранились некоторые священные изображения»³⁴. Из этой пещеры два выхода, у одного из них мы видели абиссинского монаха. Он был почти нагой, так как на нем была только ветхая синяя рубашка, весь изможденный постом, читал он какую-то свою священную книгу»³⁵. В книгах В. Н. Хитрово есть еще одно упоминание о тамошних подвижниках: «С древнейшего времени многочисленные природные и искусственные пещеры в горе служили пребыванием отшельников; даже и доселе, особенно во дни св. Четырдесятницы, как православные, так и абиссинские неправославные монахи любят удаляться на нее»³⁶

«Ближайшие к Иерихонской долине пещеры Сорокадневной горы и другие, в сущности, никогда не подвергались полному запустению, — отмечал М. П. Соловьев (1891 г.). — Одиночные отшельники в них не переводились, хотя имена их и оставались по большей части неизвестными миру, но известными Богу Они отходили в мир лучший и гибли от бедуинов. До сих пор копты и эфиопы проводят, по древнему обычаю, Великий пост в этих ущельях и пещерах, терпя всякие напасти»³⁷.

В 1874 году здесь поселился русский инок Аркадий (Конюхов), свободно владевший арабским, греческим и турецким языками и рассылавший повсюду письма с призывом к жертвованиям «на Пещеру Христову». Постепенно, с риском для жизни (и по горным условиям, и по нападениям бедуинов), «отшельник Сарандарский», как его называли, начал обустройство древних развалин и служил время от времени молебны для русских паломников. А риск был действительно велик. Так, по сообщению М. П. Соловьева, «Бедуины безнаказанно нападают, грабят, и нередко убивают беззащитных бедняков. В 1884 году один русский был зарезан в пещерах Сорокадневной горы»³⁸.

К началу 1880-х годов в св. пещере была восстановлена малая церковь, потом оформился длинный ряд келий с внутренним коридором, неизвестно каким образом лепя-

³² Сипягин В. Путешествие его императорского высочества государя великого князя Николая Николаевича Старшего по Турции, Сирии, Палестине и Египту в 1872 году. СПб., 1873. С. 73.

³³ Скалон Д. А. Путешествие по Востоку и Святой Земле в свите великого князя Николая Николаевича в 1872 году. СПб., 1881. С. 86.

³⁴ Ныне это храм восстановленного греческого Сорокадневного монастыря (монастырь Первого Искушения).

³⁵ Хитрово В. Н. К животворящему Гробу Господню. М., 2003. С. 149–150.

³⁶ Хитрово В. Н. Русские паломники Святой Земли. СПб., 1905. С. 180.

³⁷ Соловьев М. П. По Святой Земле (1891 г.). СПб., 1897. С. 261.

³⁸ Там же. С. 261.

щийся вдоль скалы... При новом Иерусалимском патриархе Никодиме (1883—1890) за гору Искушения серьезно взялись греки. Русский монах становится больше не нужен, и в феврале 1885 года Аркадий вынужден был оставить Святую Землю. Это не значит, что материальную помощь монастырю перестали оказывать известные русские благотворители (баронесса А. А. Фитингоф, посетившая Святую Землю в 1886 году, и московский купец, паломник и благотворитель П. Д. Каверин)³⁹.

Выразительную зарисовку относительно этой обители оставил художник В. В. Верещагин, посетивший Палестину в 1884 году, — как раз в период патриаршества Никодима. «Я рисовал, помню, на Сорокадневной горе, когда монах-настоятель, бросившийся рассматривать в бинокль пыль, поднявшуюся на дороге, объявил, что «гонят русских» и стал готовить водку, закуску, ставить самовар. Через час времени поднялись <в монастырь, на гору> наши запыленные, измученные богомольцы.

— Где здесь записываются? — спрашивают они впопыхах и направляются по указанию в пещеру, из которой сейчас же спускаются назад, так как им дан всего час времени и на всход на гору, и на поклонение»⁴⁰.

Здесь нужны некоторые пояснения. Слово известному отечественному палестиноведу Н. Н. Лисовому: «Греческий монастырь Сарантарион («Сорокадневный»), именуемый по-другому монастырем Первого искушения, и в наши дни, до самого недавнего времени, до устройства фуникулера, был труден для посещения. То, что настоятель стал готовить «водку и самовар» не должно удивлять: рюмка водки (араки) входит в обязательный ритуал гостеприимства во всех монастырях греческого Востока. Наиболее показательное отношение к русским паломникам, которых «гонят», как овец на стрижку. Верещагин лишь представил наиболее художественно емкую картину, но о характере отношения греческого духовенства к русским богомольцам как постоянным жертвам поборов и вымогательств говорят все имеющиеся источники — от Мансурова и архимандрита Леонида (1850-е гг.) до Дмитриевского и Ряжского (1910-е гг.). Естественно, сельские приходы, существующие для местной православной паствы, не представляли для Патриархии столь же важного предмета заботы, как монастыри, расположенные на самых «бойких» святых местах»⁴¹.

Но несмотря на все эти «побочные обстоятельства», русских пешеходцев по-прежнему влекло к этой обители, и некоторые из них повествовали о ней в своих записках. Одним из таких писателей-паломников был Сухумский епископ Арсений, побывавший здесь в середине 1890-х годов.

«Впереди открывается долина Иорданская, зеленеющая, покрытая купами деревьев и как бы в котловине, по причине очень низкого положения ее, а в левой стороне дороги, идущей по крутому спуску в долину, возвышается утесистая гора, известная под названием Сорокадневной, — пишет владыка. — Она носит это название потому, что на ней Господь наш Иисус Христос провел сорок дней и ночей, готовясь в пустыне постом и молитвой к совершению искупления рода человеческого. Эта гора примыкает к прочим горам Иудейским и ограничивает долину с западной стороны; она представляется утесом и поражает своим диким величием, а бока ее изрыты пещерами, среди которых находится небольшой бедный монастырь, в который заходят поклонники, потому что дорога к нему не так трудна, как подъем на гору Искушения. Видимые теперь пустыне пещеры в первые века христианства населены были отшельниками, которые бежали из мира в место подвигов Самого Спасителя; но во время

³⁹ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 261—262.

⁴⁰ Верещагин В. В. О зарубежном Востоке. М., 2001. С. 11.

⁴¹ Лисовой Н. Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М., 2006. С. 323—324.

нашествия Хозроя (614 г.) они все скончали жизнь свою под мечом неверных. Многие из пещер натуральны, а другие вырублены в скале; одну из них, именно к западному углу горы, которую можно отличить по овальному входу в нее, согласно преданию, считают пещерой, в которой пребывал Господь. Св. царицей Еленой она была обращена в церковь, *альфрески* на внутренних стенах ее видны доселе»⁴².

О дальнейшей истории обители сообщает иеромонах Серафим, посетивший Святую Землю в 1908 году. «Святогорское братство назначало настоятелей и заботилось о процветании сего монастыря, — пишет русский инок. — В 1893 году назначен настоятелем архимандрит Авраамий, человек энергичный и ревностный, который своими неусыпными трудами при помощи Божией устроил на зияющей бездне над крутыми скалами этого чудовищного великана-горы св. обитель, отличающуюся чудным великолепием и грандиозностью, так, что она представляет из себя вид висячего городка. Он же, о. Авраамий, расширил церковь святыни, т. е. св. пещеру и украсил ее прекрасным иконостасом и дорогой утварью. Дорога, ведущая на вершину горы, ранее была очень опасна, а ныне устроена хорошо, так что поклонники безопасно свободно пробиваются до обители. На вершине горы сделана ограда и воздвигнута часовня над древними развалинами церкви, устроенной было прежде на месте, на котором Иисус Христос был искушаем диаволом. Страшная по виду Сорокадневная гора преобразилась ныне в чудное жилище иноков, живущих как птицы небесные»⁴³.

На вершине был воздвигнут когда-то, в юстиниановские времена, православный монастырь, от которого остались теперь лишь фундаменты маленького храма и разбросанные вокруг капители и обломки колонн. В начале XX века здесь начинали (как обычно, не без русской помощи) строить монастырь «Третьего Испытания». Построили лишь стены, похожие на средневековую крепость, и первый этаж настоятельского корпуса⁴⁴.

Восхождение к обители

Паломники, притекавшие в подножии Сорокадневной горы, начинали подъем по крутой, едва доступной для пешеходов тропинке. Каждый воспринимал это испытание по-своему, в зависимости от возраста, от состояния здоровья. Поэтому представляют интерес отрывки из воспоминаний пешеходцев разных времен, сведенные воедино.

Мартин Баумгартен (1500-е гг.): «Привязали скотов своих к деревьям, и пошли на Кварентанскую гору. Тогда было самое жаркое время и сильный зной, которой при трудном на оную восходе весьма нас беспокоил и приводил в крайнее изнеможение и бессилие. Случалось же иногда, что ползая по мелким камням, повсюду без всякого порядка и во множестве разбросанным, и упираясь об оные ногами отрывались с ними вместе и опять на низ упали. И в таких случаях весьма больно некоторые из нас уязвляли себя, катясь по шероховатым, твердым и колким камням. Но (так) как нам стыдно казалось возвратиться назад и оставить без успеха предприятие свое, наипаче когда уже на Хорив и Синай, гораздо высочайшие и труднейшие горы восходили; то ободрясь сим самым в скором времени достигли вершины и сея горы. Поелику же восход на остальную часть горы и труднее прежнего и опаснее казался; то 16 мо-

⁴² Арсений, епископ Сухумский. Святой град Иерусалим и другие святыя места Палестины. СПб., 1896. С. 190—191.

⁴³ Серафим, иеромонах. Путевые впечатления. СПб., 1910. С. 72.

⁴⁴ Лисовой Николай. Святая Земля: история и наследие. М.; СПб., 2015. С. 263.

нахов из спутников наших, оставили нас в сем месте, и, возвратясь к мулам, дожидались там возвращения нашего. Трое же из них, которые были покрепче и посильнее, остались с нами, и наконец с великим трудом (при помощи Божией) взошли на самый верх горы, на коем весьма приятный, прохладный и здоровый воздух расслабленные силы наши укрепил, и нас воскресил»⁴⁵.

Князь Радзивилл Сиротка (1583 г.): «У источника св. Елисея отдохнув, а потом поприще отъехав, приехали ко отложениям горы, юже зовут Квадрантена, где Господа нашего диавол искушал. И оставя лошадей и пеши полтретья поприща (polmili) шедши стешкой тесной и узкой и колской (sliska), под которой пропасть есть велика зело: яко многие не хотеша идти обморока ради, и пришли в половину горы (понеже дале уже идта невозможно), где есть ровное место в длину на шесть лакот, в ширину зело узко»⁴⁶.

Арсений Суханов (1652 г.): «До самого Сарандаря идти гораздо трудно и страшно, а небывалому человеку от страха и невозможно, понеже круто, и кто оскользнется ногой, то упадет; а на низ глядя страшно: идучи глядит человек все пред собой, а на низ не смотрит, чтоб не устршился, и тако идет принимаясь за камень руками»⁴⁷.

Иеромонах Арсений Каллуда (1670-е гг.): «Обращаясь на путь к западом, увидиши гору зовемую Сарандар, сиречь, сороковницу, идеже Христос 40 дни и 40 нощи постися; сия гора вышшая всех холмов во обстрании Иудеи и Палестины, на юже подобает хотящему взыти, да ходит руками и ногами необувенными за неудобность и жестокость всхода, путь есть вельми тесен и стропотен, им же никто же может удобно ходити; вшед в боки пути обрящещи вертепы ветхие святых скитников, и един источник, иже именуется дождевая вода»⁴⁸.

Инок Серапион (1749 г.): «Та гора сама над ровным стоит подем, острая и многочастная; на ту гору весьма идти страшно, а туда, где прежде монастырь был, туда путь весьма страшен и узок; тамо бо на ином месте едва один человек (ка)рочки пролезти может; оттуду як посмотришь вниз, в преглубокую дебрь и пропасть, то великий страх человека обыймет, и един другому запрещает на низ смотреть; до того места многие идти не могли, боялись, и ворочались назад, иные среди пути, другие при самом пути, верху горы (где и монастырь был) дойти мало не могли; я же, с прочими смелейшими, упоая на Бога, лез то руками, то ногами, со страхом, и долез туда помалу»⁴⁹.

Уманец А. А. (1843 г.): «Бросив поводья лошади бедуину, я пошел по пробитой дорожке вверх, все прочие последовали за мной. Сперва нужно подниматься по крутой плоскости, продолжению вверх боков пропасти; для облегчения этого всхода дорожка идет прежде вправо, вдоль по крутизне, а потом под острым углом поворачивает влево. Вся эта круто-покатая плоскость состоит из осколков от скалы мелкого камня, который сыплется под ногами и летит на самое дно пропасти. Когда мы достигли самой скалы, то подъем пошел по ней, по выдававшимся кое-где карнизам отвесной стены, узкими, крутыми переходами вперед и потом назад, через висящие над пропастью камни и мимо пещер, из которых во многих видны были признаки еще недавнего жилья, а в некоторых — остатки соломы и прочие следы, показывавшие недавнее присут-

⁴⁵ Баумгартен Мартин. Посетитель и описатель святых мест или путешествие в Египет, Аравию, Палестину и Сирию. СПб., 1794. С. 144–145.

⁴⁶ Похождение в Землю Святую князя Радивила Сиротки. 1582–1584. СПб., 1879. С. 79–80.

⁴⁷ Проскинитарий. Хождение старца Арсения Суханова во Иерусалим и в прочия святые места для описания святых мест и греческих церковных чинов // Православный Палестинский сборник. Т. VII. Вып. 3. СПб., 1889. С. 78.

⁴⁸ Арсений Каллуда, иером. Проскинитарий святых мест святого града Иерусалима (1679 г.). СПб., 1883. С. 52–53.

⁴⁹ Путник или путешествие во Святую Землю Матронинского монастыря инок Серапиона 1749 года // Чтения в Обществе истории древностей Российских (ЧОИДР), 1873, июль–сентябрь. Кн. 3, отд. V. С. 120.

ствие здесь овец, лошадей и даже рогатого скота. Почти непонятно, как затащили сюда этих животных. Жители Иерихона, во время притеснений от правителей Палестины и в особенности во время египетского владычества, скрывались со своими небольшими стадами здесь, как в неприступной крепости, и открытой силой защищали права свои; взять же приступом подобное место нет возможности. Чем выше мы поднимались, тем переходы были труднее, круче, опаснее, неприступнее; в иных местах нужно было перебираться через выдавшиеся камни на четвереньках, а в других были приделаны узкие, уже полуобрушившиеся лесенки, по которым мы перебирались, держась руками за скалу или за передние ступеньки. Подверженным головокружению не советую сюда подниматься.

В некоторых местах были площадки у пещер, и мы, присев на них для отдыха, бросали вниз камни, которые с ужасной быстротой и гулом скатывались рикошетом на самое дно открытой перед нами пропасти, и эхо повторяло гул их падения. Иногда мы уклонялись по карнизам скалы в одну и другую сторону, чтобы взглянуть на боковые пещеры, служившие в свое время кельями бесчисленным отшельникам. В одном или в двух местах, величиной в одну квадратную сажень, занесенные сюда ветрами, а, может быть, давно минувшими жильцами этой пустыни тонкие слои земли, освеженные влагой камня, зеленели мелким дерном, и мы, для полного отдыха всем членам, измученным тягостным восходом, растягивались здесь всем своим телом. Отсюда видны были протоптанные дорожки на крутизне другой стороны пропасти, которые беспрестанно разветвлялись и примыкали к пещерам противоположной скалы. По мере нашего восхождения, картина долины более и более развертывалась перед нашими глазами, и когда мы достигли, не без упорного труда и не без пота ручьями на лице, до одной из трех самых верхних пещер, которую предания приписывают Спасителю, то поняли всю силу выражения Священного Писания: «и поставил Его диавол на высокой горе, и показал Ему все царства земные, и сказал Ему: все могущество сих царств и всю славу их я отдам Тебе, поклонись только мне»⁵⁰.

Схимонах Селевкий (1844 г.): «Отправились на Сардарскую гору т. е. на гору Искушения (где диавол искушал Спасителя); но только выбралось человек десять, взойти на высоту»⁵¹.

Виктор Каминский (1851 г.): «Проехав немного по равнине, мы увидели исполинскую Сорокадневную гору и направились к ней; но к подошве ее не приближались, а рассматривали эту возвышенность издали, в зрительные трубки. На горе видно было много отшельнических вертепов, но мои мысли занимал более сорокадневный на ней подвиг Христа Спасителя»⁵².

Тот же паломник (1857 г.): «Я взял с собой двух солдат и отправился к Сорокадневной Горе, до которой от пилигримского стана было один час ходу. У подошвы этой горы, когда мы к ней приближались, видны были какие-то развалины, в сердце ее — вертепы, а на вершине белело небольшое здание. Пройдя развалины, мы начали взбираться на гору, разными извивами, и, достигнув ее середины, вошли в большую, высокую пещеру, имеющую два выхода. Здесь мне внятно сказало сердце, — какое это место, а признаки бывшего храма с куполом, и следы стенного изображения Богоматери над престольным местом, тотчас подтвердили предчувствие. «Итак, я в том св. вертепе, где сорок дней, в уединении, в посте и молитве, проводил Великий Первосвященник, готовившийся искупить мир»⁵³.

⁵⁰ Уманец А. А. Поездка на Синай с приобщением отрывков о Египте и Святой Земле. Ч. 2. СПб., 1850. С. 356–358.

⁵¹ Рассказ святогорца, схимонаха Селевкия о странствовании по святым местам. СПб., 1860. С. 126.

⁵² Каминский Виктор. Воспоминания поклонника Святой Земли. СПб., 1856. С. 266–267.

⁵³ Каминский Виктор. Воспоминания поклонника Святого Гроба. СПб., 1859. С. 504.

Игумен Антоний (Бочков) (начало 1850-х гг.): «Только трое из нашей небольшой общины пошли на Гору искушения. Путь сначала возвышается безтрудно, но когда нижний хребет начинает сгибаться и показывать свои пропасти, тогда стезя теряется между плотных камней. Чем выше, тем неудобнее ход от покатоостей и мелких камней, бегущих из-под ног. Нечаянно мы поворотили налево к пропасти, и нечаянно взошли в пещеру, где, по преданиям, уединялся Спаситель, и за это в Иерусалиме поблагодарили Бога, что без проводника сами привелись к этим святым местам. Араб-проводник шел к нам навстречу, и напрасно помогал взбираться к верхним малым пещерам. Сделав несколько тщетных усилий, мы уже не отважились идти выше, хотя впоследствии узнали, что некоторые из иерусалимских поклонников и женщины другой тропинкой взбирались на самый верх. Пещера почернела от костров католических богомольцев: в наше время один поляк решил пробыть в ней один две недели Великого поста; и в одном плаще, с фонарем, в сопровождении известного ему араба, отправился из Иерусалима. Слух пронесся, что он пропал, но эта участь постигла его несчастного проводника. Доставляя нужное для тепла и пищи, бедный иерихонец оборвался с высоты в пропасть, и остался в ней без дыхания. Дно ее сухо и спуск в нее нетруден, потому родственники взяли его тело, нисколько не упрекали поклонника, и не потребовали удовлетворения за кровь убитого»⁵⁴.

Русская паломница (начало 1860-х гг.): «Мы шли пустыней и по пути собирали себе акриды; потом взбирались по крутым каменистым горам, потом опять пустыней, несколько раз переходили источник, который пробивался там через кусты, во многих местах. И вот, наконец, перед нами уже раскрылась святая гора! Мы удвоили шаги, но, увы, мы не удостоились быть на ней: солнце уже стало заходить, мы опоздали. Провожатый советовал вернуться домой, говоря: «Харцы нападут», и действительно, мы увидели у подошвы горы и на горе, прохаживались несколько вооруженных бедуинов: но мои спутницы были неустрашимы, тверды, и настойчиво шли вперед. Их храбрость, непоколебимая вера и сильное благоговение к святыне меня удивляли, с сокрушенным сердцем сравнивала я себя с ними, и во всем находила себя хуже их. Они стремились достигнуть хотя до половины горы, где были прежде основаны монастыри, но глубокий источник пересек нам дорогу и перекадин не было; из-за кустов показались бедуины с предлинными шестами, но увидев провожатого, остались неподвижны. С грустным сердцем посмотрели мы на святую гору, которая была уже от нас близка и принуждены были вернуться назад. Еще прискорбней нам стало, когда мы увидели другую партию наших русских, уже возвращающихся со святой горы, с полными руками разных святостей. Мы помолились издали на священную гору и возвратились к своим палаткам»⁵⁵.

Смышляев Д. Д. (1865 г.): «Спустившись по чрезвычайно крутой и небезопасной дороге в Иорданскую долину, мы взяли влево, к Сорокадневной горе. Доступ на вершину ее чрезвычайно труден и опасен. Гора вся состоит из ярко-красного песчаника, имеет форму весьма отлогого конуса, совершенно лишена растительности, вся в слоях, уступах и обрывах; изрыта множеством пещер, частью натуральных, частью обделанных для жилья, в которых спасались в древние времена подвижники»⁵⁶.

Елисеев А. В. (1884 г.): «Караван идет прямо к Сорокадневной горе — одной из крайних горных масс, замыкающих долину, поражающей издали своим диким вели-

⁵⁴ Антоний (Бочков), игумен. Русские поклонники в Иерусалиме // ЧОИДР, октябрь—декабрь 1874. Кн. 4. Ч. II. С. 71.

⁵⁵ Путешествие в Иерусалим на поклонение святым местам. (Путевые записки странницы). СПб., 1866. С. 148—149.

⁵⁶ Смышляев Д. Д. Синай и Палестина. Из путевых заметок 1865 года. М., 2008. С. 163.

чем, изрытыми в боках пещерами, в которых притаился бедный монастырь Сорокадневной горы — Джебель Карантель. У источника пророка Елисея, лежащего перед подъемом на гору, путешественники обыкновенно слезают с животных, и, испив водицы, идут пешком к подъему на гору Искушения. Как ни труден подъем на Сорокадневную гору, но до монастыря добраться может всякий, даже старый и немощный»⁵⁷.

Евгений Марков (конец 1885 г.): «Тропинка поднимающаяся к этому в воздухе висящему и вместе под землей скрытому монастырю, карабкается сначала зигзагами по сыпучей осыпи, завалившей в течение долгих столетий подножие титанического Сарандарского утеса каменным сором его собственных вершин; потом она резко поворачивает налево и с безумной смелостью забирается на чуть приметную ленточку карниза, по которой плетется целые полверсты вдоль отвесной сплошной стены Сарандаря, грозно надвинутой над ней до самых облаков, все круче и круче вверх над зябущей внизу адской пропастью, от которой не заслоняет ее ничто... Самые крепкие нервы, самые привычные люди с жутким чувством отваживаются подниматься по этой мушиной тропинке. Даже у проводников-арабов, даже у местных иноков не всегда выдерживает голова в этой прогулке по каменному канату своего рода.

Якуб нам рассказал по этому поводу разные трагические случаи; недавно тут погибли, по его словам, две богомольные русские дамы, непривычные головы которых будто бы закружились на одуряющих кручах, и они будто бы свалились в пропасть со своих ослов; погиб будто бы еще один молодой монах, только что поступивший в монастырь и еще не успевший закалить себя созерцанием горных бездн. Оставляю эти сведения всецело на ответственности Якуба, охотника до апокрифических сказаний. В сущности, дорожка по карнизу не представляет реальных опасностей, по крайней мере, теперь, когда миновало время весенних ливней, и размытая тропа хорошо исправлена и даже огорожена низенькой закраинкой из щебня. Вся опасность только в нервах, в воображении, в неопisanном ужасе глаз. Стоит только отвернуться от бездны к отвесной стен Сарандаря, предоставить умной арабской лошадке идти, как знает, своей дорожкой, — и она безопасно доставит вас вверх, в пещерный монастырь»⁵⁸.

Коптев А. (1887 г.): «Иеромонах Антоний был на этой горе во время первого своего путешествия и сообщил некоторые интересные о ней сведения. Чтобы достигнуть монастыря, устроенного на половине этой горы, поклонники должны в продолжение часа пробираться ползком по отвесному уступу и узкой тропе, аршина в полтора шириной. Достигнуть самой вершины горы может только тот, кто не боится потерять ногти на пальцах или переломать свои члены»⁵⁹.

Картавцов Е. Э. (1889 г.): «Подъем на Сорокадневную гору. Три четверти подъема мы сделали верхом, пешком же пошли с того места, где прекращается дорожка и начинается высеченная в скалах узкая лестница, расширяющаяся только на поворотах; справа от нее скала, слева пропасть, дно которой так глубоко, что даже и не видно. На полу-пути мы встретили караван ослов; на них нагружают тяжести, чтобы взвести их к часовне; умные животные идут по крутой и тесной лестнице словно по ровной дороге, только шаг их медленнее и осторожнее; мы прижимаемся к стене; весь караван проходит мимо так, что один из вьюков висит над бездной, а другой чуть не касается нас»⁶⁰.

Прот. Павел Бобров (начало 1890-х гг.): «Подъем на гору совершили мы пешком. Тропа сначала отлогая, потом крутая, высечена вдоль отвесной стены, но столь

⁵⁷ Елисеев А. В. С русскими паломниками на Святой Земле весной 1884 года. СПб., 1885. С. 242.

⁵⁸ Марков Евгений. Путешествие по Святой Земле. СПб., 1891. С. 261–262.

⁵⁹ Коптев А. Воспоминание о поездке в Константинополь, Каир и Иерусалим в 1887 году. СПб., 1888. С. 191.

⁶⁰ Картавцов Е. Э. По Египту и Палестине. СПб., 1892. С. 207.

удобна, что можно подниматься и на осле. Добрались мы наконец до обители св. горы, помолились и приняты были по обычаю очень любезно»⁶¹.

Прот. Владимир Гуляев (начало 1890-х гг.): «Я, боясь головокружения, не поднимался на гору, а остался внизу и выкупался в небольшом быстром ручье, не более аршина ширины и пол аршина глубины. Вода чистая, прохладная, приятная. Ручеек этот называется источником Елисея. Четверо же из нас восходили на гору; посреди ее в отвесе скалы устроен маленький монастырь к с церковью. Путь к монастырю — узкая тропинка (двоим рядом идти нельзя), зигзагами, частью по склону, а частью по отвесу горы»⁶².

Архимандрит Мефодий, настоятель Никандровой пустыни Порховского уезда Псковской губернии) (1892 г.): «Мы стали подниматься на «Сорокадневную гору». Подъем на эту гору довольно труден, так как среди Иудейских гор нет ни одной, которая была бы круче и богаче пропастями и мрачными обрывами»⁶³.

Петр А-истов (начало 1890-х гг.): «Вид на монастырь снизу очень красив и оригинален: это точно гнездышко, прилепившееся к боку горы и приветливо смотрящее вниз. Сначала отлогая дорога дальше превратилась в крутую, и нам пришлось подниматься почти вертикально. Местами дорогу затруднял, а в то же время отчасти и облегчал, набросанный здесь щебень. Для предупреждения падения с крутизны построены заборы из сложенных друг на друга без всякого скрепления камней. Но трудность дороги облегчало и делало, так сказать, менее ощутительной наше непреодолимое желание увидеть те места, где Господь Иисус Христос провел в глубоком посте и молитве 40 дней»⁶⁴.

Арсений, епископ Сухумский (середина 1890-х гг.): «Что же касается дороги, ведущей в обитель, то часть ее представляет скользкую, как бы полированную поверхность скалы на самом краю пропасти. Чтобы безопаснее пройти здесь, рекомендуется лучше разуть свои ноги, и, во всяком случае, не должно предпринимать этого восхождения без проводника, хорошо знакомого с местностью. Да без помощи другого человека и подняться здесь нельзя, потому что лестница разрушена, а надобно сначала войти в пещеру отшельническую, находящуюся внизу пещеры Спасителя, и оттуда, став на плечи проводника, проникают через малое круглое отверстие в святую пещеру. Помолившись в этом священном месте, стоит взглянуть на окрестности; отсюда великолепный вид на долину Иорданскую, на Мертвое море и отдаленные за Иорданом синеющие горы Моавитские»⁶⁵.

Ювачев И. П. (начало XX в.): «Крутыми спусками мы быстро съехали в равнину и повернули налево к Сорокадневной горе, или Джебель-Каранталь, как ее здесь называют. У подошвы ее мы заметили маленькое селение, а, может быть, временное бедуинское становище, из которого вышел нам навстречу мальчик. Извозчик попросил его покараулить лошадей, пока мы ходим на гору. Крутая дорожка, пробитая в каменистом грунте, вела к удивительному по устройству греческому монастырю. Он состоял из ряда пещер, высеченных в отвесных скалах, с примыкающими к ним висячими балконами, подпертыми снизу. Монахи и сам настоятель, архимандрит Авраам,

⁶¹ Бобров Павел, прот. Письма паломника о святой горе Афонской, о граде Иерусалиме и других местах Востока. М., 1894. С. 77.

⁶² Гуляев Владимир, прот. В Иерусалим и на Афон. СПб., 1892. С. 45.

⁶³ Мефодий, архим. Дневник палестинского паломника. СПб., 1893. С. 23.

⁶⁴ А-истов Петр. Путешествие в Палестину. СПб., 1894. С. 123.

⁶⁵ Арсений, епископ Сухумский. Святой град Иерусалим и другие святые места Палестины. СПб., 1896. С. 191.

любезно показывали нам все, что могло нас интересовать, и угощали шербетом и кофе. Обстановка обители не богатая»⁶⁶.

Иеромонах Серафим (1908 г.): «Оставив лошадей, мы пешком направились на величественную «Гору Испытания», где диавол с нахальством дерзнул искушать Богочеловека, и где Он сорок дней постился и молился. Обливаясь потом, мы с трудом поднялись на гору до монастыря, который устроен на горных скалах, как орлиное гнездо»⁶⁷.

Монах Маркиан (1911 г.): «Заехали на Сороковую гору, где Господь 40 дней постился. Стали подниматься на гору; на пол-горе стоит монастырь; я на самую вершину не взбирался, так как очень уж высоко, а походил по монастырю, любовался с балконов монастырских на чудный вид окрестностей: виден Иерихон и окружающие его местности»⁶⁸.

Прот. Александр Глаголев (1911 г.): «Мы, оставив лошадей у подошвы горы, решили подняться на гору Испытания. Крутая тропинка вела на гору. Мы стали взбираться на нее, чтобы посетить расположенный на склоне ее греческий монастырь. Было утро, но жара стояла невыносимая, при абсолютной тишине в воздухе. С большим трудом добрались мы до ряда вырытых в скале пещер с террасами, которые и составляют все помещения монастыря»⁶⁹.

Епископ Рязанский и Егорьевский (старообрядческий) Александр (1914 г.): «Поднявшись на полгоры по неудобной каменистой дороге, мы порядочно вспотели, и предстояло подниматься на очень крутую гору — к монастырю, прилепившемуся к отвесной скале и висящему над пропастью — как ласточкино гнездо. Проводник наш тоже напугал нас трудностью восхождения, и мы, с епископом Мелетием и Иваном Николаевичем, отказались от посещения монастыря и вершины 40-дневной горы, а вошли в монастырский сад, обнесенный каменной стеной. Наши же спутники пошли выше; не отстал от них и старик Михаил Михайлович»⁷⁰.

Быстров С. И. (до 1914 г.): «Едва заметная тропинка, зигзагами извивавшаяся между скалами, вела к монастырю. Утомившиеся восхождением к подошве горы, преосвященные путники не решились предпринять весьма трудный подъем к монастырю, а тем более на самую вершину горы; охотниками заявили себя только четверо: помещик Заварицкий, сестра Мария, жена помещика с юга России и я. Владыки и другие члены нашего каравана остались в монастырском саду, приютившемся тут же у подошвы горы, где, под сенью винограда, бананов и маслин, гостеприимный сторож сада, греческий монах, предложил им скромное угощение. Подъем в гору действительно оказался труден; трудность эта увеличивалась еще от страшной жары, которая по мере подъема казалась едва выносимой. Прошло добрых полчаса, пока мы добрались до железной калитки монастыря, просеченной прямо в каменной скале и с облегчением вошли внутрь горной обители»⁷¹.

Ступенкова Л. (1953 г.): «От подножья мы шли, как по веревочной дорожке, кружилась голова и бездна манила вниз. Здесь мы встретили бедных детей бедуинов

⁶⁶ Ювачев И. П. Паломничество в Палестину к Гробу Господню. СПб., 1904. С. 236.

⁶⁷ Серафим, иеромонах. Путевые впечатления. СПб., 1910. С. 71.

⁶⁸ Цит. по: Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 1. 2012. С. 224.

⁶⁹ Глаголев Александр, прот. По святым местам: от Киева до Иерусалима. Киев, 2005. С. 72.

⁷⁰ Кир Александра, епископа Рязанского и Егорьевского (старообрядческого), Дневник путешествия в Палестину. М., 1916. С. 67.

⁷¹ Быстров С. И. По Востоку. (Путешествие старообрядческих епископов). М., 1916. С. 167–169.

с протянутыми ручками, но осторожная мать В. запретила мне раздать им мелочь из опасения, что из-за скал появятся их десятки и может произойти несчастье на узкой каменной тропинке вьющейся кверху»⁷².

Игумен Никон (Смирнов) (1994 г.): «Увидели монастырь, который, словно ласточкино гнездо, прилепился к горе на середине ее высоты. Матушка Мария перед началом восхождения предупредила всех нас, чтобы поднимались молча, творя Иисусову молитву, ради важности и святости этого места, где Господь постился сорок дней. «Кто не умеет молиться, — говорила матушка, — то пусть хоть не разговаривает в пути». А в нашей группе были люди малоцерковные. Они спрашивают матушку: «А какая Иисусова молитва?» Матушка ее произнесла: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного“.

Солнце печет все сильнее, пот каплями выступает на лице. Суровая природа гор. Монахи-паломники перебирают четки с молитвой Иисусовой. Здесь тоже решалась судьба человечества. Дьявол хотел и второго Адама — Христа искусить и ввергнуть в грех. Трижды приступал сатана ко Христу с искушениями, но потерпел полное поражение. Вот эти камни, они смотрят на нас, на них, вероятно, когда-то дьявол показывал, соблазняя Спасителя утолить голод через чудо превращения их в хлеб»⁷³.

⁷² Ступенкова Л. Пасха в Святой Земле. Мюнхен, 1955. С. 30.

⁷³ Никон (Смирнов), игумен. От Галилеи до Фиваиды. Изд-во «Паломник», 1995. С. 47–48.

Contents

Prose and Poetry

- Yevgeny Stepanov.** Poems • 3
Mikhail Kuraev. Father and Others Plus Electrification. *Historical Evidence* • 8
Yulia Pikalova. Poems • 119
Sergey Kirillov. Mother. Fly, Baby! Speckled Hen. *Short stories* • 122
Andrey Gushchin. Poems • 136
Elena Shuvaeva-Petrosyan. I'll Die for You, Enoch! *Short story* • 139
Vera Kalmykova. Poems • 143

Publicistic Writings

- Yevgeny Berkovich.** Two-faced Wizard. *Early Novellas by Thomas Mann and Questions of Literary Anti-Semitism* • 146

Criticism and Essays

- Irina Chaykovskaya.** The Fate of Bibi. *Varvara Nikolaevna Bogdanovich-Zhitova and Ivan Sergeevich Turgenev* • 156

From the Archive

- Elena Voskoboeva.** The Schwartzs and the Voino-Yasenets: From correspondence. 1944–1948 • 205

Petersburg Bookman

- To the 200-th Anniversary of I. S. Turgenev.** *Albert Izmailov.* „This Plexus and Untwisting of Chords ...“ **Art of Reading.** *Vladislav Bachinin.* Atomic Job. **Book Island.** *Elena Zinovieva's publication* • 210

Pilgrim

- Archimandrite Augustine (Nikitin).** Palestinian Monasteries and Russia. Part 7 • 237

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью «Журнал „Нева“»
Адрес редакции: Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 18
Почтовый адрес: 191186, Санкт-Петербург, а/я 9
Телефон: (812) 314-50-52
E-mail: nevaredaction@mail.ru; nevaredaction@yandex.ru

Сайт «Невы» в «Журнальном зале»: <http://magazines.russ.ru/neva>
Ресурс в сети Интернет: <http://nevajournal.ru>

Подписку на журнал «Нева» на территории РФ осуществляет агентство «Роспечать» по каталогу ОАО «Роспечать», подписной индекс 73276.

Свежие номера журнала, а также отдельные номера за последние годы можно приобрести:

в Санкт-Петербурге — в редакции журнала «Нева» (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23); **льготную подписку** можно осуществить непосредственно в редакции журнала (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23).

За рубежом подписку на журнал осуществляет АО «Международная книга» (117049, Москва, Большая Якиманка, 39, телефакс: (495) 230-21-17, 238-46-34).

Оптовая и мелкооптовая продажа: Санкт-Петербург, ООО «Журнал „Нева“», e-mail: officeneva@mail.ru

Почтовую рассылку отдельных номеров журнала и книг издательства журнала «Нева» на территории РФ осуществляет редакция. Заказ можно оформить на сайте издательства: <http://nevajournal.ru/book.html>

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-34950 от 15 января 2009 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Учредитель: ЗАО «Журнал „Нева“»

Подписано в печать 20.04.2018. Гарнитура «Октава».
Формат 70×108 ¹/₁₆. Объем 16 печ. л. Печать офсетная.
Тираж 1500 экз. Заказ № 410
Издательство «Журнал „Нева“»

Отпечатано по технологии СтР
в Первой Академической типографии «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., 12/28